

№ 8 (79) 2010
Выпуск 12

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Белгородский государственный университет»

Издатель:

Белгородский государственный
университет.
Издательство БелГУ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77-21121
от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Зам. главного редактора

Пересыткин А.П.

проректор по научной работе
Белгородского государственного
университета, кандидат педагогических
наук

Ответственные секретари

Московкин В.М.

заместитель по инновационной
деятельности проректора по научной
работе Белгородского государственного
университета, доктор географических наук

Боруха С.Ю.

Кандидат педагогических наук, доцент
кафедры педагогики Белгородского
государственного университета

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Председатель редколлегии

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Главный редактор

Римский В.П.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Карл Барт и Пауль Тиллих: оправдание верой или сомнением?
Т.П. Лифинцева 5

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Проблема неклассической рациональности в социопроективной па-
радигме технической реальности. **Е.Е. Елькина 13**

Научный статус литературоведения: трансформации метаязыка.
Д.К. Манохин 22

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных
науках. Статья 2. Генезис и эволюция субкультур детства и юности.
М.М. Белоусова, О.В. Ковальчук, В.П. Римский 30

Неолиберальная реакция как фактор исламизации Европы.
С.В. Резник, В.Н. Мизаев 41

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Функции института образования в адаптации мигрантов.
Е.В. Гурченков 46

Актуальные вопросы методологии управления социально-экономи-
ческими проектами и программами межрегионального сотрудниче-
ства в условиях приграничного региона. **В.А. Сапрыка 51**

Этнографические специфики в геополитическом контексте.
И.С. Седов 57

Ключевые компетенции – новая парадигма подготовки студентов –
менеджеров. **В.Б. Тарабаева, М.В. Роцупкина 61**

Перспективы развития частно-государственного партнерства в сфере
здравоохранения на региональном уровне. **Б.А. Тхориков,
А.П. Семенов 68**

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Проблема предельного обоснования знаний о религии в русской
религиозной философии. **Т.Г. Человенко 73**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Проблемы применения отдельных мер защиты участников уголовного
судопроизводства. **Н.И. Долженко 81**

Проблемы применения отдельных положений статьи 49 УПК
в практике начального этапа предварительного расследования.
И.М. Комаров, Э.А. Винокуров 86

Криминалистический аспект установления процессуальных основа-
ний к возбуждению уголовных дел о преступлениях «специальных»
субъектов. **И.М. Комаров, С.М. Коцюмбас 94**

О сущности специальных знаний. **Е.А. Логвинец 98**

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

Тонков Е.Е.

доктор юридических наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

Ответственный секретарь

Борисов С.Н.

кандидат философских наук
(Белгородский государственный
университет)

Члены редколлегии

Борисов Г.А., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Витрук Н.В., доктор юридических наук, профессор (Российская академия правосудия)

Громов М.Н., доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Кожемьякин Е.А., кандидат философских наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Королева Л.Г., доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Лоусон Т.Р., доктор философии, профессор Луисвилльского университета и Университета Кентукки (США), директор международных программ Института социальной работы им. Кента Луисвилльского университета, Почетный профессор БелГУ

Мархгейм М.В., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Реутов Е.В., кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Розин М.Д., доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)

Тарабаева В.Б., доктор социологических наук, доцент, декан факультета управления и предпринимательства Белгородского государственного университета

В авторской редакции

Оригинал-макет *С.Н. Борисов,*
А.А. Махова

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 16.06.2010.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 31,85.
Тираж 1000 экз.
Заказ 174.

Подписные индексы в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462,
в объединенном каталоге
«Пресса России» – 39748

Оригинал-макет тиражирован
в издательстве Белгородского
государственного университета
Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Проблема основания привлечения в качестве обвиняемого и её законодательное решение. *О.С. Степанюк, С.Ф. Шумилин* 103

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Процессуальные сроки в законодательстве России: теоретико-правовой аспект. *Э.М. Васекина* 110

Социально-исторический аспект распространения наркомании в России. *Н.Ю. Жилина* 118

Электронный билет как форма договора воздушной перевозки пассажира. *О.С. Стребкова* 123

Коррупция как атрибутивный признак государственной власти в России. *Е.Е. Тонков* 130

Трактаты и доктрины как источники уголовного права в средневековой Англии. *С.Ю. Хатунов* 140

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Основные противоречия системы управления формированием руководящего военно-кадрового потенциала в современных условиях. *С.М. Анисеев* 148

Практика реализации кадровой технологии аттестация кадров в системе муниципальной службы (белгородский опыт). *Ю.В. Астахов* 156

Концептуальные инверсии революции в контексте проблематизации этического измерения. *О.С. Борисова* 162

К проблеме философского определения труда. *М.Ю. Волошин, И.В. Семченко, В.В. Гашиков* 170

Философская традиция в изучении феномена социальных масс. *С.Н. Грибов* 174

Социокультурный феномен детства в исторической ретроспективе. *О.В. Ковальчук* 184

С. Кьеркегор как концептуальный персонаж в философии Л. Шестова. *В.В. Лашов, Н.Б. Тетенков* 191

Многомерное время человеческого бытия в христианской культуре западноевропейского средневековья. *Ю.М. Мельник* 197

Новые методологические основания для создания философской этики. *И.О. Надточий* 203

Любовь: к вопросу о сущности явления. *Н.А. Некрасова, К.Ю. Тарновский* 210

Миграционные процессы в России: уроки, тенденции и национальная безопасность. *А.И. Паньшин* 217

Специфика инноваций в современном образовании: методологический аспект. *Г.Н. Травников* 223

Современная оценка «золотого правила нравственности» и категорический императив Канта. *Ф.А. Тригубенко* 228

Глобализация культуры в исторической перспективе. *С.С. Чистякова* 232

Концепт «целостности» в истории философии: к постановке проблемы. *С.А. Шемраев* 238

К проблеме измерения ментальных содержаний русской культуры (синергетический аспект). *С.Е. Юрков* 246

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

«ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ: АРХАИЧЕСКОЕ, ТРАДИЦИОННОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ НАЧАЛА» Материалы IV Всероссийской научной конференции

Менталитет русского этноса в системе национальной культуры. *В.П. Бабинцев* 255

Сведения об авторах 266

Информация для авторов 269

**№ 2 (73) 2010
Issue 11**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

State educational institution of higher professional education "Belgorod state university"

Publisher:

Belgorod state university
BSU Publishing house

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May, 19 2008.

EDITORIAL BOARD

Chief editor

L.Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University, doctor of sociology, professor.

Co-editor

A.P. Peresyppkin

Vice-rector for scientific research of Belgorod State University, candidate of pedagogical sciences

Executive secretary

V.M. Moskovkin

Doctor of geographical sciences, professor of world economy department Belgorod State University

S.Yu. Borukha

Candidate of pedagogical sciences, Associate professor of Pedagogics department of Belgorod State University

Chairman of editorial board

L.Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University, Doctor of sociology, professor

Chief editor

V.P. Rimskiy

Doctor of philosophy, professor (Belgorod State University)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev

Doctor of philosophy, professor (Belgorod State University)

E.E. Tonkov

Doctor of law, professor (Belgorod State University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета
Философия Социология Право**

CONTENTS

**HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES**

Karl Barth and Paul Tillich: justification by faith or by doubt?

T.P. Lifintseva 5

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Problem of the non-classical rationality in the social-projecting paradigm of technological reality. **E.E. El`kina 13**

Scientific status of literary studies: transformations of metalanguage.

D.K. Manokhin 22

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Methodology of subcultures studies in social sciences and humanities. Paper 2. Genesis and evolution of subcultures of childhood and youth.

M.M. Belousova, O.V. Kovalchuk, V.P. Rimskiy 30

Neoliberal reaction as a factor of islamization of Europe. **S.V. Reznik,**

V.N. Mizaev 41

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Functions of educational institution in adaptation of migrants.

E.V. Gurchenkov 46

Actual issues of methodology of cross-border cooperation for socio-economic projects and management programs for cross-border region.

V.A. Sapryka 51

Ethnographic specificities in a geopolitic context. **I.S. Sedov 57**

Key competencies as a new paradigm in the managerial education.

V.B. Tarabaeva, M.V. Roschupkina 61

Perspectives of the private-state partnership in public health services sphere at regional level. **B.A. Tkhorikov, A.P. Semenenko 68**

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Problem of ultimate religious knowledge substantiation in Russian religious philosophy. **T.G. Chelovenko 73**

ACTUAL PROBLEMS OF THE CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Issues of application of some protection measures for participants of criminal legal proceedings. **N.I. Dolzhenko 81**

Applying the provisions of Article 49 of the Criminal Procedure Code of Russian Federation during the first stage of preliminary investigation.

I.M. Komarov, E.A. Vinokurov 86

Procedural grounds and their criminalistic aspect to excitation of criminal cases of "special" subjects crimes. **I.M. Komarov, S.M. Kotsumbas 94**

To the essence of special knowledge. **E.A. Logvinets 98**

Responsible secretary

S.N. Borisov

Candidate of philosophy (Belgorod State University)

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor (Belgorod State University)

N.V. Vitruk, Doctor of law, Professor (Russian Academy of Law)

M.N. Gromov, Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy, Professor (Kursk State University)

E.A. Kozhemyakin, Candidate of philosophy, associate Professor (Belgorod State University)

T.R. Lawson, PhD, professor of The University of Louisville and the University of Kentucky (USA), director of international programmes of Raymond A. Kent School of Social Work of The University of Louisville, Honorary professor of the Belgorod State University

M.V. Marhgeim, Doctor of Law, Professor (Belgorod State University)

E.V. Reutov, Candidate of sociology, associate professor (Belgorod State University)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy, Professor (North-Caucasian Science Centre of High School, South Federal University)

Original editing by contributors

Original layout by S.N. Borisov, A.A. Mahova

e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; SBorisov@bsu.edu.ru

Signed to print 16.06.2010
Format 60×84/8.
Type: Georgia, Impact
Print lists 31,85.
Circulation: 1000
Order 174.

Subscription index in Rospechat' catalogue – 81462,
in Pressa Rossiya catalogue – 39748

Original layout is copied in Belgorod State University Press
Address: Pobedy, 85, Belgorod, 308015, Russian Federation

Groundings for impleading as accused and its statutory solution.

O.S. Stepanyuk, S.F. Shumilin 103

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Procedural terms in Russian legislature: theoretical and legal aspects.

E.M. Vasyokina 110

Socio-historical aspect of drug addiction in Russia. **N.Yu. Zhilina 118**

Electronic ticket as the contract form of the air transportation of the passenger. **O.S. Strebkova 123**

Corruption as an attributive feature of state power in Russia.

E.E. Tonkov 130

Treatises and doctrines as authorities of criminal law in medieval England.

S.Y. Khatunov 140

THESIS

Basic contradictions of regulation of development of the military supervisors in modern conditions. **S.M. Anikeev 148**

Practice of professional certification in municipal services (the case of Belgorod). **Y.V. Astakhov 156**

Conceptual inversions of revolution in context of problematization of ethical dimension. **O.S. Borisova 162**

To the philosophical definition of labour. **M.Y. Voloshin,**

I.V. Semchenko, V.V. Gashkov 170

Philosophical tradition of social masses studies. **S.N. Gribov 174**

Sociocultural phenomenon of childhood in historical retrospective.

O.V. Kovalchuk 184

S. Kierkegaard as a conceptual figure in L. Shestov's philosophy.

V.V. Lashov, N.B. Tetenkov 191

Multifold time of human existence in the Christian culture of the Medieval Europe. **Y.M. Melnik 197**

New methodological groundings to create philosophical ethics.

I.O. Nadtochy 203

Love: to the essence of the phenomenon **N.A. Nekrasova,**

K.Y. Tarnovsky 210

Migration in Russia: lessons, tendencies, national safety. **A.I. Panshin 217**

Specificity of innovations in modern education: methodological analysis.

G.N. Travnikov 223

Contemporary evaluation of "golden moral rule" and Kant's categorical imperative. **F.A. Trigubenko 228**

Cultural globalization in historical perspective. **S.S. Chistjakova 232**

Concept "entirety" in the history of philosophy: to the problem definition.

S.A. Shemraev 238

On the issue of mental content of the Russian culture (synergetic aspect).

S.E. Yurkov 246

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATION

«ISSUES OF RUSSIAN IDENTIFICATION: ARCHAIC, TRADITIONAL AND INNOVATIONAL SOURCES»

Papers of the IVth Russian scientific conference

Russian ethnic mentality in the national culture system. **V.P. Babintsev 255**

About authors 266

Information for authors 269

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 1/14

КАРЛ БАРТ И ПАУЛЬ ТИЛЛИХ: ОПРАВДАНИЕ ВЕРОЙ ИЛИ СОМНЕНИЕМ?

Т. П. ЛИФИНЦЕВА*Государственный
университет –
Высшая Школа
Экономики**e-mail:
tlifintseva@mail.ru*

В статье анализируется ситуация в Германии времён правления национал-социалистов с точки зрения протестантской теологии. Для протестантских теологов 1-ой половины XX столетия очень важной была проблема отношения христианской церкви к власти: имеют ли право христиане активно сопротивляться существующей власти, если она становится античеловечной, антихристианской? Позицией Карла Барта и Пауля Тиллиха было абсолютное неприятие нацистского режима, однако богословские основания этой позиции (понятия истории, веры, религии, культуры, священного и мирского) сильно различались. В статье анализируются и сравниваются их воззрения.

Ключевые слова: «теология кризиса», «неолиберальная теология», существование, кризис, богооставленность, кайрос, секулярный, профанный, сомнение, вера.

Другой выдающийся протестантский теолог и основатель «неолиберальной» теологии, оппонент Барта, Пауль Тиллих (1886-1965) так оценивал позицию Барта: «Никакой конечной реальности не может быть приписан абсолютный статус. Всё обусловленное судимо в категориях «Да» и «Нет». В истории продолжается перманентный кризис, – кризис в двояком смысле этого греческого слова: суд и разделение. Кризис перманентен. Кайрос¹ дан всегда. Но в истории нет и исключительных моментов по отношению к проявлению безусловного (кроме одного – имеющего сверхисторический характер явления Иисуса Христа). История как таковая теряет свой абсолютный смысл: с абсолютной точки зрения она становится безразличной. В доктрине «кризиса» возникает тип новый тип абсолютной философии истории – тип «индифферентности». Он безразличен к особым вершинам и глубинам исторического процесса»².

¹«Кайрос» (греч. *kaíros*) – «наилучшее время», «должное время») – термин, в христианской традиции обозначавший вхождение трансцендентного в историю: Боговоплощение (Великий кайрос), а также осуществление гармонии и справедливости в обществе (малый кайрос). Тиллиховская концепция кайроса подразумевала, с одной стороны, открытость конкретной исторической ситуации для Безусловного, а с другой – предостерегала от мессианства и эсхатологизма псевдорелигий (квазирелигий), столь ярко заявившего о себе в XX столетии в лице нацизма, большевизма и множества тоталитарных идеологий.

² Тиллих П. Теология культуры. С. 222.

При этом больше всего возражений у оппонентов Барта вызывал вопрос о воскресении Иисуса Христа – вскресении, которое произошло, несомненно, в истории, о чём прямо сказано в Никейском «Символе Веры»: «Распятом за нас при Понтии Пилате, и страдавшем, и погребённом, и воскресшем в третий день, как сказано в Писании». То есть всё происходило в истории – при таком-то прокураторе, императоре, в таком-то городе, на такой-то горе, в такой-то день. Но для Барта воскресение – это событие Откровения, и в этом смысле оно внеисторично. Это событие уникально, потому что оно не вызвано никакими силами, действующими в истории, к нему неприменимы категории исторической причинности. Барт пишет: «В Воскресении новый мир Святого Духа касается ветхого мира плоти. Но касается так, как касательная окружности – не прикасаясь, но устанавливая предел»³. Но если Воскресение – эта точка пересечения времени и вечности – не имеет, по Барту, ни пространственной, ни временной локализации, – значит, оно лежит за пределами человеческого знания.

Для теолога, помимо прочего, это означает отрицание «естественной теологии»⁴, утверждающей, с теми или иными вариациями, что человек *помимо* Священного Писания может иметь определённое знание о существовании Бога, а также знание о добре и зле. В комментарии к Посланию к Римлянам Барт подверг резкой критике «человеческую религиозность», или «естественную религию», основанную лишь на разуме и опыте человека и рассматривающую религию как часть этого опыта. Когда Эмиль Бруннер заявил о том, что у «естественного человека» должна быть точка соприкосновения с проповедуемым словом, для того чтобы оно могло действовать, Барт ответил категорическим «нет!» (он так и назвал работу, написанную в 1934 г. – «Nein!»). Пауль Тиллих написал об этом памфлете Барта: «Даже знаменитое «Нет!» Карла Барта, направленное против любой формы естественной теологии (включая и способность человека задавать вопрос о Боге), – это в конечном счёте самообман, как это показывает сам факт употребления человеческого языка при обсуждении Откровения»⁵ Барт отстаивал представление о Боге как о «совершенно ином» как о радикальном отрицании всех возможностей, которыми человек может обладать сам. «Бесконечное качественное различие» между Богом и миром подразумевает, что о Боге ничего нельзя узнать обычными методами познания: Бог, не будучи объектом в мире объектов, не может быть и объектом познания. Стало быть, непосредственно о Боге нельзя сказать вообще ничего. Спор привёл к расколу между двумя теологами, но отрицание Бартом «естественной теологии» произвело сильное впечатление на целое поколение религиозных мыслителей даже за пределами диалектической школы, что нашло отражение в Барменской Декларации 1934 г.

По Барту, всё, что принадлежит человеку, должно быть уничтожено Божественным Словом, которое «приходит свыше» в бытие человека и ставит его перед выбором. С точки зрения «диалектической теологии», божественное означает отрицание человеческого, и невозможно вообразить, что оно может быть заложено в природе человека или как-то связано с ней. Далее, Библия и история спасения рассматриваются лишь как аналогия с трансцендентным словом Бога и деяниями Бога и как свидетельство о Нём. Проповедуемое и письменное Слово – единственное посредничество между Богом и человеком – является лишь указанием (Hinweis) на собственно Божественное Откровение, то есть Слово Бога в абсолютном и трансцендентном смысле. Из «бесконечного качественного различия» следует, что Откровение Бога имеет диалектическую структуру, и ту же структуру имеет теология, человеческие высказывания об этом Откровении. Диалектика Откровения состоит в том, что оно соединяет взаимоисключающие величины: Бога и человека, время и вечность. У раннего Барта (до начала 30-х годов) диалектика не знает синтеза, но лишь статическую противоположность тезисов, единство которых «не наглядно». Следовательно, откровение в Иисусе Христе открывает Бога именно как *неизвестного* Бога, и как раз в этом заключается *кризис*, суд над человечеством.

³ Барт К. Послание к Римлянам. М.: ББИ, 2005, С. 4.

⁴ Здесь мы не имеем возможности рассмотреть хотя бы кратко обширнейшую историю «естественной теологии» или «естественного богопознания», к которой можно отнести, например, Гуго Сен-Викторского, Ансельма, Фому, Авиценну, Маймонида, Декарта, Лейбница, всех деистов XVII-XVIII вв., «либеральных теологов» XIX в., а также неотомистов Жильсона, Маритена и очень многих других мыслителей.

⁵ Тиллих П. Систематическая теология. ТТ 1-2. С. 299.

Единомышленники Карла Барта сгруппировались вокруг журнала «Между эпохами» («Zwischen den Zeiten»). В начале 20-х к этому кружку был близок и Пауль Тиллих, который, впрочем, был уже в то время достаточно крупной и самостоятельной фигурой и не мог просто следовать за харизматичным лидером, каковым был Барт. Тиллих признавал выдающееся значение и влияние Барта, в том числе на собственную теологию. Однако своё учение Тиллих считал и ответом на вызов Барта, и альтернативой его воззрениям. Статья (точнее, эссе) Тиллиха «Диалектическая теология» была опубликована в 1925 году⁶. В этой работе основное различие между мыслителями формулируется как различие между керигматической и апологетической теологией. Керигматическая теология Барта – это тип теологической мысли, делающий акцент на неизменной истине христианского благовестия («керигме») вне какой-либо связи с конкретной, определённой исторически и культурно ситуацией человека. Данному типу теологического мышления Тиллих противопоставил собственную теологию – «апологетическую», т.е. «отвечающую», связывающую заключённые в ситуации вопросы с ответами Откровения. Однако его оценка «теологии кризиса» была очень высокой. Тиллих писал: «И Лютер, и Барт предприняли основательную попытку заново открыть вечную Весть *внутри* Библии и традиции, выступив против искажённой традиции и бездумно-шаблонного использования Библии. Предпринятая Лютером критика римско-католической системы посредников и степеней (критика во имя решающих библейских категорий осуждения и благодати), его новое открытие Павловой Вести и одновременно его мужественная оценка духовной ценности библейских книг – всё это, вместе взятое, и было подлинной керигматической теологией. Предпринятая Бартом критика того неопротестантского буржуазного синтеза, к которому пришла либеральная теология, его возвращение к христианскому парадоксализму и одновременно свобода его духовной экзегезы «Послания к Римлянам», его приятие радикального исторического критицизма – всё это было подлинной керигматической теологией. В обоих случаях акцентировалась именно вечная истина в противовес человеческой ситуации с её требованиями. В обоих случаях это акцентирование обладало профетической, потрясающей, преобразующей силой. Если бы не было такого рода керигматической реакции, то теология потеряла бы себя в относительностях «ситуации» – как это, например, имело место в религиозном национализме так называемых «немецких христиан»⁷.

Собственные идеи Тиллиха, опиравшегося на наследие философии религии, на традицию христианского мистицизма и использовавшего язык классической немецкой философии, марксизма и психоанализа, его академизм – были чужды значительной части бартианской аудитории. Барт называл «философскую автономию» Тиллиха «борьбой против Великого Инквизитора», а Тиллих за радикализм и нередко излишний пафос иронически обвинял Барта в манихействе. Принцип бартианской ортодоксии “*sola fide*” (только верой) Тиллих заменил принципом “*sola dubio*” (только сомнением).

Тиллих с самого начала полагал, что Бог открывается не только в Слове, но и во всех гранях человеческого существования и что необходимо преодолеть роковой разрыв между теологией и культурой. Тем самым Тиллих прокладывал путь к “антропологическому повороту” в протестантской теологии XX века. Перед Тиллихом вырисовывалась двойственная задача: с одной стороны, учесть истину и опыт либеральной теологии, а с другой – истину неоортодоксии. Истину культурного и истину религиозного. Он писал: “В качестве приват-доцента теологии в Берлинском университете я читал курсы лекций, которые включали в себя отношение религии к политике, искусству, философии, глубокой психологии и социологии. Я представлял именно “теологию культуры” в своих лекциях по философии религии, ее истории и структуре”.⁸ На протяжении всей последующей жизни Тиллих стремился соединить христианство и гуманизм в совершенной гармонии, создать теорию “теономной культуры”. Он искал возможность синтеза там, где Барт обнаруживал «диапаз», разрыв. Философско-теологическая система Тиллиха стремилась сделать все области культуры предметом христианской теологии. Тиллих долгое время

⁶ См. Тиллих П. Диалектическая теология. (Пер. с нем.) // Путь. Орган русской религиозной мысли. 1925, № 1. Париж, 1925.

⁷ Тиллих П. Систематическая теология. ТТ 1-2. М. – СПб.: Университетская книга. С. 13.

⁸Тиллих П. Кто я такой? С. 167.

находился в «пограничной ситуации» между неолиберализмом и неоортодоксией, но развитие его мысли показывает: его апологетическая теология «примиряет» либерализм и неоортодоксию. Тиллих настаивал на оправдании грешника в его грехе и распространил этот тезис на оправдание «сомневающегося в его сомнениях», вопреки мнению Барта и других неоортодоксов. Тот, кто сомневается, полагал Тиллих, но *предельно озабочен*⁹ объектом своего сомнения, — он также оправдан перед Богом.

«Диалектическая теология» (вопреки распространённому мнению) не была специфически немецким «почвенническим» явлением: те же взгляды разделяли, например, американские протестантские теологи братья Райнхольд и Ричард Нибуры (они были этническими немцами, но ведь вся Америка — нация иммигрантов). По вопросу отношения к культуре и истории между «диалектиками» в середине 20-х годов начались разногласия, которые до поры до времени имели частный характер. В начале 30-х годов произошёл разрыв между Бартом и Бруннером, Бультман стал заниматься историко-критическим анализом Нового Завета (что противоречило идеям «диалектиков»), Хирш стал пламенным приверженцем пронацистского движения «немецких христиан», о котором речь пойдёт ниже, а Гогартен и Бультман этому движению «сочувствовали». Тиллих занимался теологией культуры и истории. После этого стало невозможно говорить о «диалектической теологии» как едином направлении, так что «официальная» история «диалектической теологии», увы, весьма коротка.

Обратимся непосредственно к тем историческим событиям, на фоне которых происходила духовная эволюция протестантских мыслителей. Протестантская церковь в Германии с 20-х годов XX столетия была оформлена в Немецкий Евангелический Союз, состоявший из земельных церквей и имевший руководящий орган — Церковный комитет. Но к моменту прихода Гитлера к власти в 1933 г. Немецкий Евангелический Союз уже пребывал в плачевном состоянии: к этому моменту в его рядах возникло религиозное движение «Немецкие христиане», возглавляемое А. Хоссенфельдером. Это движение в своих программных директивах пыталось поставить под сомнение основные принципы христианства, настаивая на отбрасывании Ветхого Завета с его якобы «семитскими выдумками», отбрасывании всего «семитского» в христианстве, на арийском происхождении Христа, на необходимости создания немецкой национальной христианской церкви. То есть «Немецкие христиане» пытались соединить христианство и национал-социализм, что само по себе было кощунством.

В своей теологии «немецкие христиане» не были оригинальными — они воспроизводили учение идеолога национал-социализма А. Розенберга, провозглашённое им в знаменитом труде «Миф XX века» и основанное на идее расы и крови. Розенберг же, в свою очередь, многое заимствовал из идей Ж. Гобино и Р. Чемберлена, а также истолковал выгодным для себя образом учение Ницше. «Немецкие христиане», как и нацисты, делали ставку на физическую силу, языческую энергию и жизнерадостность, так называемую «простоту» и т.д., освобождая человека от сострадания, заботы о ближнем, чувства вины и ответственности. При этом ссылались на Лютера, утверждая, что именно они, нацисты, продолжают его реформы. Лютеранская теология, в особенности её догмат о двух Царствах (Земном и Небесном), с их относительной самостоятельностью, сыграла двойственную роль в событиях 20-х и 30-х годов в Германии. Не случайно именно на базе лютеранства, подчёркивавшего самостоятельность земного царства, т.е. государства, возникли пронацистские течения в протестантской церкви. «Немецкие христиане» отвергли лютеровский принцип приоритета Божественного над земным (не исключавший их относительной самостоятельности) и утверждали свои принципы — богоизбранность народа и вождя, национального государства. Фактически до конца нацистского правления «Немецкие христиане» заседали в руководящих органах протестантской церкви.

Весь ужас происшедшего состоял как раз в том, что внутри самой христианской церкви возникло такого рода антихристианское движение. Конечно, налицо был глубокий кризис протестантской церкви, да и всей христианской культуры. Политические круги пытались приспособить христианство в своих антихристианских целях — и во многих случаях им это удавалось. Кризис обнажил и проблему соответствия христианского наро-

⁹ Тиллих, по аналогии с «заботой» Хайдеггера, называл религию «предельной заботой».

да, его жизни, его ментальности основным догматам христианства. Как оказалось, часто всё находилось на уровне суеверий и идолопоклонства. В этот период мыслящими христианами была поставлена проблема соответствия, идентичности самих христианских церквей истине христианского духа.

Но в самой евангелической церкви не могло не возникнуть сильное сопротивление происходившему в стране. Уже в конце 1933 г. образовалась Исповедническая церковь священников и мирян, настаивавшая на сохранении нравственных принципов христианства. С самого начала яркими фигурами в Исповеднической церкви были неоортодоксы – Карл Барт и его оставшиеся единомышленники. Именно Барт с помощниками написали текст знаменитой Барменской теологической декларации 1934 г., провозгласившей незыблемость христианской веры, её духовных основ, выдвигавшей в качестве идеала не фигуру фюрера, а личность Христа, настаивавшей на невмешательстве государства в дела церкви. В декларации говорилось о подчинённости государства воле Божьей и божественному порядку, о том, что само государство является Божьим творением, над ним есть Царство Божье, божественные заповеди и божественная справедливость, которые призывают к ответственности правящих и управляемых. Барменская теологическая декларация была направлена против диктата государства и вождей в церковных и мирских делах, против всех попыток оправдать национал-социалистическую теологию идеологически, используя в этих целях, в частности, лютеранское учение, – шла ожесточённая борьба за Лютера между «Немецкими христианами» и их оппонентами. Барменская теологическая декларация стала теологическим базисом Исповеднической церкви, провозгласила неприятие нацистского мировоззрения, принципа расы. В противовес «реформаторству» нацистов Исповедническая церковь подчёркивала необходимость соблюдения вечных догматов церкви, главенство, непререкаемость и истинность веры с её тысячелетними нравственными заповедями и цивилизационными традициями, категорически высказываясь против практического осуществления арийского параграфа¹⁰.

Однако не все противники нацистского режима соглашались с позицией Барта. Например, для Тиллиха и братьев Нибуров в Барменской декларации неприемлемым казалось то, что мир обезбожен и профанен, а в качестве такого в абсолютном смысле не должен интересовать христианина. Тиллих тоже отказывался принять какой-либо социальный и политический строй в качестве «божественного», однако он считал, что бартовская позиция отказа от участия в политике деструктивна. Однако здесь Тиллих совершенно не прав: Барт и его единомышленники несли на себе все тяготы «пассивной» борьбы с нацизмом, а их радикальный отказ от участия в жизни нацистского Райха означал фактически активную борьбу с ним. Тем более что Барт (в отличие от Тиллиха) отказался от эмиграции в США, сознательно подвергнув себя опасности.

В 1933 г. Барт написал небольшую книгу «Теологическое существование сегодня», а чуть позже основал серию с тем же названием. Он поднимал вопросы, касающиеся взаимоотношений между церковью и государством, церковью и народом. Он отчётливо поставил вопрос о допустимости сопротивления государству: может ли церковь сказать государству «нет»? Барт одним из первых в евангелической церкви заговорил о нарушении прав и свобод в фашистской Германии – об устранении партий, изъятии имущества, дискриминации по этническому признаку и т.д. Одним из первых Барт поставил вопрос об ответственности церкви: «не является ли она со-виновной, потому что молчала?»

До 1935 г. Барт, похоже, испытывал иллюзии по поводу возможности улучшения существующего в Германии режима мирными средствами. Но в 1935 г. над его семьёй нависла угроза расправы – за отказ приветствовать фюрера на университетском празднике. По счастью, в последний момент всё закончилось высылкой в Швейцарию. В Швейцарии

¹⁰ Арийский параграф (Arienparagraf) – пункт, определявший расовую принадлежность и запрещавший евреям заниматься какой-либо творческой деятельностью. Официально он вступил в силу 30 июня 1933 года. Этот пункт вынудил многих евреев покинуть Германию. «Арийский параграф» являлся важным моментом в отношениях между национал-социалистами и протестантской церковью. Согласно этому параграфу, любой протестант, не сумевший подтвердить своё арийское происхождение до второго или третьего колена, подлежал отлучению от церкви. Таких людей в Третьем рейхе называли «еврей-христиане». Барт в своих проповедях заявлял, что протестантская церковь, отлучающая евреев-христиан или относящаяся к ним как к христианам второго сорта, перестаёт быть христианской церковью.

он провёл все оставшиеся годы, оттуда вплоть до 1945 г. налаживал контакты с немецкой церковной оппозицией, прежде всего с пастором и теологом Д. Бонхёффером, в письмах к которому горячо поддерживал реальное сопротивление режиму. Вообще проблема сопротивления для немцев в те годы – это сложнейшая проблема, связанная с патриотизмом, с отношением к своей стране, своей родине. Через этот порог мало кто из теологов перешагнул – кроме Барта и Бонхёффера, а также их близких друзей, говоривших о необходимости желать поражения своей стране ради сохранения христианской цивилизации. Барт через теологию, через заповедь любви к ближнему поставил вопрос о возможности сопротивления фашистскому режиму. Проблема чрезвычайно сложная, так как она ставила под сомнение один из постулатов христианства – необходимость почитания любовью государственной власти как дарованной Богом. Но власть оказалась антихристианской, к тому же государство было фактически подменено партийным управлением и идеологией

После окончания войны Барт занял активную позицию за позитивное отношение к Германии, против духа ненависти и мести. Мюнстерский университет вернул ему титул почётного доктора теологии, отобранный в 1939 г. На протяжении послевоенных лет Барт добивался большей открытости к коммунистической идеологии со стороны церкви, надеясь таким образом дать возможность людям, живущим в странах социалистического лагеря, не быть совершенно оторванными от христианства.

Следует сказать несколько слов о духовной эволюции Барта. Барт со времени написания «Послания к Римлянам» до «Церковной догматики» (1946) проделал большой творческий путь. Однако вряд ли он пережил «обращение» (как считает католический теолог Ганс Урс фон Бальтазар) – от «диалектической теологии» к «аналогическому богословию» благодаря увлечению Ансельмовым онтологическим доказательством бытия Божьего. Метод «позднего» Барта состоял в противопоставлении различных точек зрения и высказываний для того, чтобы они взаимно объясняли описываемый предмет. Барт считал, что содержание Откровения можно объяснить и выразить не в прямых высказываниях (это было бы «догматическим методом»), но лишь через постоянное столкновение противоположных высказываний, что ведёт к балансированию между утвердительными и отрицательными положениями; вопрос превращается в ответ, а ответ – в вопрос. Но поздний Барт обращает большее внимание на позитивный, чем на негативный аспект диалектики. «Остаётся лишь соотнести положительное и отрицательное друг с другом. Прояснить «да» через «нет», а «нет» через «да», не задерживаясь более чем на миг на определённом «да» и «нет»; Таким образом, например, говорить о славе Божьей в творении только для того, чтобы немедленно подчеркнуть, что Бог скрыт от наших глаз в природе, говорить о смерти и преходящем качестве жизни лишь для того, чтобы помнить о величии совершенно иной жизни, которая встречает нас в самой смерти»¹¹.

Мысль о проповеди, или керигме, как отправной точке теологии, была для Барта фундаментальной и была перенята у него современными богословами, многие из которых были далеки от диалектической школы. Сам Барт изначально был приходским пастором, и когда он выступал как теолог, то считал, что теология должна находиться на службе проповеди. Точнее говоря, её задача состоит в том, чтобы критически оценивать и направлять проповедь. Проповедь же, по мнению Барта, занимает центральное место не только как предпосылка теологии, но также как точка, в которой Слово Божье встречается со слушающей общиной в настоящем времени и в которой, таким образом, происходит встреча человека с Богом, побуждающая принять решение и уверовать. Слово Бога, с точки зрения Барта, существует не только в проповедуемой Вести. Сама проповедь также указывает на письменное Слово, то есть Библию, которая для проповеди является «нормой» и критерием. Но Писание, по Барту, в прямом смысле не является Словом Бога, а в свою очередь указывает на «явленное» Слово, то есть на скрытое явление Бога во Христе. «Свидетельствовать» в данном случае, как пишет Барт в «Христианской догматике», означает «указывать в определённом направлении за пределы самого себя на нечто иное». Божественное нельзя ни в каком отношении сравнивать с чем-либо временным или человеческим; поэтому последнее может лишь «указывать» на первое. Пропасть между Бо-

¹¹ Барт К. Введение в евангелическую теологию. Москва: ББИ, 2006. С. 156.

гом и человеком была преодолена лишь однажды, а именно в Боговоплощении, которое означает, что вечное Слово Бога избрало и приняло человеческую сущность в Иисусе Христе. Это явилось выражением суверенной свободы Бога и произошло исключительно как акт божественной свободы.

Христология, разработанная Бартом на основании этих предпосылок, занимает центральное место в его догматике. Поскольку между божественным и человеческим невозможен никакой иной контакт, кроме осуществившегося в Воплощении, все вопросы догматики сводятся к христологии. Отношения между Богом и человеком (основная тема теологии) совершеннейшим образом представлены во Христе. В нём отражается действие Бога по отношению к человеку, а также послушание человека и его возвышение до богоподобия. Сотворение мира не имеет никакого иного значения, кроме предвосхищения действия Бога, осуществившегося во Христе. Учение о церкви и этика также разрабатываются в соответствии с христологической схемой: Барт считал, что они объясняют отношения между Богом и человеком, пример которых предстаёт в личности и деяниях Иисуса Христа.

Особенностью теологии Барта является акцентирование связи между учением о предопределении и христологией. Он, как представитель реформатской традиции, придерживался учения о двойном предопределении. Однако понятие «предопределение» для него не означает, что некоторые люди неизбежно избраны к спасению, а другие – к гибели. Оно относится к Христу, который одновременно представляет и избрание, и отвержение человека Богом. Участь Христа, по Барту, отражает вечный процесс внутри Троицы, в котором Бог избирает Сына, а в нём – человека, отвергая Сына и подвергая Его смерти для того, чтобы возвысить Его в вечную славу через воскресение. Таким образом, предопределение есть решение Бога в вечности, означающее, что человек (все люди) принимаются для спасения, поскольку сам Бог в образе Сына берёт осуждение на себя. Отсюда следует, что новозаветное повествование об Иисусе из Назарета в истолковании Барта само по себе не является Вестью о спасении, но лишь указанием или образом того, что происходит в сфере вечности как процесс внутри Божества. Спасение имеет всеобщий характер и воспринимается как трансцендентное событие, о котором письменное слово может лишь представить свидетельство. Смерть и воскресение Христа рассматриваются как аналогия вечного процесса, в котором Бог отвергает и избирает Сына. При таком толковании земная жизнь Христа вообще имеет второстепенное значение. Смерть является лишь образом отвержения, так же как воскресение знаменует вечное избрание. В то же время происходящее с Христом представляет собой парадигму для всего человечества. Через знание о вечном спасении человек становится сопричастным ему. Это знание он обретает через то, что говорится о Христе, то есть через проповедуемое слово.

Таким образом, христология Барта в итоге приводит к философскому учению о всеобщем спасении. Вследствие этого спасение рассматривается прежде всего в аспекте знания: смерть и воскресение Христа знакомят человека с вечным спасением, которое состоит в том, что Отец отвергает и возвышает Сына. Тот, кто осознаёт это, примиряется с Богом. Библейская история спасения – лишь образ вечной «истории спасения», через первую человек узнаёт о последней. По мнению Барта, в этом и состоит примирение. Прощение грехов, оправдание являются аналогиями и представляют здесь во времени вечное спасение, которое одно есть основание и подлинный предмет веры.

«Теология кризиса» Карла Барта вдохновляла и вдохновляет многих теологов – причём не только протестантских, но и католических. Католические теологи Ганс Урс фон Бальтазар, Анри Буайар, экуменист Ганс Кюнг, протестанты Хайнц Царнт, Георг Штайнер, Джон Уэбстер, Брюс Мак-Кормак, Джордж Хансингер, Алан Торрэнс и многие другие посвятили Барту объёмные труды – причём не только как историки теологии, но часто как его продолжатели. В России начала XXI века труды Барта активно переводятся и издаются, они не оставляют равнодушными читателей и исследователей. В современном переменчивом культурном климате богословы ищут новых путей – и находят у Карла Барта указание пути, ведущего к изучению и раскрытию вечных богословских проблем, которые звучат по-новому для каждой эпохи.

Список литературы

1. Барт К. Послание к Римлянам. Москва: ББИ, 2005.
2. Барт К. Очерки догматики. М.: Алетейя, 2000.
3. Барт К. Введение в евангелическую теологию. Москва: ББИ, 2006.
4. Громадка Й.Л. Перелом в протестантской теологии. М.: Прогресс. Культура. 1993.
5. Отто Р. Священное. СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 2008.
6. Тиллих П. Систематическая теология. ТТ 1-3. М.-СПб.: Университетская книга, 2000.
7. Тиллих П. Диалектическая теология. (Пер. с нем.)// Путь. Орган русской религиозной мысли. 1925, № 1. Париж, 1925.
8. Тиллих П. Теология культуры. М.: Юристъ, 1995.
9. Тиллих П. Кто я такой? (Автобиографическое эссе)// Вопросы философии, 2002, № 3.

KARL BARTH AND PAUL TILlich: JUSTIFICATION BY FAITH OR BY DOUBT?

T. P. LIFINTSEVA

*State University –
High School for Economics*

*e-mail:
tlifintseva@mail.ru*

The article analyzes the German situation of the period of national socialists regime from the point of Protestant theology. For Protestant theologians of the 1-st half of the XX-th of century the problem of the relation of Christian Church to the power was very important: whether Christians have the right to resist actively to the existing power if it becomes antihuman, antichristian? Karl Barth's and Paul Tillich's position was the absolute aversion to the nazi mode, however the theological basis of this position (concepts of history, faith, religion, culture, sacred and profane) strongly differed. In the article their views are analyzed and compared.

Key words: “the theology of crisis”, “neo-liberal theology”, existence, crisis, God-abandonness, kairos, secular, profane, doubt, faith.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 159.9:6

ПРОБЛЕМА НЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОЦИОПРОЕКТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Е. Е. ЕЛЬКИНА*Санкт-Петербургский
государственный электро-
технический университет
имени В.И.Ульянова-Ленина*

Представлен анализ актуальной философской проблемы исследования принципов неклассической рациональности, характеризующих проективную методологию технауки и концептуальные положения социопроективной парадигмы развития современной технической реальности. Рассматриваются вопросы генезиса проективной методологии в истории развития западно-европейской науки и техники; характера взаимосвязи естественных и технических наук; тенденции синтеза принципов научной и технической рациональности, представляющие опасность глобальной технизации жизни планетарного человечества.

Ключевые слова: неклассическая рациональность, техническая реальность, социопроективная парадигма, технаука, междисциплинарность, комплексные исследования, эволюционирующие деятельностные системы, инновационные технологии, процедурная рациональность.

Для каждой исторической эпохи научно-технического развития человечества характер научной и технической рациональности имеет свои особенности, отражая в целом общие смысловые детерминанты общественного развития, изменение процедур мышления и специфику взаимоотношений философского разума, науки и техники. Со второй половины XX столетия техногенная цивилизация находится в состоянии системного кризиса (техногенного, экологического, антропологического). Ряд исследователей усматривают источник кризиса в инструментальном характере принципов западно-европейской рациональности, реализация которых привела к отрыву научной деятельности от ее духовной историко-культурной основы, задающей цель и смысл человеческого развития¹.

В данной работе исследование проблемы оснований неклассической рациональности, ее влияния на формирование современной технической реальности включает рас-

¹ См.: Гайденок П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003; Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. Изд-во Университета Российской Академии образования. М., 2002. С.7-139; Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Изд-во «Логос», 2004. С. 7 – 102.

смотрение вопросов: а) анализа исторических типов научной и технической рациональности, характера их взаимосвязи; б) рассмотрения понятия современной технической реальности в социопроективной парадигме; в) анализа принципов проективной методологии как проявления неклассической рациональности в социопроективной парадигме технической реальности.

Понятие «рациональность» происходит от латинского «ratio» (разум, рассудок). Под рациональностью в широком смысле понимается соответствие деятельности разумным правилам, применение которых является условием достижения цели. Научная рациональность определяется как осуществление процесса познания в соответствии с логическими и методологическими нормами. Различие классических моделей научной и технической рациональности определялось с точки зрения сравнимости критериев научного и технического познания, а также функций, выполняемых ими в культуре. Назначение научной рациональности состоит в построении теоретического образа науки и достижения истины в научном познании, назначение технической рациональности заключается в достижении эффективных запланированных результатов при использовании схемы: цель – средство – результат.

Анализ оснований классической научной рациональности в связи с ее инструментальным характером требует выяснения вопроса о сущности техники, а также рассмотрения проблемы «естественного» – «искусственного». Отдельные феномены техники, такие как инструмент, машина, метод, техническая система и т.п. не проясняют ее сущности. Вопрос о сущности техники требует исторического рассмотрения. Для Античности характерно четкое разделение между «естественным» и «искусственным», между наукой как знанием о природе («episteme») и механикой как искусством создания артефактов («techné»). Для Аристотеля «естественное» – это «существующее по природе», то, что «имеет в самом себе начало движения и покоя»². В отличие от «естественного» «искусственное», обозначаемое древнегреческим «techné», понималось как ухищрение, мастерство, умение, ремесло, т.е. как искусство в широком смысле слова.

Предпосылки современной техники обнаруживаются в попытке средневековых схоластов переосмыслить аристотелевское учение о четырех причинах, в усмотрении ими действующих причин там, где античная физика указывала на целевые причины³. Это подготовило почву для становления механики как фундаментальной науки о природе и формирования модели мироздания как машины, что послужило предпосылкой становления технической реальности.

Принципы механистической рациональности были заложены основателями новоевропейской науки: Г. Галилеем, И. Ньютоном, Р. Декартом и другими учеными. Смысл европейской научности как математического естествознания в качестве своих оснований базируется на механистическом (по сути техническом) истолковании природы, на обосновании универсального познания, покоящегося на математических принципах как основании конструктивной (технической) деятельности субъекта по отношению к существу. Использование эксперимента как средства познания природы сгладило принципиальное различие между «естественным» и «искусственным». Р. Декарт рассматривал их как тождественные. В целом основатели новоевропейской науки не видели большого различия между часовым механизмом и «механизмом» природы, заведенным творцом. Подобная установка способствовала установлению экспериментального конструирования реальности и замещению физики механикой. Эксперимент по своей сути представлял разновидность научно-инженерного мышления. У Галилея, заложившего новый стиль научного мышления, экспериментальный объект представлял инженерную реализацию предварительно построенного в теории идеального объекта. Благодаря интеграции техники и математики в естествознании достигаются точность и расчет, формирующие новый идеал классической научной рациональности. В соответствии с этим идеалом объективный мир рассматривал-

² Аристотель. Физика. Книга 2. Глава 1. / Аристотель. Сочинения. В 4-х тт. Т.3. М.: Изд-во «Мысль», 1981. С.82.

³ Гайденко П.П. О техническом в науке и научном в технике. (К возникновению новоевропейского типа рациональности) / Ежегодник российско-германского колледжа. 1999-2000 / Под ред. В.Г. Горхова. М., 2000. С. 218.

ся в терминах деятельного постижения субъектом присущих миру законов, на рациональных основаниях устанавливающего непрерывную наглядную связь между целью, средствами и результатом. Однако интерпретация цели научного исследования в отрыве от «целевой причины» как сути бытия выразилась в утверждении критериев инструментальной рациональности естествознания. Т.о., инструментальный характер классической рациональности как генезис методологии конструктивизма закладывался в новоевропейском естествознании, принципы которого исходили из: 1) механистической интерпретации природы (технизация объектов), 2) технизации методов (использовании процедуры измерений), 3) технизации целей (прагматические установки научного познания)⁴.

Промышленная революция конца XVIII – XIX веков в результате изобретения паровой машины, передаточного устройства и рабочей машины создала предпосылки развития промышленности как основы для превращения науки в производительную силу общества, способствовала росту, дифференциации и последующей интеграции технических наук.

Результатом научно-технологической революции второй половины XX века стало объединение науки, техники и производства, суть завоеваний этой интеграции выразилась в технологическом управлении научно-технической и социально-экономической деятельностью, в формировании общих критериев технологической рациональности. Усиление процессов глобализации научно-технической и экономической деятельности во 2-й половине XX века привело к техносферизации планеты. Математизация и информатизация естествознания и технических наук в последней трети XX века привели к формированию единой технонауки и становлению неклассической парадигмы рациональности. Осмысление результатов научно-технического развития в эпоху глобальных кризисов, приводящего к иррациональным последствиям, выразилось в критике идеала и моделей классической рациональности. Для неклассических моделей научной рациональности характерны: ненаглядность основных представлений, входящих в ее аппарат; отказ от образа мира с установленными законами; переосмысление проблемы субъекта и проблемы реальности, принципов и процедур деятельности, установка на холистическое мировоззрение. Применительно к техническим наукам, инженерной деятельности и исследованию современной технической реальности принципы неклассической рациональности имеют свои особенности.

Комплексное исследование проблем технической реальности осуществляется в начале 60-х годов XX века в рамках «инженерной» философии техники⁵. Изменения в развитии технической реальности наметились в 80-е годы XX века в связи с развитием информатизации и в настоящее время обретают новые черты. Анализ современного развития технической реальности осуществляется в рамках парадигм: философских, социально-гуманитарных, естественнонаучных, техноведческой и других⁶.

Современная техническая реальность представляет собой социотехническую систему научно-технической и производственной деятельности с многообразием обратных связей с природной и космической средой, а также со сферой культуры. Ее основу составляют технологии управления производством и научно-технической деятельностью, которые носят системный характер. Ряд технологических преобразований в производстве был связан с переходом от автоматизации к информатизации управления производственными процессами. Системный характер производственно-технологической деятельности сопровождался процессами глобализации мировой экономики, что привело к целому ряду кризисов и противостояний: экономических, политических, военных – в итоге к интенсификации технологического развития.

⁴ Шиповалова Л.В. Научная и техническая рациональность: проблема дополнительности / Научная и техническая рациональность: возможности диалога. Сборник статей. СПб. Санкт-Петербургское философское общество, 2009. С. 31.

⁵ См.: Философия техники в ФРГ: Пер. с нем. и англ. / Составл. и предисл. И.Г.Арзаканяна и В.Г.Горохова. М.: Прогресс, 1989.

⁶ См.: Елькина Е.Е. Парадигмы технической реальности: философский анализ. СПб.: Изд-во «Элмор», 2007.

Структура современной технической реальности включает в себя: следующие элементы: техносферу (материальную искусственную подсистему объективной реальности в виде устройств, технологических процессов, материалов); совокупность артефактов (продукты технической деятельности, предметы потребления); непроектируемые антропогенные объекты; идеальную знаковую систему в виде технотехнологии; техническую картину мира; техническую культуру; технодеятельность, представляющую взаимодействие деятельности систем, осуществляющих изучение, разработку, создание, эксплуатацию, утилизацию и оценку техники и технологий⁷.

Многообразные виды инженерной деятельности: конструирование, проектирование, эксплуатация и экспертная оценка функционирования технических систем и др. характеризуют двусторонний процесс дифференциации (отраслевое разделение труда) и интеграции (для решения крупных социальных и экологических проектов). Динамику коммуникаций в научной, инженерной, технической и производственной деятельности обеспечивают каналы коммуникаций, расширение которых вызвано инновационной деятельностью.

Отличительными чертами современных исследований технической реальности в рамках социопроективной парадигмы являются: 1) возросший структурный и функциональный уровень сложности социотехнических систем; 2) появление новых характеристик в анализе социотехнических систем (ориентация на холистическое мировоззрение, принцип эволюционизма, многомерность технической реальности и многомерность субъекта деятельности, проявление новых типов детерминизма и т.п.); включение естественнонаучной и социогуманитарной терминологии как проявление междисциплинарного характера современных исследований технической реальности; 3) акцентирование внимания на взаимосвязи идеального и материального как проявлении субъектно-объектной структуры деятельности и как попытка найти оптимальные характеристики взаимосвязи социотехнических систем с системами более высокого уровня (обладающими более высоким типом целостности); 4) анализ понятия технической реальности в структуре бытия (для выяснения цели, направленности, смысла технико-технологической деятельности человечества); 5) сравнительный анализ понятий «техническая реальность» и «техносфера» (соотношение указанных понятий с другими «сферами» и «реальностями» в связи с глобальным характером проблем)⁸.

Анализ современных стратегий научно-технического развития выявляет принципы проективной методологии, лежащей в основе становления неклассической научно-технической рациональности. Основу проективной методологии составляют следующие положения: 1) принцип конструктивизма (как проявление тенденции к объединению отдельных критериев научной и технической рациональности); 2) междисциплинарность и интеграция знания (слияние фундаментальных и прикладных исследований); 3) принцип деятельности (с учетом взаимосвязей горизонтальной и вертикальной структур деятельности); 4) изменение характера взаимосвязи субъекта деятельности и техносреды (деятельность человекоразмерных систем); 5) принцип развития (деятельность эволюционирующих человекоразмерных систем); 7) гуманитаризация исследований и трансдисциплинарность (формирование принципов техноэтики и социальной ответственности). Рассмотрим указанные принципы более подробно.

На формирование социотехнической парадигмы технической реальности оказало влияние преодоление механистического образа науки: «только к середине XX века стало ясно, что представление о жестком естествознании было частью картезианско-ньютоновской парадигмы, ... которая должна быть преодолена»⁹. Изменение типа рациональности способствовало ориентации на восприятие целостности мира, интеграции научно-технической и инженерной деятельности, изменению образа инженерного мышления. Во второй половине XX века произошел переход от «жестких» установок в науч-

⁷ См.: Котенко В.П.. История и философия технической реальности: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2009.

⁸ См.: Попкова Н.В. Техногенное развитие и техносферизация планеты. М.: ИФ РАН, 2004.

⁹ Цит. по: Горохов В. Г. Концепции современного естествознания и техники. Учебное пособие. М.: ИНФРА, 2000. С. 598.

ном познании и «жестких» технологий на «мягкие» технологии, ориентированные на модификацию и развитие. Осознание «проектирующей» роли научной методологии привело к изменению образа наук, осуществляющих исследование инженерной деятельности и проектирование.

Изменения коснулись и организации технических наук. Технические науки классического типа характеризуются дисциплинарной организацией знания. В социальном отношении они представляют относительно устойчивое научное сообщество, объединяющее группу ученых и ряд институтов. Новые формы знания по способу организации не соответствуют классической триаде: «фундаментальные исследования – прикладные исследования – коммерциализация». Их основными чертами являются: применение наукоемких технологий в производственной сфере; стратегическая и прагматическая направленность, определяющая приоритеты технических инноваций. Этот тип исследования, поддержанный государством, занимает пограничное положение между наукой и политикой и характеризуется как «проблемно ориентированное исследование»¹⁰.

Сращение науки с производством изменяет статус науки, получивший название «большой науки», изменяются способы организации научных исследований и критерии классификации знания. Новые научно-технические дисциплины являются проблемно ориентированными на решение определенного типа комплексных научно-технических задач. Формирование области исследования, отмечает В.Г. Горохов, осуществляется не по объекту исследования, а в зависимости от различных классов сложных научно-технических задач (системотехника, информатика, технический дизайн, эргономика и т. п.). Методология комплексных неклассических научно-технических исследований технической реальности интегрирует принципы естественнонаучного, технического и социогуманитарного знания. Сами комплексные исследования тесно связаны с постановкой социальных проблем и призваны внести вклад в разработку стратегии принятия решений. Акцентирование социальных задач и практическая направленность определяет трансдисциплинарный характер исследований технической реальности в социопроективной парадигме¹¹.

Понятие социотехнического проектирования разрабатывается с учетом эволюции деятельностных систем, включенных в глобальную структуру техносферы, сравнимой с планетарным пространством современного человечества. Деятельность этих человекообразных технических систем детерминирована информационными технологиями, применяемыми на всех стадиях научно-теоретической и инженерно-практической деятельности. Структура деятельности включает в себя идеальный и материальный планы конструирования и проектирования с учетом их включенности в природную среду и социокультурный контекст. Согласно Горохову, специфика социотехнического проектирования состоит: в гуманитаризации проектной деятельности (проектирование становится источником формирования проектной тематики, вступает в сферу культурно-исторической деятельности); проектирование ориентировано на решение конкретных задач (экземплярно), на реализацию идеалов, формирующихся в теоретической или методологической сферах, или в культуре в целом; используется комплексный подход к прогнозированию и оценке вводимых технологий¹².

«В настоящее время, – отмечает Б.И. Иванов, – проектирование уже не может опираться только на технические науки, а выходит в сферу социально-технических и социально-экономических работ. Расширяется сфера системного проектирования, включая в себя все виды социальной практики (обслуживание, потребление, обучение, управление и т.п.), а не только промышленное производство. Формируется социотехническое проектирование, задачей которого становится целенаправленное изменение социально-организационных структур, а главное внимание (в противовес системотехническому проектированию) уделяется не машинным компонентам, а человеческой деятельности, ее со-

¹⁰ Горохов В.Г. Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика. // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 84.

¹¹ Горохов В.Г. Междисциплинарные исследования... Цит. раб. С. 86.

¹² См.: Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники: Учебное пособие. М.: Гардарики, 1995. С. 255 – 356.

циальным, психологическим и другим аспектам»¹³. Изменение содержания проектной деятельности, ставшей самостоятельной сферой современной техногенной цивилизации, отмечают Х. Шпиннер, Х. Ленк, В. Г. Горохов, В.С. Степин, Б.И. Иванов, Н.М. Розов.

Методология проективной деятельности опирается на переосмысление инструментальной рациональности в терминах «процедурной рациональности», включающей деятельностный и рефлексивный аспекты. Это означает, что принимаемые решения в отношении технической деятельности учитывают потенциальную приемлемость обществом процедур по ее осуществлению¹⁴. Проектная направленность научных исследований характеризуется как важнейшая организационная форма науки. Среди основных критериев проектных разработок исследователи отмечают: включение научной деятельности в заранее определенные временные рамки; их зависимость от других общественных сфер; ограниченность финансирования заданными временными рамками; необходимость достижения определенных запланированных результатов.

Характерной чертой неклассической рациональности является переосмысление объекта проектирования. Как правило, человекообразные системы (градостроительное проектирование конкретного региона) уникальны в своем роде. Подобная система не может быть представлена в качестве определенного материального объекта, объект проектирования становится абстрактным идеальным объектом. В целом, в исследовании современных деятельностных систем разграничение на субъект и объект достаточно условно.

Возрастает роль метатеоретического уровня исследований, отмечается значение универсализма в познании и управлении как необходимого условия профессионализма, без которого невозможна эффективная организация процесса взаимодействия больших коллективов людей. Проектная деятельность включает внешнее проектирование (связанное с комплексным исследованием идеи проектируемой системы), ее функциональные характеристики, разработкой реконструкции существующих систем) и внутреннее проектирование. Социальное проектирование, выделенное из инженерной деятельности, представляет самостоятельную междисциплинарную область исследований, в которую инженерная деятельность входит в качестве составного элемента. На основе конкретизации частных схем и системных представлений вырабатываются особые модели (фиксирующие законы, образцы, прототипы объекта исследования и проектирования) и оперативные правила применения для решения конкретных научно-технических задач¹⁵.

Изменился характер технологического и методологического обеспечения исследований в связи с широким применением компьютерного моделирования и других прогностических методов. Процессы информатизации способствовали переосмыслению техники как инструментального средства. Техника рассматривается как единство интеллектуальных и социокультурных процессов (познания, исследования, инженерной и проективной деятельности), диктующее человеку иные ритмы функционирования, формирующее потребности, новые эстетические образцы.

Исследователи социопроективной парадигмы технической реальности акцентируют внимание на значении экспертного знания в повышении гуманитаризации технодеятельности. Под влиянием идей синергетики и глобального эволюционизма изменились мировоззренческие представления о задачах инженерной деятельности. В качестве новых черт научно-технического исследования отмечаются такие, как придание статуса целостности научному объекту, ориентация исследования на будущее в виде разработки сценариев развития с учетом оценки возможных последствий их осуществления. Сложный характер научно-технической деятельности не позволяет просчитать все параметры развития и последствий, в связи с этим повышается степень социальной ответственности, усиливается контроль СМИ и общественных институтов за развитием научно-технических проектов. Ориентация на целостность характеризует проблематичность исследований, (в частности, разработку технологий генной инженерии, современных форм ведения войны и т.п.). Проблематичность связана с пониманием ограниченных возмож-

¹³ Иванов Б.И. Новації и традиции в технознании. / Новації и традиции в науке / Под ред. В.П. Котенко. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2004. С. 183 – 184.

¹⁴ Горохов В. Г. Междисциплинарные исследования... Цит. раб. С. 96.

¹⁵ Горохов В. Г. Концепции современного естествознания и техники. Цит. соч. С. 453.

ностей точного прогнозирования результата и требует учета комплекса мер ответственности. Наличие экспертного знания в научно-технических исследованиях характеризует связь производства научного знания с его применением, с оценкой техники и инженерной этикой. Представители социопроективной парадигмы считают одной из важных методологических задач в решении проблемы рациональности научно-технической деятельности в процедурном отношении и в отношении ее результатов – изменение устаревшего представления о техническом прогрессе как поступательном и революционном, замену его пониманием «устойчивого развития».

Однако «процедурная рациональность», повышение социального контроля за вводимыми технологиями не способны противостоять усилению технизации всех сфер жизнедеятельности современного общества вследствие технизации знания под влиянием информатизации. Становление технонауки сопровождается формированием «технорациональности» (объединением принципов научной и технической рациональности). Подобранный синтез представляет опасность для будущего цивилизации.

На эти технократические тенденции, порожденные установками конструктивизма и проективизма, указывает Х. Шпиннер. В связи с расширением проектной деятельности, ее методологическим и гносеологическим обеспечением возникает проблема систематизации знания. Х. Шпиннер включает в организационную структуру «нового порядка знания» академический, архивно-библиотечный, конституционно-правовой, экономический, технологический, бюрократический и другие виды знания. «Академический порядок знания» связан с переработкой, созданием, теоретизацией и производством знаний. «Технологический порядок знания» включает знания, необходимые для системного проектирования. Благодаря развитию социальной информатики социотехническое проектирование вышло за пределы системы: «наука – производство», проникло в разнообразные виды социальной практики. «Экономический порядок знания» связан с управлением, распределением, коммерциализацией и потреблением знания. «Информатика и совокупность связанных с ней дисциплин, – отмечает Шпиннер, – представляет пример современной техники знания. Исходным пунктом такого преобразования в ранжированный порядок дисциплин и техник была электронная революция (называемая компьютерной революцией). Она инициировала в значительной степени не только продолжение уже начавшейся технизации посредством знания, но и обширную технизацию самих знаний»¹⁶.

Характер социопроективной деятельности находит отражение в изменении технической картины мира (ТКМ) и требует перестройки общенаучной картины мира (ОНКМ), учитывающей синтез естественной, технической, социокультурной реальностей с учетом их специфики. В литературе широко обсуждается вопрос технизации современной ОНКМ. Согласно Б.И. Козлову, ТКМ как основание научно-технической деятельности общества должна стать важным компонентом ОНКМ и включать вытекающее из историко-теоретического анализа технических наук представление о месте и роли техники и технических наук в общественной жизни. Связь между изменениями в картинах реальности и перестройкой естественнонаучной картины мира (НКМ) и ОНКМ неоднозначна. Новые картины мира выдвигаются как гипотезы, проходят обоснование и долгое время сосуществуют с прежними картинами мира. Утверждение новых картин мира происходит благодаря эвристическому потенциалу их принципов, служащих базой для новых фундаментальных теорий¹⁷.

Особенность ТКМ состоит в ее функционировании на двух уровнях: теоретическом и уровне обыденного сознания. На теоретическом уровне ТКМ создает концептуальную систему общих принципов технических наук, теорий и модельных представлений. На уровне обыденного сознания ТКМ как духовно-практическая часть мировоззрения представляет взгляд человека на мир через призму технизированной реальности. Этот образ проникает в массовое сознание. Мировоззренческий смысл ТКМ отмечают Л.И. Покатаев, И.Ф. Игнатьева и другие исследователи. Мировоззренческие аспекты ОНКМ отмечают В.С. Степин, Б.И. Иванов, Б.И. Козлов, Я.В. Яценко, П.С. Дышлевый.

¹⁶ См.: Горохов В.Г. Каков же должен быть новый «порядок знания» в Восточной Европе? / Ежегодник Российско-Германского колледжа 1999 – 2000. Цит. раб. С. 290 – 299.

¹⁷ Иванов Б.И. Технизация современной научной картины мира. / Научная и техническая рациональность. Цит. раб. С. 5 – 7.

Попытки преодоления негативных последствий научно-технического развития с помощью более совершенной техники приводит человека к забыванию своей сути, по словам М. Хайдеггера, «к забвению бытия». Технизация жизни и технизация знания оборачиваются технизацией духовной культуры, техницистским видением мира и человека. Парадокс современной ситуации состоит в том, что инновационные технологии (а не человек) провозглашаются целью общественного развития, при этом в отношении деятельности «действующая причина» замещает «целевую», призванную определять смысл общественного развития и бытия в целом. Эволюция взглядов на возможности системно-технического проектирования привела к осознанию его границ. Как указывает В.С. Степин, с системами такого рода нельзя свободно экспериментировать. В процессе их освоения особую роль начинают играть знания запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе некоторые катастрофические последствия.

Несмотря на попытки преодоления инструментального характера научно-технической рациональности представителями социопроективной парадигмы выдвигаемые ими принципы проективности, деятельности человеко-технических систем остаются по сути в русле модели «технорациональности», представляющей сращение естественно-научной и технической рациональности как системной глобальной технологии. Так понимаемая рациональность, хотя и связана с социальным контекстом, не способна преодолеть кризис западно-европейского мышления как проблему мировоззренческую, требующую включения научно-технической деятельности в историко-культурный бытийный контекст, целью которого является человек «как собранный бытия». Д. В. Ефременко, Э. Гидденс, Г. Рополь, Ф. Рапп считают в числе наиболее важных задач современного общества повышение рефлексивности самоконтроля цивилизации.

Представленный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Проективная методология как проявление неклассической рациональности обнаруживает генезис в инструментальной рациональности новоевропейского естествознания и его основных принципах: механистической интерпретации природы, технизации методов, технизации целей, реализация которых означает разрыв научной рациональности с философским разумом, отрыв научной деятельности от ее духовной основы, задающей смысл жизнедеятельности общества.

2. Неклассическая рациональность формируется во второй половине XX века под воздействием ряда факторов: изменения образа технических наук; превращения науки в производительную силу общества (в результате индустриальной революции); формирования технической реальности в масштабах планеты (в результате электронной и информационной революций, опирающихся на промышленное производство и усиление процессов глобализации); становления единой технонауки (интеграции естествознания и технических наук в 80-е годы XX века); проникновения информационных технологий в социогуманитарную сферу (что способствовало расширению влияния «технорациональности»).

3. Принципы неклассической рациональности научно-технической деятельности представляют процесс взаимосвязи принципов научной рациональности и технической рациональности на основе принципа дополнительности.

4. Среди основных принципов неклассической рациональности в социопроективной парадигме технической реальности рассматриваются: принцип конструктивизма; принцип междисциплинарных исследований (слияние фундаментальных и прикладных исследований); принцип деятельности (с учетом взаимосвязей горизонтальной и вертикальной структур); принцип развития, включающий отдельные положения синергетики (деятельность эволюционирующих человекообразных систем); принцип трансдисциплинарных исследований (гуманитаризация проектной тематики и повышение социальной ответственности).

5. Проблема неклассической рациональности в социопроективной парадигме современной технической реальности характеризует проективную методологию как проявление неклассической рациональности и отмечает двойственность ее результатов: с одной стороны, изменение мировоззренческих установок в направлении целостности, холизма, гуманитаризации; с другой – усиление технизации, проявляющейся в методах, технологиях производства и управления, организации знания, в трансформации ценностей в направлении прагматизма.

6. Для преодоления системного кризиса, вызванного научно-техническим развитием, необходимо изменение мировоззренческих установок, подчинение системы научно-технологической деятельности (взаимосвязи научной теоретической, технико-технологической и творческой, поietической) высшим смыслам бытия человека в мире. Решение этой задачи невозможно без повышении саморефлексии общества, без подчинении научно-технической рациональности философскому разуму.

Список литературы

1. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
2. Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. Изд-во Университета Российской Академии образования. М., 2002.
3. Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Изд-во «Логос», 2004.
4. Аристотель. Физика. Книга 2. Глава 1. / Аристотель. Сочинения. В 4-х тт. Т.3. М.: Изд-во «Мысль», 1981.
5. Гайденко П.П. О техническом в науке и научном в технике. (К возникновению новоевропейского типа рациональности). / Ежегодник российско-германского колледжа. 1999-2000. / Под ред. В.Г.Горохова. М., 2000. С. 210 – 228.
6. Шиповалова Л.В. Научная и техническая рациональность: проблема дополнительности / Научная и техническая рациональность: возможности диалога. Сборник статей. СПб. Санкт-Петербургское философское общество, 2009. С. 26 – 32.
7. Философия техники в ФРГ: Пер. с нем. и англ. / Составл. и предисл. И.Г.Арзаканяна и В.Г.Горохова. М.: «Прогресс», 1989.
8. Елькина Е.Е. Парадигмы технической реальности: философский анализ. СПб.: Изд-во «Элмор», 2007.
9. Котенко В.П. История и философия технической реальности: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2009.
10. Попкова Н.В. Техногенное развитие и техносферизация планеты. М.: ИФ РАН, 2004.
11. Горохов В.Г. Концепции современного естествознания и техники: Учебное пособие. М.: ИНФРА, 2000.
12. Горохов В.Г. Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика. // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 80 – 96.
13. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники: Учебное пособие. М.: Гардарики, 1995.
14. Иванов Б.И. Новации и традиции в технознании / Новации и традиции в науке / Под ред. В.П.Котенко. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2004. С. 183 – 184.
15. Горохов В.Г. Каков же должен быть новый «порядок знания» в Восточной Европе? / Ежегодник Российско-Германского колледжа 1999 – 2000. С. 290 – 299.
16. Иванов Б.И. Технизация современной научной картины мира / Научная и техническая рациональность. С. 4-8.

THE PROBLEM OF THE NON-CLASSICAL RATIONALITY IN THE SOCIAL-PROJECTING TECHNOLOGICAL REALITY PARADIGM

E. E. EL`KINA

*Saint-Petersburg State
Electrotechnical University
by V.I.Ul`yanov-Lenin*

The analysis is devoted to the actual philosophical problem of the non-classical rationality principles which are typical for the projecting methodology of the technology science and the conceptual tenets of the social-projecting paradigm of the developing technological reality. The issues under review are: the projecting methodology origin in the history of the development of the western-european science and technology; the matter of natural science and technology science interaction; tendencies to combine the principles of scientific and technological rationality, which are dangerous because of global spread of technology into the framework of life of the humankind.

Key words: non-classical rationality, technological reality, social-projecting paradigm, technology-science, multi-discipline, complex research, evolving technology-activity systems, innovation technologies, proceeding rationality.

НАУЧНЫЙ СТАТУС ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ: ТРАНСФОРМАЦИИ МЕТАЯЗЫКА

Д. К. МАНОХИН

*Белгородский
государственный
университет*

Статья посвящена проблеме научного статуса литературоведения. Автор рассматривает трансформации языка литературоведения и выявляет способы решения обозначенной проблемы: вторичный методологический контроль и взаимодополнительность филологических парадигм. В этом контексте наличие множества исследовательских направлений является условием статуса литературоведения как рационального проекта.

Ключевые слова: литературоведение, филология, язык, наука, парадигма.

Филологи конституируют в своих теориях различные подходы к пониманию научного статуса литературоведения. Эти подходы можно редуцировать к двум диаметрально противоположным концепциям:

1) теоретико-методологические нормы литературоведческого познания изоморфны общепринятой интерпретации научной рациональности (парадигмы структурализма, рецептивной эстетики, нарратологии);

2) литературоведение – специфическая дисциплина, руководствующаяся иными, нежели принято в естественнонаучной среде, критериями научности исследовательского дискурса (парадигмы герменевтики, деконструктивизма, постструктурализма).

При всем различии ранее названных концепций та же герменевтика, как показал В.М. Розин в монографии «Типы и дискурсы научного мышления»¹, использует фундаментальные исследовательские процедуры естественнонаучного дискурса. Анализируя тексты М.М. Бахтина, Розин отмечает, что «внутри субъективной бахтинской «рамки» реализуется строгий объективный научный подход: формулируются проблемы и эмпирические особенности произведений Достоевского (их требуется объяснить теоретическим путем), строятся идеальные объекты, более сложные случаи сводятся к более простым и уже изученным <...> формулируются <...> теоретические знания <...> и, наконец, теория»². Таким образом, различие между концепциями научного статуса литературоведения заключается не в акцентировании отсутствия/присутствия этапов исследовательской работы, выделенных Розиним, а в метаязыковой репрезентации этих этапов. Методологическая ориентация филологии на естественнонаучный идеал познания во многом явилась следствием попытки эмансипации литературоведения от эстетических теорий, созданных в рамках философского дискурса. В результате литературоведы обратились к заимствованию элементов метаязыка лингвистики. Причем данный процесс характерен и для первой, и для второй концепции (разница, как мы увидим, состоит в способах отношения к заимствованным элементам). Для того, чтобы выяснить специфику взаимодействия литературоведения и лингвистики, обратимся сначала к особенностям этого взаимодействия в рамках дискурса нарратологов и структуралистов.

Стремление к инкорпорированию терминов/концептуальных структур метаязыка лингвистики (включая лингвосомиотическую теорию) в состав литературоведческого дискурса было обусловлено надеждой, что эти элементы позволят выстроить филологические теории и конкретные интерпретации художественного текста по типу естественнонаучного дискурса. В частности, считалось, что экстраполяция синтаксиса лингвосомиотического языка на область литературоведческой теории придаст последней фор-

¹ См.: Розин, В.М. Типы и дискурсы научного мышления / В.М. Розин. – М.: Эдиториал, УРСС, 1999. – 248 с.

² Розин, В.М. Типы и дискурсы научного мышления / В.М. Розин. – М.: Эдиториал, УРСС, 1999. – С. 88, 90.

мальную организацию дедуктивной системы. В этом отношении показательны теоретические трактаты Р. Барта³. Допускалось также, что применение названного метаязыка в рамках литературоведческой интерпретации того или иного художественного произведения обеспечит возможность ее последующей эмпирической проверки. Это возможно благодаря тому, что назначение подобных терминов состоит в репрезентации фактов, установленных в ходе семиологических исследований. Так, лингвист, литературовед и семиолог Р. Якобсон и антрополог К. Леви-Стросс в работе ««Кошки» Шарля Бодлера»⁴ используют метаязык лингвистики в качестве методологического средства интерпретации поэтического текста. При этом истолкование стихотворения Ш. Бодлера в «идейно-тематическом» плане ничем не отличается от расхожих школьных трактовок, но получает свой структурно-лингвистический коррелят. То же характерно и для исследований французского литературоведа А.-Ж. Греймаса⁵, обосновывающего традиционное понимание народных сказок логическими таблицами и схемами. Однако следует отметить, что некритическая рецепция клишированного истолкования литературных стандартов была обусловлена пропедевтическим характером названных работ. Как показывает история развития лингво-литературоведческого подхода, внимание к лингвистической фактуре художественного дискурса способно как уточнить уже имеющиеся интерпретации, так и выявить специфику «нечитабельных» текстов авангардной литературы⁶.

Отмеченный ранее подход к пониманию научного статуса литературоведения, суть которого состоит в стремлении трансформировать последнее в точную науку, имеет значительные следствия для развития литературоведческого познания. Использование метаязыка лингвосомиотики как средства исследования художественного текста позволило акцентировать важную теоретико-методологическую проблему литературоведческого дискурса. Традиционное литературоведение, императивы которого, как правило, отражаются в академических учебных пособиях по теории и истории литературы, зачастую проявляло чрезмерное внимание к тематико-содержательному компоненту литературного произведения. Причем этот компонент артикулировался в зависимости от прочтения так называемых «внешних» детерминаций художественного текста – биографии писателя, культурных реалий той или иной эпохи. Данный подход характерен для проекта «конкретного литературоведения» Д.С. Лихачева. В рамках этого проекта «объяснения» трудных мест литературного текста «отыскиваются в исторической действительности, в быте и обычаях, в реалиях города, даже в самой предшествующей литературе, взятой как некая реальность»⁷. Лихачев справедливо замечает, что исследования подобного рода обеспечивают точность, доказательность и достоверность литературоведческих текстов, а также обеспечивают теорию и историю литературы надежным материалом, позволяющим избежать субъективизма в интерпретации литературного процесса. При этом российский филолог делает важное в методологическом отношении примечание: «Конкретное литературоведение совершенно не стремится вытеснить какие-либо другие подходы к литературе. Оно имеет свою область, и эта область очень важна»⁸. Однако акаде-

³ См.: Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 196-238; Барт, Р. Основы семиологии / Р. Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г. К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 247-310.

⁴ См.: Леви-Стросс, К. «Кошки» Шарля Бодлера / К. Леви-Стросс, Р.Якобсон; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 98-118.

⁵ См.: Греймас, А.-Ж. В поисках трансформационных моделей / А.-Ж. Греймас; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 171-195; Греймас, А.-Ж. Размышления об актантных моделях / А.-Ж. Греймас; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С.153-170.

⁶ См.: Барт, Р. Драма, поэма, роман / Р. Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г. К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 312-334.

⁷ Лихачев, Д.С. Литература – реальность – литература / Д. С. Лихачев. – Л.: Сов. Писатель. Ленингр. отд-ние, 1984. – С. 8.

⁸ Там же.

мические теория и история литературы, призванные к обобщению результатов частных («специальных») исследований, имеющих различную методологическую направленность, чаще всего ограничивались рассмотрением достижений «конкретных» литературоведческих подходов. Альтернативные теоретико-методологические комплексы, направленные на изучение лингвистических (имманентных) структур художественного дискурса либо интерпретировались как маргинальные, либо числились по разряду лингвистики, радикально отличной по своим целям и задачам (исследование языка, а не феномена художественной литературы) от литературоведческой проблематики. Данная позиция приводила как к возможности редукции теории и истории литературы к эмпирическим фактам, установкой и обработкой которых занимаются история, психология и социология, так и к созданию квазиспекулятивных конструкций, когда возникала необходимость обсуждения языка/стиля художественных произведений. Таким образом, игнорирование лингвосомиотической компоненты литературы было причиной разного рода теоретических проблем. Это игнорирование, характерное для традиционного литературоведения на протяжении XIX – 1-й половины XX вв., тем более удивительно, что литература, как заметил П. де Ман, «всегда вынашивает свой собственный формализм»⁹. Ведь сама этимология слова «литература» «[лат. lit(t)eratura, букв. – написанное, от lit(t)era – буква]»¹⁰ указывает на необходимость повышенного внимания к формальной организации художественного произведения. В этом контексте акцент на исследовании лингвистической фактуры художественного дискурса и требование обоснования интерпретации текста языковыми феноменами имеют дополнительную значимость, так как позволяют точнее артикулировать специфику литературы и филологического подхода к ее изучению. Главная проблема, которая может возникнуть при универсализации лингвосомиотического анализа художественного текста (речь идет не о структурализме, судьба которого ясна), – это опять-таки утрата литературоведением своей уникальности вследствие превращения литературы в один из вариантов языка/кода, изучаемых в рамках лингвистики/семиотики. Решение этой проблемы (как и проблемы возможности редукции специфики литературоведческого дискурса к особенностям когнитивных актов других гуманитарных дисциплин) состоит во взаимодополнительном сочетании «конкретных» и лингвосомиотических исследований, тем более, что те и другие постулируют установку на точность и объективность филологического знания, достигаемую в ходе применения специальных методологических процедур. Также названную проблему можно снять путем реанимирования и теоретико-методологической трансформации риторики – научной дисциплины, традиционной для классической филологии. Мы вернемся к этому при обсуждении реакции на лингвоцентризм современного литературоведения со стороны таких направлений, как деконструктивизм, герменевтика и постструктурализм. Сейчас же проясним еще одну теоретико-методологическую коннотацию рассматриваемого подхода к пониманию научного статуса литературоведения. Эта коннотация позволяет полнее объяснить возможность использования терминов «филология» и «литературоведение» как словоформ синонимического ряда.

Акцент на изучении лингвистической природы художественного текста позволил тематизировать проект взаимной интеграции научных дискурсов литературоведения и лингвистики. Как отмечает П.А. Николаев, «<...> детальная характеристика<...> литературного стиля произведений, несмотря на его «атомизацию» <...> объективно убеждала в поспешности заявлений об отмирании древней науки – филологии. Многие стали говорить о необходимости единства «лингвистического формализма» и «литературоведческого стиля», т.е. о принципах филологического анализа, который исходит из внутренних связей между научными дисциплинами»¹¹. Этот проект позволил демистифицировать разрыв между названными научными дискурсами, еще более укрепив современное зна-

⁹ Ман, П. де. Аллегории чтения / П. де Ман; пер. с англ. С.А. Никитина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 10.

¹⁰ Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – С. 186.

¹¹ Николаев, П.А. Методологический аспект проблемы / П.А. Николаев // Принципы анализа литературного произведения / Под ред. П.А. Николаева и А.Я. Эсалнек. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 3.

чение слова «филология», под которым стало подразумеваться единство/комплекс литературоведения и лингвистики. В «Литературном энциклопедическом словаре» представлено сходное понимание филологии: «Слитность Л. [литературоведения – Д.М.] с др. гуманитарными дисциплинами фиксировалась прежде понятием *филологии* как синтетич. науки, изучающей духовную культуру во всех ее языково-письменных, в т.ч. лит. проявлениях; в 20 в. это понятие передает обычно общность двух наук – Л. [литературоведения – Д.М.] и лингвистики <...>»¹².

Следует отметить, что проект интеграции лингвистики и литературоведения приобрел дополнительную важность в контексте возраставшей на протяжении истории филологических наук дифференциации дисциплин, существовавших ранее в неразрывном единстве. Литературоведение, как пишет Г. К. Косиков, «<...> относительно молодая дисциплина; время ее формирования относят обычно ко второй половине XVIII – началу XIX века <...> до середины XVIII столетия в теории словесности практически безраздельно господствовали нормативные «Риторика» и «Поэтика» Аристотеля»¹³. Таким образом, литературоведческие парадигмы, альтернативные классической филологии, возникли в рамках эпохи романтизма и приняли форму критического переосмысления постулатов нормативной теории литературы. Итогом этого процесса явилась лихорадочная смена литературоведческих направлений¹⁴ и, наконец, ситуация полипарадигмальности. Симптомом полипарадигмальной стадии эволюции литературоведческого познания как следствия акцентуации проблемы научного статуса литературоведения стало превалирование интеграционных процессов, характерных не только для отдельных дисциплин, но для исследовательских парадигм. В этом контексте показательны взаимодополнительность нарратологии и рецептивной эстетики, сохранение структуралистской методологии в постструктурализме, взаимное инкорпорирование и переосмысление концептуальных структур в герменевтике и деконструктивизме. Что касается проекта лингво-литературоведческого подхода к выявлению специфики художественного дискурса, то в среде литературоведов его эффективность не вызывает никаких сомнений. Это подтверждается новейшими академическими пособиями по *филологическому* анализу литературного произведения – «Филологический анализ текста» и «Художественный текст: Структура. Язык. Стиль». В первом из них подчеркивается комплексность используемого подхода¹⁵. Во втором «методика анализа» определяется «как последовательное рассмотрение литературного и затем лингвистического уровней текста, при том, что целью анализа является проникновение в смысловую глубину текста путем наблюдений за типом его структуры и функционированием языковых средств, служащих формированию и выражению смысла текстовых компонентов и художественного смысла целого произведения»¹⁶. Также необходимо отметить, что данные и подобные им пособия свидетельствуют, что интеграционные процессы пошли на пользу не только литературоведению, но и лингвистике, так как они позволили последней ввести в свой круг проблем проблемы субъекта дискурса и специфики риторических структур художественного текста.

Названные структуры традиционно были предметом исследования в рамках такой науки, как риторика, классические образцы которой созданы в период античности. Проект трансформации античной риторики в контексте современных достижений филологии, манифестированный в качестве своеобразной «дополнительной» альтернативы лингвосемиотической ориентации, в наиболее радикальной форме предстал в рамках второй концепции научного статуса литературоведения. Имеется в виду понимание литературоведения как дисциплины, руководствующейся неклассическими представлениями об

¹² Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – С. 198.

¹³ Косиков, Г.К. Зарубежное литературоведение и теоретические проблемы науки о литературе / Г.К. Косиков // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе / Сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 5.

¹⁴ См. там же. – С. 5–38.

¹⁵ Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста: учеб. пособие для высш. школы / Л. Г. Бабенко, Ю.В. Казарин; под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – С. 2.

¹⁶ Художественный текст: Структура. Язык. Стиль / Под. ред. К.А. Роговой. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993. – С. 8–9.

идеалах научной рациональности. Любопытно, что все исследовательские парадигмы, разделяющие названную точку зрения (герменевтика, деконструктивизм, постструктурализм), имеют «архаическую» направленность, тогда как школы, принадлежащие к ранее проанализированной концепции, характеризуются явным «модернистским» уклоном. Однако «архаика» в итоге приводит к авангардным тенденциям, а «модернизм» оказывается средством сохранения традиционных представлений о филологии как науке.

В этом отношении показательны исследования М.Л. Гаспарова¹⁷. Данные работы Гаспарова находятся на стыке обеих выделенных нами концепций, что указывает на возможность их пересечения. Российский литературовед не является противником естественнонаучного дискурса и лингвосомиотического подхода, только для него они не имеют статуса концептуального идеала, поскольку производны от философско-филологической рациональности, коррелирующей с герменевтическим направлением. В качестве одной из главных методологических ориентаций его исследовательского дискурса выступает античная риторика. Гаспаров отмечает, что, «отказавшись от <...> системы понятий» античной риторики, современная филология «ничем ее не заменила. Поэтому <...> задачей» литературоведения «становится *пересмотр* и реконструкция <...> аппарата античной стилистики на основе *современного научного языкознания* [курсив наш – Д.М.]»¹⁸. Таким образом, он подчеркивает значимость лингвистического подхода к анализу литературного произведения, но требует внимания к той методологии, которая в состоянии артикулировать тропологические ресурсы художественного текста. Это, кстати, указывает на возможность более определенной трактовки размытого феномена художественности, под которым в контексте риторики подразумевается стилистическая организация текста, отличная от научного и философского дискурсов, а также современного судебного красноречия. Случай судебного дискурса особенно примечателен. Дело в том, что Гаспаров настаивает на использовании в литературоведческом исследовании не только античной системы тропов, но и статусов судебного обвинения. Методологическую эффективность этих статусов он демонстрирует на примере анализа текста А.П. Чехова «Хористка»¹⁹. Причем Гаспаров не просто обнаруживает сходство между драматическим диалогом и ходом судебного разбирательства, но выявляет специфику чеховского рассказа через акцентуацию *отклонения* от нормы судебной речи. Отсюда возникает тенденция к рассмотрению художественного языка в качестве риторически ненормативного дискурса. Это подтверждается маргинальными замечаниями о трудности различения границы между «ошибкой» и «художественным приемом»²⁰, а также о необходимости дополнения системы тропов «расширением значения слова» – «концептом»²¹. Таким образом, Гаспаров уточняет в своих исследованиях позицию лингво-литературоведения в отношении понимания филологии как точной науки (оказывается важно уловить и «неточность» художественного высказывания, что приводит к изменению/дополнению метаязыка). Также вследствие возрождения античной науки, артикулирующего связи между философией и филологией, он вводит в свой дискурс элементы «металитературоведческого» исследования.

Более радикальное переосмысление античной риторики демонстрируют представители Йельской школы. В этом случае внимание к риторическим элементам художественного текста во многом обусловлено критикой лингвосомиотического подхода. Так, П. де Ман в одном из разделов книги «Аллегории чтения», носящем символические на-

¹⁷ См.: Гаспаров, М.Л. Античная риторика как система / М.Л. Гаспаров // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 424-472; Гаспаров, М.Л. Статусы обвинения в рассказе А. П. Чехова «Хористка» (1886) / М.Л. Гаспаров // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 473-476.

¹⁸ Гаспаров, М.Л. Античная риторика как система / М.Л. Гаспаров // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 458.

¹⁹ См.: Гаспаров, М.Л. Статусы обвинения в рассказе А. П. Чехова «Хористка» (1886) / М.Л. Гаспаров // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 473-476.

²⁰ Гаспаров, М.Л. Античная риторика как система / М.Л. Гаспаров // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 462.

²¹ Там же. – С. 456.

звание – «Семиология и риторика»²², отмечает, что специфика литературы состоит в несовпадении грамматических и риторических структур. Это несовпадение и приводит к амбивалентности текста, что, по сути, является одним из главных художественных эффектов литературного произведения (здесь налицо пересечение с маргинальными высказываниями М.Л. Гаспарова). В итоге оказывается необходимым деконструктивистское переосмысление метаязыка семиологии. Однако, данная деконструкция не имплицитно нейтральное отношение к метаязыку риторики, но, наоборот, указывает на необходимость продолжения критической работы. П. де Ман создает собственный вариант риторики как науки, исследующей амбивалентность языка литературы. Симптомом этого является постановка проблемы понимания системы тропов как некой константы: «Классическая риторика <...> приводит к трудностям, характерным для всех попыток создания таксономии тропов; тропы – это трансформационные системы, а не системы координат [курсив наш – Д.М.]»²³. Показательно, что к данным результатам де Мана привело кропотливое применение классических литературоведческих подходов и невозможность игнорирования апорий, возникающих при их использовании. Как признается сам американский ученый, он, следуя методологическим правилам классической риторики и герменевтики, столкнулся с непреодолимыми интерпретативными трудностями в ходе исторического изучения литературы романтизма²⁴. Вследствие бескомпромиссного следования идеалам научного этоса де Ман и встал на путь деконструктивистского исследования.

Подобный путь характерен и для философской предтечи Йельской школы – Ж. Деррида. В его ранней работе «Голос и феномен»²⁵ тщательное комментирование текстов Гуссерля привело в итоге к радикальной интерпретации феноменологии, что создало условия для формирования деконструктивистского проекта. Примечательно, что на протяжении всего своего творчества Деррида также охотно пользовался терминологическим словарем риторики. В характерной для него манере французский философ в эссе «Хора» указывает на метафизическую структуру и философскую ангажированность таких тропов, как метафора²⁶. Этим он инициирует нетождественное деконструкции металитературоведческое исследование терминологического аппарата риторики, который, как видим, вновь приобретает для литературоведения методологическую значимость.

Критическое/антинормативное отношение к традиционным идеалам научной рациональности характерно также и для литературоведческой парадигмы постструктурализма. Данная парадигма возникла во многом благодаря акцентуации логических/риторических аномалий художественного текста и критике любого методологического подхода (не только структурализма), не учитывающего данных аномалий. Постструктуралисты (Кристева, Делез) также переосмысливают метаязыки риторики и лингвосемиотики²⁷. Только в этом случае осознание полисемантизма фигурального языка приводит к заимствованию и видоизменению метаязыков не только названных наук, но и других дисциплин. Видоизменение имеет форму «эссеизации» научного дискурса (у йельцев метаязык скорее *дополняется* новыми терминами и элементами художественного дискурса под воздействием конкретных образцов анализа литературного произведения). Иными словами, постструктуралистский текст, в своих наиболее радикальных вариантах, превращается в литературно-критическое эссе.

²² См.: Ман, П. де. Аллегории чтения / П. де Ман; пер. с англ. С.А. Никитина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 9-29.

²³ Ман, П. де. Аллегории чтения / П. де Ман; пер. с англ. С.А. Никитина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 79.

²⁴ См. там же. – С. 6.

²⁵ См.: Деррида, Ж. Голос и феномен / Ж. Деррида; пер. с фр. С.Г. Кашиной, Н.В. Сулова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 208 с.

²⁶ См.: Деррида, Ж. Эссе об имени / Ж. Деррида; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С. 186-187.

²⁷ См.: Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез; пер. с фр. Я.И. Свирского. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.; Кристева, Ю. К семиологии параграмм / Ю. Кристева; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 484-516.

Таким образом, радикальное переосмысление классических идеалов научной рациональности в наиболее яркой форме проявило себя в специфических изменениях метаязыка литературоведения. В результате подобного переосмысления филологические парадигмы, разделяющие вторую из выделенных нами концепций научного статуса литературоведения, с одной стороны, в разной степени тяготеют к эссеистической форме организации научного дискурса, а, с другой, – находятся в контексте максимально усложненных «металитературоведческих» исследований. Последние обеспечивают определенный методологический контроль и заставляют филологов всех направлений уточнять и видоизменять свои теоретические постулаты. Позиция рассматриваемых школ указывает также на возможность взаимодополнительности концепций научного статуса литературоведения. Первая концепция легитимирует литературоведение как точную науку, которая, таким образом, дает знание о *константах* художественного текста. Вторая рассматривает литературоведение как критический дискурс, конституирующий амбивалентные/ полисемантические интерпретации литературного произведения и параллельно объясняющий, почему интерпретация не может быть иной. Для этого используются специфические фигуры метаязыка и методологические средства. Этот тип филологического исследования продуцирует знание о *динамике* текста, его трудно поддающихся категоризации элементах, наличие которых, тем не менее, производит один из главных художественных эффектов.

Научный статус литературоведения (как, впрочем, и любой другой науки) остается перманентно проблематичным, но уже в определенной степени понятны способы его прояснения, отчасти эксплицированные в рамках самого литературоведческого дискурса. Артикуляция специфики научного статуса литературоведения в рамках самой филологии не влечет с необходимостью возникновения некоей универсальной метапарадигмы филологического познания. Литературоведческие парадигмы не являются абсолютно несоместимыми типами научной рациональности. То, что позволяет им оппонировать друг другу, проявлять критический пафос – это наличие общих и пока не решенных фундаментальных проблем. В этом отношении само существование множества конкурирующих филологических парадигм является условием статуса литературоведения как *научного* (рационального) проекта.

Список литературы

1. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста: учеб. пособие для высш. школы / Л. Г. Бабенко, Ю.В. Казарин; под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 400с.
2. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 196-238.
3. Барт, Р. Драма, поэма, роман / Р. Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г. К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 312-334.
4. Барт, Р. Основы семиологии / Р. Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г. К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 247-310.
5. Гаспаров, М.Л. Античная риторика как система / М.Л. Гаспаров // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 424-472.
6. Гаспаров, М.Л. Статусы обвинения в рассказе А. П. Чехова «Хористка» (1886) / М.Л. Гаспаров // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 473-476.
7. Греймас, А.-Ж. В поисках трансформационных моделей / А.-Ж. Греймас; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 171-195.
8. Греймас, А.-Ж. Размышления об актантных моделях / А.-Ж. Греймас; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С.153-170.
9. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез; пер. с фр. Я.И. Свирского. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
10. Деррида, Ж. Голос и феномен / Ж. Деррида; пер. с фр. С.Г. Кашиной, Н.В. Суслова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 208 с.

11. Деррида, Ж. Эссе об имени / Ж. Деррида; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 192 с.
12. Косиков, Г.К. Зарубежное литературоведение и теоретические проблемы науки о литературе / Г.К. Косиков // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Тракаты, статьи, эссе / Сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 5-38.
13. Кристева, Ю. К семиологии параграмм / Ю. Кристева; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 484-516.
14. Леви-Стросс, К. «Кошки» Шарля Бодлера / К. Леви-Стросс, Р.Якобсон; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 98-118.
15. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова,
16. П.А. Николаева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 750 с.
17. Лихачев, Д.С. Литература – реальность – литература / Д. С. Лихачев. – Л.: Сов. Писатель. Ленингр. отд-ние, 1984. – 271 с.
18. Ман, П. де. Аллегории чтения / П. де Ман; пер. с англ. С.А. Никитина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 368 с.
19. Николаев, П.А. Методологический аспект проблемы / П.А. Николаев // Принципы анализа литературного произведения / Под ред. П.А. Николаева и А.Я. Эсалнек. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 3-17.
20. Розин, В.М. Типы и дискурсы научного мышления / В.М. Розин. – М.: Эдиториал, УРСС, 1999. – 248 с.
21. Художественный текст: Структура. Язык. Стиль / Под. ред. К.А. Роговой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993. – 183 с.

SCIENTIFIC STATUS OF LITERARY STUDIES: TRANSFORMATIONS OF METALANGUAGE

D. K. MANOKHIN

Belgorod State University

This article is devoted to the problem of the scientific status of literary studies. The author considers the transformations of the language of the literary studies. By this way he reveals the solutions of the problem: the secondary methodological control and the mutually complement of the philological paradigms. In this context the great number of the investigative schools is the condition of the status of the literary studies as the rational project.

Key words: literary studies, philology, language, science, paradigm.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК: 008.001 – 1

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБКУЛЬТУР В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ: СТАТЬЯ 2. ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ СУБКУЛЬТУР ДЕТСТВА И ЮНОСТИ*

М. М. БЕЛОУСОВА¹⁾
О. В. КОВАЛЬЧУК²⁾
В. П. РИМСКИЙ³⁾

*Белгородский
государственный
университет*

²⁾ e-mail: kovalchuk@bsu.edu.ru

³⁾ e-mail: rymskiy@bsu.edu.ru

В статье развивается нетривиальная концепция генезиса субкультур детства и юности, конструируемых в архаических кодах мифологического дискурса и первобытных знаково-символических и ритуальных практиках первобытности.

Ключевые слова: субкультура детства и юности, коды детства и юности, дуально-этническое отношение, миф, ритуальные практики.

Завершая предыдущую статью, мы отмечали, что многообразие культурной феноменологии (прежде всего, субкультурное) предполагает исследование субкультурного плюрализма как в синхронном, так и в диахронном вариантах. Именно в культурно-историческом, эволюционном ключе мы попытаемся рассмотреть субкультуры детства и юности.

Мы отдаем себе отчет в том, что помещая проблему субкультур детства и юности в доисторию человечества, выбиваемся из существующей общепринятой парадигмы, которая связывает генезис феноменов «детства» и «юности» исключительно с эпохой Нового времени (Модерна), «современности»². Разумеется, нельзя отрицать, что важной частью повседневности является отношение к детям и молодежи. На сегодняшний день можно констатировать, что *детство* и *юность* являются важнейшими *субкультурами* современности, причем в мировом масштабе. Миры детства и юности сложны и представляют собой целые ментально-психологические, духовно-нравственные и культурные миры. Это мир

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 09-03-55309 а/Ц) и развивает идеи, изложенные в ранее опубликованной статье: М.М. Белоусова, Ю.М. Мельник, О.Н. Римская, В.П. Римский. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках: Культура и субкультура. Статья 1. // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41.

² См.: М. Мид. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М., 1988; Aries Ph. L, enfant et la vie familiale sous l, Ancien Regime. – Paris, 1960; С.И. Левикова. Молодежная субкультура. – М., 2004. – С. 60, 85, 86; и др.

общения ребенка и юноши с «миром взрослых людей», это мир социокультурных взаимоотношений, предметный мир, мир познания. Детство и юность в онтогенезе – это, как правило, устойчивая последовательность актов взросления и социализации человека, его состояние «до взрослости». В филогенезе – это совокупность детей и юношей разных возрастов, составляющих «довзрослый» контингент общества на различных этапах его развития. Как и любой человек, ребенок и юноша архетипически и исторически связаны с нашими далекими предками, с их традициями, культурой, архаическим мышлением.

В предыдущей статье мы уже высказали свое несогласие с представлением об отсутствии детей и молодежи как социальных групп, субкультур и соответствующих им концептно-семиотических форм в доиндустриальных обществах. Теперь мы попытаемся это доказать на конкретно-историческом материале и его соответствующей интерпретации в контексте современных культурных реалий и социально-гуманитарных и философских теорий. Если не было *понятий* «детство» или «молодость», то нельзя исключить наличия соответствующих *концептов*, закрепленных в религиозно-мифологических образах и дискурсах, в специфических знаково-символических системах и ритуальных практиках.

Отрицание феноменов «детства» и «юности», связано, на наш взгляд, с противоречивой трактовкой понятия «личность» и исследованием личностного развития в филогенетическом и онтогенетическом аспектах. Разумеется, в традиционных культурах (первобытность, архаика, античность, средневековье) индивид в своих статусно-возрастных культурно-символических метаморфозах проявлял слабое развитие самосознания и субъектности, оказывался крепко привязанным пуповиной обычая к первичному этническому коллективу. Но сам факт статусно-возрастной и соответствующей субкультурной дифференциации в доиндустриальных обществах, на наш взгляд, несомненен.

Не стоит принижать развитие не только коллективной, но и личностной идентичности *человека традиционного* в его сравнении с *человеком модерна*, что делали многие исследователи XIX-XX вв. Это происходило и происходит, на наш взгляд, потому, что при экспликации содержания понятия «личность» в конкретно-историческом (филогенетическом) плане методологически некорректно используются такие понятия, связанные с личностной проблематикой, как «индивид», «индивидуальность», «социализация», «идентичность», «идентификация», «индивидуация», «сознание», «самосознание» и т.д. Мы не будем вдаваться в анализ этого понятийного ряда. Отметим лишь то, что очень часто личность связывают с появлением у индивида *развитого* самосознания. Но социализация индивида и формирование индивидуальной идентичности, а, тем более, коллективной, необязательно связаны с развитым самосознанием. Процесс социализации человека, прежде всего, представляет собой взаимосвязь трех других процессов: идентификации, индивидуализации и персонализации, которые, на наш взгляд, более фундаментальны, *онтоличны*, нежели феномен самосознания. Эти процессы не происходят автономно, а взаимно дополняют друг друга. Другое дело, что в начале становления личности все-таки превалирует процесс идентификации.

Собственно, в этом и заключался новаторский характер работ Э. Эриксона и его последователей, посвященных проблеме идентичности и идентификации личности. По его мнению, идентичность – это *чувство личностного тождества и исторической непрерывности*; оно основано на восприятии себя как тождества и осознании непрерывности своего существования во времени и пространстве. *«Другие» признают мое тождество и непрерывность*. Становление идентичности может протекать в трех формах: интроекция – примитивное вживание в образ (например, такое состояние обеспечивает ребенку ощущение безопасности, как и его первобытному предку), которое чаще всего протекает на бессознательном уровне и, разумеется, не предполагает развитого самосознания; идентификация, которая формируется путем интеракции с уважаемыми и значимыми представителями рода, общества (это мы и наблюдаем в метаморфозах идентичности архаического человека и человека большинства традиционных культур, включенного в сложную систему ритуально-символических практик); и, наконец, формирование *личностной идентичности* – ансамбль идентификаций, их включение в *единое уникальное целое*, что и есть самость, *личность модерна* (современная личность), обладающая достаточно развитым самосознанием. Отметим, что, по мнению Эриксона, в процессе первичной идентификации преобладают *интуитивно-бессознательные* аспекты над сознательно-рефлексивными. Именно потому он часто затрудняется ответить на вопрос о природе «эго», о природе самой идентичности и «эго-интеграций». Это не значит, что пер-

вичные – филогенетически и онтогенетически – идентификации и идентичности не врываются в более развитые формы идентичности и личностного самосознания, изменяя их, сосуществуя в превращенных формах.

Важнейшим условием понимания сущности идентичности для Эриксона является ее *историчность*. В любом анализе (социологическом, философском, филологическом) идентичность нельзя представить только как результат или достижение. Главный фактор ее сохранения – историчность (филогенетическая и онтогенетическая). Каждый индивид включен в историю, в собственную индивидуальную и коллективную, в поток повседневности и социокультурную динамику различных «обществ», «социальных групп». Исследование психосоциальной идентичности зависит от трех взаимодействующих сторон: от личностной связи индивида с *ролевой интеграцией* в его группе; от направляющих его образов – с *идеологиями его времени*; от жизненной истории – с *историческим моментом*³. Дж. Мид, один из последователей Э. Эриксона, различает два типа идентичности: *осознаваемая* – человек сам размышляет о своем поведении, он не автономен, но свободен думать о цели и тактике поведения; *неосознаваемая* – человек нерифлексируемо принимает нормы поведения, привычки, ритуалы. Существуют определенные способы поведения, которые идентичны по своей сути. Мы ожидаем от человека определенной реакции, без обдумывания последней.

Для нас важно и утверждение о том, что идентификация значений протекала вместе с формированием рефлексии, *лингвистических правил*. С одной стороны, общество определяет идентичность индивида, задавая нормы, законы существования, с другой стороны, индивид сам задает собственное определение в выборе целей, ценностей. Исключительное значение придается культурно-символической коммуникации: вербализированной и не вербализированной. Ведь символичность коммуникации есть результат эволюции человека и содержание развития отношений общества и личности. Символизация конституирует объекты в социальном взаимодействии. Действительно, «избавляя мир от четко определяемых сообществ, мы создаем пространство для большей дифференциации, в котором индивиды способны к самоопределению в более универсальных терминах»⁴. В этом и состоит уникальность символизации.

Все эти моменты, связанные с исследованием процессов исторического становления идентичности человека в их отличие от развитого, ставшего состоянием самосознательной, самостной личности, формирующей собственную идентичность, очень важны для понимания существования в традиционных обществах *субкультуры детства и юности* и соответствующих *субкультурных кодов детства и молодости*, вписанных в более «универсальные» коды той или иной «большой культуры» и выраженных в специфических знаково-символических концептах. Различая понятия, концепты и культурно-историческую реальность, которую они отражают и формируют одновременно, отметим, что в определенной мере детство и молодежь как социокультурные группы и соответствующие им дискурсивно-концептные формы находят воплощение в специфических *субкультурном коде детства* и, соответственно, *субкультурном коде молодости*.

Культурный код является структурой ненаследственной поведенческой информации, которую накапливают, хранят и передают новым поколениям людей. Таким образом, культурный механизм трансляции традиции оказывается связанным с поколенческой динамикой, с отношениями отцов и детей, молодости и старости. В культуре «код детства» и «код молодости» присутствуют не только и не столько как культурно-историческая реальность и понятия, но как концепты, нагруженные культурно-идеологическими смыслами в различных культурно-исторических эпохах. Коды детства и молодости, соответственно, могут воплощаться в различных формах: от культурных артефактов и технологий поведения до ритуально-телесных практик, знаково-символических систем и стиля жизни. Для нас важно, что коды детства и молодости получают соответствующее семиотическое закрепление и существует в самых различных культурах и обществах – от архаических до современных, претерпевает определенные мутации и трансформации.

³ См.: Э.Г. Эриксон. Молодой Лютер. Психопсихическое историческое исследование. – М., 1996; Э. Эриксон Идентичность: юность и кризис. – М., 1996.

⁴ Mead G. H. Mind, Self and Society. – Chicago, 1976. – P. 167.

Мы полагаем, что каждая культурно-историческая эпоха имела как собственных «детей» и «молодежь», так и соответствующие им субкультурные формы, выраженные в специфических культурных кодах детства и молодости и знаково-символической «телесности», которые не только конструируют культурную реальность и способствуют реализации коллективной и индивидуальной идентичности, развитию самосознания людей и эпох, но и служат механизмом закрепления и передачи социокультурных инноваций и социальной памяти. Эти знаково-символические формы и культурные коды молодости прошлых эпох не уходят из истории, но и не просто перекодируются, меняя свои значения и смыслы. Они порой активно вторгаются в семиосферу других эпох, выполняя важные культурные функции в жизни людей.

На наш взгляд, введение в логику и методологию исследования понятий «*субкультура детства*» и «*субкультура молодости*», включающих понятие «субкультурный код» позволит более конкретно исследовать феноменологию детства и молодежи и соответствующих субкультурных формообразований в различные культурно-исторические эпохи, так как отсутствие понятий «детство» и «юность», т.е. их определенная логическая и культурная маргинальность в той или иной эпохе, еще не будет означать отсутствия детей и молодежи как субкультуры и соответствующих (пусть и отрицательных или нейтральных) концептов и субкультурных кодов в самосознании той или иной эпохи или народа.

Ведь даже в онтогенезе мы постоянно наблюдаем такой феномен: можно быть по возрасту юным, а ощущать и осознавать себя совершенно старым, но «умудренным» человеком (встречаются и старички-дети). Тем более, это характерно филогенезу, особенно его господствующим, официальным культурно-идеологическим формам (типа христианской теологии, порой противоречащей духу Евангелия, о чем мы напишем в следующей статье).

Прежде всего, мы хотели бы воспользоваться сравнительно-историческим методом, чтобы выявить параллели, изоморфизмы или, наоборот, инверсивные соответствия в первобытной и современной «*субкультуре детства и юности*», в том числе и путем соотнесения религиозно-мифологической символики и ритуальных практик прошлого с семиотикой и стилевыми практиками в современной детской и молодежной субкультуре (хотя последние по сравнению с живыми формами культуры прошлого порой носят симулятивный характер, выступают в качестве культурных *симулякров*). Как известно, «традиции все мертвых поколений, как кошмар, тяготеют над умами живых» (К. Маркс). Это относится ко всем культурным феноменам и артефактам.

Тем более, постоянная актуализация характерны для различного рода семиотических систем, которые обладают не только способностью *перекодироваться* в условиях культурно-исторических трансформаций. Знаки и символы способны до поры до времени уходить или на периферию культурных систем (в бессознательное культуры), или функционировать в качестве маргинальных культурных форм. Это характерно как для культурных кодов, выраженных в естественных языках, языках культурно-художественных и профессиональных текстов, так и для «вторичных моделирующих систем», метатекстов, каковыми являются, прежде всего, миф и религия.

Общим местом в современных отечественных исследованиях первобытности и архайки стало положение о том, что на заре человеческой истории антропогенез, социогенез, этногенез, культуругенез и глоттогенез (шире – семиогенез) выступают не просто рядоположенными факторами, но сопряженными, фактически тождественными, определяющими системный характер культурно-эволюционной динамики человеческой истории, входят в *культурно-цивилизационную метасистемную целостность* в качестве ведущих подсистем: этнос, социум, культура и человек. В тот или иной период истории человечества эти важнейшие подсистемы (или их элементы, как экономика в социуме) играют различную роль, могут полагаться то в качестве базисных оснований, то занимают периферийное место, то существуют в причудливых превращенных формах. Все это, так или иначе, сказывается и на конкретно-историческом, и повседневном бытии человека, на его включенности в «большой мир» человечества.

Что касается первобытного общества и культуры, то уже стало общепринятым говорить о *первичном дуализме* всех структур жизнедеятельности наших предков – от взаимоотношения родовых коллективов до ментальных структур мифов и мифологиче-

ских знаково-символических систем⁵. Дуальноэтническое отношение лежало и в основе *естественного разделения труда* в родовых общинах: разделение труда по системе «женщины-мужчины» и по возрасту «старик-юноша». В.Б.Иорданский отмечал применительно к архаичным африканским племенам: «Вместе с тем каждый отдельный человек оказывался в точке пересечения двух линий социальных связей – родственных, объединяющих людей одной крови, и возрастных, зачастую не менее прочно сплавлявших людей одного поколения. Родственные и возрастные узы в их взаимодействии также оказывали влияние на формирование человека и крепко привязывали его к общине»⁶. Именно *естественная, половозрастная система разделения труда*, экзогамия и межгрупповой брак как отношение локальных групп (в межиндивидуальном половом общении преобладала, разумеется, моногамия, а промискуитет и групповой брак носили ритуально-символический характер) обеспечивали не только естественное воспроизводство человека, но и обмен способами деятельности (технологической и коммуникативной), продуктами труда (дарение, пиршество, калым и т.п.) и «основной производительной силой» и носителем культуры – человеком.

Дуальноэтническое отношение стало, по сути, генератором первобытной культуры и межкультурного общения. Все это находило выражение в бинарной структуре мифологических знаковых систем (речения, жесты, действия, предметы, раскраска тела, «графика» и «живопись»), в первичных тотемических классификациях и первобытных табу. Первичное этнородовое бытие человека, возникая на стыке природы и общества, является, на наш взгляд, самой глубинной предпосылкой не только социально-исторического, но и *личностного* существования человека. На ранних стадиях культурной эволюции мы находим детей и молодежь как специфическую группу (не социальную, а *этнокультурную!*), и достаточно развитую «субкультуру детства и молодости» (в том числе и субсистемное, «субкультурное» структурирование детей и молодежи в сложных системах первобытного и архаического дуализма).

Тот факт, что в дуально-родовых группах первобытности (как и в некоторые другие, более зрелые периоды культурной эволюции, например, в европейском средневековье) *средняя продолжительность жизни человека* была довольно низкой, еще не отменяет факты прохождения им всеобщих *культурно-онтологических периодов индивидуального и группового бытия*: рождения, детства, юности, молодости, зрелости, старости, смерти.

Для первобытного общества (да и для последующих – античного и средневекового) характерна была двойность в отношении к детям. Младенец – одновременно персонализация невинности и воплощение природного зла. А главное – он как бы недочеловек, существо, лишенное разума. Например, в Уганде женщины и маленькие дети не имеют статуса лиц, воспринимаясь как вещи или как нечто среднее между человеком и вещью. В Древней Японии новорожденных признавали полноценными людьми после совершения специальных обрядов. Убийство младенца не считалось тяжким преступлением, считалось «отправить назад», «возвратить» в мир духов. А вот на Филиппинах уже пятимесячный плод считался, в известном смысле, человеком и в случае выкидыша его хоронили с соблюдением всех обрядов. Вместе с тем иметь детей считалось почетным, и все члены общины обычно ласковы и внимательны к детям.

Этнографы, которые исследовали сообщества, находящиеся в стадии раннепервобытной общины (многие племена аборигенов Австралии, бушменов Африки и др., находящиеся на уровне развития, соответствующем в своих главных чертах эпохе мезолита), обращали внимание на особенности практики социализации детей. Детей кормили грудью до 3-4-х лет. В период кормления ребенок был на попечении матери, его учили ходить и говорить «попутно», не занимаясь этим специально. Цель социализации состояла в привлечении детей к доступным формам труда. Постепенно данный процесс усложнялся: он становится разным по полу, возрасту, содержанию, формирующим навыки обра-

⁵ См.: Л.Н. Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1990; А.М. Золотарев Родовой строй и первобытная мифология. – М., 1964; В.В. Иванов Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. – М., 1978 В.П. Римский. Миф и религия: К проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003; и др.

⁶ Иорданский В.Б. Хаос и гармония. – М., 1982. – С. 237.

щения с орудиями труда, луком и стрелами, копьем. Уже тогда взрослые воспитывали у детей такие нравственные качества, как послушание, смелость, следование традициям, взаимная выручка, гостеприимство. Особое значение в воспитании имели игры, имитирующие охоту, войну, труд, семейные отношения, обряды. Игры подчинялись половозрастному делению. Наставления и рекомендации передавались младшему поколению посредством фольклора: преданий, сказок, пословиц, песен, дидактических рассказов и мифов. Окончание детства совпадало с наступлением физической зрелости. К 12-14 годам мальчики и девочки были подготовлены к самостоятельной жизни.

В.Б. Иорданский пишет: «В древнем африканском обществе социальное развитие индивидуума происходило скачкообразно, от стадии к стадии. Детство сменялось отрочеством, отрочество – зрелостью. Важными вехами было создание собственной семьи, наконец, старость. Каждый из этих узловых, переходных моментов в жизни человека сопровождался повторным обращением общины к мифическим силам»⁷. Подобное возрастное, *горизонтальное* структурирование, дополнявшее *вертикальный* половой и родовой дуализм, присутствует во всех культурах первобытных, архаических и древних народов мира. Все эти периоды имели свое знаково-символическое и ритуально-символическое оформление, создавая первичные формы кода детства и юности и культуры молодости.

В основе всего бытия первобытного человека лежал *принцип рода, рождения*, естественного воспроизводства человека – этому подчинено в первобытном мире фактически все (и производство, и распределение, и сама жизнь). И хотя *классификационные системы родства* на этой стадии отражали не сам принцип кровного родства, а более широкие социокультурные отношения⁸, эти отношения подчинялись естественному воспроизводству человека в цепи поколений, принципу рода и рождения, воспроизводства человека как биосоциального существа. Сюжеты «детства» и «взросления» являются доминирующими во всех мифологиях, а гинекологические (детородные) и генеалогические связи были доминирующими в первобытных коллективах (и во всех других традиционных обществах), что определяло и саму структуру мифов.

Мифологическое сознание, отражавшее важнейшее значение рождения человека для существования первобытных дуальных групп, фиксировало это в своем знаково-символическом инструментарии. Период беременности женщины и рождение ребенка имели важное культурное значение для всего коллектива, что и отражалось в системах воззрений и ритуалов. Само рождение возводилось в онтологический космический принцип, связанный с мифическими первопредками. Так, у австралийских аборигенов новорожденное дитя всегда есть перевоплотившийся первопредок, душа которого вошла в женщину. Боги, а чаще богини, покровительницы брака, являются самыми почитаемыми богами мифологических пантеонов всех без исключения народов первобытности и древности⁹. Бесплодие считалось величайшим несчастьем для женщины, а мужчина, не вступивший в брак, становился изгоем. «Ребенок еще не появился на свет, – отмечает В.Б. Иорданский, описывая обычаи африканских племен, – а общество уже окружало будущую мать массой предосторожностей, призванных обеспечить нормальные роды. Среди мер, подсказываемых обычаем, были как чисто практические, так и ритуальные... В период беременности будущей матери и момент родов мифический мир опасно надвигался на общину, угрожая при малейшей неосторожности с ее стороны осквернением»¹⁰. Соответственно, масса ритуально-символических практик сопровождала и первые дни и месяцы ребенка в этом мире: от ритуалов, аналогичных «пострижению» (детской прически) или обрезанию, до имянаречения, которое, как правило, связывалось с длинной цепью мифологических или реальных предков.

Заметим, что и у наших предков, славян, издревле существовала дифференциация детского возраста. С момента появления на свет и до 3-4-летнего возраста ребенок находился на попечении матери, которой помогали и другие члены семьи. Ребенка, вскарм-

⁷ Там же. – С. 236.

⁸ Крейнович Е.А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. – М., 1973. – С. 228-235.

⁹ Рождение // Мифы народов мира. – Т.2. – М., 1982. – С. 385-386.

¹⁰ Иорданский В.Б. Хаос и гармония. – М., 1982. – С. 230, 234.

ливаемого грудью, называли *дитя*. Поощрялись игры, развивавшие у детей силу, ловкость, смекалку. К *молодым* относили детей 3-6 лет. В Древней Руси младенчество называли безгреховным и неразумным периодом, который длился до 6-7 лет. Именно с этого возраста начинали учить, приводить к исповеди, наказывать. С 7 до 12 лет ребенка называли *чадо*, а подростка 12-15 лет – *отрок*.

Переход в категорию взрослых во всех традиционных обществах и культурах сопровождался обрядами посвящения – инициациями. Иницируемые изолировались в специальных лагерях, где наставники знакомили их с нормами морали, правами и обязанностями в семье и общине, с сакральными ритуалами и мифами. Обучение сопровождалось испытаниями, которые завершались общим праздником. Обряды инициаций длились в разных обществах от нескольких дней до многих месяцев.

В связи с этим можно даже отметить, что в первобытности скорее *доминирует культура рождения и детства*, чем культура юности и молодости, так как первобытность и архаика в филогенетическом плане и есть *детство человечества* (по аналогии с высказыванием К. Маркса об античности, которая скорее есть не детство, а *отрочество человечества*, в то время как христианское средневековье – *юность человечества*, а новое время – *молодость человечества*, отрефлексировавшая, «открывшая» на уровне понятийного самосознания этот культурно-семиотический концепт).

Особое значение имел в первобытности *институт инициации* (иногда нескольких возрастных инициаций), в различных обмирщенных трансформациях доживший и до наших дней. Не только религиозные (крещение, конфирмация и т.п.) и гражданские (первый звонок, вручение паспорта, выпускные балы и т.п.) ритуалы, но и субкультурные (блатной и солдатский мир, школьники и студенчество, хиппи и нацболы и т.д.), имеют явное подобие и символику (иногда инверсивную) первобытных или древних инициаций.

Переход из одного возрастного статуса сопровождался очень часто с изменением имени, что отражалось на изменении сознания индивида, на возрастании его идентичности. «Эта же связь имени и человека, – фиксирует В.Б. Иорданский, – прослеживается в обычае баконго изменять имя по мере внутренней перестройки человеческой сущности, происходившей не один раз на протяжении жизни. Когда юноша, достигая половой зрелости, вступал в нзо-лонго – группу молодежи, готовящейся к церемонии инициации, когда он проходил через ритуал посвящения в тайную секту кимпази или же подвергался обрядам, связанным с культом некоторых духов икита-икиси, его внутренняя сущность претерпевала изменения. Одновременно он обретал другое имя, указывающее на его новое состояние»¹¹. Инициации имитировали процесс путешествия героев-первопредков или шаманов в мифологическом пространстве и времени, которое соответствует психологическому процессу индивидуации, имеет психотерапевтический эффект (на это обращал внимание К. Леви-Стросс) и способствует обретению коллективной и индивидуальной идентичности, что связывалось со сложными анимистическими представлениями о душе, ее «смерти» и «возрождении».

«При формировании архаической культуры, – писал В.М. Розин, – человек с помощью представлений о душе и архее старался понять три основные вещи: явления и действия природы, основные социальные отношения (родства, обмена и др.), наконец, этапы жизненного пути (социализации) человека. В семиотическом плане такое понимание выражалось посредством мифов, в деятельностном отношении – в определенных ритуалах, например, «переходных» обрядах (инициациях)»¹². Еще К. Юнг отмечал, что в мифологии героев и героинь, предпринимающих это путешествие «индивидуации», часто предупреждают, что они «никогда не вернуться». Индивид, который спускается в «глубины» мифа и мифологической инициации, действительно никогда не возвращается. Тот, кто возвращается – *новый человек*, человек, возродившийся в новой форме. Это *мифологическая трансформация человека*, мифологическое обретение его идентичности. Обретение идентичности всегда мифологично, только в нашем обществе большую роль играет *индивидуальная мифология*, хотя она часто оформляется в образах и символах традиционной мифологии, на что, собственно, и обратили внимание психоанализ и глубинная психология.

¹¹ Там же. – С. 243; См. также: Элиаде М. Священное и мирское. – М., 1994. – С. 119.

¹² Розин В.М. Человек культурный. Введение в антропологию. – М., 2003. – С. 43.

Многие этнографы и культурантропологи отмечают в подобных случаях не только наличие специфической идентичности человека (коллективной и индивидуальной), но и ее полное изменение, связанное, в том числе, и с *символикой нового имени*. Инициации сопровождались также обучением «новому языку» и мифам, известным только посвященным. М.К. Петров писал о *лично-именных кодах архаики* как способах накопления и передачи (пусть и медленной!) инноваций последующим поколениям, об особых архаических «селекционирующих вставках» нового опыта: «Имя выступает вневременной непрерывностью, концентратором и контейнером информации об обязанностях и поступках всех предшествующих носителей имени в различном комплексе ситуаций, т.е. чем-то очень близким к современному пониманию текста – к инструкции, например, или книге. В момент посвящения текст этот отчужден в память старейшин и уже на этом этапе неизбежно испытывает ряд трансформаций, обеспечивающих более или менее конъюнктурную переоценку имени от нужд момента и от наличных обстоятельств жизни племени. Такого же типа трансформирующий сдвиг неизбежен и в момент передачи информации новому носителю, который воспринимает информацию через призму *лично опыта* (выделено нами – авт.), возникшую в процессе его жизни... История бессмертного имени слагается, таким образом, из периодов исполнения имени смертными людьми, причем эти периоды стыкуются старейшинами, социальной памятью, в целостность с помощью операции выбора одного из множества претендентов... Схема накопления нового выглядит как расчлененная по субъектам и времени последовательность реализаций связанных в имени программ. Причем в каждой такой реализации носитель что-то добавляет в текст имени, что-то подчеркивает, а что-то оставляет в тени. В момент передачи имени новому носителю возникает переоценка и трансформация текста имени, т.е. сдвиг значений и акцентов, который всегда направлен к более полному учету конкретной обстановки. Последовательность таких сдвигов и образует процесс обновления ритуала»¹³. Половозрастное кодирование информации в именах инициаций прямо связано со способами идентификации (коллективной и индивидуальной) человека в дискурсе архаического мифа.

Не такой ли факт эзотеризма мы наблюдаем и в современных молодежных субкультурах, когда вхождение в ту или иную «неформальную» (для взрослых, и очень формальную для молодых!) группу (они образуются по принципу превращенного этнодуализма «свой – чужие») сопровождается сменой «гражданского» имени *ключками* (очень часто молодой человек сам выбирает себе прозвище-символ). Так, Т.Б. Щепанская отмечает, что молодежный сленг, например, у хиппи выполняет сугубо семиотическую функцию и является средством маркировки высказываний как «своих», Системных, а по системным именам-прозвищам знают друг друга на тусовках¹⁴. Развитые естественные языки проявляют себя в различных стилях — жаргон, арготизм, сленг. Впервые термин «сленг» был зафиксирован в 1750 году со значением «язык улицы». Сленг – разновидность разговорной речи, оцениваемая обществом как подчеркнуто неофициальная («бытовая», «фамильярная», «доверительная»). При этом сленгу свойственно заимствовать единицы жаргонов, метафорически переосмысляя и расширяя их значения. Имеются в виду разновидности речи с искусственно завышенной экспрессией и языковой игрой. Исследователи выделяют такую особенность сленга как доминирование репрезентативной, а не коммуникативной функции. Сленг является частью общенародного языка: все свойственные языку процессы проходят в сленге «во много раз быстрее и доступны непосредственному наблюдению». Значение слова «сленг» близко к понятиям «разговорной речи» и «просторечия», однако в отличие от них оно имеет ощутимую социальную маркировку¹⁵.

Надо отметить, что прозвища и особый сленг характерны и для традиционных, фольклорных культур, в том числе и впечатанных в ткань современности (например, блатной жаргон имеет фольклорные корни и стилистику). Городская улица (особенно

¹³ Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д, 1992. – С. 18.

¹⁴ См.: Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры. – М., 1993; Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. – М., 2004.

¹⁵ Береговская Э. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. – М, 1996. – №3. – С. 23.

окраинная) и деревенская вплоть до наших дней предполагает «инициацию» и признание «своим» через получение клички-прозвища и обучению «новому языку» (часто, увы, ненормативной лексике). Это же мы наблюдаем и во всех социальных институтах, имеющих статус субкультурности: тюрьма, школа, армия и т.п. Причем, это возникло не сегодня и даже не вчера. Следует предположить, что корни этого семиотического феномена уходят в глубокую семиотическую первобытность, постоянно актуализируемую, как и пласты мифомышления, во все времена, во всех культурах и социальных группах.

Инициации связаны и с особыми *ритуально-символическими телесными практиками*: татуировки, надрезы на лице, раскраска, особые прически, амулеты, обрезание и субинцизия знаменовали не только племенную или возрастную, но и личностную идентификацию. Интересен и факт, что инициации у всех народов, связанные с мифами о первопредках и мифологией смерти-воскрешения, проходили ночью в мифологическом «запретном» пространстве лесов, пустынь, пещер и т.д., которые символизировали девственный, некультурный Космос (и одновременно утробу матери-природы). Аналогичные культурно-семиотические феномены мы наблюдаем и в современных детских играх и молодежных субкультурах.

Т.Б. Щепанская отмечала, что «лагерь на природе» является весьма характерным для молодежной тусовки типом пространственного самоопределения, противопоставленного, как правило, окультуренному городскому пространству «взрослого» мира. В этом же семиотическом ряду, восходящем к первобытности, стоят попытки индеев, как и других ролевых субкультурных групп (толкинистов и т.п.), реализовать мечту о природной жизни через заселение пустыющих деревень, возродить общинный тип организации и образ жизни (образцом служат мифологизированные индейские, древнерусские или средневеково-европейские общины). Они выезжают за город, разбивают лагерь (существуют особые традиции минимализации потребностей в одежде, пище и сне; общинные кассы; культивирование спонтанной и всеобъемлющей любви и т.д.). Во время этих игр также осуществляются посвятельные и другие ритуалы. Близко с этим связаны и другое мифологическое пространство современных молодежных субкультур – подземелье, подвалы, подъезды, подземные переходы, что и дало одно из самоназваний современной молодежной контркультуре – андеграунд¹⁶. Следует отметить и то важное семиотическое значение, которое имеют в современных молодежных субкультурах телесно-ритуальные практики (сексуальное поведение, символика татуировок, причесок, стилистика одежды, поведения, жеста и т.д.).

Инициация не только способствовала трансляции традиционного опыта, но и накоплению (пусть и медленному) нового опыта. Этот опыт чаще всего и приобретался молодыми поколениями, которые, достигнув собственной зрелости, передавали его в инициациях молодым, а в старости кодифицировали новации в мифологических образах и знаково-символических системах. «Совместное участие в обряде объединяло его молодых участников в сплоченную возрастную группу, которая получала особое наименование и занимала определенное место в возрастной иерархии общества. Инициация – это одновременное «рождение» к новой жизни в качестве полноправного члена общины – создавала между сверстниками теснейшие узы солидарности, обязывала их оказывать друг другу помощь. Подлинное чувство братства соединяло их на всю жизнь»¹⁷. Это подтверждает высказанное многими авторами мнение, что инициации в древности были не только институтом обновления коллективного опыта, но и формой групповой, поколенческой и индивидуальной *идентификации*, а молодежь выполняла роль *культуртрегера* даже в самых архаичных коллективах.

Мифологические первопредки и герои архаического эпоса, как правило, предстают перед нами молодыми и сильными людьми, обладают сверхъестественными способностями. И в этом плане молодежь в эпоху архаики уже обладает определенной, конкретно-исторической *субъектностью*. Более того, именно молодые герои эпоса впервые и начинают обладать и онтологическим, и идентификационно-субъектным статусом *лич-*

¹⁶ Щепанская Т.Б. Молодежные сообщества // Современный городской фольклор. – М., 2003. – С. 34-85.

¹⁷ Иорданский В.Б. Хаос и гармония. – М., 1982. – С. 250.

ности. Это подтверждают как мифы о героях-первопредках (культуртрегерах), как правило, чудесно рожденных и в *молодом возрасте* совершивших культурогенез собственных народов (Ромул и Рем – только наиболее классический пример). В мифах и преданиях мы часто находим и образы молодых бунтарей, проигнорировавших установления богов (Прометей) или племенные обычаи, наказанных и изгнанных, но давших людям новый культурный инструментарий или положивших начало новым, молодым и «продвинутым» этносам. Последнее очень часто связывается с уходом младшего – блудного – сына от отца, что не всегда связывается с моральным осуждением, как в евангельской притче, а скорее знаменует дифференциацию племен в результате демографического роста (уход пассионариев по Л.Н. Гумилеву) или с отмиранием старых систем наследования. Это мы можем наблюдать вплоть до эпохи феодализма с ее сложными системами брака и наследования. Но об этом в следующей статье.

Итак, мифологические ритуально-символические практики инициации становятся одной из основных идеально-информационных форм культурного кода детства и молодости, дошедшего в превращенных, имитативных и симулятивных формах вплоть до наших дней и входящий в субкультуры детства и молодости общества модерна и постмодерна. Сюда же, ко временам первобытного мифологического сознания восходят и коды, связанные с переименованием иницируемого, символизм и эзотеризм нового имени, задающего новую идентичность – коллективную, как в прошлом, так и индивидуально, что преобладает в процессах формирования современного молодого человека.

В культуре (в диахронном и синхронном разрезе) «коды детства и молодости» присутствуют не только и не столько как культурно-историческая реальность и понятие, но и как концепты, нагруженные культурно-идеологическими смыслами, воплощенные в знаково-символических манифестациях и задающие первичную идентичность ребенка и становящуюся идентичность и самосознание молодого человека в различные культурные эпохи. Код детства и молодости, соответственно, может воплощаться в различных формах: от культурных артефактов и технологий поведения до ритуально-телесных практик, знаково-символических систем и стиля жизни. В глубинах мифологического прошлого формируются и телесно-ритуальные практики (игры, сексуальное и повседневно-бытовое поведение, символика татуировок, причесок, стилистика одежды, поведения, жеста и т.д.), которые в измененном виде мы встречаем во всех исторических субкультурах и кодах детства и молодости.

Список литературы

1. Aries Ph. L, *enfant et la vie familiale sous l, Ancien Regime*. – Paris, 1960;
2. Береговская Э. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. - М, 1996. – №3;
3. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1990;
4. Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. – М., 1964;
5. Иванов В.В. Чет и нечет: Ассиметрия мозга и знаковых систем. – М., 1978;
6. Иорданский В.Б. Хаос и гармония. – М., 1982;
7. Крейнович Е.А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. – М., 1973. Мид М.. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М., 1988;
8. Левикова С.И. Молодежная субкультура. – М., 2004;
9. Mead G. H. *Mind, Self and Society*. – Chicago, 1976;
10. Эриксон Э.Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. – М., 1996.
11. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996;
12. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д, 1992;
13. Римский В.П. Миф и религия: К проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003;
14. Рождение // Мифы народов мира. – Т.2. – М., 1982;
15. Розин В.М. Человек культурный. Введение в антропологию. – М., 2003;
16. Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры. – М., 1993;
17. Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. – М., 2004;
18. Щепанская Т.Б. Молодежные сообщества // Современный городской фольклор. – М., 2003.
19. Элиаде М. Священное и мирское. – М., 1994.

METHODOLOGY OF SUBCULTURES STUDIES IN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES. PAPER 2. GENESIS AND EVOLUTION OF SUBCULTURES OF CHILDHOOD AND YOUTH

M. M. BELOUSOVA¹⁾

O. V. KOVALCHUK²⁾

V. P. RIMSKIY³⁾

Belgorod State University

²⁾ *e-mail: kovalchuk@bsu.edu.ru*

³⁾ *e-mail: rymskiy@bsu.edu.ru*

The article develops the non-trivial conception of the genesis of childhood and youth genesis which are constructed in archaic codes of the mythological discourse and in the primeval symbolical and ritual primitive practices.

Key words: childhood and youth subcultures, code of childhood and youth, dual ethic relation, myth, ritual practices.

НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ КАК ФАКТОР ИСЛАМИЗАЦИИ ЕВРОПЫ

С. В. РЕЗНИК¹⁾

В. Н. МИЗАЕВ²⁾

*¹⁾Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
reznik@bsu.edu.ru*

*²⁾Московский государственный
горный университет*

В статье рассматриваются факторы, обуславливающие процессы исламизации, радикализма, террористических проявлений и реакции европейского общества и власти в современной Европе.

Ключевые слова: ислам, исламизация, радикализм, терроризм, либеральная идеология, неолиберальная реакция, антиглобализм, фундаментализм.

Современная политическая наука склонна совмещать проблемы межрелигиозного взаимодействия и экстремизма, которые особенно актуальны для России. Эта актуализация связана с проблемой выбора модели взаимодействия власти, общества и религии. В данной ситуации закономерен вопрос о том, сработает ли стереотип заимствования западных образцов, и насколько они адекватны и успешны. Пример ислама, является в данном случае показательным, в том смысле, что делает явными механизмы властно-религиозных и общественных отношений. Наша задача состоит в том, чтобы критически осмыслить и понять эту ситуацию, разобраться в сплетении исламизации, радикализма, террористических проявлений, реакции общества и власти в Европе.

Прежде всего, среди факторов обуславливающих процесс исламизации Европы можно назвать следующие.

Во-первых, резкое увеличение притока иммигрантов в европейские страны, что связано с проблемой воспроизводства рабочей силы. Чтобы не допустить резкого падения жизненного уровня, государства ЕС должны увеличить приток иммигрантов. В 1950 г. в западноевропейских странах жило всего 300 тыс. мусульман. Уже в 1970 г. Мусульман в Европе было 2,7 млн. Сегодня в странах Евросоюза проживает около 16 млн. мусульман. «На первых порах европейские элиты рассматривали приток иммигрантов как позитивный фактор. Это стимулировало экономический рост, одновременно оказывая давление на собственных рабочих. Ведь иммигранты готовы были занимать худшие рабочие места, соглашались на минимальную зарплату. Но изменившийся в итоге этнический и религиозный состав населения породил множество новых проблем, к решению которых ни правящие классы, ни европейское общество в целом не были готовы».¹

Во-вторых, западный истеблишмент оказался не способен провести эффективную секуляризацию мусульманского социума и интегрировать Исламский мир в западную цивилизацию. Растущие мусульманские общества в Европе и США не растворяются в общем потоке западного стиля жизни, а эффективно сохраняют свои религиозные ценности.

В-третьих, в исламском мире увеличивается число пассионарных и субпассионарных личностей, групп, страт, способных инициировать и возглавить массовые социально-политические процессы. Европейские мусульмане все настойчивей претендуют на то, чтобы играть большую, даже подчеркнута особую роль.

В-четвертых, в рамках развивающегося системного кризиса западного социума резко обострилась проблема смысла жизни. В исламской умме проблема смысла жизни никогда не превращалась в личностную и общественную трагедию. Даже в случае социального распада того или иного мусульманского общества ислам обеспечивал сохранение

¹ Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 410.

и воспроизводство системы ценностных критериев, не допускавших разрушительного кризиса личности. Это объясняет тот факт, что в Европе растет число коренных европейцев, принимающих ислам. Так, например, в статье Э.Д. Холстинина с характерным названием «Вызов зеленого знамени» говорится, что по сообщению агентства АФП, во Франции насчитывается более 500 000 коренных французов, принявших ислам, и являющихся выходцами из всех социальных слоев общества. В настоящее время люди, принимающие ислам, оправдывают свое решение «возвратом к духовному». Они обращаются к исламу в поисках уверенности, строгости и дисциплины веры без Церкви с ее иерархией. Люди, ищущие духовность в исламе, принадлежат к разной среде: интеллектуальной (философ Рожэ Гароди, специалист по суфизму Мишель Шодкивич), артистической (танцор и хореограф Морис Бежар), кинематографической (подводник Жак Ив Кусто), медицинской (хирург Морис Бюкай), религиозной (бывший католический священник Абдельмаджид Жан-Мари Дюшемэн). Но своеобразие сегодняшнего дня заключается в том, что ислам принимают также служащие и рабочие – и обретают, по их словам, «в постоянстве ислама» покой, которого они не находят более в католицизме.

В-пятых, процесс исламизации Европы является естественным последствием отказа от христианских культурных ценностей и традиций под лозунгами толерантности, терпимости и приравнивания своих традиций к инородным. В результате система ценностей, необходимая для развития европейской культуры и духовной жизни, исчезает и заменяется иной.

Однако опасения по поводу тотальной исламизации Европы, а также идеи так называемой Еврабии не выдерживают критики. Мусульмане в Европе разделены по огромному количеству признаков. Мусульмане попадали в Европу из разных стран и разными путями. Утверждение о том, что в Европе есть некая мусульманская общность так же неверно, как и утверждение о наличии единой христианской общности. Европейский ислам не существует как понятие, потому что европейские мусульмане крайне разобщены по национальному признаку. Большинство мечетей в Европе имеет ярко выраженный национальный характер – обычно они становятся центром религиозной жизни определенной национальной группы мусульман. Нет среди европейских мусульман и единства в религиозности. Многие из них чаще всего не практикуют религию, а ограничиваются лишь сохранением некоторых культурных традиций своих предков. В Европе практикуются самые разные ветви ислама, которые активно конкурируют друг с другом. Самым распространенным типажом европейского ислама являются мусульмане в культурном смысле, т.е. кто причисляют себя к мусульманам, но мало практикуют религию. Таким образом, европейский ислам не монолитен, а мозаичен как по силе религиозности, так и по конкретным практикам и мировоззрению.

Об исламизации можно было бы говорить, если бы мусульмане составляли большинство населения континента. Но, по крайней мере, в обозримом будущем, это исключено: население Европейского союза – 400 млн. человек, из которых не более 16 млн. мусульман. Прежде чем произойдет «обгон», если вообще таковой будет, потребуется не одно столетие. Кроме того, мусульмане в Европе в основном не занимаются прозелитизмом. В мечетях, часто ютящихся в подсобных помещениях, коренных европейцев не видно. Европейцев, обратившихся в ислам, можно пересчитать по пальцам, так что исламизация Европы путем массового обращения христиан тоже исключена. Реальную опасность представляет собой терроризм исламских экстремистов, которые объединяются вокруг некоторых мечетей. Так было в Британии, где виновные в организации взрывов в лондонском метро оказались членами радикально настроенных мусульманских общин. Эта же тенденция характерна для Италии: недавно в мечети близ итальянского города Перуджа полиция обнаружила террористическую ячейку, связанную с «Аль-Каидой» и возглавляемую имамом-джихадистом. Имам был арестован вместе с 20 «прихожанами». Но «Аль-Каида» как таковая – не религиозная, а сугубо политическая (или политико-экстремистская) организация. Можно спорить, является ли ее терроризм «реактивным» (то есть – ответом на действительное или мнимое насилие Запада над исламским миром) или же результатом фрустрации исламских кругов, упустивших исторический шанс модернизации и обновления. Но рост активности террористов в Европе – не угроза «исламизации».

Сейчас можно говорить о том, что назрел глобальный кризис совместного проживания коренных европейцев и образовавшейся за несколько последних десятилетий мусульманской общины в Европе. Европейцы, сторонники сохранения «расовой чистоты», бьют тревогу, обращая внимание на то, что Европа «смуглеет» и быстрыми темпами исламизируется, причем, в значительной степени и за счет принятия ислама коренными европейцами. Эти процессы порождают среди европейцев расистские настроения и проявления нетерпимости по отношению к мусульманам, что имеет важные политические последствия в контексте объявленного западной коалицией похода против «международного терроризма», под которым однозначно понимается «исламский терроризм».

За долгие годы европейцы сознательно сформировали и законодательно оформили пути иммиграции и натурализации жителей мусульманских стран и по сей день в них нуждаются. Другое дело, до какой степени иммигранты-мусульмане смогли ассимилироваться в новом обществе, и какую социальную нишу они заняли. Сегодня почти в каждой европейской столице есть мусульманские кварталы, большинство из них оформились в закрытые гетто с резко пониженным социальным статусом – территории со своими внутренними порядками, не управляемые официальными властями, места, где европейцы опасаются появляться. Это главное упущение европейских стран – их интеграционные проекты не сработали.

Мусульманское население Европы все больше чувствует конфликт с находящимся в среднем и пожилом возрасте коренным населением. Этот конфликт, имеющий экономические и социальные причины часто окрашивается в религиозные тона. Главной причиной этому является недостаток образования, которое ограничивает жизненные возможности мигрантов и делает их подверженными радикальной пропаганде экстремистов. Для мусульманской молодежи ислам становится маркером культурной идентичности, который несет элементы контркультуры и противопоставления окружающему миру, тогда как мусульманские практики и традиции уходят на второй план. В разных европейских странах борьба с молодежным исламским радикализмом приводит к конфликтам и преступности. Исследователи ислама полагают, что европейский исламский радикализм является заменой левацких идей и выходом для социального недовольства. Например, для заключенных тюрем радикальный ислам рассматривается как захватывающий мир, противостоящий государству.

В последние десятилетия XX в. произошли серьезные перемены. Первая коснулась мусульманского мира: секулярные режимы в мусульманских странах и связанная с ними политика часто дискредитировали себя. Нефтяной кризис резко повысил доходы традиционных монархий Саудовской Аравии и соседних стран. Исламская революция в Иране в 1979 г. сделала ислам политическим – возникло первое теократическое государство в исламском мире. Вторая перемена – сдвиг политического баланса в Европе. С кризисом социалистической системы в СССР и Восточной Европе в конце 80-х годов левая идея в Европе сильно пострадала. Вакантное место протестной идеологии стали быстро заполнять идеи политического ислама, импортированные из мусульманских стран мигрантами. Развитие коммуникационных технологий ускорило передачу радикальных идей в Европу. Тогда же в Европе появилось заметное число христиан и атеистов, переходящих в ислам. Тенденция к политизации ислама укрепилась благодаря тому, что в Европе осели многие исламисты из мусульманских стран, которых преследовали на родине. В Европе ограничения на свободу слова были сняты и радикальные имамы больше не нуждались в том, чтобы оглядываться на власть, пропагандируя свои идеи. Европа оказалась самым радикализированным регионом мусульманского мира. При этом политический ислам не стал объединительной силой европейских мусульман. Они так и остались, разделены своими ассоциациями по странам проживания и по конкретным ветвям ислама. Политических партий, объединяющих мусульман в рамках ЕС или рамках отдельных стран, не возникло. Европа оказалась полем битвы между правительствами Саудовской Аравии, Турции, Алжира, Марокко и Пакистана за умы мусульман. До конца 1990-х годов мышление европейцев основывалось на идеологии холодной войны, европейские правительства видели угрозу в социализме, но не в исламе.

Между Саудовской Аравией и секулярными правительствами Алжира, Марокко и Турции идет борьба за обладание монополией на контроль европейского ислама. По-

следние активно используют финансируемые ими мечети в Европе для уменьшения радикализма среди мигрантов в европейских странах. Алжир и Марокко контролируют более половины мечетей во Франции, предоставляя своим бывшим гражданам свою, менее «консервативную», чем саудовская, версию ислама. По всей Европе между мечетями, финансируемыми из-за рубежа, происходят идеологические конфликты, переходящие в кровавые столкновения. Европейские имамы назначаемые из-за рубежа оказываются наименее интегрированными в европейское общество и активно выступают против ассимиляции и интеграции мусульманских мигрантов в европейское общество.

Радикализации мусульман способствует непродуманная политика и непроизвольная реакция европейского социума. «Неолиберальная реакция подорвала не только систему социальной защищенности, но ослабила и социальные связи между людьми. В условиях дефицита солидарности растет потребность в появлении символического общего врага, что позволило бы соединить людей хотябы на символическом уровне... Национализм заполняет вакуум, растущий по мере того, как миллионами людей осознается лживость обещаний либеральной идеологии... Дополнительным стимулом для мобилизации общества под знаменем коллективного страха делается угроза терроризма».² Наибольшей дискриминации подвергаются наиболее интегрированные мусульмане. От самых образованных и высококвалифицированных из их числа требуют отказа от самоидентификации. Они искусственно загоняются на низкооплачиваемые работы или вынуждены эмигрировать.

Отсутствие контроля над огромной частью мусульманской общины несет опасность не только, и не столько для европейцев, сколько для самих мусульман. Известны, например, факты, когда мусульманская девушка подвергается насилию за отказ от ношения хиджаба со стороны своего же окружения. Но это проблемы бытового уровня, намного опаснее то, что вакуум, образовавшийся из-за разрыва между мусульманскими общинами и национальными властями, заполняют экстремисты.

Антиглобализм и исламский фундаментализм (салафийя), выступают как различные формы реакции на кризисные явления, обнаружившиеся в процессе неолиберального развития. Исламский фундаментализм – явление новое, и описывать его как реакцию традиционалистского общества на модернизацию неправильно. Фундаментализм находится в остром конфликте с традиционалистским направлением ислама, и это неоспоримый факт. Фундаментализм предполагает открытое и агрессивное навязывание ряда норм и правил, начиная от поведения и кончая социальным устройством, организацией армии и проведением тех или иных экономических мер. Обосновываются эти требования в достаточной мере традиционными ссылками на «возвращение к истокам ислама». Можно говорить о том, что фундаментализм в идеологическом плане является исламским вариантом Реформации.

Необходимо четко разделять мирное исламское население Европы и исламистов, использующих религиозный фактор, играя на противоречиях в Европе. Существует конфликт между экстремистами и мусульманами Европы в целом. Безусловно, возникают противоречия между мусульманской общиной и светской Европой, но они разрешаются принципиально иными методами. Это видно на примере карикатурной войны.

Впервые карикатуры были опубликованы в одной из газет Дании – единственной в Европе страны, где мусульманское население (а вместе с ним и коренное) законодательно ущемляется в правах. Так, например, этническим датчанам в возрасте до 28 лет запрещено жениться и выходить замуж за иностранцев (под эту категорию попадают в первую очередь мусульмане). В ответ на публикации мусульманская община Дании подала официальный протест в редакцию с требованием принести извинения. Извинений не последовало. Опуская подробности, скажем, что карикатуры отправились на Ближний Восток, и лишь после этого началась целая череда демонстраций с поджогами и погромами. Даже в Турции, которая одной ногой стояла в Европе, не обошлось без восстаний. Мусульмане Европы восприняли скандал на удивление спокойно, демонстрации были минимальны.

² Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 421.

Другой пример, противоречий между исламскими экстремистами и мирным мусульманским населением – последствия терактов в Лондоне. Спустя всего четыре месяца после терактов был создан Национальный форум против экстремизма и исламофобии. В него вошли умеренные имамы, большинство из них родились и выросли в Британии. Инициативу умеренных мусульман поддержали власти. То есть мирные мусульмане не просто не поддержали экстремистов, они вынуждены были защищать себя в европейском обществе, бороться за нейтрализацию негативных последствий, которые угрожали им в результате терактов. После этих терактов британская полиция все усилия направила именно на то, чтобы поставить под контроль те районы, которые попали в зону влияния экстремистов.

Поводя итоги, необходимо еще раз подчеркнуть, что проблема мусульманского населения Европы состоит не только в том, как они ведут себя по отношению к европейцам, но и в том, насколько европейцы способны адекватно оценить ситуацию и принять соответствующие меры. Очевидна реакция на погромы и теракты, вопрос в том, на кого она направлена. Нужно учитывать, что слишком жесткие репрессии дадут исламский фундаменталистам новую возможность использовать исламский фактор для провокации новых всплесков агрессии и втягивания мирного населения в военизированные акции протеста. Официальные мусульманские организации в Европе, мусульманские партии, вызывающие у многих страх перед «ползучей исламизацией Европы», на самом деле являются теми силами, которые способны к диалогу и, как результат, к нахождению компромисса сосуществования.

Список литературы

1. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.

NEOLIBERAL REACTION AS A FACTOR OF ISLAMIZATION OF EUROPE

S. V. REZNIK¹⁾
V. N. MIZAEV²⁾

¹⁾Belgorod State University

e-mail:
reznik@bsu.edu.ru

²⁾Moscow State Mining University

The article observes the factors of islamization, radicalism and terrorist actions, as well as the reaction of European society and governments to these processes.

Key words: Islam, islamization, radicalism, terrorism, liberal ideology, neoliberal reaction, antiglobalism, fundamentalism.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 659.4(043)

ФУНКЦИИ ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ В АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

Е. В. ГУРЧЕНКОВ

*Московский государственный
университет пищевых
производств*

e-mail: 1otdel@inbox.ru

В статье рассматривается влияние миграционных процессов на адаптацию мигрантов в российское общество. В статье показана важность знания языка принимающей стороны для интеграции мигрантов и их детей.

Ключевые слова: язык, миграция, рабочая сила, интеграция.

В условиях глобализации мировой экономики и расширения хозяйственных связей все большее число государств вовлекается в миграционные процессы. Наиболее интенсивно развивается внешняя трудовая миграция. Экономика многих стран Европы, включая и Россию, без трудовых мигрантов обойтись уже не может.

Изучение опыта решения миграционной проблематики в зарубежных странах позволило установить, что ассимиляционная модель часто становится невозможной в силу того, что во многих странах уже сложились значительные по численности и силе влияния на экономику иммигрантские диаспоры, своеобразные субкультурные сообщества, построенные по этнокультурному, языковому или расовому принципу. Кроме того, опыт показывает, что при серьезных этнокультурных различиях между страной исхода и принимающей страной ассимиляция прибывающих иммигрантов становится поверхностной, поскольку люди не могут быстро и безусловно принять базовые ценности новой родины.

Большинство мигрантов, прибывающих из зарубежных стран, недостаточно владеют русским языком, знаниями о культурном наследии и истории, основами российского законодательства и реалиями российского быта. Зачастую этнические мигранты не ориентированы на освоение принятых в среде принимающего города обычаев и норм поведения.

Субъекты Российской Федерации, принимающие значительные потоки мигрантов на протяжении уже почти двадцати лет, предпринимают попытки разрабатывать собственные подходы к решению проблемы адаптации и интеграции мигрантов в российский социум. Однако основная нагрузка приходится на социальную сферу, главным образом на систему образования. С каждым годом в школы и дошкольные образовательные учреждения поступает все больше детей и подростков, идентифицирующих себя с другими культурами.

Наиболее масштабно, следуя общемировым тенденциям, на этом направлении работает столичный регион. Как экономически эффективный мегаполис со столичными функциями и развитой инфраструктурой, высоким уровнем жизни и большим числом привлекательных рабочих мест, Москва стала главным центром притяжения миграционных потоков. Этому способствует и географическое положение города, его роль как крупнейшего транспортного узла России и всего постсоветского пространства¹.

Общий объем прибывающих в Москву мигрантов ежегодно составляет более миллиона человек. В 2008 году по месту пребывания было зарегистрировано 1,36 млн человек (в 2007 году – 1,23 млн человек) иностранных граждан, преимущественно из стран СНГ. Наибольший удельный вес, около 80%, составляют граждане Украины, Казахстана, Узбекистана, Молдовы, Азербайджана и Таджикистана. По данным Департамента образования, сегодня в столичных школах обучается около 70 тысяч детей из семей мигрантов, в том числе около 30 тысяч детей из ближнего и дальнего зарубежья. Среди прочих работают школы с азербайджанским, армянским, грузинским, еврейским, китайским, корейским, литовским, польским, татарским, турецким, украинским, молдавским этнокультурным уклоном. Более половины всех этношкол реализуют русский этнокультурный компонент, включающий углубленное изучение русского языка, литературы и культуры.

Таблица

Удовлетворяются ли образовательные потребности членов вашей этнической общности в московском мегаполисе? (в процентах)

Национальность	В полной мере	Частично	Невозможно реализовать	Затруднились ответить
Азербайджанцы	24	43	12	21
Башкиры	25	41	10	—
Белорусы	33	45	8	14
Корейцы	26	41	10	—
Татары	26	42	11	—

Данные приведены на основе опросов представителей национальных общностей, проводившихся сотрудниками Московского городского педагогического университета, Московского гуманитарного педагогического института и “Московского дома национальностей”.

Несмотря на то, что основные полномочия по определению миграционной политики и регулированию миграционных процессов закреплены за федеральными органами, правительство Москвы в инициативном порядке с 2000 г. разрабатывает и реализует целевые программы, направленные на регулирование миграции в условиях мегаполиса.

В московской системе образования вопросы адаптации и интеграции мигрантов в общество уже давно включены в планы и содержание столичного образования. Апробированы многие инновационные и нормативно-организационные подходы, созданы учебно-методические пособия. Работает сеть специализированных общеобразовательных учреждений, осуществляющих первичную адаптацию мигрантов. Накопленный в данной сфере опыт находит отражение в целевых программах правительства Москвы по вопросам межнациональных отношений и миграционной политики. Более того, благодаря усилиям Департамента образования города Москвы одной из задач Московской городской миграционной программы на 2008–2010 годы стала «адаптация и интеграция иммигрантов на основе взаимоуважения к культуре, религии, обычаям, традициям и жизненному укладу жителей города».

Московские власти не скрывают, что миграционная ситуация в мегаполисе, в том числе и в области образования, остается сложной. Ведь вместе с родителями в столицу приехали десятки тысяч маленьких иностранцев, в основном выходцев из бывших союз-

¹ Грищенко В. В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России.- М.: Институт психологии РАН, 2002.- 252 с.

ных республик. Многие из них не говорят и не понимают по-русски, не имеют представления о российских традициях и порядках. Без решения этих проблем они не смогут учиться и быть полноценными членами общества, а потому обречены стать маргиналами, а, возможно, и преступниками².

Исследование проблемы адаптации детей мигрантов в городе Москве позволило установить, что, во-первых, она идет в основном через школы с этнокультурным компонентом – углубленным изучением языка и культуры того или иного народа. С 1991 года в г. Москве функционируют этнокультурные школы как государственные учреждения, в которых большая часть учеников одной национальности. Занятия по родной культуре ведутся не как факультатив, а как обязательные уроки. Они стоят в школьном расписании и занимают четверть всего учебного времени. Этнокомпонент в школах самый разнообразный: грузинский, армянский, азербайджанский, литовский, польский, украинский, еврейский, татарский, турецкий, корейский и даже хинди.

Принятый в 2004 году закон «Об общем образовании в городе Москве» утвердил принципы создания и функционирования государственных образовательных учреждений с этнокультурным компонентом образования. Согласно новому закону, такие школы – один из видов «государственных образовательных учреждений, реализующих общеобразовательные программы». Закон утверждает и право образовательных учреждений формировать классы с этнокультурным (национальным) компонентом образования. Основной задачей учреждений (классов) с этнокультурным компонентом образования, как и других государственных школ, стало обучение на русском языке в соответствии с образовательными стандартами Российской Федерации.

Этнокультурный компонент образования в этих школах и классах реализуется с учетом пожеланий родителей и учеников за счет регионального и школьного компонента, в виде дополнительных образовательных программ по изучению национальных языков, истории, культуры и традиций народа–носителя языка. Язык обучения в рамках системы дополнительного образования – русский и/или национальный (по выбору школы и родителей).

Проведенный анализ функционирования современных этнокультурных школ позволил выявить ряд проблем. В них, в основном, обучаются дети из образованных семей, где понимают, насколько важно хорошо знать русский язык и культуру, не растеряв при этом своих корней. А ребята из небогатых семей, семей трудовых мигрантов со строек, отправляются в ближайшую школу – туда, где возьмут. В этой связи в последнее время к школам с этнокультурным компонентом стали возникать претензии со стороны жителей микрорайонов, в которых функционируют школы, усматривающих в этом ущемление прав других национальностей. Выход из этой ситуации видится простой: диаспорам необходимо создавать свои этнокультурные центры, в которых обучение детей языку и традициям своего народа должно осуществляться во внеурочное время и за собственные деньги³.

Сложность проблемы интеграции детей-мигрантов в российский социум проявляется и в том, что прибывающие в мегаполис мигранты, вынужденные не только адаптироваться к новым условиям жизни, а их дети в школе – к новым предметам и незнакомым одноклассникам, но и научиться взаимодействовать с коренными жителями городов, которые, в свою очередь, находясь в постоянном контакте с мигрантами, тоже должны приспособиться к взаимодействию с ними, своим отношением упрощая или, наоборот, усложняя процесс их социализации и адаптации. В этой ситуации важное значение приобретает психологическая установка на терпимое, толерантное восприятие окружающего мира – основное условие нормальной интеграции мигрантов. Чтобы интеграция прошла успешно, необходимы соответствующие встречные усилия и со стороны принимающего общества.

Такой подход носит универсальный характер. В равной степени он относится и к московскому мегаполису, где характерные для части жителей проявления бытовой ксенофобии и мигрантофобии усложняют психологическую ситуацию в школьной среде. Это особенно

² Рыбаковский Л. Л., Рязанцев В. И. Международная трудовая миграция в Россию и принципы новой миграционной политики. // Россия и современный мир.-2006.-№4.- с. 51-62.

³ Федотов В. Россия: проблемы трудовой миграции. // Общество и экономика.-2008.-№1.- с. 174-182.

проявляется в тех случаях, когда школьная администрация, профессиональные объединения учителей, родительские комитеты и советы учащихся не ведут регулярную воспитательную работу по созданию атмосферы межнационального взаимопонимания и согласия.

Большую роль в овладении детьми национальной культурой, искусством, традициями играет дополнительное образование. Практически в каждом образовательном учреждении, работающем по программам этнокультурного образования, – и в школах, и в культурно-образовательных центрах – действуют фольклорные, хореографические, хоры, музыкальные студии и ансамбли, театральные и изостудии. Их воспитанники – непрременные участники фестивалей национального искусства и различных праздничных мероприятий, в том числе в Московском доме национальностей, в Государственной думе, в рамках ежегодно проводимой масштабной выставки «Московское образование», разнообразных международных, межрегиональных и общемосковских культурных мероприятий.

Важную роль в этнокультурном образовательном процессе играют этнографические экспедиции и краеведческая деятельность. Каждое лето отправляются в экспедиции: в Литву – учащиеся школы №1247 с литовским компонентом образования, в места компактного проживания татар – ученики школы № 1186 с татарским компонентом образования, по историко-культурным местам России – ученики школ №141, 1148, 1410, 548 и ряда других с русским компонентом образования. Группы учащихся школы №1086 с корейским компонентом образования ежегодно выезжают в Сеул (Республика Корея). Собранные в поездках материалы обсуждают на школьных научно-практических конференциях, используют в учебном процессе, делают экспонатами школьных выставок.

Программы этнокультурного образования в дошкольных образовательных учреждениях стремятся приобщить детей к традиционной народной культуре. Для этого применяют праздничный календарь, знакомят детей с национальными играми, танцами, песнями. Часто учреждения с этнокультурным компонентом образования становятся подлинным очагом культуры и для родителей учащихся. На праздниках народного календаря, которые отмечаются в соответствии с национальными традициями, с удовольствием приходят представители посольств, национально-культурных объединений.

Учащиеся школ с этнокомпонентом изучают как минимум три языка: государственный русский, родной, и иностранный. Дети, которые не владеют государственным языком в достаточной степени, учат русский в специальных группах и на дополнительных занятиях, что способствует их быстрой языковой адаптации. Здесь активно используется методика преподавания русского языка как иностранного. Именно на основе результатов работы с учащимися и педагогами этнокультурных школ были приняты первые меры по разработке специальных учебных программ. Таким образом, учреждения с этнокультурным компонентом образования играют важную роль в столичной системе адаптации и интеграции зарубежных мигрантов.

Необходимо отметить, что столичная система образования традиционно уделяла большое внимание вопросам воспитания толерантного сознания и культуры мира, установлению в образовательных учреждениях атмосферы дружбы и межнационального согласия. Гражданское образование, нацеленное на укрепление в столице атмосферы общественно-политической стабильности, социального мира и межнационального согласия, провозглашено одной из наиболее важных целей работы учреждений образования. Эта работа стала тем более актуальной при увеличении числа учащихся-мигрантов практически во всех московских детсадах, школах и колледжах. Департамент образования города Москвы требует от окружных управлений образования и столичных школ планомерного участия в укреплении единого московского культурного и образовательного пространства. Провозглашенные ООН и ЮНЕСКО принципы «культуры мира» легли в основу проводимой в московском образовании линии на укрепление дружбы народов и интернациональное воспитание молодежи.

Известно, что менталитет школьников, в том числе их отношение к инокультурным по своему этническому происхождению сверстникам, в значительной мере формируется в семьях. Поэтому образовательные учреждения города уделяют большое внимание работе с родителями школьников. Их активно привлекают к подготовке и проведению значимых школьных мероприятий, связанных с межкультурным общением и воспитанием установок толерантности в школьной среде. Опыт города Москвы показывает, что

учебный и воспитательный процесс в школах, где обучаются дети мигрантов, становится более эффективным, если построен на тесном взаимодействии в школьной жизни педагогов, учащихся и их родителей⁴.

При сравнении опыта, накопленного московским мегаполисом, с политикой в сфере адаптации мигрантов, которую проводят ведущие мегаполисы мира и государства, можно сделать вывод о том, что правительство г. Москвы и московское образование движутся в русле основных тенденций развития миграционной и образовательной политики тех государств и городов мира, которые, как и российская столица, принимают большие потоки мигрантов – представителей иных, по сравнению с коренным населением, языков и культур.

Язык является важнейшим индикатором адаптации мигрантов. Изучение языка страны, в которую прибывает мигрант, прохождение теста на знание национального языка является распространенной международной практикой, доказавшей свою эффективность во многих странах мира. Обучение русскому языку является основным способом адаптации мигрантов в российское общество. Россия обязана предпринять срочные шаги в обучении в рамках реализации мигрантов русскому языку. Эта проблема приобретает особо важное значение в рамках закона, обязывающего трудовых мигрантов знать русский язык, и в силу того, что в последнее время в странах СНГ, откуда в Россию едет основная масса трудовых мигрантов, уровень преподавания русского языка снизился, а в некоторых государствах русскому языку перестали учить вообще.

Список литературы

1. Грищенко В. В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. - М.: Институт психологии РАН, 2002. - 252 с.
2. Рыбаковский Л. Л., Рязанцев В. И. Международная трудовая миграция в Россию и принципы новой миграционной политики. // Россия и современный мир. – 2006. - №4. – с. 51-62.
3. Федотов В. Россия: проблемы трудовой миграции. // Общество и экономика. – 2008. – №1. – с. 174-182.
4. Горячев Ю.А., Захаров В.Ф., Курнешова Л.Е., Омельченко Е.А., Савченко Т.В. Интеграция мигрантов средствами образования: опыт Москвы. – М.: Издательский дом «Этносфера», 2008. – 112 с.

FUNCTIONS OF EDUCATIONAL INSTITUTION IN ADAPTATION OF MIGRANTS

E. V. GURCHENKOV

*Moscow State University
of Food Production*

e-mail: 1otdel@inbox.ru

Influence of migratory processes on adaptation of migrants in the Russian society is considered in the article. The importance of knowing the language of a receiving party for integration of migrants and their children is shown.

Key words: language, migration, manpower, integration.

⁴ Горячев Ю.А., Захаров В.Ф., Курнешова Л.Е., Омельченко Е.А., Савченко Т.В. Интеграция мигрантов средствами образования: опыт Москвы. – М.: Издательский дом «Этносфера», 2008. – 112 с.

УДК 316.33:321

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРОЕКТАМИ И ПРОГРАММАМИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА¹

В. А. САПРЫКА*Белгородский
государственный
университет**e-mail: sapryka@bsu.edu.ru*

В статье рассмотрены вопросы методологии управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона. Определены основные принципы методологии управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества. Изучена взаимосвязь между формами приграничного сотрудничества и реализацией социально-экономических проектов и программ в условиях приграничья.

Ключевые слова: методология, формы, приграничное сотрудничество, приграничное пространство, управление программами, управление проектами.

Для Российской Федерации, у которой по территории 49-ти из 83-х субъектов проходит государственная граница, особую актуальность приобретают исследование преимуществ и содержания приграничного сотрудничества как специфической формы трансграничного взаимодействия регионов разных стран и разработка принципов и инструментов обоснования стратегических направлений его эффективного развития².

Проблема обоснования методологии управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона заключается в слабой разработанности представления о межрегиональном и приграничном сотрудничестве на территории Российской Федерации.

Функции новых российских границ становятся все более дифференцированными. Соотношение двух наиболее значимых из функций – барьерной и контактной – различается в связи с усиливающимися контрастами в политико-правовом, экономическом и культурном пространстве между отдельными странами постсоветского пространства. Дифференциация границ возрастает и вследствие разной динамики трансграничных потоков, неодинаковых последствий их возникновения для прилегающих районов и разной скорости адаптации их населения и хозяйства к происходящим изменениям³.

Так, В.А. Дергачев отмечает, что приграничное сотрудничество чаще всего проявляется в следующих формах⁴:

- приграничная торговля;
- производственная кооперация;
- совместное строительство и взаимопомощь в сооружении промышленных и других объектов;
- использование иностранных рабочих;
- создание пограничной инфраструктуры;

¹ Статья подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы»

² Ирхин Л.А. Стратегические направления развития приграничного сотрудничества регионов России в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – 29 с.

³ Колосов В. Как изучать «новое пограничье» России? // Режим доступа к изд.: <http://www.intertrends.ru/sixth/008.htm>. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

⁴ Дергачев В.А. Институт геополитики профессора Дергачева // Режим доступа к изд.: <http://www.dergachev.ru/book-7/05.html>. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

- установление преференциального режима на пограничных таможенных пунктах и транспортных узлах;
- совместное использование энергетических, водных и других природных ресурсов и предоставлении технической помощи;
- передача ноу-хау;
- консалтинговые услуги;
- социокультурное сотрудничество диаспор;
- туризм и курортно-рекреационное хозяйство;
- экология (совместных работах по охране природной среды и радиационной безопасности);
- обмен и помощь сельскохозяйственной техникой и в области селекции и др.

Перечисленные формы аккумулируют мировой опыт формирования межрегионального приграничного сотрудничества, а также европейский опыт трансграничного и приграничного межрегионального сотрудничества.

В европейской научной практике присутствует разделение понятий межрегионального и приграничного сотрудничества, однако на постсоветском пространстве эти понятия часто смешиваются. Так, под межрегиональным и приграничным сотрудничеством государств-участников СНГ понимаются согласованные действия органов государственной власти, органов власти административно-территориальных единиц государств-участников СНГ, органов местного самоуправления, юридических лиц, общественных организаций, совершаемые в рамках действующего законодательства государств-участников СНГ, направленные на укрепление всесторонних отношений сопредельных государств в решении вопросов устойчивого развития регионов и приграничных территорий, повышения благосостояния населения приграничных территорий, обеспечение безопасности жизни граждан, охраны окружающей среды и взаимопомощи в чрезвычайных ситуациях, упрочения дружбы и добрососедства государств-участников СНГ⁵.

Область изучения межрегионального сотрудничества включает в себя пространственное, социально-экономическое и социально-культурное развитие граничащих регионов. Это требует разработки специальных управленческих методологий, способных решать комплексные задачи и достигать максимальной эффективности развития приграничных территорий.

В настоящее время можно выделить комплекс проблем затрудняющих внедрение моделей межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона на территории России. К ним относятся:

- отсутствие единой методологической и методической базы при управлении социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона;
- различие подходов к формированию межрегионального сотрудничества в регионах, находящихся на западной и восточной границе Российской Федерации;
- низкий методический уровень анализа, планирования и прогнозирования влияния приграничных факторов на региональное развитие, экономический потенциал приграничных регионов;
- отсутствие системного подхода к формированию законодательной базы и согласованности при принятии региональных и федеральных нормативно-правовых актов;
- неэффективность информационного сопровождения процессов реализации социально-экономических проектов и программ, проводимых в моделях межрегионального сотрудничества;
- дефицит интерактивных методов включения населения в процесс реализации моделей межрегионального сотрудничества;
- отсутствие мониторинга эффективности социально-экономических программ и проектов межрегионального сотрудничества.

⁵ Решение Совета глав правительств СНГ «О концепции межрегионального и приграничного сотрудничества государств-участников Содружества независимых государств» // Режим доступа к изд.: <http://www.lawmix.ru/abro.php?id=10840>. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

На наш взгляд, отсутствие единой методологической и методической базы управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона требует максимального внимания со стороны исследователей и ученых.

Методология и технологии проектно-ориентированного управления сегодня являются общепризнанными и широко используются во всех развитых странах мира при управлении бизнесом, государством и обществом, именно его применение обеспечило этим странам динамичное развитие и высокую конкурентоспособность⁶.

Применение проектно-ориентированного управления в условиях межрегионального приграничного сотрудничества невозможно без разработки научно обоснованной методологии, отвечающей за набор процедур, принципов и технологий, наиболее подходящих для конкретного типа проекта или программы межрегионального сотрудничества.

Для понимания основных принципов, методик, методов и моделей методологии управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона необходимо обратиться к пониманию самого термина «методология».

Методология (от «метод» и «логия») – учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности⁷. В американской практике, методология определяется, как ряд связанных принципов и процедур при исследовании особого пространства, второе значение определяет методологию, как связанные между собой методы, правила и постулаты определенной дисциплины⁸.

Понимание предмета и структуры методологии подробно рассматривается в трудах А.М. Новикова и Д.А. Новикова⁹. Так, они отмечают, что методология – это учение об организации деятельности и утверждают, что такое определение однозначно детерминирует и с предметом методологии. Именно это определение мы используем в ходе анализа методологии управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона.

В то же время, необходимо учитывать, что программы и проекты представляют различные объекты управления и нуждаются в различных подходах. С точки зрения стандартов Института по Управлению Проектами основные отличия управления программами от управления проектами заключаются в следующем¹⁰:

- цели проектов отличаются от целей программ тем, что при завершении проекта получают осязаемые результаты (deliverables), при завершении программы получают общее улучшение бизнеса;
- при управлении проектами менеджер проекта управляет исполнителями, при управлении программой менеджер руководит менеджерами проектов;
- при бюджетировании управление проектами может включать в себя управление расходами (project cost management); управление программами – как расходной, так и доходной частью программы (Program financial management).

В целом, понятие программы шире, нежели понятие проекта, в то же время реализация программ без конкретных проектов, является декларацией и не дает результатов.

Практика управления проектами и программами в современном мире, накопленные знания и опыт по их реализации в различных сферах, а также результаты международного сотрудничества в данной области вышли на тот уровень, когда стало возможным и необходимым интегрировать знания по управления проектами в единую системную модель.

⁶ Воропаев В. Россия в мировом сообществе управления проектами // Режим доступа к изд.: http://www.sovnet.ru/pages/public/article_part1.doc. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

⁷ См.: Советский энциклопедический словарь. – М., 2002.

⁸ Miriam-Webster // Режим доступа к изд.: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/methodology>. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

⁹ См.: Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. – М., 2006.

¹⁰ Официальный сайт Института по управлению проектами // Режим доступа: <http://www.pmi.org/Pages/default.aspx>. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

Принципиальная методологическая системная модель управления проектом состоит из трех основных блоков¹¹:

- субъекты управления;
- объекты управления;
- процесс управления осуществлением проекта.

Методология управления проектом, по мнению **Алистеры Коуберна**, состоит из десяти основных элементов: ролей, навыков, видов деятельности, используемых техник, инструментария, поставляемых артефактов, стандартов, мер качества и приоритетов проекта¹².

Можно отметить следующие принципы методологии управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона:

– принцип сочетания специализации и универсализации при управлении реализации проектов и программ межрегионального сотрудничества (при выполнении различных процессов при управлении проектами необходим учет специализации и универсализации);

– принцип научности, заключающийся в том, что управление должно учитывать законы и закономерности, которые независимо от субъекта проявляются и действуют в объектах управления;

– принцип целеполагания, который динамично переориентируется с процессов на результаты – экономические, социальные, экологические и др.;

– принцип комплексности, в соответствии с которым население выступает не только фактором производства, но и главным образом целью развития экономики, социальным ориентиром для всех структур и технологий практического управления;

– принцип децентрализации; он заключается в перемещении принятия решений от центральных органов к созданным проектным рабочим группам,

– принцип субсидиарности, подразумевающий, что управление должно осуществляться на максимально низком уровне, то есть заключается в передаче некоторых полномочий от федерального центра региональным властям, а от них – муниципальным образованиям;

– принцип уважения государственного суверенитета, включающий в себя признание и уважение политической независимости государства, его территориального верховенства и территориальной целостности;

– принцип мобильности и адаптивности, который определяет способность системы управления межрегионального сотрудничества реагировать на изменения внешней среды;

– принцип партнерства, предполагающий отход от жесткой иерархической соподчиненности по вертикали;

– принципы обмена информации, который определяет необходимость создания единого информационного межрегионального пространства.

Основываясь на сформулированном выше понимании термина «методологии» и отмеченных принципах, необходимо выделить объект, субъекты и предмет методологии управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона.

Арчибальд Р.Д., Воропаев В.И., Секлетова Г.И. в своей работе «Системная методология управления проектами и программами» подчеркивают, что объектами методологии управления проектами и программами могут выступать множество проектов и программ в организациях или компаниях¹³.

¹¹ Воропаев В.И., Секлетова Г.И. Системное представление управления проектами // Режим доступа к изд.: http://www.iteam.ru/publications/project/section_36/article_2338. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

¹² Коуберн А. Каждому проекту своя методология // Режим доступа к изд.: http://zeus.sai.msu.ru:7000/SE/project/meth_per_project. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

¹³ Арчибальд Р.Д., Воропаев В.И., Секлетова Г.И. Системная методология управления проектами и программами // Режим доступа к изд.:

Таким образом, объектом методологии управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона является процесс разработки и реализации социально-экономических проектов и программ межрегионального сотрудничества, реализуемых в условиях приграничья.

Основными участниками межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона следует считать:

- органы государственной власти;
- органы власти административно-территориальных единиц государств-участников;
- органы местного самоуправления;
- юридические лица приграничных регионов;
- институты еврорегионов;
- общественные организации приграничных регионов.

Проектные группы межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона включают в себя инициативную группу и рабочую группу.

Группами управления социально-экономического проектом или программой межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона являются координаторы проекта приграничных регионов и члены команды управления.

Выделив объект и субъект методологии управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона, определим ее предмет. Предметом в данном случае выступает межрегиональное объединение приграничных регионов (в европейской практике такое межрегиональное объединение приграничных регионов получило название «еврорегион»).

При изучении предмета методологии управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества используются методы фундаментальных научных дисциплин таких, как философия, логика, математика, социология, география, история, политология и т.д. Следует отметить и специфические методы, использующиеся при управлении социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона:

- программно-целевые, направленные на перевод всей управляющей системы в новое качественное состояние, формирование команды инновационного типа, активно использующей в работе моделирование и прогнозирование социально-экономических процессов, математические, статистические, иные методы целеполагания;
- методы реализации проекта, совокупность приемов и способов, используемых для расчета плановых показателей и плана в целом, методы теории графов для построения и оптимизации сетевого графика проекта и распределения ресурсов; методы организации работы команды и т.д.

В настоящий момент, практика внедрения моделей межрегионального сотрудничества на постсоветском пространстве показывает, что приоритет отдается именно процессному подходу. Отличие проектной деятельности от процессной деятельности в однократности, то есть нецикличности последней, в то же время проектный и процессный подход не противоречат друг другу. В рамках современного проектно-технологического типа организационной культуры, которое имеет все большее влияние в организации процессов межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона, все больший приоритет приобретают проекты как завершенные циклы деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости перехода от процесса простого копирования существующих форм и моделей межрегионального сотрудничества в приграничных регионах на территории Российской Федерации к процессу формирования научно обоснованной методологии управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества, которая даст возможность использовать существующую отечественную и зарубежную практику в сфере межрегионального сотрудничества, а также разрабатывать новые методы, модели

и способы функционирования межрегионального приграничного пространства. Разработка и реализация социально-экономических проектов и программ межрегионального сотрудничества должна основываться на теоретико-методологической базе, которая будет интерпретироваться через прикладные аспекты современной социально-экономической парадигмы регионального развития.

ACTUAL ISSUES OF METHODOLOGY OF CROSS-BORDER COOPERATION FOR SOCIO-ECONOMIC PROJECTS AND MANAGEMENT OF PROGRAMS FOR A CROSS-BORDER REGION

V. A. SAPRYKA

Belgorod State University

e-mail: sapryka@bsu.edu.ru

The methodological questions of cross-border cooperation for socio-economic projects and management of programs for cross-border region is focused on in the paper. Its role has been to provide with methodologies of projects management in the world practice. Basic principles of the methodology of cross-border cooperation for socio-economic projects and programs management for cross-border region have been determined. The forms of cross-border cooperation and realization of socio-economic projects and programs for cross-border region are investigated in the paper.

Key words: methodology, forms, cross-border cooperation, cross-border area, programs management, projects management.

УДК 316.347(470+571)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СПЕЦИФИКИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

И. С. СЕДОВ

*Российский
государственный
торгово-экономический
университет*

В данной работе рассматриваются проблемы конфликтного взаимодействия этнических общностей, закономерности пространственного характера в специфических условиях действия мировых и региональных «центров силы», а также некоторые прикладные социологические вопросы, находящиеся в плоскости межнациональных отношений.

Ключевые слова: межнациональные отношения, конфликт, геополитика.

Расползание смыслов и пространств, свойственное постсоветской эпохе, не могло не отразиться на практике взаимодействия культурных солидарностей. Распад Советского Союза стал трагедией многих народов, населявших огромный евразийский ареал, ибо эти народы отличал ряд уникальных свойств, зримо проявлявшихся в зонах межэтнического контакта ещё в более ранние исторические периоды.

Л. Гумилёв утверждал, что этнические общности (народы) Российской империи (а в равной степени и СССР, правда, не без исключений) обладали значительным числом черт внутреннего духовного родства, существенным психологическим сходством и часто возникающей взаимной симпатией (комплиментарностью).

Что есть комплиментарность и каковы формы ее проявления? Обратимся вновь к Л. Гумилеву.

«В становлении первичного коллектива, зародыша этноса, главную роль играет неосознанная тяга людей определенного склада друг к другу. Такая тяга есть всегда, но когда она усиливается, то для возникновения этнической традиции создается необходимая предпосылка. А вслед за тем возникают социальные институты. Итак, рождению любой этнической традиции и сопряженного с ней социального института предшествует зародыш – объединение некоторого числа людей, симпатичных друг другу»¹.

Далее вопрос рассматривается в несколько иной, но параллельной плоскости: что именно цементирует разных людей, часто непохожих друг на друга, в целостность, называемую этнической?

Почему афинянину был ближе его враг – спартанец, чем мирно торгующий с ним финикиец? (современная аналогия – украинец-«хохол» и азербайджанский торговец для русского). Ответ укладывается в рамки того, что афиняне и спартанцы – греки, эллины, а русские и украинцы – восточные славяне, россы, т.е. единый, хотя и политически раздробленный этнос.

Новое понятие, введенное Л. Гумилевым и как бы дополняющее ответ – природное этническое поле, подобное известным электромагнитному, гравитационному и др., но вместе с тем отличающееся от этих полей.

Проявляется же факт его существования, по Гумилеву, в коллективной психологии, воздействующей на персоны. Такое этническое поле (или феномен, ему равноценный) мы воспринимаем как этническую близость – или, наоборот, чуждость.

«Когда носители одного ритма сталкиваются с носителями другого, то воспринимают новый ритм как нечто чуждое, в той или иной степени дисгармонирующее с тем ритмом, который присущ им органически. Новый ритм может иногда нравиться, но несходство фиксируется сознанием как факт, не имеющий объяснения, но и не вызывающий сомнения»². А проявляются ритмы этнополя в стереотипе поведения (неповторимом).

При колонизации Америки было замечено, что испанцы и французы относительно легко вступали в контакты с индейскими племенами, тогда как англосаксы (WASP)

¹ Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. – С-Пб.: Азбука-классика, 2002. С.269.

² Там же. С.353.

вели с ними практически войну на уничтожение. Русские легко смешивались с татарами и бурятами, без труда растворялись среди якутов, но с индейцами «Русской Америки» (Аляски и Сев. Калифорнии) не поладили и не смогли там закрепиться.

Л. Гумилев объясняет это тем, что каждый этнос – это поле с определенной частотой колебаний, и если в ритмах полей этносов имеются «созвучия», их взаимодействие будет носить неконфронтационный характер³.

Проиллюстрируем всё вышесказанное данными авторских исследований, проведенных методом анкетирования в студенческой среде (респондентами являлись студенты (русские и татары) вторых курсов Саратовского агроуниверситета и сельхозтехникума, февраль-июнь 2004г, объём выборки – 200 чел.). По половому признаку респонденты распределились следующим образом: 87% – девушки, 13% – юноши. При рассмотрении результатов опроса оказалось, что около 88% студентов-татар согласились бы жить в одной комнате общежития с русскими (ответ «нет» встретился только в 8% случаев).

Далее 29% татар согласны связать себя узами брака с лицами русской национальности (ответивших «нет» – 27%). Среди русских аналогичные показатели по отношению к татарам таковы: 54%(9%); 35%(47%).

Совместный с представителями татарской национальности бизнес не против вести 44% русских, 38% не возражают, чтобы их предприятием руководил татарин.

Следует отметить, что Российская империя (Русь) колонизовала восточные пространства совершенно иначе, чем, например, Великобритания или другие страны западной цивилизации. По Гумилеву различаются два типа колониальной политики: «если из страны едут крестьяне, которые хотят своими руками работать на новой, захваченной ими земле,- это колонизация. Если едут солдаты, чиновники и купцы, стремящиеся получить доходы с подчиненной страны, это колонизаторство».

В данном плане интерес представляет следующее небольшое историко-методологическое отступление. «Отец» политической географии Фридрих Ратцель в основу своей теории о государстве и обществе положил две соединенные идеи. Одна из них – это вывод об определяющей роли географических факторов для развития социума. Вторая есть мысль о государстве как типе живой органики, интегрирующем свойства народа и земли, и подобно всем организмам, борющемся за свое существование. Будучи живым организмом, государство движется и растет, как целое. Семь главных законов пространственного роста государства, по Ратцелю таковы:

- 1) пространство государства растет вместе с ростом культуры;
- 2) рост государств происходит одновременно с общим развитием нации и сопровождается развитием идей, торговли, активностью людей;
- 3) рост государств осуществляется путем присоединения и поглощения малых государств;
- 4) изменения в организме-государстве (рост и сокращение) отражает его граница, которую Ф. Ратцель называл «периферийным органом государства»;
- 5) в процессе роста государство, прежде всего, стремится вобрать в себя «политически ценные» места: береговую линию, русла рек, районы с богатыми ресурсами;
- 6) первый импульс к территориальному росту приходит к примитивным государствам извне;
- 7) общая тенденция к слиянию переходит от государства к государству, набирая силу по мере перехода⁴.

Ратцель утверждал, что «государства имеют тенденцию вращаться в естественные пространства», и эта их тяга может быть удовлетворена лишь в границах континентов. Народ растет, увеличиваясь в числе, государство, увеличивая свою территорию, присоединяет новые земли путем внутренней и внешней колонизации. «Новое пространство, в которое вращается народ, является, – писал Ратцель – как бы источником, из которого государственное чувство черпает новые силы».

Его последователь Рудольф Челлен сформулировал «органическую теорию» государства. Ее суть в следующем. Подобно другим организмам, государства рождаются, раз-

³ Там же. С.479.

⁴ Политическая география и законы пространства // Материалы сайта htn Narod ru/ 25/12/2004/

виваются, увядают и умирают, т.е. представляют собой формы жизни. Их бытие подчиняется всеобщему закону борьбы за существование. В жизнедеятельности государств борьба за существование проявляется в борьбе за пространство. Р. Челлену принадлежит идея тотальности государства как единства пяти элементов:

- 1) физико-географический (пространственный) организм;
- 2) определенная форма хозяйства;
- 3) определенная этническая общность;
- 4) социальное сообщество (структура) классов и профессий;
- 5) форма государственного правления (со своей конституционной и административной системой).

По его выражению, все это образует «пять элементов одной и той же силы, подобно пяти пальцам на одной руке, которая трудится в мирное время и сражается в военное»⁵.

Предлагаю остановиться подробнее на отдельных положениях двух крупных мыслителей, а также дать им несколько иную интерпретацию. Во-первых, на мой взгляд, существует явление своеобразного «врастания» в этноцивилизационное пространство, каковым для России представляется не площадь в границах континента (по Ратцелю), а пространство несколько иного порядка. Это, во-первых, территории геостратегического характера, «буферные зоны», а также своего рода геополитические «коридоры» к мировым рынкам, очагам культуры, обеспечивающие развитие. Во-вторых, это исторически (и не только исторически) родственное (комплиментарное) этнокультурное пространство.

С учётом данных (двух) тезисов подобным пространством для России, по мнению автора, является территория не только Украины и Беларуси, но и, например, Польша, Болгария, некоторые республики бывшей Югославии, Чехословакия, страны Балтии (кстати, и сегодня прибалтийские республики – это каноническая территория Русской Православной Церкви). Вместе с тем, как было показано выше, Аляска и Сев. Калифорния таковым пространством для России, увы, не являются.

Геостратегическое противоборство с мировыми «центрами силы» привело к ампутации «политически ценных мест» и усечению нашей территории практически до масштабов допетровской России. Указанный фактор, кроме того, является одной из причин роста этносоциальной напряжённости и эскалации этнических конфликтов. Рассмотрим более подробно фактор геополитического соперничества в регионе.

Это соперничество относится к экзогенным (т.е. внешним по отношению к избранной нами для анализа общественной системе) факторам, создающим определенную угрозу для политической стабильности в регионе, способствующим актуализации конфликтов на этнической, этноконфессиональной, национально-культурной почве.

Внешнее влияние можно сгруппировать по видам в зависимости от субъектов-носителей такого влияния. Это могут быть отдельные организованные группы лиц, заинтересованных в этнической дестабилизации на территории объекта геополитических экспансий. Это могут быть целые государства, население которых в силу различных исторических условий, а также современных интересов видит в жителях соседней страны своих соперников, врагов и всегда готово подлить масла в огонь этнических конфликтов на "враждебной" территории. Это могут быть целые альянсы, объединяющие группу государств в организации, за которыми скрывается страх каждого из участников этого альянса оказаться один на один с более сильным соседом. Наконец, это могут быть мировые центры, которые усматривают свой интерес в развитии этнических конфликтов, так или иначе ослабляющих страны, объективно выступающие их геополитическими противниками. В данном плане интересен теоретический вывод Л. Гумилёва об исторической «однoboкости» наших (российских) отношений с западным миром: «мы Запад любим, а он нас не любит».

Особенно остро влияние этих факторов проявляется в эпоху геополитического переустройства мира, когда появляются «свежие» геостратегические центры, стремящиеся занять свое место в новом раскладе сил в том или ином регионе, либо активизируются прежние геополитические акторы, утратившие было свое влияние, но стремящиеся воссоздать его⁶. Возникновение этнического конфликта, таким образом, сказывается не

⁵ Политическая география и законы пространства // Материалы сайта htn Narod ru/ 25/12/2004/

⁶ Авксентьев В., Бабкин И., Медведев Н., Хоц А., Шнюков В. Ставрополье: этноконфликтологический портрет. – Саратов: Изд-во СГУ, 2002. С.9.

только на обстановке внутри страны, в которой случился конфликт. «Этнические группы стали признанными самостоятельными действующими лицами в международной политике», – отмечают американские этнополитологи Т. Гурр, Б. Харф. Дестабилизирующее, деструктивное значение такого конфликта многократно усиливается за счет сочувственного и заинтересованного отношения извне к отдельным этническим группам [1, с 9]. Нередко это сочувствие выражается в скрытой или открытой помощи инициаторам конфликта. Эта помощь может быть разнообразной, – от тенденциозной трактовки сущности происходящего конфликта в средствах массовой информации до подбрасывания различных идеологических лозунгов, клише, рассчитанных на массового участника конфликта; от принятия мер демонстративного характера, типа акций ОБСЕ в связи с событиями в Чечне, до организации финансовой и военной помощи участникам вооруженной борьбы; от установления тайных отношений с руководителями военных организаций до приглашения их эмиссаров на международные форумы с якобы миротворческими целями; от далеко не бескорыстной поддержки сепаратистских устремлений до инициирования террористической войны. Т. Гурр и Б. Харф обращают особое внимание на внешнюю поддержку этнических меньшинств, вовлеченных в конфликт, которая может вестись в следующих основных формах: словесное поощрение и советы, финансовая помощь; передача информации разведывательного характера; предоставление безопасных условий проживания для беженцев и переселенцев; направление коммерсантов и военных советников; передача вооружения и боекомплектов⁷.

Особо дестабилизирующую роль играют сепаратистские силы, задающие тон всему этноконфликтному процессу в регионе, даже за пределами тех территорий, которые становятся объектом сепаратистских устремлений. Сам сепаратизм возникает как позиция определенных групп, слоев общества и является отражением реально сложившейся ситуации в области внутригосударственных отношений. Однако сепаратизм выступает важным фактором и межгосударственных отношений, международной политики. Дело в том, что никакой народ или социальная общность не существуют в политическом вакууме. Сепаратизм всегда связан с «перетеканием» народов от одного государственного образования к другому, с изменением границ, с территориальными переделами и поэтому выполняет определенные геополитические функции. Сепаратизм всегда есть отношение, центральным звеном которого выступает отделяющаяся или претендующая на отделение сторона. Тем самым отделяющаяся часть государства оказывается включенной в конфликтные отношения межгосударственного характера. При этом отделяющаяся часть попадает в центр пересекающихся интересов стран, претендующих на распространение своего влияния на вновь возникшее государственное образование. В конце концов, новое государственное образование оказывается вынужденным принять чью-то сторону в глобальном геополитическом противостоянии.

Список литературы

1. Авксентьев В., Бабкин И., Медведев Н., Хоц А., Шнюков В. Ставрополье: этноконфликтологический портрет. – Саратов: Изд-во СГУ, 2002.
2. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. – СПб.: Азбука-классика, 2002.
3. Политическая география и законы пространства // Материалы сайта htn Narod ru/25/12/2004/.

ETHNOGRAPHIC SPECIFICITIES IN A GEOPOLITIC CONTEXT

I. S. SEDOV

*Russian state trade
and economic university*

The work discusses the problems of ethnic interactions, spatial regularities in the specific conditions of global and regional «force centres». The paper considers also some applied sociological questions of national interactions.

Key words: international relations, conflict, geopolitics.

⁷ Там же.

КЛЮЧЕВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ – НОВАЯ ПАРАДИГМА ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ – МЕНЕДЖЕРОВ

В. Б. ТАРАБАЕВА¹
М. В. РОЩУПКИНА

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: tarabaeva@bsu.edu.ru

В данной статье рассматриваются возможности применения компетентностного подхода в системе высшего профессионального образования. Проанализированы проблемы реализации данного подхода в системе подготовки студентов – менеджеров. Предложен алгоритм формирования состава профессиональных компетенций, а также приведены результаты исследования удовлетворенности обучением студентов – менеджеров.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, компетентностный подход, компетенции, удовлетворенность качеством образования, модернизация образования.

Введение

Современные тенденции развития образования всё более явно ориентируют его на свободное развитие человека, на творческую инициативу, самостоятельность обучаемых, конкурентоспособность, мобильность будущих специалистов. Эти накапливающиеся изменения, нашедшие своё отражение в Федеральном законе «Об образовании», Концепции модернизации отечественного образования на период до 2010 года, означают, по сути, процесс смены образовательной парадигмы, что отмечают многие исследователи (В.И. Байденко, И.А. Зимняя, Б.Г. Корнетов, А.Н. Новиков, Л.Г. Семушина, Ю.Г. Татур и др.), хотя само понятие «парадигма» используется ими не всегда. В России, также как и во всём мире происходят изменения в области целей образования, соотносящиеся с глобальной задачей обеспечения вхождения человека в социальный мир, его продуктивной адаптацией в этом мире. В настоящее время проблема качества является центральной в образовательном процессе вуза. Интенсивное обсуждение проблемы качества высшего образования начато в связи с присоединением России 19 сентября 2003 года к Болонской декларации и потребностями модернизации вузов для их перехода к работе в рыночных условиях, включая конкуренцию и признание российских дипломов за рубежом.

Основной задачей образовательной сферы всегда является подготовка выпускников с уровнем квалификации, адекватным спросу на специалистов определенной профессии. Расширение производства, ускорение темпов его развития, переход к постиндустриальному, информационному обществу и другие социально-экономические изменения предъявляют все более возрастающие требования к подготовке менеджера. Будущему специалисту-менеджеру необходимо не только обладать глубокими и гибкими профессиональными знаниями и умениями, но и развитыми профессиональными и социальными качествами и характеристиками. Все более возрастают требования к качеству выполняемой работы, функциональным и социальным способностям менеджера, к квалификации работника в целом. Это приводит к явному расхождению между качеством подготовки выпускника, даваемым учебным заведением и требованиями, предъявляемыми к менеджеру производством, работодателями.

Поэтому, об адекватности образования социально-экономическим потребностям настоящего и будущего можно говорить лишь в том случае, если будет проведена модернизация системы подготовки менеджеров, основанная не только на организационных нововведениях, а на изменениях по существу – в содержании и технологиях подготовки.

Теоретический анализ

На данном этапе основным направлением модернизации системы высшего профессионального образования считается переход к компетентностному подходу. Компе-

компетентностный подход рассматривают как попытку восстановить нарушенное равновесие между образованием, запросами общества и реальными потребностями рынка труда. Конечной целью в процессе обучения в рамках компетентностного подхода становятся не знания, умения, навыки обучаемого, а уровни компетентности. Другими словами, для результата образования важным становится не только **что** знает будущий специалист, но и **как** он может действовать.

Существуют некоторые разногласия в определении самого понятия «компетентность», а также при разведении терминов «компетентность» и «компетенция».

В большинстве исследований понятия «компетенция» и «компетентность» разделяются следующим образом: компетенция характеризует процесс, а компетентность – результат.

Н.И. Алмазова определяет компетенции как знания и умения в определенной сфере человеческой деятельности, а компетентность – это качественное использование компетенций¹.

И.А. Зимняя считает, что компетенции – это некоторые внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования: знания, представления, программы (алгоритмы) действий, систем ценностей и отношений, которые затем выявляются в компетентностях человека². Она выделяет 10 основных компетенций, подразделяя их на три группы:

1. Компетенции, относящиеся к самому человеку как личности, субъекту деятельности, общения. Они суть:

– компетенции здоровьесбережения: знание и соблюдение норм здорового образа жизни, знание опасности курения, алкоголизма, наркомании, СПИДа; знание и соблюдение правил личной гигиены, обихода; физическая культура человека, свобода и ответственность выбора образа жизни;

– компетенции ценностно-смысловой ориентации в мире: ценности бытия, жизни; ценности культуры (живопись, литература, искусство, музыка), науки, производства; истории цивилизаций, собственной страны; религии;

– компетенции интеграции: структурирование знаний, ситуативно-адекватной актуализации знаний, расширения приращения накопленных знаний;

– компетенции гражданственности: знание и соблюдение прав и обязанностей гражданина; свобода и ответственность, уверенность в себе, собственное достоинство, гражданский долг; знание и гордость за символы государства;

– компетенции самосовершенствования, саморегулирования, саморазвития, личной и предметной рефлексии; смысл жизни; профессиональное развитие; языковое и речевое развитие; овладение культурой родного языка, владение иностранным языком.

2. Компетенции, относящиеся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы:

– компетенции социального взаимодействия: с обществом, общностью, коллективом, семьей, друзьями, партнерами, конфликты и их погашение, сотрудничество, толерантность, уважение и принятие другого, социальная мобильность;

– компетенции в общении: устном, письменном, диалог, монолог, знание и соблюдение традиций, ритуала, этикета; кросс-культурное общение; деловая переписка; делопроизводство, бизнес-язык; иноязычное общение, коммуникативные задачи, уровни воздействия на реципиента.

3. Компетенции, относящиеся к деятельности человека:

– компетенция познавательной деятельности: постановка и решение познавательных задач; нестандартные решения, проблемные ситуации – их создание и разрешение; продуктивное и репродуктивное познание, исследование, интеллектуальная деятельность;

¹ Алмазова Н.И. Когнитивные аспекты формирования межкультурной компетентности при обучении иностранному языку в неязыковом вузе. / Н.И. Алмазова: дис. ...доктора пед. н., 13.00.12. – СПб, 2004. – 446 с.

² Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования (понятие парадигмы в связи с изменениями в сфере образования) / [Электронный ресурс] / И. А. Зимняя. Российский государственный гуманитарный университет/ Режим доступа: <http://aspirant.rggu.ru>

– компетенции деятельности: игра, учение, труд; средства и способы деятельности: планирование, проектирование, моделирование, прогнозирование, исследовательская деятельность, ориентация в разных видах деятельности;

– компетенции информационных технологий: приём, переработка, выдача информации; преобразование информации (чтение, конспектирование), массмедийные, мультимедийные технологии, компьютерная грамотность; владение электронной, Интернет-технологией.

Если представить эти компетенции как актуальные компетентности, то очевидно, что последние будут включать такие характеристики, как: а) готовность к проявлению компетентности (т.е. мотивационный аспект); б) владение знанием содержания компетентности (т.е. когнитивный аспект); в) опыт проявления компетентности в разнообразных стандартных и нестандартных ситуациях (т.е. поведенческий аспект); г) отношение к содержанию компетентности и объекту её приложения (ценностно-смысловой аспект); д) эмоционально-волевая регуляция процесса и результата проявления компетентности.

Предложенное рассмотрение компетенций и компетентности свидетельствует об очень большой сложности их измерения и оценивания. В то же время, сопоставления оценки компетентности с оценкой общей культуры человека, его воспитанности позволяют решить проблему, связанную с повышением качества образования в общем контексте его гуманизации и определения новой парадигмы результата образования.

Применение компетентностного подхода в подготовке менеджеров позволит: во-первых, сделать сдвиг в сторону запросов экономики и рынков труда; во-вторых, расширить возможности трудоустройства выпускников-менеджеров, повысить адаптируемость выпускников к их жизнедеятельности в условиях нарастающего динамизма и неопределенности;

в-третьих, ориентировать выпускников на непрерывное развитие профессиональных и личностных качеств;

в-четвёртых, перейти в профессиональной подготовке менеджеров от её ориентации на воспроизведение знания к применению навыков.

Практическое использование компетентностного подхода в подготовке менеджеров имеет значительные преимущества, но вместе с тем его реализация связана с рядом проблем. Выделим наиболее важные из них.

Первая связана с формированием состава компетенций. В настоящее время разрабатываются и утверждаются ФГОС ВПО третьего поколения. Применение компетентностного подхода составляет ключевой элемент новизны будущих ГОС ВПО, один из главных принципов их проектирования. Особенностью новых образовательных стандартов является их деление на базовую и вариативную части.

Базовая часть включает обязательный набор компетенций, который закрепляется на федеральном уровне.

Вариативная часть дает свободу вузам в проектировании образовательных программ, позволяет учесть потребности работодателей в регионах. Таким образом, работодатели участвуют в формировании перечня профессиональных компетенций, что в будущем способствует повышению востребованности выпускников на рынке труда. Выявление состава компетенций может быть организовано следующим образом:

1. Составление списка стратегически наиболее перспективных работодателей.
2. Формирование вузом достаточно широкого перечня компетенций по данному направлению подготовки специалистов на основании: стандартов прошлого поколения; компетенций сформированных профессорско-преподавательским составом, исходя из опыта преподавания специальных дисциплин; рекомендаций экспертов со стороны профессиональных сообществ, полученных с учетом тенденций развития науки и техники в данной области; отзывов выпускников, имеющих 3-5 летний стаж работы по данной специальности³.

Обязательным в этом списке является перечень базовых профессиональных компетенций образовательного стандарта по данному направлению подготовки, а также

³ Матушкин Н.Н., Столбова И.Д. Формирование перечня профессиональных компетенций выпускника высшей школы / Н.Н. Матушкин, И.Д. Столбова // Высшее образование сегодня. - 2007, №11

компетенций, выбранных вузом в силу своей специфики и с учетом регионального заказа на подготовку специалистов данного профиля.

3. Оформление анкеты с перечнем предлагаемых компетенций. Необходимо предусмотреть возможность внесения работодателями в предлагаемый список дополнительных компетенций, важных с их точки зрения.

4. Рассылка анкет и сбор результатов. К участию в опросе можно привлечь и выпускников вуза, работающих в исследуемой профессиональной области.

5. Анализ результатов анкетирования, выявление наиболее важных компетенций специалиста в данной профессиональной области, которые отметили большинство работодателей.

Эти компетенции, наряду с базовыми компетенциями образовательного стандарта должны составлять расширенное ядро профессиональных компетенций, формируемых образовательными программами по данному направлению подготовки. Кроме этого, вуз может выбрать ряд дополнительных компетенций, отражающих перспективы развития отрасли, специфику региональных предприятий, которые можно формировать в рамках целевой подготовки по заказам работодателей. Таким образом, формируется вариативная часть перечня компетенций, которая ежегодно корректируется с учетом актуальности запросов рынка труда.

Вторая проблема касается требований к профессорско-преподавательскому составу. Компетентностный подход формирует новые требования к современному преподавателю, его профессиональным знаниям, авторитету, владению современными технологиями обучения. В основе обучения будущих менеджеров должны лежать субъект-субъектные отношения. При этом преподаватель должен выступать не в роли «информатора», в систематизированном виде представляющего обучающимся материал дисциплины, а «управленца», игротехника, эксперта, тренера, который проектирует, организует, контролирует, корректирует, координирует учебно-познавательную деятельность студентов, «создает для каждого из них информационную среду и предлагает для использования научно обоснованные дидактические средства, адекватные его стилевым особенностям и степени обученности».

Третьей проблемой является определение современных форм, методов, приемов и средств обучения, которые будут наиболее эффективны для формирования компетенций.

Традиционное обучение, ставившее профессиональные знания во главу угла процесса обучения, уже не справляется с задачей профессионального образования – развития самостоятельной, творчески мыслящей личности, способной к принятию самостоятельных профессиональных решений. Реальным выходом в данной ситуации является внедрение в образовательный процесс развивающих педагогических технологий. Развивающие технологии позволяют подготовить современного специалиста – профессионала, способного быть конкурентоспособным на рынке труда, то есть обладать необходимыми профессиональными компетенциями. К развивающим технологиям можно отнести как хорошо зарекомендовавшие себя в учебном процессе дискуссии и обсуждения, деловые и ролевые игры, case-studies, так и относительно новые для системы образования тренинги, модерацию, баскет-метод, ситуационное моделирование и проектирование. Использование каждого из названных методов преследует свои образовательные цели, направленные на формирование определенных компонентов профессиональных компетенций.

Компетентностный подход актуализировал *проблему* оценки конечного результата образования. В большинстве своем существующие способы оценивания не вполне адекватны современным требованиям качества подготовки компетентного специалиста-менеджера. Охватывая некоторую сумму знаний, они мало что говорят о личностных качествах и умениях оцениваемого решать проблемы в реальных профессиональных или «профессиональноподобных» ситуациях. Безусловно, предметное знание не исчезает из характеристики компетентности, однако, компетентностный подход устанавливает подчиненность знаний умениям, делая акцент на целостной способности и готовности выпускника высшей школы решать различные жизненные и профессиональные проблемы. Поскольку компетентность является деятельностной характеристикой, ее проявление должно оцениваться на основе сформированной у выпускника вуза совокупности умений, личностных качеств и поведенческих реакций в ситуациях, имитирующих будущую про-

фессиональную деятельность. Соответственно становится оправданной необходимостью наполнения способов оценки новым содержанием, позволяющим определить возможности оцениваемого совершать адекватные компетентные действия. В процессе обучения это может быть реализовано за счет использования современных обучающих моделей, представляющих собой проблемные ситуации или крупные законченные в смысловом отношении фрагменты профессиональной деятельности, которые необходимо проанализировать и решить студентам. Возможно также использование проектных заданий для оценки степени овладения компетенциями.

Оправдаются ли ожидания, возлагаемые на компетентностный подход, и насколько эффективной будет модернизация системы высшего профессионально образования, зависит в первую очередь от решения рассмотренных выше проблем.

Нужно отметить, что одним из основных показателей необходимости проведения изменений в подготовке студентов – менеджеров является удовлетворенность качеством образования самих потребителей образовательных услуг. С целью определения удовлетворенности образованием студентов-менеджеров, выявления проблем в организации процесса обучения, необходимости модернизации нами было проведено исследование на базе факультета управления и предпринимательства Белгородского государственного университета. Для этого была разработана «Анкета для студентов высших учебных заведений». Объем выборки составил 303 человека. В исследовании принимали участие студенты старших курсов. Результаты исследования показали, что из всех опрошенных 4% респондентов полностью удовлетворены качеством высшего образования, 57% – в основном удовлетворены, 36% – удовлетворены частично, 1% – в основном не удовлетворены и 1% респондентов полностью не удовлетворены качеством получаемого образования.

Кроме этого, участникам исследования было предложено оценить по пятибалльной шкале качество отдельных сторон вуза, а именно уровень профессионализма профессорско-преподавательского состава, качество учебных программ, внедрение и использование инноваций в вузе, конкурентоспособность выпускников на рынке труда, уровень преподавания теоретических знаний, уровень преподавания практических знаний. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Уровни удовлетворенности по отдельным показателям деятельности вуза

Показатели	Уровни удовлетворенности				
	Полностью удовл.	В основном удовл.	Удовл. частично	В основном не удовл.	Полностью не удовл.
Уровень профессионализма ППС	11%	56%	32%	1%	0%
Качество учебных программ	10%	38%	40%	11%	1%
Внедрение и использование инноваций в вузе	7%	19%	49%	14%	11%
Конкурентоспособность выпускников на рынке труда	11%	19%	38%	21%	11%
Уровень преподавания теоретических знаний	16%	60%	22%	1%	1%
Уровнем преподавания практических знаний	10%	33%	31%	22%	4%

Исходя из этих данных, мы видим, что по показателям: уровень профессионализма преподавателей, качество преподаваемых теоретических и практических знаний студенты в основном удовлетворены; а по показателям: качество учебных программ, конкурентоспособность выпускников, внедрение инноваций – опрошенные студенты-менеджеры удовлетворены только частично.

Особое внимание было уделено соотношению уровня удовлетворённости преподаванием теоретических знаний и практических знаний. Выявлено значимое различие между данными показателями. Уровень удовлетворенности студентов – менеджеров преподаванием практических знаний существенно меньше уровня удовлетворенности преподаванием теоретических знаний ($p < 0,05$; для оценки значимости различий был использован *t*-критерий Стьюдента). Эти данные подтверждают, что внедрение компетентностного подхода в подготовку менеджеров будет актуально, так как он предполагает ориентацию не на теорию, а на умение применять полученные знания в профессиональной деятельности. Использование компетентностного подхода позволит сократить разрыв между теоретическими знаниями и практическим применением знаний у будущих менеджеров.

При изучении мнения респондентов о том, что необходимо изменить в организации процесса обучения, были получены следующие ответы:

- внедрять инновационные технологии, больше использовать методы активного обучения для формирования практических навыков;
- проанализировать состав дисциплин, убрать предметы, не относящиеся к профессиональной деятельности по специальности и увеличить количество практических дисциплин по профессии;
- увеличить количество практических занятий, больше разбирать проблемных ситуаций, заданий, где нужно применять изученную теорию;
- увеличить количество преподавателей – практиков, способных поделиться опытом;
- применять индивидуальный подход к студентам;
- увеличить время прохождения практики на предприятиях, предоставлять места для прохождения практики.

В целом, по мнению 83 % респондентов в системе подготовки менеджеров назрела необходимость проведения модернизации.

Второй частью нашего исследования было выявление степени осведомленности студентов – менеджеров о компетентностном подходе и целесообразности внедрения данного подхода в высшее образование.

По результатам опроса 61% респондентов частично знакомы с положениями компетентностного подхода. Под компетенцией студенты понимают способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области.

К числу наиболее важных общих компетенций, формирование которых необходимо осуществлять в процессе обучения менеджера, респонденты отнесли:

- умение аргументировано и ясно строить высказывания, отстаивать свою точку зрения, не разрушая отношения;
- способность находить организационно-управленческие решения, способность разрабатывать алгоритм их реализации;
- способность осуществлять деловое общение: публичные выступления, переговоры, проведение совещаний;
- умение создавать команду и эффективно работать в команде, находить компромиссные и альтернативные решения;
- стремление к личностному и профессиональному саморазвитию;

Среди наиболее важных профессиональных компетенций были выделены следующие: умение разрабатывать кадровую и социальную политику организации в соответствии со стратегическими планами организации; умение применять современные технологии управления персоналом; умение разрабатывать и внедрять политику привлечения, подбора и отбора персонала; умение разрабатывать и внедрять политику мотивации и стимулирования персонала с учетом внешней и внутренней среды компании; владение навыками оценки эффективности работы с персоналом.

При изучении мнения респондентов о целесообразности перехода к компетентностному подходу было выявлено, что 59% респондентов считают перспективным проведение модернизации в рамках данного подхода, 36 % – затруднились ответить, 5% – считают внедрение нецелесообразным.

Заключение

Обобщая сказанное, отметим, что потребность в модернизации образования менеджеров существует, и наиболее перспективным направлением его развития является компетентностный подход, однако его внедрение должно быть не революционным, а эволюционным, с учетом достижений научной теории и практики. Он заключается в развитии у студентов набора ключевых компетенций, которые определяют их успешную адаптацию в обществе. Признавая целесообразность предлагаемых инноваций, следует отметить, что их результат будет зависеть от системности и целостности проводимых преобразований в вузах.

Список литературы

1. Алмазова Н.И. Когнитивные аспекты формирования межкультурной компетентности при обучении иностранному языку в неязыковом вузе. / Н.И. Алмазова: дис. ...доктора пед. н., 13.00.12. – СПб, 2004. – 446 с.
2. Байденко В.И., Джерри Ван Зантворт. Модернизация профессионального образования: современный этап / В.И. Байденко, Джерри Ван Зантворт // Европейский фонд образования. М., 2003.
3. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования (понятие парадигмы в связи с изменениями в сфере образования) / [Электронный ресурс] / И.А. Зимняя. Российский государственный гуманитарный университет/ Режим доступа: <http://aspirant.rggu.ru>.
4. Матушкин Н.Н., Столбова И.Д. Формирование перечня профессиональных компетенций выпускника высшей школы / Н.Н. Матушкин, И.Д. Столбова // Высшее образование сегодня.- 2007, №11.
5. Новиков А.М. Российское образование в новой эпохе. Парадоксы наследия. Векторы развития. – М., 2000.
6. Семушина Л.Г., Кагерманьян В.С., Жукова Е.С., Иванова Л.Н., Карпнюк Г.А., Леонтьева М.Ф. и др. Разработка методики контроля готовности к профессиональной деятельности студентов средних специальных учебных заведений. М., 2001.
7. Татур Ю.Г. Образовательная система России. М.: Высшая школа, 1999.

KEY COMPETENCIES AS A NEW PARADIGM IN THE MANAGERIAL EDUCATION

V. B. TARABAEVA¹⁾
M. V. ROCHUPKINA²⁾

¹⁾ *Belgorod State University*
e-mail: tarabaeva@bsu.edu.ru

This article discusses the possibility of the competence approach in higher professional education. The problem of implementing this approach in the professional training of managers is analyzed here. An algorithm of the formation of professional competencies, based on the results of monitoring is given in this article.

Key words: higher professional education, competence approach, competence, satisfaction with quality education, modernization of education.

УДК 316.4.057.4

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЧАСТНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Б. А. ТКОРИКОВ¹⁾
А. П. СЕМЕНЕНКО²⁾

*¹⁾Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Tkhorikov@bsu.edu.ru

В статье изложены основные результаты исследования и оценки рынка платных медицинских услуг города Белгорода. Определена степень готовности жителей Белгорода отказаться от бесплатной медицины в пользу коммерческого здравоохранения.

Ключевые слова: медицинские учреждения, рынок медицинских услуг, платные медицинские услуги.

В последние годы стремительно развивающаяся система рыночных взаимоотношений начала успешно проникать и осваивать отечественное здравоохранение. По данным агентства DISCOVERY Research Group (2008г.) объем рынка платных медицинских услуг (ПМУ) в России составляет 320 – 490 млрд. рублей и ежегодно увеличивается на 25,0 %, в том числе за счет роста количества пациентов желающих получать медицинскую помощь на возмездной основе¹.

Параллельно с этим, реальный сектор государственного здравоохранения имеет отрицательную тенденцию развития, проявляющуюся в фактической невозможности предоставить пациентам полный объем бесплатных медицинских услуг, предусмотренных законодательством. Причина кроется в хроническом дефиците финансирования территориальных программ обеспечения граждан бесплатной медицинской помощью (ТППГ) и сокращении расходов административных образований на муниципальное здравоохранение². Существующие государственные обязательства в сфере здравоохранения носят декларированный характер, их мера не соответствует экономическим возможностям страны. Объем государственных расходов в РФ на здравоохранение примерно равен расходам развивающихся стран (Бразилия, Парагвай, Перу). Но в отличие от России, за эти деньги государство гарантирует там самый минимум – первичную медико-санитарную помощь и меры по обеспечению медико-санитарного благополучия (борьба с инфекционными заболеваниями, санитарные мероприятия и прочее). А мы, финансируя здравоохранение, как в Латинской Америке, обещаем за эти деньги западноевропейский набор услуг³. Это дезориентирует население, вызывает недовольство среди пациентов⁴, препятствует поиску альтернативных путей финансирования и рациональному использованию ресурсов здравоохранения.

В сложившейся ситуации представляет интерес исследование и оценка возможности развития частно-государственного партнерства в сфере здравоохранения на региональном уровне.

Подобное партнерство, на наш взгляд, способно решить ряд актуальных вопросов: 1) разграничить между частными медицинскими организациями и государственными учреждениями здравоохранения виды и объемы медицинской помощи, предоставляемые населению соответственно на платной и бесплатной основе; 2) успешно противостоять

¹ Савашинский С.И. Некоторые экономические показатели рынка медицинских услуг при обслуживании населения в системе медицинского страхования // Экономика здравоохранения. – 2008г. – № 5. – С. 25-29.

² Антонова А. Следует разграничить сферы государственного и частного здравоохранения // Вестник Росздравнадзора. – 2009. – № 1. – С. 15-17.; Кораблев В.Н. Инновационный подход к управлению ресурсами здравоохранения: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Новосибирск, 2006. – 24 с.

³ Шейман И.М. // Экономика здравоохранения. – 2000. – № 6. – С. 47–55.

⁴ Антонова А. Оказание платных медицинских услуг: управление процессом возможно // Вестник Росздравнадзора. – 2009. – № 1. – С. 4-7.

коррупции за счет выведения «теневых трансфертов», возникающих между пациентом и медицинскими работниками, на уровень цивилизованных договорных отношений; 3) упредить стихийное развитие рынка платных медицинских услуг.

По нашему мнению частно-государственное партнерство в сфере здравоохранения – это координированное объединение ресурсных возможностей и управленческих решений систем государственного и частного здравоохранения, направленных на улучшение состояния здоровья населения на основе повышения доступности и качества медицинской помощи.

Для достижения поставленной цели нами проведена оценка рынка ПМУ и определена степень готовности пациентов выступить в качестве стороны софинансирующей медицинскую помощь в виде приобретения медицинских услуг в государственных лечебно-профилактических учреждениях (ЛПУ) или целенаправленного обращения в частные медицинские организации.

Объектами исследования были выбраны муниципальная система здравоохранения города Белгорода и его жители. Отметим в данной связи, что Белгородская область является одним из наиболее благополучных субъектов РФ и ведущей областью по социально-экономическим показателям в Центрально-Чернозёмном регионе, в том числе по уровню жизни и платежеспособности населения, развитию системы оказания медицинской помощи.

Оценка реального рынка платных медицинских услуг проводилась по четырем сегментам:

1) Коммерческая сфера здравоохранения

По имеющимся данным в Белгороде наблюдается рост числа субъектов коммерческой сферы здравоохранения. Так в 2008 году было зарегистрировано 64 предпринимателя без образования юридического лица и 85 юридических лиц, предоставляющих платную медицинскую помощь. В 2009 году их общее число увеличилось на 16,2 % до 69 и 104 соответственно.

Основными направлениями деятельности являются: стоматология, гинекология, дерматовенерология, кардиология, гастроэнтерология, эндокринология, терапия, урология и педиатрия. В параклинической службе наиболее востребованными являются функциональные (УЗИ, ЭКГ, холтеровское мониторирование) и лабораторные (диагностика инфекций, комплексные диагностические панели по различным профилям, аллергические пробы) исследования, физиотерапевтические услуги.

По экспертным оценкам валовая выручка представителей коммерческого здравоохранения в 2009 году составила около **153,0 млн. рублей.**

2) Кассовые внебюджетные платежи государственным и муниципальным учреждениям здравоохранения

Общая стоимость платных медицинских услуг оказанных пациентам в 2009 году в муниципальном секторе здравоохранения г. Белгорода составила **167,4 млн. рублей.** Наибольший удельный вес до 65,0 % имеет амбулаторно-поликлиническая помощь, не включенная в ТППГ, в том числе стоматология, обязательные периодические и медицинские осмотры, функциональная диагностика.

3) Добровольное медицинское страхование (ДМС)

Крупнейшими страховыми компаниями, работающими на рынке ДМС Белгородской области, являются ОАО «Ингосстрах», Белгородский региональный филиал ООО «СК «Согласие», ООО «Росгосстрах – Столица», Филиал ОАО СК «РОСНО», Филиал ОСаО «Россия». Общий объем рынка, сформированный данными игроками, составил в 2009 году приблизительно **25 млн. рублей.** Основными потребителями линейки продуктов ДМС являются предприятия добывающей и обрабатывающей промышленности с численностью работников более 2000 человек, сельскохозяйственные предприятия, в том числе с участием иностранного капитала. Физические лица, самостоятельно приобретающие полисы ДМС представлены единично.

4) «Теневой» сектор

Здравоохранение как отрасль народного хозяйства традиционно причисляется общественностью к числу наиболее коррумпированных: 70,0 % россиян считают, что коррупционные явления сильно распространены в отечественной медицине, при этом лишь 2/5 из них видят в этом негативные последствия. Возможно, по причине такого

безразличия многих граждан к проблемам нарушения закона во взаимоотношениях врача и пациента, находящего социальную поддержку в глубоких пробелах законодательства и низкой правовой культуре общества, коррупция получила благоприятные предпосылки для интеграции в российское здравоохранение в виде национальной особенности⁵.

Для оценки объема теневых платежей в муниципальной системе здравоохранения г. Белгорода нами проведено пилотное социологическое исследование среди его жителей методом анкетирования в период февраль-апрель 2010 года с использованием специально разработанной социологической анкеты, содержащей закрытые неальтернативные косвенные вопросы.

С учетом величины генеральной совокупности равной 358,3 тыс. человек (население г. Белгорода в 2009 г.), объем репрезентативной выборки, при доверительной вероятности 95,0 % и доверительном интервале 5,0 %, составил 384 человека. Отбор респондентов производился по принципу случайной бесповторной выборки.

В ходе исследования установлено, что 96,35 % респондентов прибегали к неформальному вознаграждению сотрудников ЛПУ, и только 3,65 % опрошенных никогда этого не делали. Наиболее эффективной формой такого вознаграждения названы наличные денежные средства (81,47 %), но 73,63 % респондентов использовало также продукты питания и алкогольные напитки, 22,61 % – офисную бумагу и канцелярские товары.

Как правило, неформальные платежи сопровождают первичное посещение врача-специалиста (45,26 %), при повторном обращении к этому прибегают 23,53 % респондентов, при вызове врача на дом – 13,68 %.

В большинстве случаев пациенты стараются обращаться к одному и тому же врачу-специалисту (59,94 %), который получает от них денежные средства (58,88 %) и содействует в оказании медицинской помощи надлежащего качества с приемлемым временным ожиданием (71,39 %).

В случае отсутствия налаженных контактов в ЛПУ пациенты (43,07 %) самостоятельно предлагают медицинским работникам оказать им за незаконное вознаграждение следующие услуги: получение листков временной нетрудоспособности без медицинских показаний (29,17 %), помощь при экстренном лечении (24,74 %), получение направлений на диагностические исследования (19,53 %) или медицинских справок, заключений и т.п. (7,29 %), прохождение медицинских осмотров (профилактических, периодических) без очереди (6,51 %). Охотней всего пациентам помогают врачи-специалисты (54,73 %), медицинские сестры (19,96 %) и заведующие лечебными отделениями (18,93 %).

Нами был рассчитан также средний размер неформальных платежей по 26 врачебным специальностям амбулаторно-поликлинического приема. Так в частности, врач-акушер-гинеколог, врач-дерматовенеролог, врач-невролог, врач-терапевт-участковый и врач ультразвуковой диагностики имеют «тариф» случая поликлинического обслуживания 500,0 рублей; врач-отоларинголог, врач функциональной диагностики – 400,0 рублей; врач-гастроэнтеролог, врач-офтальмолог, врач-уролог – 300,0 рублей; врач-физиотерапевт, врач-эндокринолог – 200,0 рублей; врач-аллерголог-иммунолог – 100,0 рублей.

В круглосуточном стационаре средняя стоимость пребывания в гинекологическом отделении составляет 2050,0 рублей, хирургическом – 2000,0 рублей, офтальмологическом – 1700,0 рублей, неврологическом – 1600,0 рублей, гастроэнтерологическом – 1500,0 рублей, АРО – 1400,0 рублей, терапевтическом – 1400,0 рублей, кардиологическом – 1100,0 рублей, педиатрическом – 1100,0 рублей, отоларингологическом – 900,0 рублей, эндокринологическом – 500,0 рублей.

⁵ Латов Ю.В. «Глас народа» о проблемах коррупции: закономерное и парадоксальное // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Том 6, № 2. – 2008. – С. 123-138; Назарков Р.А. Актуализация социально-философского подхода к исследованию феномена коррупции // Вестник ТГУ. – 2008. – № 6. – С. 304-308; Полтерович В.М. Факторы коррупции // Экономика и математические методы. 1998. Т. 34. Вып. 3. С. 31; Тирских М.Г. Правовое регулирование противодействия коррупции в законодательстве субъектов Российской Федерации // Академический юридический журнал. – 2007. – № 4. – С. 36-44.

Полученные нами значения, в общем, близки результатам аналогичного исследования, проведенного в масштабах страны Центром стратегических исследований ОАО «Росгосстрах»⁶.

Для определения приблизительного объема неформальных платежей в поликлинических учреждениях г. Белгорода за 2009 год нами построена следующая линейная модель.

$$P_{нф_n} = (C_1 * P_1 + C_2 * P_2 + C_3 * P_3 + C_4 * P_4) * C_{рнф_i} \quad (1)$$

где, $P_{нф_n}$ – размер неформальных платежей в поликлиническом секторе; C_i – правочный коэффициент (рассчитанный эмпирически в ходе социологического опроса); P_1 – количество первичных обращений по поводу заболевания; P_2 – количество повторных обращений по поводу заболевания; P_3 – количество вызовов врача на дом; P_4 – количество профилактических осмотров; $C_{рнф_i}$ – средний размер неформальных платежей для врачебной специальности.

Линейная модель для расчета приблизительного объема неформальных платежей в стационарных учреждениях имеет следующий вид:

$$P_{нф_c} = ЛПО_i * C_{рнф_i} * C_i \quad (2)$$

где, $P_{нф_c}$ – размер неформальных платежей в стационарном секторе, ЛПО_i – лечебный профиль отделения, $C_{рнф_i}$ – средний размер неформальных платежей в лечебном отделении.

Результаты, полученные с помощью данных моделей, не имеют высокой степени точности, так как оперируют усредненными значениями и не учитывают ряд переменных, в том числе затраты пациентов на различные дорогостоящие процедуры и манипуляции.

Используя сводные статистические отчеты об объемах и видах оказанной медицинской помощи за 2009 год и названные модели, мы пришли к выводу, что средняя величина годовых неформальных платежей в муниципальных учреждениях здравоохранения города находится на уровне 85,5 млн. рублей, в том числе в амбулаторно-поликлинических – 25,0 млн. рублей, в стационарных – 60,5 млн. рублей.

Таким образом, годовой оборот рынка платных медицинских услуг г. Белгорода в 2009 году по четырем сегментам составил 430,9 млн. рублей.

Для оценки степени готовности жителей г. Белгорода получать медицинскую помощь на возмездной основе, тем же респондентам было предложено заполнить еще одну социологическую анкету.

В ходе обработки результатов анкетирования установлено, что 62,80 % опрошенных не удовлетворены качеством получаемой бесплатной медицинской помощи. Одним из факторов невысокой оценки качества является предоставление пациентам в муниципальных ЛПУ по страховому полису объема медицинских услуг, отличающегося в меньшую сторону от предусмотренного в ТПГГ (72,70 %). По мнению респондентов, это обусловлено следующими причинами: нехваткой ресурсов из-за плохой экономической ситуации в стране (35,18 %), неэффективной работой государственных медицинских организаций области (23,27 %), неэффективное управление ЛПУ на местах (19,39 %) и плохой подготовкой части медицинских работников (13,30 %).

Респонденты (54,19 %) склонны полагать, что платная медицинская помощь оказывается более качественно в сравнении с бесплатной вне зависимости от места предоставления – в государственных учреждениях или частных медицинских организациях. Кроме того, по мнению опрошенных, в частных ЛПУ лучше сервис, нет очередей (28,42 %), шире спектр предоставляемых медицинских услуг (12,37 %), частные ЛПУ имеют более удобное месторасположение и график работы (5,79 %).

В связи с этим, отказаться от услуг страховой медицины в общей сложности готовы 55,47 % опрошенных, имеющих доход на одного члена семьи в месяц 10000,0 рублей и более, в том числе полностью – 16,67 %, частично – 38,8 %.

В первую очередь респонденты откажутся от бесплатных амбулаторно-поликлинической помощи (38,98 %), функциональной диагностики (26,61 %) и клинико-диагностических исследований (25,81%).

Решительность данных намерений подтверждают показатели частоты обращаемости в частные медицинские организации. В 2009 году за медицинской помощью в них

⁶ Шишкин С.В. Неформальная оплата медицинской помощи // Вестник Росздравнадзора. – 2009. – № 1. – С. 33-40.

обратилось: более трех раз 36,54 % опрошенных, три раза – 27,42 %, два раза – 25,59 %. Для сравнения в системе ОМС на одного жителя г. Белгорода в 2009 г. приходилось 8,0 обращений в амбулаторно-поликлинические учреждения.

На основании проведенных исследований можно сделать следующие выводы:

- Благоприятные социально-экономические условия жизни в городе Белгороде могут явиться основой для начала внедрения частно-государственного партнерства в сфере здравоохранения.

- Критическое осмысление многими жителями Белгорода факта невозможности обеспечения всех бесплатной медицинской помощью, способствует постепенному формированию новой медицинской культуры и пониманию необходимости самостоятельной оплаты определенных услуг здравоохранения;

- По нашему мнению внедрение процедуры софинансирования пациентами части или определенных видов медицинской помощи не вызовет острой социальной напряженности в городе;

- Ситуация в других городах области и городах соседних областей требует совместного изучения как медиками, так и экономистами, специализирующимися в сфере медицины.

Таким образом, для повышения эффективности функционирования системы здравоохранения и улучшения медицинского обслуживания граждан необходимо отказаться от бескомпромиссного декларирования популистских программ и начать реальную работу по детализированному разграничению «платных» и «бесплатных» видов медицинской помощи.

Список литературы

1. Савашинский С.И. Некоторые экономические показатели рынка медицинских услуг при обслуживании населения в системе медицинского страхования // Экономика здравоохранения. – 2008г. – № 5. – С. 25-29.
2. Антонова А. Следует разграничить сферы государственного и частного здравоохранения // Вестник Росздравнадзора. – 2009. – № 1. – С. 15-17;
3. Кораблев В.Н. Инновационный подход к управлению ресурсами здравоохранения: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Новосибирск, 2006. – 24 с.
4. Шейман И.М. // Экономика здравоохранения. – 2000. – № 6. – С. 47–55.
5. Антонова А. Оказание платных медицинских услуг: управление процессом возможно // Вестник Росздравнадзора. – 2009. – № 1. – С. 4-7.
6. Латов Ю.В. «Глас народа» о проблемах коррупции: закономерное и парадоксальное // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Том 6, № 2. – 2008. – С. 123-138.
7. Назарков Р.А. Актуализация социально-философского подхода к исследованию феномена коррупции // Вестник ТГУ. – 2008. – № 6. – С. 304-308
8. Полтерович В.М. Факторы коррупции // Экономика и математические методы. 1998. Т. 34. Вып. 3. С. 31
9. Тирских М.Г. Правовое регулирование противодействия коррупции в законодательстве субъектов Российской Федерации // Академический юридический журнал. – 2007. – № 4. – С. 36-44.
10. Шишкин С.В. Неформальная оплата медицинской помощи // Вестник Росздравнадзора. – 2009. – № 1. – С. 33-40.

PERSPECTIVES OF THE PRIVATE-STATE PARTNERSHIP IN PUBLIC HEALTH SERVICES SPHERE AT REGIONAL LEVEL

B. A. TKHORIKOV¹⁾
A. P. SEMENENKO²⁾

Belgorod State University

e-mail: Tkhorikov@bsu.edu.ru

The basic results of research and estimation of the market of paid medical services of Belgorod are stated. Degree of readiness of Belgorod inhabitants is defined to refuse free medicine in favour of commercial public health services.

Key words: medical institutions, market of medical services, paid medical services.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 14 + 215

ПРОБЛЕМА ПРЕДЕЛЬНОГО ОБОСНОВАНИЯ ЗНАНИЙ О РЕЛИГИИ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Т. Г. ЧЕЛОВЕНКО*Орловский государственный
университет**e-mail: chelovenko@inbox.ru*

Статья посвящена актуальной для русской религиозной философии феноменологической парадигме осмысления религиозного опыта. Отмечая различные проявления феноменологического дискурса в русской философии, особое внимание автор обращает на экзистенциально-феноменологическую интерпретацию религиозного опыта и знаний о религии.

Ключевые слова: религиозный опыт, достоверность знания, опыт человеческой субъективности, феноменологический дискурс.

С самого начала формирования научно-философской традиции изучения религии для неё важным был и остаётся вопрос: кто же является подлинным субъектом религиозной мысли – только человек или человек и *открывающееся ему Другое*? Поэтому тема объективации религиозного опыта стала основанием для теоретико-методологических дискуссий западноевропейской и русской религиозной философии, но это вопрошание явилось и их общим рефлексивным пространством. Возникающие здесь проблемы первофеномена религиозного, первоисточника религиозного опыта нельзя рассматривать вне вопроса о существовании опыта вообще, поскольку именно здесь самым парадоксальным образом поднимаются проблемы соотношения между понимаемым «смыслом» и сверхсмысленным «переживанием», между «словом» и «событием»¹, некоторым образом свойственным любому опыту.

В западноевропейской научно-философской традиции принято усматривать основу религии в особой способности ума или *предрасположенности*, которая независимо от чувства и разума, а иногда даже вопреки им даёт возможность человеку постигать Бесконечное под различными именами и в разнообразных формах. Эту способность М. Мюллер, один из основоположников научного изучения религии, называет *Vernunft*, т.е. способностью верить, воспринимать Бесконечное², «способностью постижения Бесконечного». Мюллер говорит о её абстрактно-универсальном характере, который присущ различным

¹ Для нас близко понимание события как единства сферы реальности, субъективности и эйдети-ческой сферы; см. подробнее: Соколов Б.Г. Герменевтика метафизики. С.-Петербург. 1998. С. 47-48, 55, 155, 161-184.

² Muller M. Lectures on the science of language. Vol.II. P.625-632.

областям, о её независимости от чувства и разума, но обладающей способностью победить и разум, и чувство. Русская философия по-другому понимала предрасположенность, как проявляющееся в сердце «подлинное чувство бесконечности», преобразующееся сознанием в идею Бога, объективность которой удостоверяется в религиозном опыте³. Предрасположенность, скажет позже Соловьёв, неотъемлемая часть познания абсолютно-сущего. Данная в интеллектуальной интуиции (по-другому, в умственном созерцании, что у Соловьёва соответствует «умному деланию» афонских исихастов), она есть основа цельного знания, где отвлечённое мышление – лишь один из этапов познания. Отделяя умственное созерцание от чувственного восприятия, отвлечённое мышление в тоже время перебрасывает мостик между этими различными формами познания, поскольку «образующие его общие понятия могут утверждаться как тени идей, закреплённые словами»⁴.

Русские религиозные мыслители, таким образом, не соглашались с отвлечённо-рассудочным пониманием религии и её познания, ставили вопрос о предельном обосновании не только знаний о религии, но и теоретических основ философствования. «Несомненное основание теоретической философии, – говорил Соловьёв, – есть та бесконечность человеческого духа, которая выражается здесь в несогласии мыслящего ума поставить заранее какие-нибудь внешние границы или пределы своей деятельности, заранее подчиниться каким-нибудь предположениям, не вытекающим из самой мысли, не проверенным и не оправданным ею»⁵. Настаивая на том, что настоящее философское мышление должно быть добросовестным исканием достоверной истины до конца, Соловьёв вводит нравственный элемент в логические условия мышления. А поскольку умственная добросовестность требует совпадения нравственного интереса с теоретическим, русские философы не могли не уделять особое внимание *личному восприятию* воздействия Бога на человеческую жизнь, т.е. *религиозному опыту*, который рассматривали как факт, не менее достоверный, чем воздействие внешнего, физического мира.

С тех пор как западноевропейская мысль стала тесно связываться с судьбами рационалистической мысли, она традиционно искала достоверного знания о религии в духе Канта, решительно отрицавшего способность человеческого разума выходить за пределы конечного и приближаться к Бесконечному. Утвердив в своих правах рациональное, Кант «закрыв ворота, через которые древние пристально вглядывались в Бесконечное, но, вопреки себе, в «Критике практического разума» он отворил боковую дверь, через которую впустил чувство долга и вместе с ним ощущение Божественного. Это всегда, – продолжает Мюллер, – казалось мне уязвимым пунктом философии Канта; *если философия должна объяснять то, что есть, а не то, что должно быть, то не будет и не может быть покоя до тех пор, пока мы не признаем в человеке третьей способности, которую я называю способностью постижения Бесконечного*» (курсив – Т.Ч.)⁶.

Все вышеобозначенные трудности сфокусировались в феноменологическом подходе к изучению религии, который в качестве её основания рассматривал особое религиозное чувство, а целеполагание ориентировал на понимание религии и выяснение сущности путём рефлексии её проявлений. Феноменологические концепции Р. Отто, Ф. Хайлера, Г. ван дер Леува, Г. Виденгрена, Й. Ваха, К. Гольдаммера, Г. Меншинга, М. Элиаде и др. не смогли сформулировать категорию «святое» как универсальную, хотя предлагали интересные её интерпретации в качестве инвариантной структуры религиозного сознания. Они столкнулись с субстанциональной необъективностью идеи святого в рамках философско-религиоведческого дискурса. Это показало, с одной стороны, что по отношению к религии формально-логическая дефиниция через указание рода и видового отличия не даёт желаемых научных результатов. Но в тоже время актуализировало исследование содержания понятия религии, где имеются компоненты, фиксирующие её наиболее глубокие, фундаментальные качества, высвечивающиеся в сущем, в существовании, в бытовании, раскрываемые на философском уровне.

³ Юркевич П.Д. По поводу статей богословского содержания, помещённых в «Философском лексиконе» // Юркевич П.Д. Философские произведения. С. 245-350, здесь с. 326-328.

⁴ Соловьёв В.С. Соч.: В 2 т. 2-е изд. Т. 2. Москва. 1988. С. 204.

⁵ Соловьёв В.С. Теоретическая философия // Антология реалистической феноменологии. Москва. 2006. С. 95-101, здесь с. 98.

⁶ Мюллер М. Введение в науку о религии. Москва. 2002. С. 21-22.

Мы считаем, что ответить на трансцендентальный вопрос «Как возможна религия?» невозможно без прояснения конкретных форм религии, объективной реальности предметов религиозного опыта. Другое дело, что истолкование и обоснование религиозного опыта всегда оказывается включённым в различный теоретический и мировоззренческий контекст, где так или иначе проблематизируется связь ценностного и когнитивного моментов, а это значит вновь и вновь обостряется старая тема соотношения веры и разума. Господствующая сегодня в философии религии кантовская парадигма когнитивного отношения к религиозному опыту есть выражение протестантской традиции, которая слишком резко противопоставляла разум и веру, и, соответственно, рациональный и ценностный момент в познании, что привело к немалым затруднениям как теоретического, так и практически-жизненного характера.

Нам представляется, что многие из этих затруднений могут быть преодолены путём обращения к онтологическому единству бытия и блага, которое было утрачено европейской мыслью эпохи модерна, что и привело в конце XIX–XX вв. к трагической коллизии знания и веры.

Мы будем опираться на феноменологическую реконструкцию понятийного смысла категории «достоверность», проведённую Даренским В. на основе современной эпистемологии. Феноменологическая реконструкция, предложенная мыслителем, выявила амбивалентный характер данной категории, который в силу своей инвариантности присутствует в различных теоретических парадигмах. С одной стороны, «достоверность» означает твёрдо установленное наличие чего-либо в его чётко определённой данности, с другой стороны, удостоверенное по своей природе может оказаться и неустодовверенным, иллюзорным в своей явленности – иначе само «удостоверение» его бытия вообще не потребовалось бы. Таким образом, достоверность утверждается, становясь из гносеологического факта фактом онтологическим, «обрастая» при этом множеством специальных способов и операций обеспечения «достоверности», что мы и наблюдаем в науке. Но природа «достоверности» может пониматься и как свидетельство изначальной проблемности существующего, поскольку оно всегда требует специального «удостоверения», никогда не бывающего окончательным. В своей предельной форме такое понимание достоверности имеет место в богословии, соответствуя специфике его предметности. Оба понимания «достоверности», являясь взаимонезависимыми внутренними структурами человеческого мышления, сопричастующими в науке и в богословии, в то же время есть внутренние «протоструктуры» сознания как такового, обеспечивающие во взаимодействии между собой любой синтез смысла⁷.

В этом случае становятся понятными эпистемологические характеристики энерго-персоналистического дискурса православной теологии, где исихастский опыт сближается с феноменологическим, если последний понимается как «пережитый опыт». Подчёркнутая субъектность, объединяющая один и другой вид опыта, вызывает всё больший интерес постнеклассической эпистемологии⁸, современной философии сознания. Она же является перспективным направлением исследований и для философии религии.

Русская религиозная философия даёт нам пример новых рефлексивных структур, где религия и религиозный опыт осмысливаются как многогранный феномен жизненного мира. Для этого используется деструкция общепринятых представлений, деструкция «мирского, выдающего себя за священное». Эта деструкция может протекать в форме переживания реально священного, т.е. может стать своеобразным религиозным опытом в самом себе содержащем требование перехода от отрицания к утверждению⁹, которое может принять форму концепции, неизменно сохраняя при этом связь с событием религиозного обращения¹⁰.

⁷ Даренский В. Категории «причинность» и «достоверность» в научном и богословском дискурсах / Научные и богословские эпистемологические парадигмы: историческая динамика и универсальные основания. Москва. 2009. С. 113–128.

⁸ О концепте «молчаливого знания» см.: Аршинов В.И. Личностное знание М. Полани как позиция синогогетики // Субъект. Познание. Деятельность. Москва. 2002. С. 661–663.

⁹ См. «Крушение кумиров» и «Свет во тьме» С. Франка, а также ранние произведения Л. Шестова.

¹⁰ О значении религиозного обращения для философской рефлексии религиозного опыта см.: Антонов К.М. Философия И.В. Киреевского: антропологический аспект. Москва. 2006.

Философско-феноменологическая рефлексия может оставаться конфессионально-определённой, если включает в себя рациональное обоснование этой определённости, апеллирующее к тому или иному субстрату общезначимости, будь то «самоочевидная истинность», «феноменологическая очевидность», «здоровый смысл» или что-нибудь иное, преодолевающее в дискуссии альтернативные точки зрения. Здесь открываются огромные перспективы для философско-феноменологических исследований интересубъективного опыта и опыта единств жизненного мира. Эту тональность, например, мы видим уже в философско-богословском дискурсе славянофилов. Они в качестве предмета интенции выдвинули Божественную личность, непосредственно данную сознанию. Осуществить эту интенцию, настаивали они, по силам только цельному человеку, и только в меру реализованности в нём личностного начала.

Здесь явно прослеживается влияние учения св. Григория Паламы о различении сущности и энергии в Боге, а создаваемая славянофилами антропология, философски эксплицирует те представления о человеке, который нёс в себе православный опыт. Можно сказать, что учение св. Григория представляет собой богословскую интерпретацию того же самого опыта, философское обобщение которого намечается славянофилами.

Гносеологические размышления изначально помещаются русскими религиозными мыслителями в горизонт бытийных модусов жизненного мира, в его социально-историческое, экзистенциальное и личностное измерения, а не в абстрактное противостояние разумного существа (субъекта) абстрактному образу мира (объекту) в так называемом «познавательном» субъект-объектном отношении¹¹.

Для дискурса русской религиозной философии вообще характерен отказ от объективистской объяснительной установки, как она рассматривалась в классической науке. Реальное бытие сознания не может реализовываться вне активной церковно-религиозной жизни. Поэтому их философско-богословский дискурс пронизан глубоким жизненным и личностным смыслом, а личностные и жизненные переживания служат источником экзистенциальных оснований концепции богословского знания и идентификации его религиозного опыта.

Если понимать феноменологию как описание опыта человеческой субъективности, то в любом религиозном феномене можно обнаружить имманентное переживаемое содержание. Но реализоваться в области переживаний, сопровождающих объективно осуществлённое самосознание, по условиям кантовской философии невозможно. Это оказалось возможным благодаря феноменологическому пониманию «жизненного мира» как пласта опыта, предшествующего субъект-объектным отношениям, который есть допредикативный опыт («живое знание», как говорят русские философы). Феноменологическим фактом является не только интенция, которая активно изучалась в схоластике, но и акт её полагания из некоей сферы бесконечных возможностей, т.н. трансцендентальное предчувствие¹². Эта потенция возможных интенциональных полаганий является первоосновой воли и метафизически обозначается как сущность. Но её можно рассматривать феноменологически, как переживание, явленное в человеческой субъективности. *При этом само понятие сущности можно истолковывать не метафизически как субстанцию, а феноменологически – как явленную в переживании бесконечную потенцию воли, что мы находим в русской религиозной философии.*

Таким образом, ставя вопрос о предельном обосновании религиозного знания и знания о религии, русские философы обращались к вере как функции воли, используя внепонятийное обращение к Богу, либо расширяя понятийный аппарат неоплатоническими интерпретациями. Например, Соловьёв усматривает сущность вещи в себе (на-

¹¹ У Киреевского, например, мы находим **идеальный тип религиозного человека**, который есть человек традиции, гностик, вокруг которого формируется традиция в своём человеческом аспекте, в том числе, в познавательном аспекте соотношения веры и разума. Отсюда **структуру религиозной традиции** он видит следующей: личность – община (монастырь) – Церковь – народ – Земля. Её универсальный характер с известными содержательными поправками может быть формально применен к описанию любой религиозной традиции; см. подробнее: Антонов К.М. Философия И.В. Киреевского: антропологический аспект. Москва. 2006.

¹² См.: Карпицкий Н.Н. Трансцендентальное предчувствие как феномен человеческой субъективности. Диссер. на соиск. докт. филос. наук. Томск. 2004.

званной им «сущее») в воле, при этом Бог, как верховное сущее, определяется им в духе неоплатонизма как положительное ничто¹³. Это явилось сильной стороной русской философии и помогло ей избежать многих теоретических проблем, с которыми гегелевская философия, тоже критиковавшая Канта за рассудочность, не справилась. Русская философия также обращается к понятию рассудка, но не путём изменения «метода» с аналитического на диалектический, а *путём более фундаментального превращения всего дискурсивного порядка философии, придания ему «новых начал», пытаясь область рассудка объять «цельным разумом», чтобы управлять и направлять его к принципиально иным экзистенциальным целям.*

Как известно, экзистенциалистское философствование и в европейской философской традиции трансформировало классическое понимание человеческого феномена, превратив его из сознания в существование. Русская философия в этой же традиции выработала свой подход к постижению религии как феномена «жизненного мира», радикально пересмотрев такие базовые религиозные понятия как «откровение» и «вера»¹⁴. Она стала понимать их как сущностные характеристики базового допредикативного опыта, как условия возможности не только религии, но познания, нравственности, творчества и, в определённом смысле, самого существования человека. Сознание и его деятельность стали вторичными по отношению к бытию, а само человеческое бытие стало рассматриваться как укоренённое в горизонте Абсолютного Сущего, в горизонте Божества.

В тоже время в акте веры русские философы усматривали акт сознания, интенциональность которого направлена на Божественную личность.

Сознание, имеющее предметом своей выполненной интенции Самого Бога в Его энергиях, радикально отличается от того, которое исследуется в трансцендентальном идеализме. Такое сознание отсылает к совершенно иным условиям бытия, прежде всего, к целостности человеческого существа, к тому, что мы называем «бытие личности». Для русской религиозной философии это бытие обладает самодостоверностью, которая замутняется и скрывается иллюзиями сознания. И если русские философы говорят о вере как о сознании, то потому, что трансцендентальный идеализм понимается здесь максимально широко, как философия сознания вообще, или как «сфера рационального отвлечённого мышления»¹⁵.

Здесь возникает новая, *экзистенциальная* характеристика личности и веры, и, соответственно, начинает складываться особый экзистенциально-феноменологический дискурс познания религии. Эта экзистенциальная характеристика – цельность и стремление к полноте этой цельности. Бытие личности – это особая область бытия, которая ускользает от точных определений. Именно таково здесь понятие веры, рассматриваемой как акт сознания. «Она не составляет чисто человеческого знания, не составляет особого понятия в уме или сердце, не вмещается в одной какой-либо познавательной способности, не относится к одному логическому разуму, или сердечному чувству, или внушению совести, но обнимает всю цельность человека и является только в минуты этой цельности и соразмерно её полноте»¹⁶.

В тоже время русские философы видели в вере то самое сознание, «более или менее ясное, более или менее непосредственное», которое характеризует опыт Богообщения¹⁷. Вера, как сознание об этом опыте, именно в силу своей непосредственности не может быть отделено от опыта.

Таким образом, вопрос о соотношении само- и Бого-сознания человека породил структуру из трёх уровней: опыт (как отношение Божественной и человеческой личностей) – сознание о нём – вера. В этой структуре западноевропейская традиция философствования обрела в православной духовности своё новое основание, а герменевтический круг, возникающий между опытом и интерпретацией, стал означать способность опыта к бесконечному углублению, а не возможность его масштабного конструирования.

¹³ Гайденко П.П. Владимир Соловьёв и философия Серебряного века. Москва. 2001. С. 47.

¹⁴ См.: Нижников С.А. Метафизика веры в русской философии. Москва. 2001.

¹⁵ Киреевский И.В. Критика и эстетика. Москва. 1979. С. 328.

¹⁶ Киреевский И.В. Полн. собр. соч. В 2-ух т.. Москва. 1911. С. 275.

¹⁷ Там же. С. 274-275.

Из всего сказанного очевидно, что русской философии религиозный феномен приобретает совсем некантовское основание – «метафизическое существо» как абсолютную основу всех религиозных явлений. Русские религиозные мыслители содержательно соотносили, т.е. коррелировали явление с понятием «сущность». Например, у Соловьёва мы находим: «под явлением я разумею познаваемость существа, его предметность или бытие для другого; под сущим в себе или о себе я разумею то же самое существо, поскольку оно не относится к другому, т.е. в его собственной подлежательной действительности»¹⁸. Таким образом, русская философия настаивает на *содержательном обнаружении в явлении того, что есть сущность. Познавая религиозный феномен в его проявлениях, в том числе экзистенциальных, перед нами открывается возможность некоторого познания, «схватывания» «сущего в себе»*. В этом процессе и сходятся экзистенциальный и интенциональный дискурсы.

Примечательна в этом смысле судьба философско-богословских взглядов Хомякова. Первоначальное недоверие и настороженность к его подходу к Богопознанию вполне объяснимы новизной предложенного метода, экзистенциально-феноменологический характер которого и послужил причиной неоднозначной его оценки. Ю.Ф. Самарин, А.М. Иванцов-Платонов, Н.П. Барсов считали Хомякова выразителем подлинного «апостольского и святоотеческого духа богословствования»¹⁹. П.С. Казанский, А.В. Горский, В.Ф. Певницкий, П. Флоренский, С. Трубецкой обвиняли его в протестантизме и католическом уклоне²⁰. Но принципиально важное значение в смысле пересмотра отношения представителей РПЦ к философско-богословскому учению Хомякова имели мнения на этот счёт проф. С.-Петербургской духовной академии Н.И. Барсова и прот. А.М. Иванцова-Платонова, которые «философский метод» Хомякова в богословских исследованиях рассматривали как целостное историческое изучение религиозных явлений. В последующем прот. В. Зеньковский в своей «Истории русской философии» подчёркивал, что у Хомякова основополагающим принципом его философии явилось «живое чувство Церкви», а основной задачей – извлечь из идеи Церкви (в православном её понимании) основы философии и всей культуры.

Прот. Г. Флоровский, продолжая эту линию, говорил о подлинной ценности и значимости богословских идей Хомякова, которые заключаются не столько в новизне содержания, сколько в *новизне метода, суть которого в «опытном Богопознании»*. Хомяков исходит из внутреннего опыта Церкви, подчёркивал Флоровский. Он описывает реальность Церкви, «как она открывается изнутри, через опыт жизни в ней». Именно Флоровский был одним из первых, обративших внимание на экзистенциальные истоки богословского творчества Хомякова. В этом отношении он как бы конкретизировал мысль Бердяева о том, что «русская философия в наиболее своеобразных своих течениях всегда склонялась к экзистенциальному типу философствования»²¹.

Таким образом, экзистенциально-феноменологические интенции русских религиозных мыслителей говорят о включённости их философско-богословского дискурса в пространство мыслительной традиции, поставившей вопрос о предельном обосновании знания о религии, что мы видим в идеях экзистенциального и личностного мышления Паскаля, Соловьёва, Киркегора, Тиллиха, Бахтина, Мамардашвили и др.. Мыслить достойно значит мыслить экзистенциально, считал Киркегор, или мыслить участно, «расшифровывал» позднее Бахтин. Более того, мыслить философски, обосновывал Соловьёв, значит не только признавать абсолютное бытие истинно-сущего, независимое от реальности внешнего мира и от нашего мышления, но и познавать которое необходимо и умст-

¹⁸ Соловьёв В.С. Соч.: В 2 т. 2-е изд. Т. 2. Москва. 1988. С. 212.

¹⁹ См. подробнее: Самарин Ю.Ф. Предисловие к первому изданию богословских сочинений А.С. Хомякова // Хомяков А.С. Полн. собр. соч.. В 4-х т.. Т. 2. Прага. 1867; Иванцов-Платонов А.М., прот. Предисловие к письмам А.С. Хомякова к В. Пальмеру // Там же; Иванцов-Платонов А.М. О богословских сочинениях А.С. Хомякова // Православное обозрение 1869, январь, 1870, февраль; Барсов Н.П. Новый метод в богословии // Христианское чтение, 1879.

²⁰ См. подробнее: Горский А.В., прот. Замечания к богословским трудам Хомякова // Богословский вестник, 1900, ноябрь; Певницкий В.Ф. О богословии Хомякова // Труды КДА. 1870, февраль; Флоренский П., прот. Около Хомякова. Критические заметки. Сергиев Посад, 1916.

²¹ Бердяев Н.А. Самопознание. Ленинград. 1991. С.107.

венными усилиями и «особенным направлением воли». Субъективный мыслитель не должен допускать никакой дистанции (дистанции отвлечения) между собственным мышлением и собственным *существующем бытием*. Он должен не просто «держать мысль», но держать её в существовании, скажет позднее Мамардашвили, обосновывая свою трактовку тождества мышления и бытия²².

Выводы

В заключении хочется отметить, что на раннем этапе становления русской философии²³ сопряжение познания с экзистенциальным//личностным измерением прозвучала как общая постановка вопроса в творчестве славянофилов. Последующее философско-феноменологическое исследование религии развивается главным образом в творчестве Соловьёва В. и бр. Трубецких, которые в своих систематических обоснованиях веры, до-предикативного опыта, личного откровения и т.д. связывали их с основными категориями теории знания, онтологии, философии истории, этики, тем самым подготавливая более детальную разработку феноменологических и герменевтических подходов, которые мы находим уже в творчестве о. П. Флоренского, С. Франка, Г. Шпета, А. Лосева и др.

Близость русской религиозной философии феноменологической парадигме заключается не только в признании автономной реальности бытия сознания с его внутренними пространственно-временными характеристиками, что получило своё развитие в творчестве М. Каринского и Вл. Соловьёва, но и в предвосхищении феноменологического различения интенции значения и осуществления значения, например, в концептах «недосознанного» и «цельного» разума, а также в идее рефлексивности сознания как существенной характеристики его бытия. И, главное, многие идеи русской религиозной философии предвосхитили формирование уже в неклассической философии экзистенциально-феноменологического дискурса как особой эпистемы, актуализирующей теоретические концепты сохранения личностного начала в познавательном процессе.

Таким образом, феноменологические интерпретации, как они представлены в русской философии, дают возможность отрефлексировать всё историческое многообразие человеческого опыта, объединить различные исследовательские подходы с восприятием человека как экзистенциального феномена, посмотреть на религию как явление, «живущее» на пересечении человеческого сознания и Бытия. В этом и будет заключаться ещё ждущий своего детального осмысления вклад русской религиозной философии в предельное обоснование знаний о религии через её рефлексии религиозного опыта.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Самопознание. Ленинград. 1991.
2. Гайденок П.П. Владимир Соловьёв и философия Серебряного века. Москва. 2001.
3. Даренский В. Категории «причинность» и «достоверность» в научном и богословском дискурсах / Научные и богословские эпистемологические парадигмы: историческая динамика и универсальные основания. Москва. 2009.
4. Карпицкий Н.Н. Трансцендентальное предчувствие как феномен человеческой субъективности. Диссер. на соиск. докт. филос. наук. Томск. 2004.
5. Киреевский И.В. Критика и эстетика. Москва. 1979.
6. Киреевский И.В. Полн. собр. соч. В 2-ух т.. Москва. 1911.
7. Мамардашвили М. Введение в философию. Курс лекций // Новый круг. Киев. 1992. №2.
8. Мюллер М. Введение в науку о религии. Москва. 2002.
9. Нижников С.А. Метафизика веры в русской философии. Москва. 2001.
10. Соловьёв В.С. Соч.: В 2 т. 2-е изд. Т. 2. Москва. 1988.
11. Соловьёв В.С. Теоретическая философия // Антология реалистической феноменологии. Москва. 2006. С. 95-101.
12. Юркевич П.Д. По поводу статей богословского содержания, помещённых в «Философском лексиконе» // Юркевич П.Д. Философские произведения. С. 245-350.
13. Muller M. Lectures on the science of language. Vol.II.

²² Мамардашвили М. Введение в философию. Курс лекций // Новый круг. Киев. 1992. №2. С. 56-74.

²³ Об этапах становления философии религии как самостоятельного направления в русской философии см.: Антонов К.М. Философия религии в русской метафизике XIX – начала XX в.. Москва. 2008.

PROBLEM OF ULTIMATE RELIGIOUS KNOWLEDGE SUBSTANTIATION IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

T. G. CHELOVENKO

Oryol State University

e-mail: chelovenko@inbox.ru

The article focuses on phenomenological paradigm of understanding spiritual and religious experience, which is an acute problem of Russian religious philosophy. The author describes various manifestations of phenomenological discourse in Russian philosophy, emphasizing existential phenomenological interpretation of religious experience and knowledge of religion.

Key words: religious experience, objectivity of knowledge, human subjective experience, phenomenological discourse.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

УДК 343.131.5

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Н. И. ДОЛЖЕНКО*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
Dolzhenko@bsu.edu.ru*

УПК РФ предусматривает необходимость принятия мер безопасности в отношении потерпевшего, свидетеля, иных участников уголовного судопроизводства, а также их родственников или близких лиц при наличии достаточных оснований полагать, что им угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными опасными противоправными деяниями. В качестве мер процессуальной защиты, в частности, предусмотрено сохранение в тайне данных о личности свидетеля в протоколе следственного действия. В статье рассматриваются вопросы по процедуре засекречивания данных о личности участников уголовного судопроизводства в процессуальных документах.

Ключевые слова: свидетель, следователь, псевдоним, процессуальные документы.

Результативность производства по уголовным делам в значительной мере зависит от создания эффективной системы гарантий обеспечения безопасности потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, а также должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело. В настоящее время в России уже сформирована законодательная основа для образования системы государственной защиты лиц, содействующих правоохранительным органам.

Несколько лет назад вступил в силу Федеральный закон №119 "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства". Меры защиты самые разнообразные: анонимное участие в следственных действиях с использованием псевдонима, личная охрана, выдача специальных средств защиты, связи, установка сигнализации в квартире, замена документов и переселение в другой регион страны, трудоустройство на новом месте, изменение внешности и биографических данных. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации так же содержит ряд норм, позволяющих обеспечить безопасность свидетеля, потерпевшего и иных участников уголовного судопроизводства в случае, если им угрожают убийством, насилием либо иными опасными противоправными действиями.

Безусловно, данные меры могут в какой-то степени способствовать обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства. Однако их реализация на практике не всегда оказывается действенной.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу одной из мер безопасности является сохранение в тайне подлинных анкетных данных свидетелей и потерпевших, которым в связи с дачей ими показаний по уголовному делу угрожают убийством, применением насилия, уничтожением, повреждением имущества. По мысли законодателей, засекречивание анкетных данных таких участников уголовного процесса способно защитить их от различных опасностей. Здесь важно подчеркнуть, что процедура привлечения засекреченных свидетелей, потерпевших осуществляется путем оформления ряда юридических документов.

В общем виде она заключается в следующем. При необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности. В этом случае следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Постановление помещается в конверт, который после этого опечатывается и приобщается к уголовному делу.

По нашему мнению этот процессуальный механизм эффективно работать не может.

Во-первых, закон не определяет, какое должностное лицо и в каком порядке разъясняет участнику процесса его право на заявление ходатайства о применении мер безопасности.

Во-вторых, согласно ч. 3 ст. 11 УПК РФ меры безопасности устанавливаются в отношении всех участников процесса. Тем не менее, право ходатайствовать об их применении предоставлено лишь потерпевшему (п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) и свидетелю (п. 7 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). Так, к примеру, заявитель сообщения о преступлении согласно п. 9 ст. 5 УПК РФ является участником досудебного уголовного судопроизводства, которое согласно п. 56 ст. 5 Кодекса является составной частью уголовного судопроизводства. Однако согласно части 1 ст. 119 Кодекса заявитель не обладает правом подачи ходатайств, пока не будет признан пострадавшим. Статья 149 УПК РФ предусматривает, что проверка сообщения должна быть проведена в течение от 3 до 30 дней. Иногда проверка сообщения о преступлении затягивается на месяцы. Заявитель при волоките проверки сообщения о преступлении не может ничем себе помочь, так как лишён права ходатайствовать о совершении дознавателем или следователем процессуальных действий, обеспечивающих его защиту.

Не урегулированы и многие другие необходимые вопросы.

Так, законодатель не предусмотрел возможность использования мер безопасности в стадии возбуждения уголовного дела, когда происходит получение и фиксация первичной информации о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении. Согласно ст. 141 УПК РФ, заявление о преступлении может быть сделано в устном или письменном виде. В соответствии с ч. 3 ст. 141 УПК РФ, устное заявление о преступлении заносится в протокол, который подписывается заявителем и лицом, принявшим данное заявление. При этом в протоколе отражаются фамилия, имя, отчество, дата и место рождения заявителя, его место жительства, работы или учебы. Совершенно очевидно, что указанных в заявлении данных вполне достаточно для обнаружения преступниками этих лиц и оказания на них в дальнейшем воздействия с целью недопущения сотрудничества этих лиц с органами следствия и суда. Следует отметить, что аналогичные требования предъявляются законодателем и при подаче письменного заявления о преступлении.

Кроме того, нередко возникают ситуации когда уже в ходе выполнения каких-либо следственных действий, проводимых с участием потерпевшего, свидетелей (н-р, очной ставки) подозреваемый сообщает им, что впоследствии ознакомится с материалами дела, при направлении в суд, и узнав паспортные данные, место жительства, сообщит указанные данные подельникам, находящимся на свободе которые найдут их и убьют. Эти лица заявляют ходатайства о применении мер безопасности. Очевидно, что следова-

тель руководствуясь ч. 9 ст. 166 должен вынести постановление об их применении и засекретить данные во всех процессуальных документах, где фигурируют какие-либо сведения личного характера.

Однако ввиду отсутствия в законе четко регламентированных процедур выполнения этих действий, следователи вынуждены прибегать к различным ухищрениям.

Результаты анкетирования показали, что чаще всего используется следующий вариант действий.

Так как УПК РФ не содержит прямого запрета на изменение, уточнение протоколов и постановлений, то с целью недопущения разглашения сведений о личности потерпевшего, свидетелей выносит постановление, в котором указывает, что в качестве меры защиты необходимо внести изменения путем заклеивания истинных данных потерпевшего, свидетеля в определенные постановления и протоколы, в частности постановление о возбуждении уголовного дела, заявление потерпевшего, объяснение потерпевшего, протоколы допроса и т.д.

Далее делаются копии документов посредством множительной техники, в копии «замазывают», «залепливают» и т.п. все личные данные на лицо, затем опять делают копию и на месте внесения изменений записывается псевдоним.

Уже копии документов с псевдонимом ложатся в уголовное дело, а оригиналы, вместе с постановлением об изменении фамилии, имени, отчества лица, взятого под защиту, на псевдоним, вместе с иными документами ложится в конверт, который приобщается к материалам уголовного дела.

В тех случаях, когда в протоколах допроса и других процессуальных документах содержатся показания засекречиваемого свидетеля, потерпевшего, затрагивающие такие обстоятельства, при которых обвиняемому будет несложно его вычислить (о месте работы или месте жительства, графике работы, длительном знакомстве с обвиняемым и т. д.), следователи выполняют копии соответствующих документов из которых аналогично описанному выше способу исключают те детали в показаниях, которые способствовали бы "расшифровке" свидетеля.

Однако данный вариант решения проблемы нельзя признать правильным.

Во-первых, закон предусматривает возможность изготовления копий процессуальных документов лишь в случае осуществления процедуры выделения материалов уголовного дела в отдельное производство либо при необходимости восстановления утраченных доказательств.

Во-вторых, следователь вносит в копии определенные изменения – удаляет личные данные, подписи и даже сведения. Данные действия ставят под сомнение достоверность содержащихся в них сведений, а соответственно и допустимость. Разумеется, документ в измененном виде не содержит ложной информации, но по сути дела следователь фальсифицирует сведения, содержащиеся в нем.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ разъясняет, что под фальсификацией доказательств, по смыслу ст. 303 УК РФ, следует понимать любое искажение сути, объема, внешнего вида, веса и других характеристик доказательств (или хотя бы одного доказательства), влияющее на полное и объективное рассмотрение дела¹.

Подделка любого документа, представление его в суд с последующим приобщением к материалам дела будут расцениваться как фальсификация доказательств независимо от ложности или достоверности содержащихся в них сведений. Для квалификации действий по ч. 1 ст. 303 УК РФ не имеют значения мотивы и цели фальсификации, главное, чтобы лицо осознавало факт подделки доказательства и желало воспользоваться последним.

Более того, часть сведений, изъятых следователем из копии протокола недоступны другим участникам процесса, что существенно нарушает их права. В частности, право обвиняемого на защиту, непосредственность исследования доказательств.

В связи с вышеизложенным считаем, что в УПК РФ необходимо предусмотреть механизмы реализации предусмотренных меры безопасности, а именно защиты анкетных данных лиц, содержащихся в уголовном деле, а также использования псевдонима.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ.2000.№8.С.13.

Полагаем целесообразным закрепить в УПК РФ:

– обязанность должностных лиц, как получивших сообщение о совершенном преступлении, так и осуществляющих производство по уголовному делу, разъяснять участникам уголовного судопроизводства их право на применение мер безопасности, предусмотренных Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» в отношении себя и близких родственников.

– право заявления ходатайств о применении соответствующих мер защиты следующих участников уголовного судопроизводства: частного обвинителя; подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, их защитников и законных представителей, осужденных, оправданных, а также лиц, в отношении которых уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено; эксперта, специалиста, переводчика понятого, а также участвующих в уголовном судопроизводстве педагога и психолога; гражданского истца, гражданского ответчика; законных представителей, представителей потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя.

– возможность использования псевдонима до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления, если угроза безопасности лица возникла еще до подачи заявления о преступлении.

На страницах процессуальной литературы можно встретить рекомендации, предусматривающие два способа решения этого вопроса.

Первый вариант связан с необходимостью некоторого изменения порядка принятия заявления о преступлении. Речь идет о неуказании демографических данных в протоколе принятия устного заявления о преступлении. Непосредственно в самом протоколе, в данном случае, достаточно изложить лишь содержание заявления. Что же касается данных относительно личности заявителя, то они должны быть зафиксированы в особом засекреченном процессуальном документе с ограниченным правом доступа.

Другой вариант обеспечения безопасности заявителя на стадии сообщения о преступлении заключается в изменении самого повода к возбуждению уголовного дела. На наш взгляд, вместо заявления о преступлении в данном случае в качестве повода к возбуждению уголовного дела может выступить сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Согласно ст. 143 УПК РФ такое сообщение принимается лицом, получившим данное сообщение, о чем составляется рапорт об обнаружении признаков преступления. Формально, данная ситуация выглядит как непосредственное обнаружение преступления органом дознания или следователем. Непосредственно в самом рапорте об обнаружении признаков преступления должны быть указаны должность, звание, фамилия и инициалы лица, получившего сообщение, обстоятельства совершенного деяния и источник получения информации. С целью обеспечения безопасности заявителя, представляется возможным исключение из сведений, указываемых в рапорте данных об источнике получения информации. Предположительно, данная информация должна находиться непосредственно у лица, составившего рапорт, которое, при этом, должно нести ответственность за нераспространение сведений об источнике получения информации².

– Порядок внесения изменений в процессуальные документы, при необходимости применить меры безопасности в процессе предварительного следствия. В этом случае, следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление и, засекретив данные защищаемого, пересоставляет протоколы следственных действий, в которых показания воспроизводятся уже под псевдонимом. При этом должны быть соблюдены все требования по их оформлению (условные подписи, удостоверяющие надписи и т.п.).

В том случае, если процессуальные документы требуют изменения их содержания применение п. 9 ст. 166 УПК теряет всякий смысл. Если уж такова необходимость, следует прибегать к изысканию возможностей обеспечения других мер защиты.

² Жариков Е.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству на стадии возбуждения уголовного дела. <http://stipendiat.memo.ru>

Мы разделяем мнения ученых, которые считают необходимым также предусмотреть в законе следующие положения.

– В ходе следственных действий с участием лица, которому дан псевдоним, не применять фото-, видеосъемку, а если есть основания полагать, что субъект по голосу может быть узнан либо идентифицирован в будущем, то не применять и аудиозапись.

– Ограничить проведение с таким лицом следственных действий, производство которых требует участия понятых, специалистов, экспертов др.

– Исключить необоснованную передачу уголовных дел, в которых лица участвуют под псевдонимами, от одного следователя к другому, поскольку это порождает отказы указанных лиц от дальнейшего участия в уголовном судопроизводстве из-за опасения, что расширение круга сотрудников правоохранительных органов, знающих подлинные сведения о них, может привести к утечке информации³.

Перечисленные проблемы не являются исчерпывающими. Однако их разрешение может служить направлениями совершенствования как уголовно-процессуального законодательства, так и правоприменительной практики в интересах эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 8. С. 13
2. Жариков Е. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству на стадии возбуждения уголовного дела. <http://stipendiat.memo.ru>
3. Сторчак О. А. Средства обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемых участниках уголовного процесса по делам об организованной преступности. Вестник Томского государственного университета. 2009, № 234, с. 250

ISSUES OF APPLICATION OF SOME PROTECTION MEASURES FOR PARTICIPANTS OF CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

N. I. DOLZHENKO

Belgorod State University

e-mail:

Dolzhenko@bsu.edu.ru

The Code of criminal procedure of the Russian Federation provides the appliance of some security measures concerning a victim, a witness and other participants of criminal legal proceedings, as well as their relatives or close persons on condition that there are sufficient reasons to believe that they are threatened by murder, violence, destruction or damage of their property or other dangerous wrongful acts. Keeping in a secret the personal information of a witness in the report of investigative action can be regarded as a measure of remedial protection. The article deals with the problems of classifying as secret the personal information of participants of criminal legal proceedings in remedial documents.

Key words: witness, investigator, pseudonym, remedial documents.

³ Сторчак О. А. Средства обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемых участниках уголовного процесса по делам об организованной преступности. Вестник Томского государственного университета. 2009, № 234, с. 250

УДК 343.131.5

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 49 УПК В ПРАКТИКЕ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

И. М. КОМАРОВ¹⁾
Э. А. ВИНОКУРОВ²⁾

¹⁾Белгородский государственный университет

e-mail:
Komarov@bsu.edu.ru

²⁾Белгородский юридический институт МВД России

e-mail:
VinokurovEA@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы связанные с оказанием квалифицированной юридической помощи предоставляемой адвокатом-защитником подозреваемому (обвиняемому) по уголовному делу, а также отдельные положения ст. 49 УПК РФ связанные с обеспечением защиты этому участнику уголовного судопроизводства со стороны иных лиц.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, профессиональная защита по уголовному делу, адвокат-защитник.

Конституцией Российской Федерации гарантируется защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, 45), а также получение гражданином квалифицированной юридической помощи (ст. 48).

В уголовном судопроизводстве эти положения, преимущественно, реализуются через осуществление адвокатом-защитником своей защитительной функции, основные положения которой отражены в ст. 49 УПК РФ.

По верному замечанию М.С. Строговича, настойчивая, принципиальная, смелая защита в уголовном процессе не препятствует, а содействует борьбе с преступностью, помогая устранять ошибки в разрешении уголовных дел, необходимым условием при этом является защита только законными средствами¹.

В этом аспекте для реализации эффективной защиты интересов подозреваемого (обвиняемого) актуальным является вопрос, связанный с участием защитника в процессе предварительного расследования преступлений.

В соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»² квалифицированная юридическая помощь оказывается в рамках адвокатской деятельности, осуществляемой на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката и право заниматься адвокатской деятельностью. Эти положения данного закона согласуются как со ст. 48 Конституции Российской Федерации, так и со ст. 49 УПК РФ.

Однако, наряду с адвокатом-защитником определением или постановлением суда (ч. 2 ст. 49 УПК РФ) в качестве защитника может быть допущен один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. Возникает вопрос, как это положение согласуется с приведенными конституционными нормами и как выбрать квалифицированного защитника?

Конституция РФ определила (ст. 48), что «каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи», при этом «каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения»³.

¹ Строгович М.С. Деятельность адвокатов в качестве защитников обвиняемых // Советское государство и право. – 1981. – № 8. – С. 88.

² Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в ред. Федеральных законов от 28.10.2003 N 134-ФЗ, от 22.08.2004 N 122-ФЗ, от 20.12.2004 N 163-ФЗ, от 24.07.2007 N 214-ФЗ, от 23.07.2008 N 160-ФЗ.

³ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ // Собрание законодательства РФ от 26.01.2009. № 4. ст. 445.

Тем самым, государство возложило на адвокатов-защитников основную деятельность по оказанию квалифицированной юридической помощи, той же позиции в обеспечении «каждому желающему достаточно высокого уровня любого из видов предоставляемой юридической помощи»⁴, придерживается и Конституционный Суд РФ.

Развивая данное правовое положение, Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 16 июля 2004 года⁵ указал, что Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» определены квалификации для приобретения статуса адвоката, дающего, в том числе право участвовать в судопроизводстве в качестве представителя, необходимы: определенный уровень юридического образования, стаж работы по юридической специальности или стажировка в адвокатском образовании, положительное решение квалификационной комиссии, принимаемое после сдачи квалификационного экзамена, отсутствие непогашенной или неснятой судимости за совершение умышленного преступления.

Эти правовые подходы являются основными ориентирами относительно требований к субъекту способному оказать квалифицированную юридическую помощь.

Однако, как было отмечено, выбор адвоката-защитника по уголовному делу был и остается наиболее сложной проблемой уголовного судопроизводства, которая встает перед подозреваемым (обвиняемым) по каждому конкретному факту уголовного преследования. Как выбрать квалифицированного защитника для получения соответствующей юридической помощи, какие критерии это определяют?

Сложность проблемы состоит в первую очередь в том, что подозреваемым (обвиняемым), в большинстве своем не обладающим необходимыми юридическими знаниями, очень трудно судить об уровне квалификации адвоката-защитника. Как показывает практика, не всегда это могут сделать даже лица, в том числе подозреваемый (обвиняемый), имеющие юридическое образование. Обусловлено это отсутствием объективных критериев, позволяющих оценить качество адвокатской деятельности отдельно взятого адвоката. Можно только себе представить, верно подмечает Н.А. Подольный, как «трудно подозреваемому (обвиняемому), не являющемуся юристом увидеть, что назначенный или выбранный им адвокат является высококвалифицированным специалистом в области права»⁶.

На наш взгляд, первым шагом в решении проблемы могла бы стать периодическая профессиональная аттестация адвокатов-защитников. В определенном смысле такая аттестация была бы гарантией того, что адвокат-защитник в течение своей деятельности будет стремиться поддерживать и пополнять свои знания, соответствующие адвокатскому статусу. В основе профессиональной аттестации может лежать специальная процедура подтверждения квалификации адвоката-защитника по истечении определенного периода времени (например, каждые 5 лет), после которой, прошедший ее адвокат-защитник, получал бы право дальнейшей деятельности. Проведенное нами анкетирование среди следователей, дознавателей, и судей показало, что 56 % респондентов согласны с тем, что для адвокатов-защитников, представляющих интересы подозреваемых (обвиняемых) было бы желательно предусмотреть единую процедуру периодического подтверждения квалификации.

⁴ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2003 г. № 446-О «По жалобам граждан Л.Д. Вальдмана, С.М. Григорьева и региональной общественной организации «Объединение вкладчиков «МММ» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 3.

⁵ Постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного собрания – Курултая республики Башкортостан, губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан» // Российская газета. – 2004. – 27 июля.

⁶ Подольный Н.А. Кто должен быть защитником в уголовном судопроизводстве. // Право и политика. – 2005. – № 5. – С.106.

Профессиональная переаттестация адвокатов-защитников, в особенности представляющих интересы подозреваемых (обвиняемых) в ходе предварительного расследования, не просто явилась бы формальным дополнением к системе повышения их квалификации, а, действительно, при условии независимого тестирования и объективной оценки результатов могла бы стать гарантией высокого качества этой услуги. Это и предусматривает ст. 48 Конституция РФ.

Кроме того, в целях определения критериев профессиональной готовности адвокатов-защитников для представления интересов подозреваемых (обвиняемых) по уголовному делу, палаты адвокатов субъектов федерации могли бы определить адвокатский рейтинг. В его основу могли бы быть положены не только результаты переаттестации, но и некоторые критерии оценки их работы, по защите интересов участников уголовного судопроизводства.

В этот рейтинг могли бы войти, например, следующие данные:

1) анализ результатов деятельности адвоката-защитника в течение пятилетнего срока (наличие жалоб, представлений на его деятельность от участников уголовного процесса, письменные отзывы подзащитного, количество и результаты рассмотренных им дел и пр.);

2) результаты квалификационных экзаменов, в ходе которых адвокат-защитник должен подтвердить свои профессиональные знания в действующем законодательстве и кодекса профессиональной этики адвоката;

3) заключение квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, основанные на содержании оценки вышеприведенных положений.

Рейтинговая оценка, непосредственно связанная со специализацией конкретного адвоката-защитника, определенным образом могла бы объективно характеризовать его профессиональную квалификацию.

Соответствующие сведения должны быть доступны любому желающему, проявившему целенаправленный интерес к выбору конкретного адвоката-защитника для квалифицированной юридической помощи (сайт адвокатской палаты субъекта федерации и прочие источники информации).

Однако данные предложения в случае признания их полезности повлекли бы некоторые изменения текущего законодательства.

Так, в ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» следует ввести п. 7, который бы предусматривал обязанность адвоката-защитника по истечении каждых пяти лет практической деятельности после получения статуса-адвоката, обязательную процедуру переаттестации, с последующим продлением права осуществлять адвокатскую деятельность на следующий срок.

Кроме того, в ч. 1 ст. 16 этого же закона, где предусмотрены основания приостановления статуса адвоката, ввести п. 5 изложив его в следующей редакции: «Адвокат, не прошедший процедуру подтверждения своего статуса не имеет права заниматься адвокатской деятельностью. Процедура подтверждения статуса адвоката, может быть повторена в течение следующих шести месяцев».

Адвокат не прошедший повторную аттестацию должен лишаться статуса адвоката и может приобрести его повторно в общем порядке, установленном соответствующим законом.

Данные предложения в определенном смысле, позволят сформировать критерии, определяющие квалификацию адвоката-защитника, что в свою очередь, будет полезным для подозреваемого (обвиняемого) при выборе конкретного адвоката-защитника по уголовному делу (соответствующий механизм может быть разработан). Разумеется, предлагаемые нами меры лишь первый шаг, так как полноструктурную рейтинговую оценку квалификации адвоката-защитника еще только предстоит определить.

Однако содержание квалифицированной юридической помощи связано не только с профессиональной подготовкой адвоката-защитника к осуществлению своей функции в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования.

Защиту по уголовным делам по действующему УПК РФ могут осуществлять не только профессиональные адвокаты-защитники, но и «один из близких родственников обвиняемого».

Данное положение ч. 2 ст. 49 УПК РФ ставит вопрос организационно-процессуального характера: может ли такое лицо быть вообще защитником в процессе предварительного расследования преступления в том смысле, который в этого участника уголовного судопроизводства вкладывает защитительная функция и, нужен ли такой защитник вообще, сможет ли он оказать квалифицированную юридическую помощь, о которой говорится в Конституции РФ?

В процессуальной литературе идут споры о том, правильно ли поступил законодатель, когда определил, что "...наряду...", т.е. "одинаково, наравне, одновременно, совместно"⁷ с адвокатом-защитником в качестве защитников может участвовать, один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого он ходатайствует?

Обратимся к анализу зарубежного уголовно-процессуального законодательства.

УПК Казахстана, ч. 2 ст. 70 предусматривает, что наряду с адвокатом защиту прав и интересов подозреваемых, обвиняемых, подсудимых могут осуществлять супруг (супруга), близкие родственники или законные представители подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, представители профсоюзов и других общественных объединений по делам членов этих объединений⁸.

На основании ст. 32 УПК КНР, защита подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, за исключением случаев, когда защита осуществляется ими самостоятельно может быть поручена следующим лицам: 1) адвокату; 2) представителям от народных организаций, либо представителям организаций, рекомендованных подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений; 3) опекунам, родственникам и близким друзьям подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений⁹.

В УПК Украины, ст. 44 предусматривает, что в качестве защитника допускаются лица, которые имеют свидетельство о праве на занятие адвокатской деятельностью в Украине и другие специалисты в области права, которые по закону имеют право на осуществление правовой помощи лично или по поручению юридического лица.

Закон этой страны в качестве защитников допускает близких родственников обвиняемого, подозреваемого, осужденного, оправданного, его опекунов или попечителей¹⁰.

Параграф 1381 УПК Германии в качестве защитников допускает адвокатов, а также преподавателей юриспруденции немецких вузов¹¹.

Не обошли вниманием проблему и отечественные процессуалисты, а также криминалисты, которые затрагивали в своих трудах процессуальные темы.

По мнению Н.А. Подольного, допуск иных лиц, помимо адвоката, необходим, поскольку преследует цель усиления позиции защиты. Причем усиление в этом случае происходит не благодаря поднятию уровня квалификации защиты. Усилению в этом случае способствует создание благоприятной эмоциональной обстановки для подозреваемого, обвиняемого, подсудимого¹².

А.В. Закомолдин также считает, что участие в производстве по уголовному делу защитника, являющегося адвокатом, не может служить основанием отказа в удовлетворении ходатайства о допуске наряду с ним одного из близких родственников обвиняемого или иного лица, о котором ходатайствует обвиняемый. "Затрагивая вопрос допустимости участия «иных лиц» не только в суде, но и на стадии предварительного расследования,

⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская А.Н.; Российский фонд культуры; – 2е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995. – С. 384. (Определяет наряду, как одинаково, наравне, одновременно, поэтому нам, представляется правильнее употреблять совместно).

⁸ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан // http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?regnom=1272&n=_oSLOVFX91.

⁹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс КНР // http://chinalawinfo.ru/category/procedural_law/law_criminal_procedure.

¹⁰ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Украины // http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KD0007.html.

¹¹ См.: Тетюев С.В. Процессуальные особенности несовершеннолетнего обвиняемого / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.В. Кудрявцевой. – М. Издательство «Юрлитинформ», 2006. – С.81.

¹² См.: Подольный Н.А. Кто должен быть защитником в уголовном судопроизводстве. // Право и политика. – 2005. – № 5. – С. 108 – 109.

надо отмечать, что в целях соблюдения баланса между правом обвиняемого на выбор защитника и обеспечением ему квалифицированной юридической помощи, целесообразно обеспечить возможность участия на стороне защиты иных лиц только в суде¹³, – замечает А.В. Закомолдин.

Несколько иначе видит данную проблему А.М. Козлов. Смысл ч. 2 ст. 49 УПК РФ он трактует так, что иное лицо может быть допущено в качестве защитника наравне, одинаково, таким же образом, так же как и адвокат¹⁴. Его позиция близка тем, автором которые считают, что иное лицо может быть допущено в качестве защитника только вместе с адвокатом.

Появление в УПК РФ фигуры непрофессионального защитника, по мнению же А.А. Леви, объясняется возникающими на практике трудностями с обеспечением участия адвоката-защитника по всем уголовным делам. Однако предусмотренное Конституцией РФ право на получение квалифицированной юридической помощи, и фигура непрофессионального защитника не могут быть совместимы, поэтому непрофессиональный защитник должен быть из уголовного судопроизводства исключен, считает этот известный криминалист¹⁵.

В то же время, как справедливо отмечает Н.И. Капинус, получив право на помощь защитника, подозреваемый или обвиняемый может выразить желание, чтобы им был юрист, с которым у него сложились отношения доверия. Учитывая такую возможность, соответствующую процессуальную норму (ч. 2 ст. 49 УПК РФ – И.К., Э.В.) следует ограничить условием, что избранный юрист способен оказать своему подзащитному квалифицированную юридическую помощь, и это должно подтверждаться наличием лицензии¹⁶.

Таким образом, анализируя положения действующего зарубежного уголовно-процессуального законодательства и мнения отечественных ученых можно определить две тенденции одной проблемы: 1) помимо адвоката-защитника в качестве защитника может быть допущен один из близких родственников или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый¹⁷, 2) в досудебном производстве в качестве защитника может принимать участие исключительно адвокат¹⁸. Условно эти тенденции можно назвать “процессуальной” и “конституционной”.

На практическую значимость данной проблемы обратил внимание и Конституционный Суд РФ, еще до введения в действия в 2002 г. УПК РФ. Его позиция была такова: «в качестве защитника на предварительном следствии может участвовать только лицо, состоящее в коллегии адвокатов, тем более что «...применительно к подозреваемым и обвиняемым Конституция связывает реализацию права на получение квалифицированной юридической помощи именно с помощью адвоката»¹⁹.

В том же постановлении Конституционный Суд РФ указал, что «только законодатель вправе при условии обеспечения каждому обвиняемому (подозреваемому) права на получение квалифицированной юридической помощи и в интересах правосудия в целом

¹³ Закомолдин А.В. Квалифицированная юридическая помощь в уголовном процессе России: понятие, содержание, гарантии: Дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2007. – С. 192.

¹⁴ Козлов А.М. Спорные вопросы допуска «иного лица» в качестве защитника обвиняемого // Российская юстиция. – 2003. – № 9. – С.36.

¹⁵ Леви А. УПК РФ и вопросы адвокатской деятельности // Уголовное право. – 2005. – № 2. – С. 117.

¹⁶ Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: монография. – М.: Издательский дом «Буквоед», 2007. – С. 191.

¹⁷ См.: Леви А.А., Игнатъева М.В., Капица Е.И. Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката. М.: «Юрлитинформ», 2003. – С. 18; Козлов А.М. Конституционное право на защиту в уголовном судопроизводстве: спорные вопросы практики // Журнал Российского права. – 2004. – № 5. – С. 58 – 62.

¹⁸ См.: Коротков А.П. Тимофеев А.В. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ: Комментарий. М.: Изд-во «Экзамен», 2004. – С. 121; Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: Учебник. М.: Изд-во «Эксмо», 2005. – С. 129 – 130.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитгиса и С.В. Абрамова» // Российская газета. – 1997. – 18 февраля.

предусмотреть возможность допуска в качестве защитников иных, помимо адвокатов, избранных самим обвиняемым лиц, в том числе имеющих лицензию на оказание платных юридических услуг»²⁰.

Таким образом, возможность привлечения иного лица в качестве защитника Конституционный Суд РФ принципиально допускал, еще в конце 90-х годов прошлого столетия, что и было отражено в ч. 2 ст. 49 УПК РФ 2001 года.

Однако данная правовая норма, расширив права подозреваемого (обвиняемого), породила и процессуальную проблему механизма вступления в уголовное дело близкого родственника обвиняемого или иного лица в качестве защитника.

Согласно ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат-защитник допускается к участию в уголовном деле в качестве защитника по предъявлению следователю удостоверения адвоката и ордера²¹, а что должен предъявить защитник не являющийся адвокатом?

Это обстоятельство в теории уголовного процесса определено двумя принципиально различными позициями. Взгляды процессуалистов первой группы основаны на том, что допуск в качестве защитника близкого родственника обвиняемого или иного лица, не являющихся адвокатами, возможен только в судебных стадиях производства по уголовному делу²². Другие считают, что эти лица могут участвовать в качестве защитника только обвиняемого (но не подозреваемого) и на предварительном следствии. Для этого им необходимо получить судебное решение в виде постановления суда (судьи)²³.

На наш взгляд, участие близкого родственника обвиняемого (подозреваемого) или иного лица в качестве защитника на стадии предварительного расследования будет в полной мере гарантировать обеспечение прав и законных интересов как подозреваемого, так и обвиняемого в уголовном судопроизводстве. Поэтому мы склонны придерживаться особой позиции, которую хорошо аргументировал А.М. Козлов. Критикуя позицию относительного участия в досудебном производстве адвоката-защитника, как единственного представителя подозреваемого (обвиняемого) он основывался на анализе содержания ч. 2 ст. 49 УПК РФ. Из буквального смысла данной статьи УПК, полагает он, нельзя сделать вывод об императивности нормы. Поэтому ошибочно мнение, что иные лица допускаются в качестве защитника только в судебных стадиях производства по уголовному делу²⁴. Добавляя по своему усмотрению уточнение «только» в норму закона, сторонники первой точки зрения вопреки этой же норме, ограничивают права обвиняемого²⁵.

В этой связи, закономерным выглядит вывод о том, что на стадии предварительного расследования преступления в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом-защитником, один из близких родственников подозреваемого (обвиняемого) или иное лицо, о допуске которого ходатайствует подозреваемый (обвиняемый). Для этого необходимо определение или постановление суда, инициатором может быть как сам обвиняемый так и «иное лицо».

Следует отметить, что иное лицо, выступающее в качестве защитника, о котором сказано в ч. 2 ст. 49 УПК РФ играет довольно важную роль в обеспечении подозреваемому (обвиняемому) права на защиту, поскольку трудно согласиться с теми, кто утверждает, что лишь защитник, имеющий статус адвоката, способен оказать квалифицированную юридическую помощь. По нашему мнению, вполне достойную конкуренцию им могут

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гиттиса и С.В. Абрамова» // Российская газета. – 1997. – 18 февраля.

²¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации /отв. Ред. В.И. Радченко; науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2006. – С. 195.

²² См.: Панько Н.К. Права и обязанности защитника на стадии предварительного расследования (по новому УПК РФ) // Адвокатская практика. – 2002. – № 1. – С. 44; Акатьева Г.А. Некоторые вопросы, возникающие при участии защитника на предварительном следствии // Юрист. – 1998. – № 9. – С. 15.

²³ См.: Бозров В.М. Действующий УПК ограничивает право обвиняемого на защиту // Российская юстиция. – 1999. – № 12. – С. 25; Дмитриев Ю.А. Защита конституционных прав граждан в уголовной и конституционной юстиции // Государство и право. – 1999. – № 6. – С. 41; Козлов А. Спорные вопросы допуска «иного лица» в качестве защитника обвиняемого // Российская юстиция. – 2003. – № 9. – С. 36.

²⁴ Козлов А. Спорные вопросы допуска «иного лица» в качестве защитника обвиняемого // Российская юстиция. – 2003. – № 9. – С. 36.

²⁵ Там же.

составить остепенные юристы, а также практические работники, имеющие почетные звания, но не приобретшие статус адвоката. С таким же успехом защищать интересы подозреваемого (обвиняемого) могут преподаватели юридических факультетов вузов, как это, например, допускается законодательством ФРГ²⁶.

Для того, чтобы окончательно снять проблему участия близких родственников обвиняемого (подозреваемого) или иного лица на участие в стадии предварительного расследования в качестве защитника следует внести изменения в ч. 2 ст. 49 УПК РФ, изложить ее в виде нормы, где определено, что в качестве защитников допускаются адвокаты, а по определению или постановлению суда наряду с адвокатом один из близких родственников подозреваемого (обвиняемого) или иное лицо, о допуске которого он ходатайствует.

Совершенствование уголовно-процессуальных гарантий защиты подозреваемого (обвиняемого), в том числе определенных ст. 49 УПК РФ, является важнейшим этапом построения гражданского общества в России.

Список литературы

1. Строгович М.С. Деятельность адвокатов в качестве защитников обвиняемых // Советское государство и право. – 1981. – № 8. – С. 88.
2. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в ред. Федеральных законов от 28.10.2003 N 134-ФЗ, от 22.08.2004 N 122-ФЗ, от 20.12.2004 N 163-ФЗ, от 24.07.2007 N 214-ФЗ, от 23.07.2008 N 160-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 28.07.2008, N 30 (ч. 2), ст. 3616.
3. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ // Собрание законодательства РФ от 26.01.2009. N 4. ст. 445.
4. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2003 г. N 446-О «По жалобам граждан Л.Д. Вальдмана, С.М. Григорьева и региональной общественной организации «Объединение вкладчиков «МММ» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – N 3.
5. Постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. N 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного собрания – Курултая республики Башкортостан, губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан» // Российская газета. – 2004. – 27 июля.
6. Подольный Н.А. Кто должен быть защитником в уголовном судопроизводстве. // Право и политика. – 2005. – N 5. – С. 106-109.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская А.Н.; Российский фонд культуры; – 2е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995. – 754 с.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан // http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?regnom=1272&n=_oSLoVFX91.
9. Уголовно-процессуальный кодекс КНР // http://chinalawinfo.ru/category/procedural_law/law_criminal_procedure.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Украины // http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KDoo07.html.
11. Тетюев С.В. Процессуальные особенности несовершеннолетнего обвиняемого / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.В. Кудрявцевой. – М. Издательство «Юрлитинформ», 2006. – 176 с.
12. Закомолдин А.В. Квалифицированная юридическая помощь в уголовном процессе России: понятие, содержание, гарантии: Дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2007. – 229 с.
13. Козлов А.М. Спорные вопросы допуска «иного лица» в качестве защитника обвиняемого // Российская юстиция. – 2003. – N 9. – С. 35-37.
14. Леви А. УПК РФ и вопросы адвокатской деятельности // Уголовное право. – 2005. – N 2. – С. 116-118.
15. Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: монография. – М.: Издательский дом «Буквояз», 2007. – 410 с.

²⁶ См.: Тетюев С.В. Процессуальные особенности несовершеннолетнего обвиняемого / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.В. Кудрявцевой. – М. Издательство «Юрлитинформ», 2006 – С.81.

16. Леви А.А., Игнатъева М.В., Капица Е.И. Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката. М.: «Юрлитинформ», 2003. – 175с.
17. Козлов А.М. Конституционное право на защиту в уголовном судопроизводстве: спорные вопросы практики // Журнал Российского права. – 2004. – № 5. – С. 58 – 62.
18. Коротков А.П. Тимофеев А.В. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ: Комментарий. М.: Изд-во «Экзамен», 2004. – 680с.
19. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: Учебник. М.: Изд-во «Эксмо», 2005. – 832с.
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гиттиса и С.В. Абрамова» // Российская газета. – 1997. – 18 февраля.
21. Постановления Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гиттиса и С.В. Абрамова» // Российская газета. – 1997. – 18 февраля.
22. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации /отв. Ред. В.И. Радченко; науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2006. – 1124с.
23. Панько Н.К. Права и обязанности защитника на стадии предварительного расследования (по новому УПК РФ) // Адвокатская практика. – 2002. – № 1. – С. 44-48.
24. Акатьева Г.А. Некоторые вопросы, возникающие при участии защитника на предварительном следствии // Юрист. – 1998. – № 9. – С. 15.
25. Бозров В.М. Действующий УПК ограничивает право обвиняемого на защиту // Российская юстиция. – 1999. – № 12. – С. 25-26.
26. Дмитриев Ю.А. Защита конституционных прав граждан в уголовной и конституционной юстиции /Государство и право. – 1999. – № 6. – С. 38-43.

APPLYING THE PROVISIONS OF ARTICLE 49 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF RUSSIAN FEDERATION DURING THE FIRST STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

**I. M. KOMAROV¹⁾
E. A. VINOKUROV²⁾**

¹⁾ *Belgorod State University*

e-mail:
Komarov@bsu.edu.ru

²⁾ *Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs*

e-mail:
VinokurovEA@yandex.ru

The article deals with providing qualified legal support by defense attorney to the suspect (charged) in criminal case, and the provisions of Article 49 of the Criminal Procedure Code of Russian Federation related to defense of this party of criminal procedure by other persons.

Key words: qualified legal support, professional defense in criminal case, defense attorney

УДК 343.985

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ К ВОЗБУЖДЕНИЮ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ «СПЕЦИАЛЬНЫХ» СУБЪЕКТОВ

И. М. КОМАРОВ¹⁾
С. М. КОЦЮМБАС²⁾

*¹⁾Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Komarov@bsu.edu.ru*

*²⁾Белгородский юридический
институт МВД России*

*e-mail:
max_plet@mail.ru*

В статье исследуются проблемы, связанные с отысканием оснований к возбуждению уголовных дел в отношении субъектов, имеющих особый правовой статус, в том числе в обстоятельствах, когда эти субъекты заинтересованы в его сокрытии от следствия.

Ключевые слова: «специальный» субъект уголовного преследования, стадия возбуждения уголовного дела.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. Этому, в частности, посвящена глава 52, где в ст. 447 УПК РФ, приведены десять категорий граждан, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам.

Процессуальный порядок возбуждения уголовных дел в отношении каждой из указанных категории определен статьей 448 УПК РФ и представляет собой сложные процедуры согласования индивидуальные относительно каждой категории.

Однако прежде чем этот процессуальный порядок будет «запущен», следствию необходимо иметь неоспоримые повод, а главное основания к возбуждению уголовного дела, в отношении, так называемых, «специальных» субъектов. Именно эти два процессуальных критерия обычно лежат в основе принятия решения правомочным должностным лицом (лицами) в отношении возбуждения уголовного дела о преступлениях лиц, перечисленных в ст. 448 УПК РФ.

Если с поводами все более или менее ясно, они конкретно определены ч. 1 ст. 140 УПК РФ и представляют собой: заявление о преступлении, явку с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, а также сообщение, полученное из иных источников, то с основаниями дело обстоит не так просто. Во второй части, указанной статьи, они определены как «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления».

Это означает, что на стадии возбуждения уголовного дела, а следственная практика свидетельствует, что именно там наиболее часто возникает процессуальная проблема отнесения подозреваемого в преступлении гражданина к «специальному» субъекту, следователь должен иметь достоверные и бесспорные данные о фактах, указывающих на признаки преступления, и такие же сведения о подозреваемом лице, подпадающем под действие процессуального статуса, определенного ст. 448 УПК РФ.

Значение данного обстоятельства, для дальнейшего хода расследования является весьма важным по причине того, что не своевременное установление принадлежности подозреваемого к лицам, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам и возбуждение уголовного дела без соблюдения установленных процессуальных процедур, может повлечь утрату важных доказательств их виновности, например, по условию допустимости или формальным признакам несоблюдения процессуальных требований, определенных ст. 448 УПК РФ.

Данное обстоятельство ставит перед следователем на стадии возбуждения уголовного дела серьезную криминалистическую задачу – установление подозреваемого не только как лица причастного к совершению преступления, то есть признаков преступления и их причинно-следственную связь с конкретным лицом, но и его идентификацию в качестве лица с особым процессуальным статусом, в отношении которого установлен особый процессуальный порядок возбуждения уголовного дела.

Анализ содержания ст. 447 УПК РФ свидетельствует о том, что многие из приведенных в ней должностных лиц являются известными гражданами государства, субъекта Федерации или конкретного региона, что не создает, в необходимых случаях, проблемы их личностной идентификации, как «специальных» субъектов уголовно-процессуальных отношений. Но как быть в отношении следователей, адвокатов, судей, депутатов законодательных (представительных) органов власти субъекта Российской Федерации, зарегистрированных кандидатов в депутаты и т.п. граждан? Граждан хотя и достаточно публичных профессий и занятий, но многочисленных и малоизвестных сотрудникам органов осуществляющих предварительное расследование преступлений.

Тем более, многие из них, находясь в обстоятельствах стадии возбуждения уголовного дела, по различным причинам, не спешат раскрывать следователю свой особый процессуальный статус, хотя и знают об этой необходимости.

Причины этих обстоятельств нами специально не анализировались, но вполне понятны, так как, обычно, главной целью такого незаконопослушного поведения является желание различными путями найти способ ухода от возможной уголовной ответственности или воспрепятствования, противодействия объективному расследованию.

Так, только по данным Следственного управления при прокуратуре РФ по Белгородской области, в 2009 году в 15% уголовных дел, расследованных и направленных в суд в отношении субъектов, определенных ст. 447 УПК РФ, о правовом статусе последних следователям стало известно по истечении более чем 10 дней со дня их возбуждения.

В этой связи практически по каждому 6 уголовному делу собранные в этот период доказательства были признаны в судебном разбирательстве не допустимыми, по причине не соблюдения уголовно-процессуальных требований к расследованию преступлений совершенных этой категорией граждан.

Только эти две цифры достаточно красноречиво характеризуют криминалистическую актуальность проблемы существующей в досудебном производстве по уголовному делу и обозначенной в настоящей статье.

Закономерен вопрос, каким образом следователь может получить на стадии возбуждения уголовного дела доказательственную или ориентирующую криминалистически значимую информацию относительно подозреваемого в преступлении лица, к которому должен быть применен особый порядок уголовно-процессуального производства, в ситуациях, когда этот подозреваемый умышленно скрывает данный факт?

В этой стадии действующее законодательство предусматривает одно полноценно реализуемое следственное действие, связанное с собиранием доказательств преступления, это осмотр места происшествия. Поэтому, на наш взгляд, разумным выглядит предложение о дополнении процессуальной формы, регулирующей его производство указанием на тот факт, что участвующий в осмотре подозреваемый гражданин, на поставленный вопрос может сделать соответствующее заявление о своем правовом статусе и отношении к субъектам, предусмотренным ст. 447 УПК России.

Положительный ответ породит для следователя, осуществляющего досудебное производство, соответствующие правовые последствия, определенные 52 главой УПК России.

Отказ от дачи надлежащего ответа потребует от следователя соответствующих усилий для установления, возможности наличия у подозреваемого статуса «специального» субъекта уголовного преследования. Конечно, это обстоятельство требует, как отмечено, усилий и времени, зато в значительной степени исключает риск допущения процессуальной ошибки, а как положительное следствие, обеспечивает систему допустимых, по своим качествам доказательств расследования преступления.

Ложное сообщение следователю в протоколе осмотра места происшествия об отсутствии у подозреваемого статуса лица, в отношении которого применяется особый по-

рядок производства по уголовным делам, при фактическом наличии такового, позволит, в случае судебного разбирательства, суду дать объективную оценку указанному обстоятельству. На основе этой оценки может быть рассмотрен вопрос о допустимости тех или иных доказательств, добытых следователем в процессе досудебного производства по уголовному делу.

Полагаем, что такой же вопрос следует ставить и в процессе получения следователем объяснений от лиц, которые, на основе оценки ситуации стадии возбуждения уголовного дела в перспективе могут приобрести статус подозреваемого в совершении преступления лица. Оценка ответа на него может соответствовать вышеприведенным вариантам поведения следователя, а в возможной перспективе и суда.

Вместе с тем возникает вопрос, а существуют ли какие-нибудь криминалистически значимые признаки отражающие принадлежность лица, в отношении которого проводится проверка, к «специальным» субъектам, определенным ст. 447 УПК РФ, в случаях, когда это лицо данную принадлежность скрывает?

При внимательном рассмотрении каждого из них, опять же по свидетельству практики, такие ориентирующие признаки выделить можно.

Например, проведенный нами опрос следователей структурных подразделений Следственного управления при прокуратуре РФ по Белгородской области свидетельствует о следующем.

На стадии возбуждения уголовного дела, если проверка ведется в отношении судьи, сотрудника прокуратуры, следователя или адвоката, то представители этой категории «специальных» субъектов обычно придерживаются одной из двух линий поведения.

Они либо активно проявляют заинтересованность в ходе проводимых следователем мероприятий, участвуют в осмотре места происшествия и выражают юридически компетентные суждения о порядке их проведения, либо «активно» не сотрудничают со следователем, ничего не поясняют и не комментируют, практически до окончания указанных мероприятий.

Относительно депутатов, членов выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица органа местного самоуправления, в определенном смысле ориентирующей информацией, которая может обратить внимание следователя с целью более глубокого изучения личности, является занимаемая им должность. Практически во всех известных случаях это были лица, возглавляющие крупные районные и областные организации и учреждения, как коммерческие, так и государственные.

Но даже и эта ориентирующая информация не может предоставить полной уверенности следователю в том, что проверка проводится в отношении лица обладающего особым процессуальным статусом, определенным главой 52 УПК РФ.

Необходимы более достоверные данные, которые могли бы обеспечить выполнение следователем процессуальных процедур, определенных вышеуказанной главой Уголовно-процессуального кодекса России.

В связи с тем, что информация о принадлежности гражданина к уголовно-процессуальной категории «специальных» субъектов требует оперативного доступа следователя в ее получении, особенно на стадии возбуждения уголовного дела, было бы вполне обоснованно и, полагаем, законно, заведение всех категорий лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам в доступные через Интернет базы данных. Тем более что эту Интернет-информацию в настоящее время можно получить через мобильный телефон сотовой связи.

Таким образом, любое сомнение следователя относительно процессуальной принадлежности конкретного субъекта могло бы быть оперативно проверено. Понятно, что возможность ошибки (человеческий фактор, технические сбои и пр.), отчасти, остается и в этом случае, но она будет существенно минимизирована. В конечном же итоге такой подход позволит обеспечить следователю как собственно права подозреваемого в преступлении гражданина, так полному, объективность и всесторонность расследования совершенного преступления.

PROCEDURAL GROUNDS AND THEIR CRIMINALISTIC ASPECT TO EXCITATION OF CRIMINAL CASES OF "SPECIAL" SUBJECTS CRIMES

**I. M. KOMAROV¹⁾
S. M. KOTSUMBAS²⁾**

¹⁾ Belgorod State University

*e-mail:
Komarov@bsu.edu.ru*

*²⁾ Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs*

*e-mail:
max_plet@mail.ru*

The article investigates the problems connected with the search for the grounds to excitation of criminal cases concerning "special" subjects. These subjects have a special legal status. Besides, the article considers conditions under which these subjects are interested in concealment of the status from the investigator.

Key words: "special" subject, prosecution of a crime, institution of an action.

УДК 343.148

О СУЩНОСТИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

Е. А. ЛОГВИНЕЦ*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
Logvinets@bsu.edu.ru*

В статье исследуется эволюция взглядов на сущность специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Выделены и проанализированы основные критерии понятия специальных знаний. Особое внимание уделено наиболее проблемным аспектам рассматриваемого явления. В частности, в статье сделаны выводы об исключении критерия необщедоступности из определения специальных знаний. Рассмотрен вопрос о возможности использования правовых знаний как специальных. В заключении статьи автор приводит собственное определение специальных знаний.

Ключевые слова: специальные знания, профессиональные знания, необщедоступные знания, правовые знания.

Вопрос о сущности специальных знаний остается одним из наиболее дискуссионных в теории и практике судопроизводства. Данное положение связано, в первую очередь, с отсутствием законодательного закрепления сущности специальных знаний. Отметим, что в УПК РСФСР под специальными знаниями понимались «познания в науке, технике, искусстве или ремесле» (ст.78). Однако в УПК РФ термин «специальные знания» употребляется лишь применительно к толкованию эксперта и специалиста как лиц, обладающих таковыми (ст.57, 58), не раскрывая при этом сущности специальных знаний.

Отметим и тот факт, что законодатель не всегда последователен в использовании специальной терминологии: и в УПК РСФСР и УПК РФ наряду с понятием «специальные знания» используется понятие «специальные познания». Как известно, знания – это совокупность сведений в какой-либо области, а познание – есть процесс получения знаний¹. Поэтому вполне закономерным является использование категории терминологически более выдержанной «специальные знания».

В российской науке сущность, природа, формы специальных знаний достаточно подробно рассмотрены и изучены. Мнения ученых при этом весьма разнообразны, а в ряде случаев и противоречивы.

Одним из первых понимание специальных знаний дал А.В. Дулов (1959 г.), который полагал, что специальные знания – это знания, которыми недостаточно владеют следователь и судья². Таким образом, специальные знания осознавались как недоступное средство решения задач, возникающих в ходе расследования и судебного разбирательства. Однако, нечеткость такого определения очевидна, в силу чего оно не могло удовлетворить потребности науки и практики.

В 1967 г. А.А. Эйсмэн предлагает под специальными знаниями понимать «знания не общеизвестные, не общедоступные. Не имеющие массового распространения..., знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов, причем, ... глубокие знания в области, например, физики, являются в указанном смысле специальными для биолога, и наоборот»³.

Несколько позже появилось часто цитируемое в современной литературе определение З.М. Соколовского. Ученый счел неудачным противопоставление специальных знаний общеизвестным, общежитским. С его точки зрения специальные знания – это «совокупность сведений, полученных в результате профессиональной специальной подготовки, создающих для их обладателя возможность решения вопросов в какой-либо области»⁴. Таким образом, с этого момента в понятие специальных знаний включается профессиональная составляющая.

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990. С.235, с.546.

² Дулов А.В. Вопросы теории судебной экспертизы. Минск, 1959. С.4.

³ Эйсмэн А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967. С. 91.

⁴ Соколовский З.М. Понятие специальных знаний // Криминалистика и судебная экспертиза. 1969, №6. С. 202.

В.И. Шиканов утверждал, что «знания и практический опыт, оказавшиеся необходимыми для всестороннего, полного и объективного выяснения обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, в уголовном судопроизводстве принято называть специальными познаниями»⁵. Данное определение основано на нормах УПК РСФСР 1960 года и отражает процессуальный аспект сущности исследуемого явления. Однако, не совсем ясно, что имел автор ввиду, характеризуя специальные знания, как «оказавшиеся необходимыми». Так, например, для надлежащего производства по делу необходимы знания законодательства, криминалистические рекомендации по расследованию преступлений и другие.

Безусловно, определение специальных знаний, предложенное В.И.Шикановым, было более прогрессивным, поскольку основано на категориях уголовного процесса, тогда как определения А.В. Дулова, З.М. Соколовского и А.А. Эйсмана основаны на рассуждениях, абстрагированных от содержания норм уголовно-процессуального закона.

Существует мнение, что термин «специальные знания» произволен от понятия «специальность» (профессия). К примеру, В.В. Циркаль определяет, что специальные знания – это «профессиональные знания, которыми человек обладает в силу избранной профессии»⁶. Согласиться с таким пониманием вряд ли возможно, поскольку специальными знаниями возможно обладать не только по избранной профессии.

Ю.Г. Корухов, П.П. Ищенко, В.И. Гончаренко предложили определение специальных знаний, созвучное формулировке ст.78 УПК РСФСР 1960 г., связав их применение с интересами уголовного судопроизводства. Так, В.И. Гончаренко определяет специальные знания, как знания в науке, технике или искусстве, применяемые для получения доказательственной информации специально подготовленными лицами⁷. Ю.Г. Корухов относит к специальным знаниям знания в определенной области науки, техники или искусства, применяемых в целях доказывания⁸.

И.Н. Сорокотягин попытался суммировать все ранее высказанные в литературе точки зрения о сущности специальных знаний и предложил собственное видение. С его точки зрения специальными следует считать знания, отражающие современный уровень развития определенной отрасли науки, техники, искусства и ремесла, полученные в результате профессиональной подготовки или профессионального опыта, не являющиеся общедоступными и общеизвестными и применяемые с целью установления истины по делу в случаях и в порядке, установленных законом⁹.

Наконец, приведем определение, предложенное В.Н. Маховым, который полагает, что специальные знания – это «знания, присущие различным видам профессиональной деятельности, за исключением знаний, являющихся профессиональными для следователя и судьи, используемые при расследовании и рассмотрении уголовных дел в суде в целях содействия установлению истины по делу в случаях и порядке, определенных уголовно-процессуальным законодательством»¹⁰.

Из приведенных выше взглядов на определение понятия специальных знаний видно, что рассматриваемое явление достаточно многогранно и допускает множество подходов к его исследованию. Тем не менее, можно говорить об относительном единообразии в понимании сущности специальных знаний.

К 90-м годам прошлого столетия общепризнанным пониманием специальных знаний стали профессиональные знания и умения в области науки, техники, искусства

⁵ Шиканов В.И. Проблемы использования специальных знаний и научно-технических новшеств в уголовном судопроизводстве. Автореф. дисс. ... д-ра юрид.наук. М., 1980. С. 11.

⁶ Циркаль В.В. Тактика производства следственных действий с участием специалиста. Дисс. ... канд.юрид.наук. Киев, 1984. С. 22-23.

⁷ Гончаренко В.И. Использование данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве. Киев, 1980. С. 114.

⁸ Корухов Ю.Г. Правовые основания применения научно-технических средств при расследовании преступлений. М., 1974.

⁹ Сорокотягин И.Н. Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений. Автореф.дисс. ... д-ра юрид.наук. Екатеринбург, 1992.

¹⁰ Махов В.Н. Использование специальных знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000. С. 46

или ремесла, необходимые для решения вопросов, возникших при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел¹¹. Причем к специальным не относятся общеизвестные, общедоступные и юридические знания.

Рассмотрим основные критерии сущности специальных знаний более подробно.

1. Специальные знания – это общеизвестные и общедоступные знания.

Понятие общеизвестность взаимосвязано с общедоступностью, так как все общеизвестное должно быть общедоступным. Общедоступность в широком смысле – это такое состояние информации, которое позволяет любому лицу в данном обществе получить ее без затруднений. Но в таком случае общедоступными можно признать знания в самых различных областях: физика плазмы, автомобилестроение, маркетинг и т.д., поскольку глобальная информатизация общества позволяет получить эти знания без особого труда.

В те времена, когда А.А. Эйсман, З.М. Соколовский и В.Н. Махов формулировали свои первые определения специальных знаний, технические возможности по передаче информации в сравнении с современными были несравнимо низкими. Сказывалось также отсутствие политически благоприятных условий для развития информационного обмена.

Сегодня отношения в сфере информационного обмена имеют более сложный характер. За счет развития технических средств такого обмена все более доступным для широкого круга пользователей становится содержание различных отраслей знания. Современный человек имеет уникальные возможности выбирать из всех отраслей знания те, которые он желал бы постичь, причем глубина его познаний в избранной области зависит опять же от его субъективного усмотрения. И закономерно возникает вопрос: можно ли считать знания, доступные через сеть интернет, электронные средства массовой информации общеизвестными и общедоступными?

Своеобразный подход к разграничению знаний специальных и общедоступных предлагают В.В. Степанов и Л.Г. Шапиро. Так, авторы считают, что «объективным критерием отграничения специальных знаний от общедоступных служит наличие в программах общего среднего образования соответствующих научных данных»¹². Согласиться с таким мнением сложно. В средних общеобразовательных учреждениях весьма успешно практикуется профильное образование и соответственно объем научных данных для каждого профиля будет различным. И, как говорилось выше, глобальная информатизация общества давно решила проблему доступности и общеизвестности знаний.

А.А.Эксархопуло отмечал, что «... найти критерии, которые объективно бы отграничивали бы специальное от неспециального, невозможно, а невозможно уже потому, что то, что вчера было специальным, сегодня становится общедоступным; то, что вчера было специальным для определенного круга лиц, сегодня успешно осваивается другими...»¹³. Аналогично и мнение Е.Р. Россинской, полагающей, что отнесение знаний к общеизвестным, обыденным, общедоступным будет зависеть в каждом конкретном случае от образовательного и интеллектуального уровня конкретного субъекта, его жизненного и профессионального опыта¹⁴. Считаю логичным исключить критерий общеизвестности из определения специальных знаний.

2. Специальные знания – это профессиональные знания сведущих лиц.

На данной трактовке специальных знаний всегда настаивал В.Н. Махов. Профессиональную составляющую вводили в свои определения в разное время и другие авторы. Так, А.А. Закастов и Ю.Н. Оропай под специальными знаниями понимают «... проверенные практикой профессиональные знания компетентных лиц, их умение пользоваться научно-техническими средствами и приемами для обнаружения, фиксации и исследова-

¹¹ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С.217.

¹² Степанов В.В., Шапиро Л.Г. Концептуальные проблемы понятия специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Вестник криминалистики. М., 2004. Вып.4 (12) с. 10.

¹³ Эксархопуло А.А. Правовые основы использования специальных познаний и технических средств в расследовании уголовных дел // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти И.Ф.Герасимова «Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовно-процессуального законодательства». – Екатеринбург, 2003. С. 526.

¹⁴ Россинская Е.Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права. 2001. №5 // ИПС «Консультант плюс».

ния доказательств в ходе следственного действия»¹⁵. Такое понимание безусловно заужено, поскольку не охватывает все формы и виды ныне используемых специальных знаний. На профессиональный аспект в структуре специальных знаний обращали внимание и Соколовский З.М., Р.С. Белкин, Е.В. Селина, Грамович Г.И. и другие ученые.

В.Н. Махов указывал, что специальные знания – это профессиональные знания, за исключением профессиональных знаний самого следователя и судьи¹⁶. Обращает на себя тот факт, что из структуры специальных знаний исключены лишь знания следователя и судьи, а не правовые знания в целом. На данном аспекте мы считаем необходимым остановиться более подробно.

3. Специальные знания – это знания неюридические.

До недавнего времени в научных кругах существовало почти единодушное мнение о том, что юридические знания не могут и не должны рассматриваться в качестве специальных. В известном постановлении пленума Верховного Суда СССР «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 16 марта 1971 г. говорится, что «суды не должны допускать постановку перед экспертом правовых вопросов, как не входящих в его компетенцию (например, имело ли место хищение либо недостача, убийство или самоубийство и т.п.)»¹⁷. Однако ни в одном из законов прямого указания на запрет привлечения эксперта или специалиста для решения правовых вопросов нет. Тем не менее, дискуссия о признании юридических знаний специальными не ослабевает, напротив разгорается все с большей силой.

Можно выделить три взгляда на данную проблему.

1. Ю.Г. Корухов, В.В. Степанов, Л.Г. Шапиро, Т.В. Сахнова и другие безоговорочно исключают правовые вопросы из понятия специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Авторы утверждают, что судья, следователь обязаны знать право в силу получения высшего профессионального образования по специальности «Юриспруденция» и соответственно юридические знания для них специальными не являются.

2. И.Л. Петрухин, Н.А. Селиванов, В. Балакшин признают возможность решения правовых вопросов экспертами, если те средства, которыми оперирует эксперт, регламентированы законом и решение экспертной задачи находится в прямой зависимости от содержания нормативных актов. В частности, это касается судебно-бухгалтерских, строительно-технических, автотехнических и ряда других экспертиз. Вопросы же, касающиеся правовой оценки преступного деяния, следователь (суд) должен решать самостоятельно.

3. А.А. Эксархопуло Е.Р. Россинская, Моисеева Т.В. и другие высказываются за принципиальную возможность производства правовых экспертиз по уголовным делам. Свою позицию ученые аргументируют возникновением широкого круга правоотношений и наличием особенностей их правового регулирования. Мы разделяем точку зрения А.А.Эксархопуло, утверждающим, что «обязывание работников правоохранительных органов быть компетентными по всем вопросам всех существующих сегодня отраслей права, знание которых может потребоваться при расследовании преступления, ставит их в безвыходное положение, в котором есть обязательство знать, но нет реальной возможности освоить эти знания в полном объеме»¹⁸.

Суммируя все изложенное, мы полагаем, что специальные знания, применяемые в судопроизводстве, – это профессиональные знания в различных областях деятельности, полученные в ходе теоретического обучения и (или) практического опыта и используемые при расследовании преступлений и рассмотрении дел в суде.

¹⁵ Закатов А.А., Оропай Ю.Н. Использование научно-технических средств и специальных познаний в расследовании преступлений. – Киев, 1980. С. 81.

¹⁶ Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000. С. 36.

¹⁷ Постановление пленума Верховного Суда СССР «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 16 марта 1971 г // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1977. Часть вторая. М., 1978. С. 339.

¹⁸ Эксархопуло А.А. Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы // Вестник криминалистики. 2001. Вып. 2 С. 27.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990.
2. Дулов А.В. Вопросы теории судебной экспертизы. Минск, 1959.
3. Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967.
4. Соколовский З.М. Понятие специальных знаний // Криминалистика и судебная экспертиза. 1969. №6.
5. Шиканов В.И. Проблемы использования специальных знаний и научно-технических новшеств в уголовном судопроизводстве. Автореф. дисс. ... д-ра юрид.наук. М., 1980.
6. Циркаль В.В. Тактика производства следственных действий с участием специалиста. Дисс. ... канд.юрид.наук. Киев, 1984.
7. Гончаренко В.И. Использование данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве. Киев, 1980.
8. Корухов Ю.Г. Правовые основания применения научно-технических средств при расследовании преступлений. М., 1974.
9. Сорокотягин И.Н. Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений. Автореф.дисс. ... д-ра юрид.наук. Екатеринбург, 1992.
10. Махов В.Н. Использование специальных знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000.
11. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000.
12. Степанов В.В., Шапиро Л.Г. Концептуальные проблемы понятия специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Вестник криминалистики. М., 2004. Вып.4 (12)
13. Эксархопуло А.А. Правовые основы использования специальных познаний и технических средств в расследовании уголовных дел // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти И.Ф.Герасимова «Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовно-процессуального законодательства». – Екатеринбург, 2003.
14. Россинская Е.Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права. 2001. №5.
15. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000.
16. Постановление пленума Верховного Суда СССР «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 16 марта 1971 г // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1977. Часть вторая. М., 1978.

TO THE ESSENCE OF SPECIAL KNOWLEDGE

E. A. LOGVINETS

Belgorod State University

e-mail:
Logvinets@bsu.edu.ru

The article deals with the evolution of ideas concerning the essence of special knowledge in criminal procedure. The basic criteria of the definition of special knowledge are defined and analyzed. The special focus is given to the most problem aspects of the discussed phenomenon. In particular, the article contains the conclusions about the excluding the non-public criteria from the definition of special knowledge. The article also deals with the possible usage of legal knowledge as special one. To sum up the author gives her own definition of special knowledge.

Key words: special knowledge, professional knowledge, non-public knowledge, legal knowledge.

ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО И ЕЁ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

О. С. СТЕПАНИУК¹⁾
С. Ф. ШУМИЛИН²⁾

*Белгородский
государственный
университет*

¹⁾ e-mail:
Stepanyuk@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail:
Shumilin@bsu.edu.ru

Авторы рассматривают один из дискуссионных вопросов теории уголовного процесса – об основаниях привлечения в качестве обвиняемого – и предлагают его решение путем внесения изменения в уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: основания привлечения в качестве обвиняемого; правовая природа привлечения в качестве обвиняемого; наличие в деянии лица всех признаков состава преступления как основание привлечения в качестве обвиняемого.

В отечественной науке уголовного процесса предметом давней дискуссии, ведущейся на протяжении многих десятилетий, является вопрос об основаниях привлечения в качестве обвиняемого. При этом высказаны суждения о том, что основаниями привлечения в качестве обвиняемого являются:

– «не сами достаточные доказательства, а достаточно доказанные обстоятельства (факты), составляющие содержание обвинения»¹⁾;

– доказательства, достаточные для установления события преступления и виновности в совершении этого преступления данного лица²⁾;

– совокупность обстоятельств: 1) установление факта совершения лицом деяния и его соответствия признакам состава конкретного преступления (обычно говорят об установлении в деянии состава преступления); 2) убежденность обвинителя (дознавателя, следователя, прокурора) в истинности своего знания о содеянном и его уголовной противоправности; 3) наличие совокупности относимых, допустимых и достоверных доказательств, достаточной для обоснования истинности этого знания; 4) отсутствие правовых препятствий³⁾;

– обстоятельства, составляющие предмет доказывания, в той мере, в какой они свидетельствуют: о наличии в деянии обвиняемого состава преступления, поскольку основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления (ст.8 УК); об отсутствии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу (ст.24 УПК); об отсутствии обстоятельств, требующих особого производства в виде применения к конкретному лицу принудительных мер медицинского характера⁴⁾;

– установленная достаточными доказательствами совокупность фактических обстоятельств, содержащих юридические признаки конкретного состава преступления, позволяющих сформулировать обвинение и дать квалификацию действиям уголовно-преследуемого лица как виновного в совершении расследуемого преступления⁵⁾; и т.д.

¹⁾ Карнеева Л.М. Особенности предъявления обвинения и допроса обвиняемого в условиях деятельности органов внутренних дел. Учебное пособие. М.: МССШМ МВД СССР, 1989. С. 8.

²⁾ Тетерин Б.С., Трошкин Е.З. Возбуждение и расследование уголовных дел. М.: Новый Юрист, 1997. С. 107.

³⁾ Джатиев В.С. Об основаниях и порядке привлечения к участию в уголовном процессе в качестве обвиняемого // Современные тенденции управления расследованием преступлений: Сб. науч. трудов: В 2-х ч. Ч.1. М.: Академия управления МВД России. 2007. С. 38-39.

⁴⁾ Вандышев В.В. Уголовный процесс. Курс лекций. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 448-449.

⁵⁾ Лапин И.Б. Проблемы обеспечения законности и обоснованности привлечения лица в качестве обвиняемого: Дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. С. 79.

Многие авторы, решая вопрос оснований привлечения в качестве обвиняемого, переносят центр тяжести на понятие «достаточность доказательств», но в конечном итоге формулируют вывод о том, какие именно обстоятельства должны быть установлены для принятия решения о привлечении в качестве обвиняемого. В частности, высказаны суждения, согласно которым достаточными доказательствами для привлечения в качестве обвиняемого являются:

– доказательства, которыми устанавливаются те факты, из которых складывается соответствующий состав преступления⁶;

– достоверные сведения, собранные, проверенные и оцененные следователем в установленном законом порядке, которые в своей совокупности приводят к единственному и твердому выводу на данный момент расследования о том, что определенное лицо совершило преступление, предусмотренное уголовным кодексом, и не подлежит освобождению от ответственности за него⁷;

– доказательства в таком их объеме, который устанавливает событие и состав преступления, а также виновность в его совершении лица, привлекаемого в качестве обвиняемого⁸;

– доказательства, обосновывающие вывод о доказанности основания и условий уголовной ответственности, т.е. достаточные для вывода о том, что: данное деяние имело место; оно содержит признаки конкретного состава преступления; совершило это деяние данное лицо; оно действовало виновно⁹; и др.

Соответственно, в научных работах, в которых рассматривается вопрос об основаниях привлечения в качестве обвиняемого, формулируются предложения о реформировании ч. 1 ст. 171 УПК¹⁰. Однако следует отметить, что в большинстве случаев попытки однозначно определить оснований привлечения в качестве обвиняемого не достигают своих целей. Так, например, вызывает сомнение целесообразность реализации высказанного в литературе предложение установить «объективный критерий определения достаточности доказательств для решения вопроса о привлечении лица в качестве обвиняемого, в виде примечания к статье 171 УПК РФ, согласно которому «Под достаточными в порядке настоящей статьи понимаются такие доказательства, если они: а) позволяют следователю иметь определенные суждения о тех обстоятельствах, без которых нельзя сформулировать обвинение определенного лица в совершении конкретного преступления, а вывод о каждом из них основан на некоторой совокупности доказательств; б) исключают всякое иное объяснение, как всей совокупности указанных обстоятельств, так и каждого из них в отдельности, а дальнейшее собирание и проверка доказательств, относящихся к этим обстоятельствам, осложняется без участия в этом обвиняемого»¹¹.

Изучение следственной практики приводит к выводу о том, что содержание ч. 1 ст. 171 УПК, в действующей редакции, не оказывает существенного влияния на принятие следователем решения о привлечении в качестве обвиняемого. Это обусловлено тем, что критерием принятия данного решения для следователя является главным образом содержание уголовно-правовой нормы, по которой следует квалифицировать совершенное лицом преступление. В практической деятельности следователя это находит свое выражение в операции логического отождествления установленных обстоятельств совершен-

⁶ Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1965. С. 185.

⁷ Дубинский А.Я., Сербулов В.А. Привлечение в качестве обвиняемого: Учебное пособие. Киев: НИиРИО Киевской высшей школы МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1989. С. 14; Громов Н.А. Уголовный процесс России. Учебное пособие. М.: Юристъ, 1998. С. 518.

⁸ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева; Науч. ред. В.П. Божьев. М., 2002. С. 338.

⁹ Куцова Э.Ф. Привлечение в качестве обвиняемого. Предъявление обвинения. Допрос обвиняемого. // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. С. 360-361.

¹⁰ Оборий Д.Е. Привлечение в качестве обвиняемого в российском уголовном процессе: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 16; Федотченко А.В. Привлечение лица в качестве обвиняемого: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 92; и др.

¹¹ Лапин И.Б. Проблемы обеспечения законности и обоснованности привлечения лица в качестве обвиняемого: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. С. 9-10.

ного преступления и описания признаков состава данного преступления (а в случае необходимости – признаков состава «пограничных» преступлений) в соответствующей норме особенной части УК, по результатам которого следователь формулирует умозаключение о наличии или отсутствии основания для привлечения определенного лица в качестве обвиняемого.

Для того чтобы решить вопрос об основаниях привлечения в качестве обвиняемого необходимо уяснить соотношение понятий «привлечение в качестве обвиняемого» и «привлечение к уголовной ответственности».

Относительно соотношения указанных понятий в юридической науке существует две взаимоисключающие точки зрения. Одни авторы считают понятия «привлечение в качестве обвиняемого» и «привлечение к уголовной ответственности» равнозначными¹², отмечая, как правило, тот факт, что уголовная ответственность может быть реализована только путем постановления обвинительного приговора. Другие возражают против отождествления указанных понятий¹³, рассматривая уголовную ответственность как исключительно уголовно-правовую категорию.

По нашему мнению, привлечение в качестве обвиняемого представляет начальный момент привлечения к уголовной ответственности. К такому выводу приводит толкование некоторых норм уголовно-процессуального и уголовного законодательства России.

Так, например, в п. 2 ч. 1 ст. 154 УПК РФ закреплено положение, согласно которому «дознатель, следователь вправе выделить из уголовного дела в отдельное производство другое уголовное дело в отношении ... несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, *привлеченного к уголовной ответственности* (выделено нами – О.С., С.Ш.) вместе с совершеннолетним обвиняемым». Логическое толкование данного положения приводит к выводу о том, что лицо, признанное подозреваемым (обвиняемым), уже считается привлеченным к уголовной ответственности. Однако это не соответствует действительности, поскольку на момент признания лица подозреваемым (обвиняемым) факт совершения данным лицом преступления официально не признан государством, и не принято решение о назначении наказания как способа реализации уголовной ответственности за совершение инкриминируемого деяния.

В процессуальном акте, в котором зафиксировано признание лица подозреваемым (обвиняемым), следователь лишь формулирует тезис о совершении преступления, истинность которого предстоит проверить способами, установленными уголовно-процессуальным законодательством. Одним из таких способов является производство допроса подозреваемого (обвиняемого), в ходе которого подозреваемый (обвиняемый) может опровергать тезис о совершении им преступления. Следователь проверяет приведенные подозреваемым (обвиняемым) доводы и в зависимости от полученных результатов принимает одно из следующих решений:

1) о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по основаниям, предусмотренным ст.ст. 24 и 27 УПК РФ. В постановлении о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) следователь в данном случае констатирует отсутствие оснований для наступления уголовной ответственности (п.п. 1-2 ч. 1 ст. 24, п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ) или для дальнейшего производства по уголовному делу (п.п. 3-6 ч. 1 ст. 24, п.п. 3-6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ);

¹² Элькин П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юрид. лит., 1967. С. 39; Карнеева Л.М. 1) Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971. С. 16; 2) Особенности предъявления обвинения и допроса обвиняемого в условиях деятельности органов внутренних дел. Учебное пособие. М.: МССШМ МВД СССР, 1989. С. 5; Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: Учебник. М.: Эксмо, 2005. С. 469; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. А.А. Чекалина. М.: Экзамен, 2006. С. 479; Калиновский К.Б. Привлечение в качестве обвиняемого // Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2007. С. 425; и др.

¹³ Стецовский Ю.И. О терминологии уголовно-процессуального законодательства // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1972. № 16. С. 102-103; Гриненко А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Эксмо, 2006. С. 438; и др.

2) о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) или в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ) либо о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ). В постановлении о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по указанным основаниям следователь констатирует факт совершения подозреваемым (обвиняемым) преступления небольшой или средней тяжести и приводит доводы, свидетельствующие о том, что подозреваемый (обвиняемый) может быть освобожден от уголовной ответственности;

3) о направлении уголовного дела прокурору с обвинительным заключением (ст. 220 УПК РФ) или с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера (ст. 439 УПК РФ) для решения вопроса о передаче дела в суд. Направлением уголовного дела прокурору с обвинительным заключением, следователь всего лишь выражает свое мнение о том, что обвиняемый должен нести уголовную ответственность за совершенное преступление. Решение вопроса об уголовной ответственности в данном случае является исключительной прерогативой суда.

Убедительным подтверждением тому, что привлечение в качестве обвиняемого это акт привлечения к уголовной ответственности, является ч. 1 ст. 299 УК РФ, согласно которой «привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного, – наказывается лишением свободы на срок до пяти лет». Если статья на позицию авторов, по мнению которых, привлечение к уголовной ответственности осуществляется только путем постановления обвинительного приговора, то ст. 299 УК РФ должна применяться только в случае постановления заведомо незаконного обвинительного приговора. Однако постановление судьей неправосудного (незаконного) приговора как уголовно-наказуемое деяние предусмотрено ст. 301 УК РФ, а значит ст. 299 УК РФ может применяться только в случае незаконного привлечения к уголовной ответственности на стадии предварительного расследования.

В науке уголовного права почти аксиомой является утверждение о том, что объективной стороной преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ является привлечение заведомо невиновного лица в качестве обвиняемого. Пожалуй, единственное, серьезное расхождение позиций представителей науки уголовного права проходит по линии определения момента, с которого преступление, предусмотренное ст. 299 УК РФ, следует считать оконченным. В литературе (научной, учебной, научно-методической) по данному вопросу сформировались две существенно различающиеся между собой точки зрения.

В основе одной из упомянутых точек зрения лежит утверждение о том, что преступление, предусмотренное ст. 299 УК РФ, следует считать оконченным с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого¹⁴. С таким утверждением нельзя согласиться по следующей причине.

Сам по себе факт вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого не ограничивает права и свободы лица, в отношении которого оно вынесено, до тех пор, пока данному лицу не будет предъявлено обвинение. Если статья на позицию сторонников данной точки зрения, то теоретически любой следователь, который вынес заведомо незаконное постановление о привлечении в качестве обвиняемого, но не предъявил его лицу, в отношении которого постановление составлено, то тем самым он совершил преступление, предусмотренное ст. 299 УК РФ, однако продолжает расследование по другим уголовным делам. Абсурдность такой ситуации очевидна, поскольку тем самым предлагается признать преступлением намерения, не нашедшие своего выражения в

¹⁴ Голоднюк М.Н. Преступления против правосудия // Курс уголовного права. Особенная часть. Том 5. Учебник для вузов. Под ред. д.ю.н., профессора Г.И. Борзенкова и д.ю.н., проф. В.С. Комисарова. М.: МКД «Зерцало-М», 2002. С. 186-187; Криволапов Г.Г. Преступления против правосудия // Уголовное право. Общая и Особенная части: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н. М.П. Журавлева и к.ю.н. С.И. Никулина. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. С. 707; Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций в 3 т. Т.3. Особенная часть (Главы XI-XXI). – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 451-452; Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С.308; Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. – 3-е изд. с изм. и доп. М.: Эксмо, 2009. С. 598; и др.

конкретных действиях. Вместе с тем, это еще раз подтверждает справедливость утверждения о том, что привлечение в качестве обвиняемого следует считать состоявшимся только после предъявления обвиняемому обвинения.

С учетом высказанных соображений мы разделяем мнение тех авторов, которые считают преступление, предусмотренное ст. 299 УК РФ, оконченным с момента предъявления обвинения¹⁵.

Привлечению в качестве обвиняемого придается значение привлечения к уголовной ответственности в контексте определений Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан¹⁶, Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, вынесенных по результатам рассмотрения уголовных дел в кассационном порядке¹⁷, а также определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ и судебных коллегий по гражданским делам судов субъектов РФ, вынесенных в связи с рассмотрением исков о возмещении вреда, причиненного в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности¹⁸.

В некоторых постановлениях Президиума Верховного Суда РСФСР и определениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР прямо указано, что: «предъявление обвинения является процессуальным актом привлечения к уголовной ответственности...»¹⁹; «датой привлечения лица к уголовной ответственности является дата постановления о привлечении его к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, а не время вынесения приговора»²⁰.

Приведенные выше соображения дают основание для вывода о том, что привлечение в качестве обвиняемого представляет собой начальный момент привлечения к уголовной ответственности. Следовательно, на привлечение в качестве обвиняемого в полном объеме распространяется сформулированное в ст. 8 УК РФ положение, согласно которому «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом».

Таким образом, основанием привлечения в качестве обвиняемого является доказанность объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны преступления. Это находит своё подтверждение в изученных нами постановлениях о привлечении в качестве обвиняемых: описательно-мотивировочная часть подавляющего большинства указанных постановлений ограничивается изложением обстоятельств, свидетельствующих, по мнению следователей, о наличии в деянии лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, признаков состава преступления. В судебной практике такой подход к формулированию обвинения не вызывает возражений.

¹⁵ Ревин В.П. Преступления против правосудия // Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. В.П. Ревина. М.: Юрид. лит., 2000. С. 732-733; Иногамова-Хегай Л.В. Преступления против правосудия // Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник. – Изд. второе, испр. и доп. / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, д.ю.н., проф. А.И. Рарога, д.ю.н., проф. А.И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «Контракт»; Инфра-М, 2009. С. 669-670; Сверчков В.П. Уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 535; и др.

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ №233-О от 17.10.2001 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белаева Игоря Васильевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 5 УПК РСФСР»; Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 № 343-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 243-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Череповского Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. ИБ: Судебная практика.

¹⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.09.2008 № 5-008-167 // КонсультантПлюс. ИБ: Судебная практика; и др.

¹⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31.01.2000 № 44-В99-15; Определение судебной коллегии по гражданским делам Ульяновского областного суда от 23.06.2009 // КонсультантПлюс. ИБ: Судебная практика.

¹⁹ Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР от 9.09.1974 по делу С. // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1974. № 4. С. 8.

²⁰ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 6.09.1973 по делу У. // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1973. № 11. С. 10.

Таким образом, способом решения обсуждаемой проблемы, по нашему мнению, может быть приведение ч. 1 ст. 171 УПК РФ в соответствие со ст. 8 УК РФ. Для этого ч. 1 ст. 171 УПК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «При наличии достаточных доказательств, устанавливающих в деянии лица всех признаков состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей Уголовного кодекса Российской Федерации, следователь выносит постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого».

Список литературы

1. Карнеева Л.М. Особенности предъявления обвинения и допроса обвиняемого в условиях деятельности органов внутренних дел. Учебное пособие. М.: МССШМ МВД СССР, 1989.
2. Тетерин Б.С., Трошкин Е.З. Возбуждение и расследование уголовных дел. М.: Новый Юрист, 1997.
3. Джатиев В.С. Об основаниях и порядке привлечения к участию в уголовном процессе в качестве обвиняемого // Современные тенденции управления расследованием преступлений: Сб. науч. трудов: В 2-х ч. Ч.1. М.: Академия управления МВД России. 2007.
4. Вандышев В.В. Уголовный процесс. Курс лекций. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
5. Лапин И.Б. Проблемы обеспечения законности и обоснованности привлечения лица в качестве обвиняемого: Дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007.
6. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1965.
7. Дубинский А.Я., Сербулов В.А. Привлечение в качестве обвиняемого: Учебное пособие. Киев: НИИРЮ Киевской высшей школы МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1989.
8. Громов Н.А. Уголовный процесс России. Учебное пособие. М.; Юристь, 1998.
9. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева; Науч. ред. В.П. Божьев. М., 2002.
10. Куцова Э.Ф. Привлечение в качестве обвиняемого. Предъявление обвинения. Допрос обвиняемого. // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010.
11. Оборий Д.Е. Привлечение в качестве обвиняемого в российском уголовном процессе: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 16; Федотченко А.В. Привлечение лица в качестве обвиняемого: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
12. Лапин И.Б. Проблемы обеспечения законности и обоснованности привлечения лица в качестве обвиняемого: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007.
13. Элькин П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юрид. лит., 1967.
14. Карнеева Л.М. 1) Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971.
15. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: Учебник. М.: Эксмо, 2005.
16. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. А.А. Чекалина. М.: Экзамен, 2006.
17. Стецовский Ю.И. О терминологии уголовно-процессуального законодательства // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1972. № 16.
18. Голоднюк М.Н. Преступления против правосудия // Курс уголовного права. Особенная часть. Том 5. Учебник для вузов. Под ред. д.ю.н., профессора Г.И. Борзенкова и д.ю.н., проф. В.С. Комисарова. М.: МКД «Зерцало-М», 2002.
19. Криволапов Г.Г. Преступления против правосудия // Уголовное право. Общая и Особенная части: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н. М.П. Журавлева и к.ю.н. С.И. Никулина. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007.
20. Ревин В.П. Преступления против правосудия // Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. В.П. Ревина. М.: Юрид. лит., 2000.
21. Определение Конституционного Суда РФ №233-О от 17.10.2001 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белаева Игоря Васильевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 5 УПК РСФСР»; Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 № 343-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 243-О «Об отказе в принятии к рассмотрению

жалобы гражданина Череповского Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. ИБ: Судебная практика.

22. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.09.2008 № 5-008-167 // КонсультантПлюс. ИБ: Судебная практика; и др.

23. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31.01.2000 № 44-В99-15; Определение судебной коллегии по гражданским делам Ульяновского областного суда от 23.06.2009 // КонсультантПлюс. ИБ: Судебная практика.

24. Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР от 9.09.1974 по делу С. // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1974. № 4. С. 8.

25. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 6.09.1973 по делу У. // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1973. № 11. С. 10.

26. Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР от 9.09.1974 по делу С. // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1974. № 4. С. 8.

27. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 6.09.1973 по делу У. // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1973. № 11. С. 10.

GROUNDINGS FOR IMPEADING AS ACCUSED AND ITS STATUTORY SOLUTION

O. S. STEPANYUK¹⁾

S. F. SHUMILIN²⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail:

Stepanyuk@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail:

Shumilin@bsu.edu.ru

The authors consider one of the disputable issues in the criminal procedure theory, i.e. the issue concerning the groundings for impleading as an accused person, and propose to solve it by making amendments to the criminal procedure law.

Key words: groundings for impleading as accused; legal nature of impleading as accused, all constituent elements of offence in person's acts as groundings for impleading as accused.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 347.91/.95(470)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРОКИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Э. М. ВАСЕКИНА*Белгородский
государственный
университет**e-mail: Vasyokina@bsu.edu.ru*

В данной статье процессуальные сроки в законодательстве России рассматриваются в теоретико-правовом аспекте, анализируется их понятие, природа и обусловленность, свойства нормативности, функции, выявляются правоприменительные процессуальные сроки. Предлагаются дефиниции указанных явлений.

Ключевые слова: правовое время, нормативное предписание-срок, норма права, свойства нормативности, обеспечивающие предписания, функции процессуальных правоприменительных сроков.

Правовая природа процессуального срока в законодательстве России обнаруживается чаще всего в связи с анализом признаков норм права, раскрывающих его содержание как исходящего от государства общеобязательного правила поведения. Предписания-сроки являются формой выражения правового времени в законодательстве. Но вопрос о действии права во времени обычно рассматривается без классификации временной оценочной регламентации правового времени, а точнее форм его использования. Между тем активно предлагается использовать названные формы как в сфере правотворчества так и в процессе применения. Календарное время используется в правовой системе в пяти основных взаимосвязанных формах: датирования, длительности, повторяемости, одновременности, последовательности. В исследовании правового времени присутствует его физическое понимание (час, сутки, год) применительно к макромиру¹.

Существование в позитивном праве временной регламентации правового регулирования времени выражается в многообразии оценочных понятий времени в законодательстве. При их использовании имеется в виду именно социальное время, которое участвует в юридическом процессе, вызывая юридические последствия. Будучи кандидатом в президенты России, Д. Медведев заговорил о господствующем в нашей стране правовом нигилизме и в этом смысле в научном плане следует разобраться в необходимости формирования в нашей стране эффективной (неполитизированной) правовой системы². Учитывая это, необходимо отметить, что сроки становятся крайне важным факто-

¹ Догадайло, Е. Ю. Формы проявления качеств времени в правовой системе России [Текст] / Е. Ю. Догадайло // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 4. – С. 37-42.

² Гришнова, Е. Что есть политического в правовой системе общества? [Текст] / Е. Гришнова // Власть. – 2008. – №7. – С. 97-99.

ром правовой системы, учет которого крайне необходим для понимания причинно-следственных закономерностей. Сегодня понятие срока и его правовая природа все больше исследуется в научно-теоретическом ключе³. Мы считаем, что на предписания-сроки особое влияние оказывают методологические свойства правового времени⁴: симметрия, дополнительность, инвариантность, свойство простоты. Предварительно нужно исходить из условности разграничения норм права и нормативных предписаний, обусловленного общепринятым взглядом на соотношение системы права и системы законодательства, в том числе на микроуровнях. Кроме того, при очевидной однопорядковости категорий «норма права» и «нормативное предписание» устанавливаются, тем не менее, грани их несовпадения по следующим позициям:

1. Норма права характеризует содержание права (правила поведения), а нормативное предписание – форму его внешнего выражения и закрепления.
2. Норма права – явление всеобщее и универсальное для права, а нормативное предписание – конкретизированное правовое требование (обязывание, дозволение, запрет, поощрение, рекомендация).
3. Норма права – категория науки, а нормативное предписание – юридическое выражение и закрепление правового требования, продукт правотворческой деятельности и регулирующий фактор в поведении людей.

В связи с этим, необходимо отметить, что с теоретико-правовой точки зрения, нормативное предписание – срок – первичный элемент в системе законодательства, которая тяготеет к отраслевому строению (отрасль законодательства, институт законодательства), где проявляется соотносимость определенных общностей нормативных правовых актов, статей, нормативных предписаний с определенной отраслью, либо институтом права⁵.

Для обнаружения правовой природы, роли и назначения предписаний-сроков российского законодательства имеет значение общеобязательная нормативность в реализации властных полномочий правоприменяющими субъектами.

Нормативность как свойство любых нормативных предписаний характеризуется, во-первых, типическими показателями поведенческих стереотипов, их постоянной повторяемостью⁶ при складывании однопорядковых, фактических условий. Типичность социальных связей означает вычленение, признание и фиксирование наиболее существенных характеристик поведения носителей публичной власти и отвлечение, абстрагирование от несущественных. В условиях типизации происходит обезличивание, лишение индивидуального влияния стереотипа поведения, формирование равного масштаба, применяемого к неравным людям.

Во-вторых, нормативность – это стабильность и устойчивость социальных связей, складывающаяся в условиях юридического нормирования (закрепления, охраны, развития). Стабильность в условиях нормативной регуляции не означает застывленность. Она складывается и живет в сочетании с динамизмом правовой формы, ее подвижностью, обусловленной движением жизни.

В-третьих, нормативность выражает всеобщность (обобщенность) социальных связей, реальных явлений жизни. Всеобщность (обобщенность) означает максимальную степень распространенности государственно-правовых ценностей и норм, особенно, в условиях глобализации. Всеобщность поэтому, может быть на уровне абсолютном (абсолютные государственно-правовые ценности), а также выражаться на других уровнях. Уровни обобщенности в праве, таким образом, могут быть различными, что обуславлива-

³ См., например: Догадайло, Е. Ю. Сроки в российском праве: к вопросу о нормативном закреплении правовых способов подчинения человека времени [Электронный ресурс] / Е. Ю. Догадайло // Научные труды РАЮН. – Выпуск 6. – Том 1. – Режим доступа: – Правовая Россия, [htm](#). – Российская Академия Юридических Наук.

⁴ Васекина, Э. М. Правовое время: понятийный строй проблемы [Текст] / Э. М. Васекина // Проблемы правоведения. – Белгород, 2005. – Вып. 3. – С. 29.

⁵ Борисов, Г. А. Теория государства и права [Текст]: учебник для студентов юрид. вузов / Г. А. Борисов, Е. Е. Тонков. – 2-е изд., стереотип. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – С. 50.

⁶ Лукашева, Е. А. Право. Мораль. Личность [Текст] / Е. А. Лукашева; под ред. В. М. Чхиквадзе. – М. : Наука, 1986. – С. 12.

ется иерархическим соотношением отраслей, институтов в системе норм права, законодательной иерархией, т. е. расположением нормативного материала по степени всеобщности и обобщенности. Уместной, поэтому, становится постановка вопроса об уровнях нормативности права и законодательства РФ⁷.

В-четвертых, нормативность в праве предполагает государственную гарантированность реализации нормативных установлений (предписаний). Правила поведения, будучи юридически оформленными в процессе правотворчества как закон, подзаконный акт и др. гарантируются в своем осуществлении потенциальной или реальной принудительной силой государства.

Все это создает основания для рассмотрения свойства нормативности в универсальной приложимости ко всем разновидностям нормативных предписаний.

Вместе с тем отметим, что внешние признаки нормативности проявляются в законодательстве в различных вариантах, поскольку государство в соответствии с объективными потребностями развития социальных связей стремится охватить правовым нормированием предельно объемный круг правовых отношений в сочетании с детальным регламентированием отдельных их видов. Это сочетание может обеспечиваться в рамках отдельно взятого закона, т. е. там, где детальная регламентация не отдается на откуп подзаконному правотворчеству: УК РФ, УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ. В других случаях обобщенность и детализированность достигается при согласовании основ законодательства, либо рамочных законов с актами подзаконного правотворчества, например, гражданское законодательство во всем многообразии уровней нормативного урегулирования общественных отношений – уровень Конституции РФ, ГК РФ и др. Нормативность в этих условиях (оптимального сочетания абстрактного и конкретного в предписаниях нормативных правовых актов) характеризуется дифференцированностью, спецификой своего проявления на различных эшелонах нормативной обобщенности.

Дифференциацию уровней нормативности в современном законодательстве при этом, следует рассматривать в плоскости господствующих тенденций его развития. В первой из них обнаруживается восхождение от простейших абстракций (предписания-сроки, предписания-исключения, предписания-дополнения и др.), соответственно, движение абстракций в материи права к более высокому нормативному уровню.

Действие названной господствующей тенденции проявляется в возрастании массива и повышении роли нормативных установлений, обладающих наиболее высокой степенью обобщенности правовых требований. Речь, прежде всего, о нормативных справках (преамбулах), программных положениях, принципах, конструкциях и др.

Назначение соответствующего нормативного массива при этом не может быть сведено к информативно-идеологическому средству воздействия на сознание и поведение людей, хотя такое «наполнение», безусловно, присутствует здесь и имеет важное значение. Законодатель формулирует такие нормативные установления, которые по своему облику обнаруживают наиболее высокую степень нормативной обобщенности. На этом уровне нет указания на субъективное право, юридическую обязанность, но есть определение направлений социально-оправданного поведения. Их действие осуществляется как непосредственно, так и через конкретизирующие их обобщенные требования предписания-правила поведения, закрепляющие вид и меру возможного поведения, вид и меру обязательного поведения, либо юридический запрет.

Вторая тенденция проявляется как углубление специализации предписаний законодательства (в широком смысле слова) на основе, в одних случаях, возрастания определенности, конкретизированности формулируемых субъективных прав, юридических обязанностей, укрепления предметных средств их обеспечения; в других случаях – повышения значимости предписаний обеспечивающего свойства, специализированных обеспечивающих предписаний. Речь идет о немалом числе нормативных предписаний, устанавливающих определенность правового регулирования общественных отношений, создающих условия для точного закрепления вида и меры возможного и обязательного поведения и неблагоприятных последствий в случаях отклонения от заданных поведенческих стандартов носителей публичной власти.

⁷ Лучин, В. О. Конституция Российской Федерации: проблемы реализации [Текст] / В. О. Лучин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – С. 9.

Процессуальные сроки обеспечивают реализацию общих (отправных) нормативных установлений современного законодательства будучи специализированными предписаниями наряду с оперативными, коллизионными, исключительными, дополнительными предписаниями и др. В сроках правовая нормативность проходит путь от единичного к особенному.

В правоприменении процессуальные сроки устанавливают временной порядок и последовательность осуществления властно-организующей деятельности управомоченных субъектов, всегда развернутой во времени, временные рамки реализации норм материального права, а также стадийность процесса их реализации. Отсюда многочисленные указания на нормативные процессуальные сроки⁸. Правоприменительный процессуальный срок – это период времени для совершения процессуальных действий в соответствующей организационно-правовой форме деятельности субъектов-носителей властных полномочий, связанный с разрешением жизненных ситуаций и принятием в порядке, определенном нормами процессуального права, актов применения норм права.

Свойства нормативности процессуальных правоприменительных сроков создают и формируют способы подчинения поведения человека времени, а с другой стороны – способы управления временем как необходимым условием упорядочения человеческих отношений⁹. К свойствам нормативности правоприменительных сроков следует относить: свойство своевременности, свойство процедурности, стадийности.

В правоприменительной деятельности своевременность «задается» формально определенным понятием, календарно исчисляемым сроком (для подачи заявлений и т.д.). О своевременности можно говорить как о критерии оптимальности и разумности правоприменительных сроков. Это особенно актуально для высших органов судебной власти. Так, согласно ст. 2 и п. 1 ст. 107 ГПК РФ под категорию разумности должны подпадать как сроки, устанавливаемые судом для совершения отдельных процессуальных действий (например, сроки для устранения недостатков искового заявления, представления дополнительных доказательств и др.), так и срок рассмотрения всего гражданского дела, включая вынесение окончательного решения¹⁰. Приведенные нормы дают возможность российским гражданам обратиться за защитой в Европейский суд по правам человека. На значимость свойства

своевременности обращает внимание постановление Пленума Верховного Суда, где отмечается, что несоблюдение сроков рассмотрения уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях существенно нарушает конституционное право граждан на судебную защиту, гарантированное ст. 46 Конституции РФ¹¹. Своевременность обуславливается влиянием социологических и психологических факторов правового времени.

Процедурность, стадийность совершения правоприменительных действий, фиксирует стадии (этапы) разрешения юридического дела, логику его движения от оснований возбуждения юридического дела к принятию правоприменительного акта.

Отметим значимость свойства стабильности и устойчивости правоприменительной деятельности и практики, уверенности участников правоприменительного процесса в предсказуемости, особенно юрисдикционных действий, сроков их совершения. В этом смысле правоприменительные сроки устраняют субъективное усмотрение из правоприменительной практики, устанавливают правовые пределы, ограничения в деятельности субъектов правоприменения.

⁸ Борисов, Г. А. Процессуально-правовая ответственность [Текст] / Г. А. Борисов // Журнал российского права. – 2003. – № 2. – С. 74.

⁹ Догадайло, Е. Ю. «Своевременность» в российском праве: к вопросу о формально-юридических способах подчинения поведения человека времени [Текст] / Е. Ю. Догадайло // Право и образование. – 2006. – №4. – С. 93-94.

¹⁰ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 27.12.2005) [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» от 27.12.2007 № 52 [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 2.

«Обратная связь» характеризует относительную самостоятельность результатов правоприменительной деятельности для состояния законности, стабильности правопорядка.

При этом следует учитывать обратное влияние юридической практики, основанное на строгом следовании процессуальным срокам, на правовую жизнь общества, на сознание и поведение субъектов правовых отношений в позитивном и негативном смыслах.

Свойство последовательности в процессуальном праве связано с достижением промежуточных результатов и на этой основе совершением новых процессуальных действий. Своевременность здесь скоординирована с быстротой процесса.

Предписания-сроки в силу их множественности в правоприменительном процессе образуют нишу темпорально-правового регулирования, которая выражается в использовании средств: датирования, длительности, повторяемости, одновременности, последовательности в осуществлении процессуальных действий.

В связи с этим важно отметить связь вопроса свойств нормативности процессуальных правоприменительных сроков с их функциями в основных компонентах юридического процесса, обеспечивающих стабильность, ограничивающих субъективное усмотрение участников процессуальных правоотношений (фиксация временного момента, определения длительности¹², юридических правил исчисления и течения разнообразных сроков).

Постановка вопроса о функциях правоприменительных сроков уместна не только на уровне общеправовом, но и на межотраслевых блоках, на уровне отрасли права, а также в связи с установлением сущности отдельных правовых явлений. Особенности процессуального права, например, с позиции его функций становятся уже насущной проблемой. Вопрос о функциях отдельных правовых явлений (правотворчества, правосознания, правовых отношений и др.) уже не является новым, в том числе и в учебной литературе. В юридической литературе функции права определяются как основные направления воздействия права на социальные связи, сознание и поведение людей¹³. Право в силу причастности к осуществлению функций государства выполняет общесоциальные функции. В частности, право является важным средством, правовой формой в осуществлении таких внутренних функций как: всемерного обеспечения основных прав и свобод человека и гражданина; социальной, экономической, укрепления законности и правопорядка и др.

Вместе с тем право имеет свое собственное назначение и осуществляет свои специфические функции: регулятивную в статическом и динамическом выражении, охранительная, информационно-воспитательная.

Есть основание для постановки вопроса о самостоятельных функциях правоприменительных процессуальных сроков, среди них следует выделить: функцию временного сопровождения, функцию фиксирования во времени юридических фактов, правовых состояний, фактических составов, временного ограничения, правоустанавливающую, ориентирующую, оценочно-временную.

При помощи процессуальных сроков современная российская правовая наука, анализируя реалии общественной и политической жизни, направленные на формирование правового государства, по-новому осмысливает устоявшиеся конструкции, в условиях поступательного развития юридических ситуаций¹⁴. Так сопроводительный характер носит принцип обратной силы закона, который в настоящее время устанавлива-

¹² Догадайло, Е. Ю. «Своевременность» в российском праве: к вопросу о формально-юридических способах подчинения поведения человека времени [Текст] / Е. Ю. Догадайло // Право и образование. – 2006. – №4. – С. 94.

¹³ Тонков, Е. Е. Государственно-правовая политика противодействия наркотизации российского общества [Текст] / Е. Е. Тонков. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – С. 19.

¹⁴ Догадайло, Е. Ю. Время, право и социальная жизнь [Электронный ресурс] / Е. Ю. Догадайло // Национальные интересы электрон. журнал. – 2005. – №2. – Режим фОС-Туна: "http://www.nijournal.ru/archive/2005/n2_05/pravo2_05/dogadailo2_05" / "http://www.nijournal.ru/archive/2005/n2_05/pravo_2_05/dogadailo2_05/.

ется ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах¹⁵ и положением ч. 1 ст. 54 Конституции РФ 1993 г.¹⁶, который гласит: "Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет".

Правовые состояния могут проявляться в возрасте наступления юридической ответственности виновного – ст. 133 Трудового Кодекса РФ¹⁷ перечисляет основания возникновения права на реабилитацию, но правила данной статьи не распространяются в отношении несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, или принятия закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния.

Момент совершения преступления требует временного ограничения фиксации возраста виновного для определения возможности применения мер юридической ответственности. Срок исковой давности, например, введен для ограничения разумным сроком периода неопределенности в положении субъекта и, в конечном счете, для стабильности гражданского оборота.

Несмотря на кажущуюся простоту фиксации моментов времени, чем более развернутой становится правовая система, тем более законодатель вдумывается в необходимость установить точку отсчета времени в сроках. В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»¹⁸ указывалось, что гражданин, совершивший уголовно наказуемое деяние в день своего рождения, достиг 16-ти лет в ноль часов последующих суток и не подлежал привлечению к уголовной ответственности».

По ряду правовых проблем сроки выполняют ориентирующую функцию, и судебные органы должны более четко определять свою позицию, обеспечив тем самым единообразие судебной практики. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях»¹⁹ обращает внимание судей на то, что за грубое или систематическое нарушение судьей процессуального закона, повлекшее неоправданное нарушение сроков разрешения дела и существенно ущемляющее права и законные интересы участников судебного процесса, с учетом конкретных обстоятельств может быть наложено дисциплинарное взыскание вплоть до прекращения полномочий судьи (пункт 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации"²⁰).

Современный подход к нормативному закреплению срока основывается исключительно на его видовых признаках. Так, содержание категории "давность" как некоего родового, общетеоретического понятия при этом до сих пор не получило четкого определения, а общетеоретический анализ юридической конструкции "срок" имеет как теоретическую, так и практическую значимость. Отсутствие подобной модели носит оценочно-временной характер и сказало при разработке нового Таможенного кодекса РФ, положения которого относительно сроков давности были отвергнуты Конституционным Судом РФ²¹.

¹⁵ Международный пакт «О гражданских и политических правах» от 16.12.1966 [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

¹⁶ Конституция Российской Федерации [Текст]: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 года. – М.: Ось-89, 2004. – 48 с.

¹⁷ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 97-ФЗ (ред. от 07.05.2009) [Текст] // СЗ РФ. – 2002. – №1(4. 1). – Ст. 3.

¹⁸ Догадайло, Е. Ю. Время, право и социальная жизнь [Электронный ресурс] / Е. Ю. Догадайло // Национальные интересы : электрон. журнал. – 2005. – №2. – Режим доступа: "http://www.ni-journal.ru/archive/2005/n2_05/pravo2_05/dogadailo2_05/"http://www.ni-iournal.ru/archive/2005/n2_05/pravo2_05/dogadailo2_05/.

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» от 27.12.2007 № 52 [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 2.

²⁰ Закон РФ «О статусе судей в РФ» от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 14.04.1993) [Текст] // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. -№ 30. – Ст. 1792.

²¹ Догадайло, Е. Ю. Временные границы и право / Е. Ю. Догадайло // Гражданин и право. – 2007. – № 5. – С. 9-18; то же: [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант».

Данные функции процессуальных правоприменительных сроков встраиваются в правовые формы деятельности субъектов-носителей властных полномочий. Среди компонентов структуры правоприменения можно выделить собственные сферы действия процессуальных сроков, устанавливающие в законодательстве материально-правовые и процессуально-правовые границы: субъектный состав правоприменительного процесса, правоприменительные производства; процедурная сторона правоприменительной деятельности и её стадии; результативный и правообеспечительный компоненты. Сегодня этому вопросу уделяется особое внимание – в плоскости реализации норм права проходит проверку социальная оправданность нормативных предписаний, их эффективность.

В этой связи раскрывается значение юридической конструкции «срок», которая всегда позволяет абстрагироваться от правового времени настолько, что предоставляет возможность субъектам правового регулирования совершать различные манипуляции, например, приостанавливать или продлевать сроки, восстанавливать истекшие по уважительным причинам сроки, устанавливать сокращение, начало и конец течения сроков, в частности, путем перенесения окончания срока, приходящегося на нерабочий день, на ближайший (первый) следующий за ним рабочий день (ч. 4 ст. 114 АПК РФ 2002 г.; ч. 1 ст. 97 АПК РФ 1995 г., абз. 2 ст. 101 ГПК РСФСР 1964 г.; ч. 2 ст. 108 ГПК РФ 2002 г.).

Из изложенного выше следует, что правоприменительные процессуальные сроки обусловлены сложными связями между проистеканием времени и отражением этого процесса в социальной жизни и законодательстве, их существование вызвано прежде всего с необходимостью распознавать, анализировать, классифицировать, с одной стороны, способы подчинения поведения человека времени, а с другой стороны, способы управления временем как необходимым условием упорядочения человеческих отношений²². Параметры процессуального времени в процессе реализации и применения права используются, как правило, аналогично, с их определенным значением, которое нормативно закреплено в процессуальных сроках. В нормах права время неопределенно. Таким образом, процессуальное правовое время приобретает четкую законодательную регламентацию и процессуальную стабильность.

Список литературы

1. Международный пакт «О гражданских и политических правах» от 16.12.1966 [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
2. Конституция Российской Федерации [Текст]: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 года. – М.:Ось-89, 2004.-48 с.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 27.12.2005) [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 97-ФЗ (ред. от 07.05.2009) [Текст] //СЗ РФ. – 2002. – №1(4. 1). – Ст. 3.
5. Закон РФ «О статусе судей в РФ» от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 14.04.1993) [Текст] // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 30. – Ст. 1792.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» от 27.12.2007 № 52 [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 2.
7. Борисов, Г. А. Теория государства и права [Текст]: учебник для студентов юрид. вузов / Г. А. Борисов, Е. Е. Тонков. – 2-е изд., стереотип. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – С. 50.
8. Борисов, Г. А. Процессуально-правовая ответственность [Текст] / Г. А. Борисов // Журнал российского права. – 2003. – № 2. – С. 70-78.
9. Васекина, Э. М. Правовое время: понятийный строй проблемы [Текст]/ Э. М. Васекина // Проблемы правоправедения. – Белгород, 2005. – Вып. 3. – С. 29.
10. Гришнова, Е. Что есть политического в правовой системе общества? [Текст] / Е. Гришнова // Власть. – 2008. – № 7. – С. 97-99.
11. Догадайло, Е. Ю. Временные границы и право / Е. Ю. Догадайло // Гражданин и право. – 2007. – № 5. – С. 9-18; то же: [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант».

²² Догадайло, Е. Ю. «Своевременность» в российском праве: к вопросу о формально-юридических способах подчинения поведения человека времени [Текст] / Е. Ю. Догадайло // Право и образование. – 2006. – №4. – С. 93-100.

12. Догадайло, Е. Ю. Сроки в российском праве: к вопросу о нормативном закреплении правовых способов подчинения человека времени [Электронный ресурс] / Е. Ю. Догадайло // Научные труды РАЮН. – Выпуск 6. – Том 1. – Режим доступа: – [Правовая Россия, html](#). – Российская Академия Юридических Наук.

13. Догадайло, Е. Ю. Время, право и социальная жизнь [Электронный ресурс] / Е. Ю. Догадайло // Национальные интересы : электрон, журнал. – 2005. – №2. – Режим доступа:" http://www.ni-journal.ru/archive/2005/n2_05/pravo2_05/dogadailo2_05/" http://www.ni-journal.ru/archive/2005/n2_05/pravo2_05/dogadailo2_05/.

14. Догадайло, Е. Ю. «Своевременность» в российском праве: к вопросу о формально-юридических способах подчинения поведения человека времени [Текст] / Е. Ю. Догадайло // Право и образование. – 2006. – № 4. – С. 93-100.

15. Лукашева, Е. А. Право. Мораль. Личность [Текст] / Е. А. Лукашева; под ред. В. М. Чхиквадзе. – М.: Наука, 1986. – 263 с.

16. Лучин, В. О. Конституция Российской Федерации: проблемы реализации [Текст] / В. О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.

17. Тонков, Е. Е. Государственно-правовая политика противодействия наркотизации российского общества [Текст] / Е. Е. Тонков. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 287 с.

PROCEDURAL TERMS IN RUSSIAN LEGISLATURE: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS

E. M. VASYOKINA

Belgorod State University

e-mail: Vasyokina@bsu.edu.ru

The author discusses procedural terms in Russian lawmaking in the aspect of the theory of law, analyzes their notion, nature and conditions, their status in law and functions. The article precises the law procedural terms. There are some definitions of the phenomenon presented in the paper.

Key words: law time, standart terms, direction law rules, status in law, garanting direction, terms, procedural functions of legislative terms.

УДК 343.97

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРКОМАНИИ В РОССИИ

Н. Ю. ЖИЛИНА*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
zhilina@bsu.edu.ru*

В статье уделяется внимание социально-историческому аспекту распространения наркомании на территории России, рассматриваются обстоятельства, способствовавшие созданию в России благоприятной почвы для наркомании и наркопреступности, говорится о причинах и условиях способствовавших их распространению.

Ключевые слова: государство, общество, наркопреступность, наркомания, причины и условия, предупреждение.

Совершенствование профилактических и уголовно-правовых мер борьбы с незаконным оборотом наркотиков невозможно без знания истории вопроса, организационных и правовых основ деятельности органов и учреждений, ее осуществляющих.

Существует безусловная взаимосвязь наркотизации, наркомании и преступности, причем в ее наиболее опасной форме – организованной. Как отмечает А.Н. Сергеев, длительное время возглавлявший в МВД службу по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, «ключевые моменты, характеризующие общественную опасность наркотизма в современных условиях, – это, во-первых, причинение вреда здоровью, влекущее снижение социальной активности граждан, ухудшение благополучия семей... и, во-вторых, обогащение наркопреступных группировок в масштабах, позволяющих им реально влиять на политику, юридическую систему, средства массовой информации, другие структуры и сферы государства и общества»¹.

Наркомания – это не личное дело каждого. Потенциально наркоман всегда опасен. В результате наркотизации у потребителя возникают серьезные проблемы со здоровьем, он легко заболевает тяжелыми инфекционными заболеваниями (гепатиты, ВИЧ-инфекция и СПИД, венерические болезни) и становится их активным распространителем. Потребители наркотиков практически во всех случаях становятся участниками криминальной деятельности.

Наркоманы представляют серьезную опасность для здоровья и жизни окружающих, разрушают и деструктурируют семьи, не могут выполнять свой долг перед обществом и защищать интересы государства. Поэтому они должны знать, что им придется смириться с установленными государством правовыми ограничениями, так как закон, мораль, общечеловеческие ценности имеют приоритет и должны господствовать в демократическом обществе.

Реализация права на свободу налагает особые обязанности по отношению к государству и обществу и именно поэтому может быть ограничено в тех пределах, в которых этого требуют интересы обеспечения защиты общественной нравственности, здоровья, прав других граждан.

Проблема поиска действенных мер борьбы с наркотизацией общества возникла не сегодня. Интенсивное, масштабное распространение наркотиков начало ощущаться с развитием восточной колониальной политики царской России, когда огромный поток крестьянства и казачества двинулся для освоения новых земель в Среднюю Азию, на Дальний Восток. В те времена на 20 млн. мусульманского населения (1880) приходилось до 800 тыс. потребителей только гашиша.

¹ Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Сергеева. – М.: УБНОН МВД России, Московская академия МВД России, Изд-во «ЩИТ-М», 2000. – С. 3-4.

Уже в 1878 году генерал-губернатора Туркестанского края предупреждали о возможных последствиях для жителей европейской части России, если местными властями не будут предприняты решительные меры для борьбы с наркоманией среди азиатских мусульман.

Развязанный Англией в XIX в. наркогеноцид по отношению к китайскому народу («Опиумные» войны 1840-1842, 1856-1860 гг.) обернулся трагедией для населения не только Поднебесной империи, но и сопредельных государств, в частности, приграничных с Китаем территорий России. Приобретя статус доходного товара, опиум распространился от южных провинций Китая до его северных владений Дальнего Востока.

С 1871 по 1881 годы русские войска, находясь, по приглашению манчжур на территории Китая в Илийском крае еще сдерживали волну наркотиков. Отвод войсковых частей обратно, в Туркестанский край, повлек за собой отток из Поднебесной не китайских народов, сочувствующих России, — уйгуров, дунган и казахов. К 1881 году на российскую территорию их перешло не менее 200 тыс. человек.

К сожалению, многие представители этих этнических групп успели заразиться в Китае наркоманией, а уйгуры и еще более дунгане (мусульмане по вероисповеданию) — овладеть приемами наркобизнеса. И если в Туркестанском крае из-за кочевого образа жизни тамошнего населения (киргизов и казахов) культура опийного мака не приживалась, то, начиная с 80-х годов XIX в., его активно начали высевать мигранты.

В такой же закономерной последовательности складывалась наркоситуация и на Дальнем Востоке. Эмигранты из Китая и Кореи повсеместно арендовали у приморских и приамурских крестьян и казаков земли, предназначенные под хлеб, перепахивая их (с зелеными всходами) для посевов мака. Простые люди, получая от аренды пашни денег больше, нежели они могли выручить от культивирования пшеницы, отучались от труда, предавались праздности, безделью, пьянству и наркомании, которая постепенно распространялась среди аборигенов, колонистов, затем жителей Камчатки, Сибири, Поволжья.

Это стало причиной того, что в 1915 году Николай II издает Указ о запрещении посевов опийного мака.

Канал распространения наркотиков «Азия – Европа» существовал в немалой степени благодаря коррумпированности работников правоохранительных органов, других государственных учреждений, получавших огромные взятки с торговцев наркотиками.

Таковы обстоятельства, способствовавшие созданию в предреволюционной России благоприятной почвы для наркомании и для ее взрыва в первые десятилетия советской власти.

После Октябрьской революции наша страна столкнулась с необходимостью устранения многих негативных явлений, в том числе наркомании и связанных с ней преступлений, несмотря на жесткие меры правоохранительных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков и их злоупотреблению, достичь заметных успехов в преодолении этого явления в первые годы становления нового государства не удалось. Более того, возросло злоупотребление кокаином, гашишем и некоторыми другими наркотиками.

Особенно широкое распространение получило злоупотребление наркотическими средствами среди несовершеннолетних правонарушителей, оказавшихся беспризорными вследствие гражданской войны, экономической разрухи и голода.

Распространение наркомании и связанных с ней преступлений на первом этапе становления советского государства имело свои исторические закономерности. Страна находилась в крайне тяжелом положении, продолжали действовать политические, социально-экономические, социально-психологические факторы, продуцировавшие незаконный оборот наркотиков и их злоупотребление в условиях царской России.

Серьезное внимание уделялось отечественными криминологами и медиками того периода связи наркомании с войнами и их последствиями.

Гражданская война и интервенция со стороны ведущих капиталистических держав, пытавшихся свергнуть власть большевиков, подорвали ослабленную войной с Германией экономику, в силу чего бездействовали фабрики, заводы. Голод и болезни поразили целые регионы, сотни тыс. детей остались без родителей и крова, росла беспризорность, пополняя из своих рядов армию наркоманов.

31 июля 1918 года было издано предписание Совета народных комиссаров № 7206-7212 «О борьбе со спекуляцией кокаином». Декрет ВЦИК от 20 июня 1919 года «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» губернские подразделения чрезвычайной комиссии наделялись правом уничтожения (расстрела) торговцев кокаином во внесудебном порядке².

Через несколько лет принимается постановление СНК от 6 ноября 1924 года «О мерах регулирования торговли наркотическими веществами», которым запрещалось свободное обращение всех сильнодействующих средств, разрушающих народное здоровье (кокаин и его соли, опий и его производные: морфий, героин и др.). Доставляемые из-за границы наркотики, как и поступающие с внутреннего рынка, должны были распределяться Наркоматом здравоохранения.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 октября 1934 года «О запрещении посевов опийного мака и индийской конопли» определялись пределы культивирования указанных растений (только для медицинских и научных потребностей). По мере стабилизации социально-экономической обстановки и укрепления российского законодательства постепенно возникает благоприятная тенденция снижения динамики незаконного оборота наркотиков и их злоупотребления. Это во многом связано с тем, что в период перехода от капитализма к социализму в стране была ликвидирована система общественных отношений, основанная на социальном неравенстве людей, их эксплуатации и продуцировавшая такие социальные явления, как безработица, нищета, голод и беспризорность. Повысился материальный и культурный уровень жизни народа. Все эти изменения не могли не повлиять на состояние и структуру общеуголовной преступности, в ее динамике усилились тенденции к снижению, что отмечалось многими отечественными криминологами.

«Хрущевская оттепель» и последовавшие за ней годы застоя характеризовались постепенным ухудшением наркоситуации в стране. Оказалось, что социальная болезнь была на время приглушена, очаги ее были локализованы, но не ликвидированы. С появлением благоприятных условий она вновь стала распространяться и приобретать опасные формы. И первыми с ней столкнулись сотрудники милиции.

Изучение личности наркодельцов показывало, что большинство из них находилось на нелегальном положении, нигде не работали и жили на нетрудовые доходы, 70% преступников ранее были осуждены за спекуляцию наркотиками и иные преступления.

Интересные данные приводили специалисты сельского хозяйства и Минздрава СССР. По их оценкам, с каждого гектара посевов опийного мака, под которым только в Киргизии было занято 6400 га, похищалось в среднем от 5 до 10 кг опия-сырца. В то же время органами внутренних дел в 1969 году изъято у преступников 237 кг опия-сырца, что составило всего лишь 0,35 – 0,7% похищенного. Следовательно, свыше 99% похищенного опия-сырца у преступников не изымалось, и различными способами и каналами он поступал основным потребителям – осужденным.

Росла численность наркоманов. Так, если в 1965 году на учетах органов здравоохранения страны состояло 23714 наркоманов, то к концу 1971 года их насчитывалось уже более 50 тыс. человек.

Наркомания стала оказывать существенное влияние на преступность и состояние общественного порядка. По неполным данным, в РСФСР в 1964 году наркоманами было совершено 1468 различных преступлений, из которых 497 составляли разбой, грабежи и кражи в целях завладения наркотиками или средствами для их приобретения. В исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ) в 1967 году количество преступлений, связанных с наркотиками, возросло по сравнению с 1961 годом более чем в 3,5 раза, а их удельный вес составлял больше в 5,5 – 7,5 раза, чем в целом по стране. Места лишения свободы стали превращаться в очаги распространения наркотиков и их злоупотребления. Результаты исследований показали, что 65-70% осужденных-наркоманов начали употреблять наркотики именно в период отбывания наказания в исправительно-трудовых учреждениях.

² Декрет ВЦИК от 20 июня 1919 года «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» // Противоводействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Сергеева. – М.: УБНОН МВД России, Московская академия МВД России, Изд-во «ЩИТ-М», 2000. – 580 с.

Исследователи наркомании и связанной с ней преступности периода 60-70-х годов выделяли несколько общих и непосредственных причин и условий этих негативных явлений. Основными причинами наркомании они называли пережитки прошлого в сознании отдельных граждан, а непосредственными – распространенность нелечебного потребления наркотиков (наркомании), частнособственнические взгляды на жизнь, неправильное отношение к труду и эгоистические наклонности человека. Серьезным фактором распространения наркомании в республиках Средней Азии считался запрет мусульманской догмой потреблять вино, не распространявшийся, однако на потребление наркотиков³.

Естественно, что причины наркомании и связанной с ней преступности рассматривались в то время в соответствии с общей концепцией причин преступности при социализме. Согласно этой концепции преступность понималась как отрицательное явление, несовместимое с социалистическим образом жизни. В последние годы двадцатого века негативные тенденции в динамике наркотизации общества и связанных с этим преступлений значительно возросли.

В последующие годы был принят ряд важных документов в сфере контроля за оборотом наркотических средств: Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 27 января 1965 года «Об усилении борьбы с незаконным изготовлением и распространением наркотических веществ», Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1974 года «Об усилении борьбы с наркоманией». Именно последний документ впервые в отечественной юриспруденции установил административную ответственность за употребление наркотиков без назначения врача, а кроме того определил квалифицирующие признаки при уголовной ответственности: крупные размеры наркотических средств; действия, совершенные повторно или по предварительному сговору группой лиц, особо опасным рецидивистом.

Были введены институты уголовной ответственности за хищение наркотиков, склонение к их потреблению, организацию или содержание притонов для потребления наркотических средств, незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку или сбыт сильнодействующих и ядовитых веществ.

В развитие Указа принимается постановление Совета Министров РСФСР от 14 мая 1974 года № 278-20 «О мерах по дальнейшему усилению борьбы с распространением наркомании в РСФСР». Понимание масштабности данной проблемы инициирует подготовку руководством страны постановления Центрального Комитета КПСС от 19 октября 1982 года «О серьезных недостатках в организации борьбы с наркоманией», а затем постановления Совета Министров РСФСР от 28 декабря 1982 года № 649-40 «О серьезных недостатках в организации борьбы с наркоманией в РСФСР».

К сожалению, выполнение на местах указанных руководящих документов нередко носило формальный характер и не отличалось предполагавшейся эффективностью. Следствием этого стало принятие ряда постановлений⁴, в которых были высказаны критические замечания в адрес ведомств, проявивших бюрократизм и недалководидность в борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Таким образом, нет оснований говорить о том, что государство в постсоветский период не уделяло внимания проблеме противодействия распространению наркомании. Одновременно, это является и свидетельством того, что наркотизация общества не стала порождением социально-политических и экономических реформ в России, а имела место и ранее. Другое дело, что в настоящее время масштабы распространения наркомании стали принимать угрожающие размеры, близкие по своим параметрам к эпидемическому порогу.

³ Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Сергеева. – М., 2000.

⁴ Постановление ЦК КПСС от 30 января 1986 года «О ходе выполнения постановления ЦК КПСС «О серьезных недостатках в организации борьбы с наркоманией от 19 октября 1982 года»; Постановление Совета Министров РСФСР от 30 апреля 1986 года № 179-12 «О ходе выполнения постановления Совета Министров РСФСР от 28.12.1982 г. № 649-40 «О серьезных недостатках в организации борьбы с наркоманией в РСФСР».

Список литературы

1. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Сергеева. – М.: УБНОН МВД России, Московская академия МВД России, Изд-во «ЩИТ-М», 2000. – С. 3-4.
2. Декрет ВЦИК от 20 июня 1919 года «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» // Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Сергеева. – М.: УБНОН МВД России, Московская академия МВД России, Изд-во «ЩИТ-М», 2000. – 580 с.
3. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Сергеева. – М., 2000.
4. Постановление ЦК КПСС от 30 января 1986 года «О ходе выполнения постановления ЦК КПСС «О серьезных недостатках в организации борьбы с наркоманией от 19 октября 1982 года»; Постановление Совета Министров РСФСР от 30 апреля 1986 года № 179-12 «О ходе выполнения постановления Совета Министров РСФСР от 28.12.1982 г. № 649-40 «О серьезных недостатках в организации борьбы с наркоманией в РСФСР».

SOCIO-HISTORICAL ASPECT OF DRUG ADDICTION IN RUSSIA

N. Yu. ZHILINA

Belgorod State University

e-mail:
zhilina@bsu.edu.ru

This article is devoted to the problem of socio-historical aspect of drug addiction in the Russian Federation. The author considers favourable conditions for drug addiction and constructing drug-related criminality in Russia. The reasons and conditions promoting their distribution are also regarded in the paper.

Key words: state, society, drug-related criminality, drug addiction, reasons and conditions, prevention.

УДК 347.82

ЭЛЕКТРОННЫЙ БИЛЕТ КАК ФОРМА ДОГОВОРА ВОЗДУШНОЙ ПЕРЕВОЗКИ Пассажира

О. С. СТРЕБКОВА*Белгородский
государственный
университет**e-mail: Strebkova@bsu.edu.ru*

Статья посвящена новой форме договора воздушной перевозки пассажира – электронному билету. Рассматривается сущность электронного билета и его возможности, в отличие от бумажных бланков. Определяются преимущества использования технологии электронного билета как для пассажира, так и для авиакомпаний (перевозчика).

Ключевые слова: договор воздушной перевозки, электронный билет.

Сегодня переход на электронные билеты лежит в основе общемировой стратегии по упрощению бизнеса и сокращению расходов в воздушно-транспортной отрасли. Во всем мире авиакомпании активно внедряют электронные билеты. Российские перевозчики отстают в использовании электронного билета. Чтобы преодолеть отставание, необходимо устранить ряд правовых ограничений на использование электронного билета, существующих в российском законодательстве, и сделать главное: ратифицировать Монреальскую конвенцию, содержащую требования к электронным билетам.¹

В идеале электронное оформление предполагает, что пассажир заказывает билет в сети Интернет и оплачивает его в безналичном порядке. На вокзале или в аэропорту пассажир просто предъявляет документ, удостоверяющий личность, и получает распечатку электронного билета по установленной форме. Данный способ удобен как для пассажиров, так и для перевозчиков. Даже у самого рассеянного гражданина подобный билет не будет забыт дома, а перевозчики, конечно, выигрывают экономически (затраты на электронный билет значительно меньше, чем на бумажный).²

По заявлению Международной Ассоциации гражданской авиации (IATA), с 1 июня 2008 года весь мир пассажирских авиаперевозок перешел на электронную систему регистрации и продажи билетов и отказался от оформления билетов в бумажном виде. В России электронный авиабилет узаконен приказом министра транспорта РФ Игоря Левитина от 8 ноября 2006 года "Об установлении формы электронного пассажирского билета и багажной квитанции в гражданской авиации"³. Федеральным законом от 1 декабря 2007 г. № 314-ФЗ «О внесении изменений в статью 105 Воздушного кодекса РФ»⁴ в ст. 105 Воздушного кодекса РФ⁵ были внесены изменения. В частности, был на законодательном уровне закреплён электронный билет.

Согласно данным документам, электронный билет в нашей стране теперь все же получит возможность на существование, однако не все категории пассажиров смогут воспользоваться его преимуществами. Обычному туристу, отправляющемуся на отдых за границу в Грецию или в Хорватию за свои кровные денежки, электронный билет оформят без проблем. А вот страдальцу-командировочному все же придется наведаться в офис авиакомпании и получить в дополнение к электронному билету бумажный или контрольно-

¹ Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (заключена в г. Монреале 28.05.1999г.) // СПС «Консультант Плюс».

² Мошкович М., Завойкина Н., Терешко Ю. Виртуальный билет. // Право. 2007. №6.-С. 5.

³ Приказ Минтранса РФ от 08.11.2006 N 134 "Об установлении формы электронного пассажирского билета и багажной квитанции в гражданской авиации" // Российская газета", N 22, 02.02.2007

⁴ Федеральный закон от 01.12.2007 г. №314 «О внесении изменений в статью 105 воздушного кодекса РФ» // Собрание законодательства РФ. 2007. №49. Ст.6075.

⁵ Воздушный кодекс РФ от 19.03.1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 18.07.2009 г.) // Собрание законодательства РФ. 24.03.1997. №12. Ст. 1383.

кассовый чек, который будет подтверждать факт оплаты (и который в дальнейшем ему пригодится для отчетности перед работодателем). То есть электронный билет в России используется в достаточно усеченном варианте. Введение электронно-бумажного билета полезно компаниям, которые в основном занимаются перевозками «частников» – они действительно смогут снизить свои расходы на оформление билетов. Если же компания специализируется на перевозке командированных пассажиров, то ей на практике узнать о достоинствах электронного билета не придется – бумажной волокиты меньше не станет.

Билет, багажная квитанция, иные документы, используемые при оказании услуг по воздушной перевозке пассажиров, могут быть оформлены в электронном виде (электронный перевозочный документ) с размещением информации об условиях договора воздушной перевозки в автоматизированной информационной системе оформления воздушных перевозок.

При использовании электронного перевозочного документа пассажир вправе потребовать, а перевозчик или действующее на основании договора с перевозчиком лицо при заключении договора перевозки или регистрации пассажира обязаны выдать заверенную выписку, содержащую условия соответствующего договора воздушной перевозки (далее – выписка), из автоматизированной информационной системы оформления воздушных перевозок.

Электронный билет отличается от обыкновенного билета отсутствием купонов. Естественно, обычные купоны в таком билете – заменены электронным эквивалентом. Также особенность электронного билета состоит в том, что его можно заказать только в том случае, когда весь перелет обслуживает одна авиакомпания. Это обусловлено тем фактором, что информацию такого билета, могут счесть не все авиакомпании, а только та, которая продает его. Преимуществ у таких билетов – очень много. Например – их потерять невозможно, так как вся информация данного билета, находится в компьютере авиакомпании. Такой билет снабжает вас гибкостью перелета, т.е. намного легче будет изменить дату вылета или возвращения. Купить такой билет вы сможете крайним сроком – за тридцать минут до начала регистрации. Преимущество, также состоит и в том, что у вас не будет необходимости предоставлять билет, в случае внесения каких-то изменений или корректировок. Такой билет может быть оплачен третьими лицами, что избавит Вас от необходимости простаивания очередей за бумажным билетом.

Преимущества использования технологии электронного билета для пассажиров выражаются в:

- дополнительных каналах приобретения авиабилетов;
- возможности самообслуживания при бронировании, оформлении перевозки, регистрации в аэропорте и др.;
- невозможности утраты, хищения, повреждении электронного билета;
- возможности в любой момент подтвердить факт заключения договора воздушной перевозки.

Кроме того, преимущества использования электронного билета для авиакомпаний воплощаются в:

- дополнительных каналах реализации собственных перевозок;
- интерактивном контроле непосредственно перевозчиками за ходом продаж авиаперевозок и за объемом пассажирских перевозок;
- сокращении расходов, связанных с продажей бумажных билетов;
- обеспечении прозрачности, сокращении рисков, связанных с мошенничеством, воровством и утерей бумажных бланков;
- в возможности организации онлайн-учета доходов перевозчика;
- упрощении процедуры контроля за использованием стандартных перевозочных документов;
- создании условий для внедрения процедур по самообслуживанию пассажиров;
- расширении интеграции с международным авиационным сообществом на основе использования стандартных электронных технологий.⁶

⁶ Мосашвили В. В. Правовые аспекты внедрения и использования электронного билета Российскими авиаперевозчиками. // Право. 2007. №6. – С. 3.

Уже давно авиакомпании осуществляют продажу авиатранспортных услуг в традиционных кассах. Широкое участие в продажах билетов принимают и туристические агентства. Кроме того, много билетов сбывается с помощью современных автоматизированных систем бронирования (АСБ), предоставляющих информацию о расписании рейсов авиаперевозчиков, свободных местах и тарифах, и с помощью которых потребители могут осуществлять бронирование авиатранспортных услуг. АСБ помогает им производить бронирование и оформление билетов, предоставляет информацию об ассортименте других услуг, связанных с путешествиями и отдыхом. Оформление авиабилетов по-прежнему в основном производится через агентов, хотя объем продаж с помощью Интернета растет невероятно.

Практика показывает, что при совершении покупки билета через Интернет потребители услуг авиакомпаний менее защищены, чем при приобретении бумажного билета по традиционным каналам.⁷

На данный момент развития Интернета функции поиска, которые обычно выполняются агентами от имени и по поручению потребителей, частично переходят к потребителям, самостоятельно наводящим справки через различные веб-сайты для получения желаемой информации о рейсах и тарифах. Если традиционные АСБ являются всеобъемлющими и достоверными источниками информации о воздушных сообщениях, то этого к сожалению нельзя сказать о веб-сайтах, которые не могут быть абсолютно независимыми от АСБ и могут содержать информацию, за достоверность которой трудно поручиться, поскольку неизвестны принципы и правила, регулирующие составление информации, размещаемой на веб-сайтах.

Однако веб-сайты предоставляют потребителям возможность познакомиться с большим разнообразием новой, постоянно обновляемой информации о дополнительных вариантах авиапутешествий, эксклюзивных Интернет-тарифах и аукционных тарифах. Но разобраться в ней посетителям веб-сайтов далеко не просто, так как требует от них обладания определенными навыками работы с такой информацией в Интернете. По этой причине не все потребители авиатранспортных услуг готовы к новшествам электронного оформления билетов в Интернете, из-за чего рынок потребления таких услуг невольно сужается и ограничивается.⁸

Другой проблемой для потребителей является раскрытие личных данных в Интернете. Осуществляя покупку билета традиционным путем, потребитель сообщает необходимые личные данные только агентам. Эта информация является конфиденциальной и не подлежит публичному распространению. А при покупке билета через Интернет дело обстоит по-другому. Сообщая данные по Интернету, потребитель не защищен от того, что они не будут доступны для третьих лиц и не использованы в преступных или хулиганских целях.

Известно, что для защиты пользователей от неполной и вводящей в заблуждение информации, а также укрепления доверия пользователей, некоторые государства принимают меры по охране прав потребителей и принимают законы о защите прав потребителей при совершении ими сделок, осуществляемых через Интернет. Ложные веб-сайты, ложное расписание рейсов, ложные льготные акции и другие формы ложной информации, распространяемой недобросовестными конкурентами могут быть причиной многих правовых, экономических, финансовых и иных конфликтов. Вполне вероятно, что потребитель может свои недоразумения с покупкой электронного билета через веб-сайты обратить против перевозчика и потребовать от него компенсации за причиненный как материальный, так и моральный вред. В связи с этим возникает проблема решения новых вопросов ответственности перевозчика, которых раньше не было, но возникших в связи с продажей электронных билетов.⁹

⁷ Беляева Н. А. Продажа билетов через Интернет. // Транспортное право. 2005. №4. – С. 3.

⁸ Бордунов В. Д., Елисеев Б. П. Электронный билет – новая форма заключения договора международной воздушной перевозки. // Журнал российского права. 2006. №4.- С. 10.

⁹ Свит Ю. П. Защита прав потребителей при оказании транспортных услуг. // «Законы России: опыт, анализ, практика». 2007. №2. – С. 5.

Научно-технический прогресс в сфере электронных технологий показал, что переход к новой и более экономичной форме электронного оформления билетов невозможен без создания новых международных и национальных механизмов, способных обеспечить использование электронных билетов без ущерба законным правам пассажиров и перевозчиков. Традиционные международные и национальные регуляторы в этой области не приспособлены к регулированию использования электронного билета.

Если техническая сторона вопроса электронного оформления билетов через Интернет практически решена, то этого нельзя сказать о юридическом обеспечении такой деятельности. Внедрение электронных билетов в практику международных воздушных перевозок привело к возникновению новых правовых проблем, которые ранее не решались ни международным, ни национальным правом. В частности, российские законы ориентированы на регулирование исключительно бумажных билетов и только их признают в качестве законных средств регулирования финансовых отношений между перевозчиком и пассажиром. Поэтому без легализации электронного билета и признания его законным документом расчетов невозможно перейти к его масштабному использованию. Чтобы устранить существующие преграды на пути использования электронного билета, предстоит серьезное реформирование национального законодательства.¹⁰

Техническая эволюция в сфере организации продаж и бронирования авиабилетов на мировом рынке авиаперевозок ставит новые проблемы, ранее не решавшиеся национальным законодательством. Использование для сохранения записей о пунктах отправления и назначения электронного оборудования ставит задачу выработки критериев ответственности применяемой для этих целей техники. В национальном плане она может быть решена путем принятия технического регламента в соответствии с Федеральным законом "О техническом регулировании".¹¹ Закон позволяет российским перевозчикам работать на опережение, разработать и принять такой регламент, с такими параметрами соответствия, которые наиболее общим образом отвечают прагматическим интересам российских перевозчиков при переходе к продажам и бронированию электронных билетов.¹²

Электронный пассажирский билет и багажная квитанция в гражданской авиации представляют собой документы используемые для удостоверения договора перевозки пассажира, в котором информация о воздушной перевозке пассажира и багажа представлена в электронно-цифровой форме и, имеет следующую структуру и содержание:

1) структура электронного билета:

– электронный полетный купон (в зависимости от количества рейсов число электронных полетных купонов может составлять от 1 до 4); электронный контрольный купон; электронный агентский купон; маршрут/квитанция.

– Наличие электронного полетного купона и маршрут/квитанции является обязательным;

2) содержание электронного билета:

а) электронный полетный, электронный контрольный и электронный агентский купоны электронного билета содержат следующую

обязательную информацию о перевозке пассажира и багажа:

– наименование и (или) код перевозчика;

– номер рейса; дату отправления рейса;

– наименование и (или) коды пунктов/аэропортов отправления и назначения для каждого рейса;

– время отправления рейса;

– код класса бронирования; код статуса бронирования;

б) маршрут/квитанция электронного билета включает следующую информацию о перевозке пассажира и багажа:

¹⁰ Бордунов В. Д, Елисеев Б. П. О концепции совершенствования российского воздушного кодекса. // Транспортное право. 2008. №3.- С. 5.

¹¹ Федеральный закон от 27.12.2002. №184-ФЗ (ред. от 01.12.2007 г.) «О техническом регулировании» // Собрание законодательства РФ. 2002. №54. Ст.5140.

¹²Машин В. В. Форма договора воздушной перевозки пассажира. // Договорное право. 2008. №9.-С. 2.

– сведения о пассажире (для внутренних перевозок – фамилия, имя, отчество, наименование, серия и номер документа, удостоверяющего личность; для международных перевозок – фамилия, другие сведения, предусмотренные международными нормами);

- наименование и (или) код перевозчика;
- номер рейса;
- дата отправления рейса;
- время отправления рейса;
- наименование и (или) коды аэропортов/пунктов отправления и назначения для каждого рейса;
- тариф;
- эквивалент тарифа (если применяется);

Итоговая стоимость перевозки;

- форма оплаты;
- сборы (если применяются);
- наименование и (или) код класса бронирования;
- код статуса бронирования;
- дата оформления;
- наименование агентства/перевозчика, оформившего билет;
- норма бесплатного провоза багажа (по усмотрению);
- уникальный номер электронного билета. Маршрут/квитанция оформляется и выдается обязательно;

в) электронный полетный купон, электронный контрольный купон, электронный агентский купон, маршрут/квитанция электронного билета могут содержать другую дополнительную информацию об условиях перевозки или особенностях обслуживания пассажиров и багажа. Электронный полетный купон электронного билета отражает следующие статусы:

- открыт для использования; аэропортовый контроль; прошел регистрацию; обмен/переоформление; использован для перевозки/ использован; перевозка не по расписанию; посадка на борт пассажира произведена; только для информации; распечатан; произведен возврат; приостановлен; недоступен для использования; аннулирован; обмен при распечатке; закрыт.¹³

Статус электронного полетного купона может отражать другую дополнительную информацию о его состоянии и применении.

При выдаче пассажиру электронного билета договор воздушной перевозки считается заключенным так же, как и при выдаче пассажиру бумажного билета.

Содержание договора воздушной перевозки при выдаче пассажиру электронного билета полностью соответствует содержанию договора воздушной перевозки при выдаче пассажиру бумажного билета.

Заключение договора воздушной перевозки пассажира путем приобретения бумажного билета в кассах перевозчика или у агента нам примерно понятно и ясно, т.к. мы опираясь на собственный жизненный опыт, хорошо это представляем.

Рассмотрим заключение договора воздушной перевозки с электронным билетом.

1. Во-первых, пассажир обращается к перевозчику или агенту перевозчика непосредственно или посредством телефона или Интернета.

2. Во-вторых, перевозчик или агент перевозчика выясняют наличие свободных мест на воздушном судне и сообщает об этом пассажиру.

3. В-третьих, перевозчик или агент перевозчика разъясняют пассажиру условия договора воздушной перевозки пассажира и при согласии пассажира с условиями договора воздушной перевозки пассажир вносит плату согласно тарифу за услугу воздушной перевозки. После чего получает электронный билет, что по сути своей является записью в реестре перевозочных документов перевозчика.

¹³ Приказ Минтранса РФ от 08.11.2006 г. №134 «Об установлении формы электронного пассажирского билета и багажной квитанции в гражданской авиации» // Российская газета. №22. 02.02.2007.

Подчеркнем, что в прошлом и настоящем международное право, национальное право и обычаи делового оборота определяют и признают традиционный бумажный билет как перевозочный документ, удостоверяющий факт заключения договора международной воздушной перевозки. Электронные билеты также должны быть признаны и узаконены в качестве перевозочных документов. Главные трудности внедрения новой формы перевозочной документации лежат не в технической, а в юридической плоскости.

Предварительный мониторинг российского законодательства, регулирующего применение авиабилетов и багажных идентификационных бирок, показывает, что для обеспечения перехода к электронным билетам необходимо будет дополнить действующее законодательство новыми положениями. При этом следует учитывать, что на данном этапе переход к новой перевозочной документации касается только международных воздушных перевозок, а не внутренних. Это обстоятельство позволяет не трогать действующее законодательство, регулирующее внутренние перевозки, и целиком и полностью сосредоточиться на внесении новых изменений, дополняющих законы в соответствии с требованиями Монреальской конвенции.¹⁴

Необходимо заметить, что российским перевозчикам целесообразно взять инициативу в свои руки и воспользоваться п. 2 ст. 102 ВК РФ, разрешающим перевозчикам "устанавливать свои правила воздушных перевозок", и принять свои корпоративные правила международных воздушных перевозок. Мало того, что такие правила будут максимально приближены к современным реалиям международного воздушного транспорта, де-факто российские перевозчики могут считаться с требованиями Монреальской конвенции в отношении перевозочных документов пассажиров и багажа и работать по ним в международном секторе продаж и бронирования авиабилетов. Большую помощь в ускорении перехода к электронным билетам может сыграть принятие Правительством России постановления о начале работ по ратификации Монреальской конвенции.¹⁵

Таким образом, электронный авиабилет – это очень удобно, и не только в способе заказа, но и в его использовании. Такой вид билета, обладает рядом преимуществ, наверное, именно поэтому, его популярность растет так быстро и стремительно.

Список литературы

1. Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (заключена в г. Монреале 28.05.1999г.) // СПС «Консультант Плюс».
2. Мошковиц М., Завойкина Н., Терешко Ю. Виртуальный билет. // Право. 2007. №6.
3. Приказ Минтранса РФ от 08.11.2006 N 134 "Об установлении формы электронного пассажирского билета и багажной квитанции в гражданской авиации" // "Российская газета", N 22, 02.02.2007.
4. Федеральный закон от 01.12.2007 г. №314 «О внесении изменений в статью 105 воздушного кодекса РФ» // Собрание законодательства РФ. 2007. №49. Ст.6075.
5. Воздушный кодекс РФ от 19.03.1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 18.07.2009 г.) // Собрание законодательства РФ. 24.03.1997. №12. Ст. 1383.
6. Мосашвили В. В. Правовые аспекты внедрения и использования электронного билета Российскими авиаперевозчиками. // Право. 2007. №6.
7. Беляева Н. А. Продажа билетов через Интернет. // Транспортное право. 2005. №4.
8. Бордунов В. Д., Елисеев Б. П. Электронный билет – новая форма заключения договора международной воздушной перевозки. // Журнал российского права. 2006. №4.
9. Свит Ю. П. Защита прав потребителей при оказании транспортных услуг. // «Законы России: опыт, анализ, практика». 2007. №2.
10. Бордунов В. Д., Елисеев Б. П. О концепции совершенствования российского воздушного кодекса. // Транспортное право. 2008. №3.
11. Федеральный закон от 27.12.2002. №184-ФЗ (ред. от 01.12.2007 г.) «О техническом регулировании» // Собрание законодательства РФ. 2002. №54. Ст.5140.
12. Машин В. В. Форма договора воздушной перевозки пассажира. // Договорное право. 2008. №9.

¹⁴ Бордунов В. Д., Елисеев Б. П. Электронный билет – новая форма заключения договора международной воздушной перевозки. // Журнал российского права. 2006. №4.-С. 6.

¹⁵ Воздушный кодекс РФ от 19.03.1997 г. №60-ФЗ (ред. от 14.07.2008 г.) // Собрание законодательства РФ. 1997. №12. Ст.1383.

ELECTRONIC TICKET AS THE CONTRACT FORM OF THE AIR TRANSPORTATION OF THE PASSENGER

O. S. STREBKOVA

Belgorod State University

e-mail strebkova@bsu.edu.ru

The article is aimed at the new form of the contract of air transportation of the passengers, the electronic ticket. The essence of the electronic ticket and its possibility, unlike paper forms is considered. Advantages of use of technology of the electronic ticket both to the passenger, and to airlines (carrier) are defined.

Key words: contract of air transportation, electronic ticket.

УДК 343.359.2

КОРРУПЦИЯ КАК АТТРИБУТИВНЫЙ ПРИЗНАК ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ*

Е. Е. ТОНКОВ*Белгородский
государственный
университет**e-mail: etonkov@bsu.edu.ru*

В статье автор приводит аргументы, свидетельствующие о том, что при фактическом отсутствии в России открытости, подотчетности и подконтрольности государственной власти коррупция, являясь совокупным продуктом ее монополизации, неизбежно ведет к авторитаризму и олигархии.

Ключевые слова: государство; коррупция; кризис; власть; криминализация; реформы; легализация.

Национальный план противодействия коррупции, утвержденный Президентом РФ 31 июля 2008 г. за № Пр-1568, в качестве одной из главных мер называет законодательное развитие механизма предупреждения коррупции и разрешения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе. В преамбуле плана подчеркивается, что коррупция, являясь неизбежным следствием избыточного администрирования со стороны государства, по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности национальной экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации¹.

На это направлен и Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Законом устанавливаются основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений². Субъектами РФ принимаются долгосрочные программы противодействия коррупции, на различных уровнях органов государственной власти создаются консультативные и организационные структуры, различные общественные комитеты и комиссии.

Вместе с тем, данный механизм не является абсолютно новым и, в первую очередь, потому, что понятие «коррупция» известно в России уже длительное время. Коррупция сопровождает цивилизованное общество на всем пути его развития и тесно связана с проблемой осуществления управления государством. Особое место занимает проблема коррупции органов государственной власти, которая уходит своими корнями в глубину российской истории.

Конкретные проявления коррупции полицейского аппарата России нашли отражение в трудах профессора петербургской духовной академии Д.И. Ростиславова. В журнале «Русская старина» за май 1880 года он приводит факты сговора преступных групп и полицейских властей, отмечая, что в XVIII-XIX вв. полиция, «получая от воров и разбойников хорошие подарки, любила им покровительствовать, поэтому потихоньку давала им возможность убежать даже из острогов или не преследовала их надлежащим образом, а сама между тем уведомяла их о тех, кто на них доносил».

Последующие годы развития Российской империи стали не только периодом совершенствования и укрепления разветвленного полицейского и чиновно-бюрократического аппарата, но одновременно и важнейшим этапом становления отечественной коррупции.

* Настоящее исследование выполнено при поддержке ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009-2013 годы (государственный контракт №16.740.11.0106 от 02.09.2010 г.)

¹ См.: Национальный план противодействия коррупции: утв. Президентом РФ 31 июля 2008 г. № Пр-1568 // Рос. газета. – 2008. – 5 августа.

² См.: О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Рос. газета. – 2008. – 30 декабря.

Традиции прошлых поколений получили такое мощное воплощение в современной России, возникшей на обломках тоталитаризма, что коррупция государственной власти пристально изучается не только национальной правовой наукой, но и юриспруденцией мирового сообщества. Деловые круги Запада и представляющие их интересы государственные структуры проявляют заметную обеспокоенность по поводу возможности осуществлять в нашей стране цивилизованную экономическую политику, нормально развивать бизнес, заниматься инвестированием на постсоветском пространстве.

На государственном уровне предупреждение и пресечение коррупции было названо приоритетной задачей еще в Указе Президента России от 4 апреля 1992 года «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы»³, но многие положения данного документа так и остались не востребуемыми. Между тем, только дееспособный и эффективный аппарат исполнительной власти способен обеспечить успешную реализацию государственной политики.

К особенностям кризисного периода относится формирование прочной системы коррумпированных связей, позволяющих безнаказанно осуществлять финансово значимые незаконные операции в сфере экономики, своевременно располагать достоверной информацией из правительственных кругов о прогнозируемой конъюнктуре, избегать правового воздействия со стороны фискальных органов.

Результаты некоторых исследований показывают, что прямые потери от коррупционной деятельности составляют от 15 до 24 % годового российского бюджета⁴.

По справедливому замечанию А.В. Куракина, «безответственность и безнаказанность больше всего способствуют разрастанию и укреплению коррупции в системе государственной службы нашей страны»⁵.

Характерно, что Международный кодекс поведения государственных должностных лиц был принят еще в 1996 году. Именно в нем рассматривается понятие коллизии интересов и отмечается, что «в случае возможной или предполагаемой коллизии между обязанностями и частными интересами государственных должностных лиц, они действуют сообразно с мерами, установленными для того, чтобы уменьшить или устранить такую коллизию интересов»⁶.

Т.В. Григорова приводит убедительные факты и аналитические данные о гигантских масштабах и социальных последствиях коррупции как союза организованных преступных групп и представителей государства, подчеркивая, что «чем шире распространяется коррупция, тем изощреннее становятся связи официальных должностных лиц с преступными структурами»⁷.

Метаастазы коррупции интенсивно проникают в экономику государства. При фактическом отсутствии в России открытости, подотчетности и подконтрольности коррупции, являясь совокупным продуктом монополизации государственной власти, неизбежно ведет к авторитаризму и олигархии.

Коррупционный механизм представляет реальную угрозу правам и свободам личности в обществе, блокируя основные конституционные права граждан интересами преступных формирований путем лоббирования, протекционизма, а нередко – и прямого насилия.

При отсутствии полноценной законодательной базы и уверенности в правовой защите обыватель вынужден вести себя по правилам, определяемым коррумпированными чиновниками. В общество уже проник вирус философии преступного мира, инфицируя социально-психологический климат и сознание социума.

³ О борьбе с коррупцией в системе государственной службы: Указ Президента Российской Федерации от 4 апреля 1992 года // Ведомости Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 17. – Ст. 923.

⁴ Соловьев К.С. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с коррупцией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 10.

⁵ Куракин А.В. Административно-правовые средства борьбы с коррупцией в системе государственной службы // Журнал российского права. – 2003. – № 7. – С. 89.

⁶ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 51/59 «Борьба с коррупцией» от 12 декабря 1996 г./ Международные избирательные стандарты. Сборник документов. – М., 2004. – С. 129.

⁷ Григорова Т.В. Коррупция в России: сущность, причины возникновения и социально-экономические последствия. – Новосибирск, 1999. – С. 15.

Состояние криминализации государственного аппарата российского общества сегодня вызывает тревогу даже у тех, кто сам тем или иным образом причастен к созданию преступного механизма, запущенного легковесными манипуляциями с рыночными реформами. Размытость правосознания элитарных гангстеров и полное отсутствие какого-либо социального контроля за их деяниями инициирует не только катализацию безответственности, но и одновременно заканчивает разрушать остатки государственных устоев.

По достаточно резкому, но точному выражению О.Н. Петюковой, «провозглашенные в качестве высшей ценности права и свободы человека вне его юридической и нравственной ответственности на практике оборачиваются свободой произвола и беззакония, а свобода совести выступает как *свобода от совести*»⁸.

Опытно-экспериментальное преодоление кризиса в российском обществе инициирует возрастающее в геометрической прогрессии хаотическое усложнение социального устройства, невиданный ранее рост структурной и функциональной дифференциации, институциональную неразбериху. Все это происходит на фоне значительного усиления влияния коррупции на социально-политическую и экономическую ситуацию в обществе, что обуславливает ее дальнейшее обострение в условиях кризиса.

По словам А.И. Бастрыкина, «экономические преступники подрывают экономические основы государства, без которых оно существовать не может»⁹.

Проблема необходимости преодоления негативных тенденций и выхода из полосы перманентной нестабильности требует незамедлительного решения и, в первую очередь, путем интеграции различных государственных и общественных структур в процессе противодействия экономической преступности.

По разделяемому нами мнению И.А. Барцица, «коррупция стала неотъемлемым системным элементом государственного управления»¹⁰.

Являясь **атрибутивным признаком государственной власти**, непременным спутником процесса государственного управления, коррупция развивается по спирали, начиная от мелкого клерка в районной администрации и заканчивая высокопоставленными чинами регионального или федерального правительства. Однако при всех различиях в должностном положении коррупционеров и величине получаемых ими преступных доходов неизменно соблюдается единый принцип, заключающийся в том, что немногочисленная группа лиц обогащается за счет большей части населения.

Социальная дифференциация российского общества уже перешагнула порог, за которым в его верхних и нижних слоях начинают формироваться взаимоисключающие интересы.

Заместитель Генерального прокурора РФ А.Э. Буксман отмечает, что объем рынка коррупции в нашей стране сопоставим по доходам с федеральным бюджетом и оценивается примерно в 240 млрд. долларов¹¹.

В такой ситуации, развивающейся на фоне укрепления вертикали федеральной власти, тотального контроля экономического пространства и восстановления централизованной государственной системы управления, организованные преступные формирования, которые, судя по доблестным отчетам правоохранителей, якобы, ликвидированы, получили возможность фактически легально контролировать целые регионы.

В известном смысле именно неумелая (или, напротив, хорошо запрограммированная) внутренняя политика государства создает необходимые условия для возникновения и развития коррупции. В результате коррумпированные представители государственного аппарата и организованная преступность извлекают обоюдную выгоду из своеобразного совместного предприятия.

Вот почему нередко **правоохранительные структуры воюют с коррупцией в тех рамках, в которых их правоприменительная деятельность не затрагивает собственные противозаконные интересы.**

⁸ Петюкова О.Н. Правовое содержание религиозной свободы в России: опыт, проблемы, тенденции // Государство и право. – 2009. – № 4. – С. 22.

⁹ Бастрыкин А.И. Мы говорим на языке закона // Закон. – 2009. – № 1. – С. 14.

¹⁰ Барциц И.Н. Критерии эффективности государственного управления и глобальное управленческое пространство // Государство и право. – 2009. – № 3. – С. 16.

¹¹ См.: Буксман А.Э. Ни дать, ни взять // Рос. газета. – 2006. – 7 ноября.

Рассматривая гносеологическую сущность понятия «коррупция», мы полагаем возможным подразумевать в качестве ее системообразующего признака сложную совокупность преступных формирований, характеризующуюся созданием и использованием собственных структур с управленческими и исполнительскими функциями, дающими возможность не только оказывать мощное воздействие на институты власти, но и непосредственно проникать в них. Анализируемая совокупность является не арифметическим множеством независимых и хаотически возникающих преступных группировок, а упорядоченной системой, в которую вовлечена определенная часть населения региона и, прежде всего, предпринимателей, ставших фактическими донорами коррупции.

Вопреки официально декларируемой точке зрения, мы вынуждены констатировать наличие достаточно развитой региональной субкультуры, исповедующей образцы поведения, противоположные доминирующей культуре общества, и претендующей на право диктовать свою волю большинству граждан.

Это осуществляется постепенно, путем создания благоприятных условий ведения торговой и промышленной деятельности тем предприятиям, которые находятся в сфере финансовых интересов коррупционеров. Необходимым условием существования коррупции является наличие стабильных источников противоправного обогащения. В целях реализации данной задачи «мозговые центры» нечестных чиновников постоянно анализируют экономическую ситуацию в регионах для поиска новых каналов финансирования.

Экономические потери от коррупции гораздо шире и глубже, чем просто суммарная величина взяток должностным лицам. При этом общий объем собираемых взяток приравнивается специалистами к половине доходной части бюджета страны. По мнению ряда авторов, коррупция превратилась в своего рода рынок теневых услуг, на котором особенно активно действуют коррупционные сети – группы коррупционеров, объединенных на долгосрочной основе для извлечения корыстной выгоды из своего положения¹².

Существенно видоизменяются направления деятельности коррупционеров. В своем большинстве они уже не связаны с преступным миром, что было характерно еще десятилетие назад. Наиболее предпочтительным направлением является скупка контрольных пакетов акций доходных предприятий региона и включение в совет директоров родственников или близких знакомых. Современной коррупции свойственно значительное повышение экономической активности, увеличение удельного веса и укрепление собственных позиций в металлургической и горно-добывающей промышленности, топливно-энергетическом комплексе, кредитно-банковской системе. Экономическая целевая функция коррупции стала доминирующей, в связи с чем сегодня нет коррумпированных чиновников, которые бы не рассматривали в качестве первоочередной задачи извлечение преступного дохода.

Не менее значимой особенностью развития региональной коррупции является усиление ее воздействия на политическую ситуацию в провинциальном обществе.

Активно участвуя в избирательных кампаниях и щедро финансируя высокоэффективные избирательные технологии, коррумпированные чиновники начинают приобретать квалифицированное большинство в местных советах и законодательных собраниях, что позволяет им лоббировать и проводить в жизнь любые региональные законы и постановления, способствующие приоритетному развитию подконтрольных им хозяйственных сфер. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать составы многих региональных парламентов – большинство депутатских кресел заняты чиновниками или представителями бизнес-элиты.

По справедливому замечанию Л. Гаухмана, «принятие законов, выгодных и удобных коррумпированным должностным лицам и коррумпированной бюрократии в целом, может быть вызвано различными причинами, о которых можно лишь строить догадки»¹³.

¹² Сатаров Г.А., Батракова Е.В., Головщинский К.И. Антикоррупционная политика. – М.: РА «СПАС», 2004. – 368 с.

¹³ Гаухман Л. Коррупция и коррупционное преступление. – Законность. – 2000. – №6. – С.5.

Очевидно, что одним из ведущих факторов при этом выступает сознательная и целенаправленная **легализация коррупции**, обусловленная корыстной или личной заинтересованностью представителей законодательной власти. В результате создаются политизированные коррупциогенные формирования, использующие в корыстных целях участие своих представителей в реализации государственных экономических программ, изымая при этом значительную часть прибыли крупных промышленных и перерабатывающих предприятий и оказывая влияние путем политического давления или насилия на распределение материальных и финансовых ресурсов. Тем самым подконтрольные им предприятия приобретают лидирующие позиции в экономике.

Сегодня уже нельзя отрицать тот факт, что коррупция стала важной составной частью современной действительности, фактическим атрибутом государственного управления. Хотя и в средние века человек знал, что такое беспредел чиновника, ему была неведома та коррупция, которая присуща цивилизованному обществу. С развитием и усложнением общественных отношений умножаются виды социального контроля и соответственно совершенствуется коррупция.

В Концепции реформирования системы государственной службы, утвержденной Президентом РФ 15 августа 2001 г., было предусмотрено формирование механизмов преодоления конфликта интересов, когда у государственных служащих возникает личная или групповая заинтересованность в достижении определенной цели, которая влияет или может повлиять на объективное и беспристрастное рассмотрение вопросов при исполнении ими своих обязанностей. Таким образом, фактически было зафиксировано существующее нередко противоречие между частными интересами государственного служащего и его должностными обязанностями.

Отсутствие сдерживающих факторов и организация борьбы с коррупцией на уровне деклараций способствуют еще большему ее распространению, порождая в обществе правовой нигилизм. В победных реляциях правоохранителей, переполняющих угодливые средства массовой информации, чаще всего фигурируют врачи, получившие незаконное вознаграждение за выдачу фиктивного листка нетрудоспособности, или незадачливые преподаватели, взимавшие деньги со студентов под видом репетиторства.

Безусловно, эти факты мздоимства подлежат осуждению, но неужели на них должна быть направлена вся мощь многочисленных карающих органов под президентским флагом национального плана противодействия коррупции?

Уровень преступности, как известно, директивами и приказами не снижается. Вот почему степень эффективности борьбы с коррупцией целесообразно определять не количественным анализом массива совершенных преступлений, а интенсивностью и качеством их выявления, привлечением к ответственности организаторов преступлений, крупных дельцов и чиновников, а не мелких служащих, являющихся во многом жертвами просчетов в социальной политике государства.

Между тем, рецепт эффективной борьбы с коррупцией давно известен – создание в государстве условий для реальной политической конкуренции, обеспечение доступа граждан к правосудию и свобода средств массовой информации.

К сожалению, нашему государству пока достаточно сложно дается освоение этих нехитрых правил, давно принятых в большинстве цивилизованных стран. Вместе с тем, до сих пор ни одно общество не достигло идеала верховенства права. Для этого не просто необходимо, чтобы в распоряжении общества имелись совершенные законы, но и чтобы государственные органы последовательно руководствовались ими в своей работе.

Как справедливо подчеркивает Т.А. Эндикотт, достижению верховенства права, в первую очередь, может помешать нарушение норм закона должностными лицами¹⁴.

В работах некоторых ученых нередко встречается термин «экономизация» преступности, когда причину ее всплеска в России видят исключительно в экономике – в дефектах приватизации, в продолжающемся перераспределении бывшей общественной собственности, в ошибках экономической политики государства, которая, якобы, и толкает людей на преступления.

¹⁴ См.: Endicott T.A. Impossibility of the rule of law // Oxford j. of legal studies. – 1999. – Vol. 19, № 2. – P. 312-330.

Действительно, экономические факторы в коррупции играют огромную роль. Но криминализация страны является результатом действия не какой-то одной группы факторов, а их целостной системы, охватывающей практически все сферы общества. Являясь «разработчиком» криминогенной экономической политики, государство в какой-то момент утратило возможность выполнять свою основную функцию в условиях реформы – служить надежным барьером против криминализации. Оно оказалось чересчур слабым для того, чтобы справиться с джином, которого выпустило из бутылки, спровоцировало возникновение бедности и социального дна.

Цена российских рыночных реформ – это регресс многих социально-гражданских ценностей, деформация социальных отношений, а значит – не приближение, а удаление от модели гражданского общества.

Следует подчеркнуть опасность возрастающего влияния в обществе в период кризисной ситуации субкультуры преступного поведения. Общение с представителями преступного мира приводит к принятию их норм, ценностей, что соответственно ведет к девиантному поведению. Здесь кроется одна из причин тех опасных коллизий, которые сопровождают развитие российской правоохранительной системы.

Как отмечает В.В. Лунеев, «мы имеем самую низкую эффективность деятельности милиции (полиции). И никто знать об этом не желает и не дает разобраться в этом ученым»¹⁵.

Важнейшей особенностью развития правоохранительных ведомств, о которой их руководители стараются не упоминать, является должностное взаимодействие сотрудников с криминальной средой, что не только налагает ответственность на носителей властных полномочий, но и в значительной степени подвергает разрушающему влиянию нравственно-правовое сознание.

Недооценка этой проблемы, ее игнорирование, замалчивание или неловкие попытки закамouflировать реальное положение дел в угоду, якобы, общенациональным интересам, могут привести к негативным последствиям, обусловленным преступным поведением отдельных сотрудников правоохранительных структур.

По данным А. А. Сергеева, «до трети должностных преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов, связаны с использованием служебного положения в корыстных целях, в том числе с содействием криминальным структурам»¹⁶.

Он утверждает, что «некоторые сотрудники органов внутренних дел находятся у мафии на постоянном обеспечении», причем «нередко для сотрудников правоохранительных органов отказ сотрудничать связан с риском для жизни»¹⁷.

Анализ практики свидетельствует, что преступные группировки нуждаются, в основном, в оказании им сотрудниками правоохранительных органов двух видов услуг: во-первых, отведении от членов преступных группировок мер, преследующих цели привлечения их к уголовной ответственности; во-вторых, получение информации о мерах, принимаемых следственными органами и оперативными аппаратами.

Как отмечает А.И. Бастрыкин, за год с небольшим привлечено к уголовной ответственности уже 20 следователей Следственного комитета РФ при прокуратуре, из них 8 – за преступления коррупционной направленности. По его мнению, «это люди, которые не смогли выдержать серьезных искушений. С одной стороны, власть колоссальная, с другой, – современные финансовые возможности преступного мира таковы, что человеку бывает достаточно только обозначить его цену»¹⁸.

В условиях кризисной ситуации криминалитет всегда активизирует свое влияние на правоохранительную систему, для чего расходуются значительные финансовые ресурсы, применяются различные методы, начиная от подкупа и до открытого или завуалированного шантажа.

¹⁵ Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 54.

¹⁶ Сергеев А. А. Условия распространения коррупции в правоохранительных органах и некоторые меры по их устранению // Правовые, научные и организационно-тактические проблемы оперативно-розыскной деятельности в современных условиях: Тезисы докладов и сообщений на научно-практической конференции. – М., 1997. – С.122.

¹⁷ Сергеев А. А. Там же. – С.122.

¹⁸ Бастрыкин А.Н. Мы говорим на языке закона // Закон. – 2009. – № 1. – С. 11.

Как считает С.А. Дьячковский, вследствие этого «низкие результаты противодействия коррупции, изобличения коррумпированных должностных лиц, а также противодействия незаконному обороту наркотических средств и наркобизнесу не могут удовлетворить ни государство, ни общество»¹⁹.

Общий уровень скрываемых правоохранительными органами преступлений оценивается в пределах 30% и более от заявленных, что подтверждают результаты нашего исследования, выполненного в рамках международного проекта «Доверие милиции и латентная преступность»²⁰.

Причин и поводов к фальсифицированному учету много:

- ✓ ложная демонстрация милицией и другими правоохранительными органами своей способности контролировать преступность;
- ✓ неспособность этих органов справиться с растущей преступностью;
- ✓ уклонение от трудно раскрываемых уголовных дел;
- ✓ кадровая и техническая неукомплектованность правоохранительной системы;
- ✓ слабая профессиональная подготовка сотрудников;
- ✓ широко распространенные злоупотребления и коррупция во властных структурах и др.

Традиционный криминологический анализ рассматривает три параметра усиления криминализации общественных отношений и развития коррупции. Как правило, они включают экономических преступников и их капиталы, представителей государственной номенклатуры, связанных с теневыми доходами, а также профессиональную общеуголовную преступность.

На наш взгляд, не меньшую значимость представляет личность сотрудника правоохранительного ведомства, от моральной и деловой репутации которого зависит в конечном счете реализация любых, пусть даже самых успешных законодательных актов и национальных планов противодействия коррупции. Приведем лишь некоторые примеры, характеризующие общее состояние отдельных правоохранительных органов.

Значительный общественный резонанс получили шокировавшие обывателей преступные действия майора милиции, возглавлявшего ОВД «Царицыно», который в апреле 2009 г. устроил расстрел беззащитных и ни в чем не повинных граждан в московском супермаркете.

В мае 2009 г. был взят под стражу начальник склада вооружения московского ОМОНа, обвиняемый в сбыте боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, среди которых осколочные гранаты, боевые запалы, патроны и т. д.²¹

М.В. Костенников и А.В. Куракин среди основных причин масштабной коррупции в системе государственной службы называют непоследовательность административных преобразований; бессмысленное, непрерывное реформирование государственной службы; низкий профессиональный уровень многих (в том числе высокопоставленных) государственных служащих; отсутствие четких границ персональной ответственности государственных служащих; неэффективность использования административных процедур, обусловленных режимом прохождения государственной службы²².

Вероятно, что эти причины определены авторами верно, однако, на наш взгляд, они не имеют решающего значения. Если бы все было так просто, то с коррупцией действительно можно было бы покончить за 1 месяц, как это намеревался сделать в органах внутренних дел Р.Г. Нургалиев.

На самом деле, искаженный характер развития рыночных отношений не только обусловил очевидную криминализацию общества, но и очевидный регресс нравственно-духовной среды, сопровождаемый процветающим правовым нигилизмом.

¹⁹ Дьячковский С.А. Состояние криминальной ситуации в России. Проблемы противодействия преступности // Закон и право. – 2004 – №3. – С.14.

²⁰ См.: Доверие населения милиции и латентная преступность. – Харьков: Финарт, 2002. – С. 215-270.

²¹ См.: Известия. – 2009. – 26 мая.

²² См.: Костенников М.В., Куракин А.В. Административно-правовые средства противодействия коррупции в системе государственной службы Российской Федерации // Государство и право. – 2009. – № 12. – С.16.

Приоритетная ценностная ориентация на богатство, не подкрепленная взвешенной и выверенной идеологией, привела к таким перекосам в общественном сознании, что самыми популярными образами стали физиономии бандитов и лавочников.

Идеалы личного обогащения фактически официально утвердились в качестве общего мерил ценности, постепенно окрашивая собой всю общественную психологию. Персональный успех в достижении материального благополучия рассматривается как высшее благо. При этом социально значимыми оказываются не собственно человеческие качества, а результат их использования в конкурентной борьбе.

Обеспеченность и власть в средствах массовой информации представляются основными символами, своеобразным свидетельством приспособленности человека к новому общественному порядку.

Для современного общества в России характерны возникшие под влиянием коррупции и бюрократического произвола многочисленные маргинальные слои, причем ситуация усугубляется значительной территориальной неоднородностью населения. Жизнедеятельности цивилизованного общества противоправное поведение сотрудников властных структур угрожает не менее чем функционирование бандитских формирований.

Криминализация России стала своеобразной «платой за свободу», следствием глобального «социального аутсайдерства», когда многие люди оказываются вне существующего общества, выталкиваются из него. Это происходит в результате дефектности социализации, которая приобрела стихийный, неуправляемый характер. Российское общество фактически утратило систему социального контроля над процессом становления подрастающего поколения, многие традиционные институты социализации, такие как семья, школа, детские и молодежные организации теряют свое значение, а на смену им, кроме горьковских университетов «улицы», ничего не пришло. Развешивание властями на улицах дорогостоящих билл-бордов с призывами не сквернословить и не брать взятки, кроме сожаления, других чувств не вызывают.

Особое внимание привлекает явление настойчивых попыток маргинальных слоев навязать свою волю и образ мышления большой референтной группе, сделать ее подчиненной и превратить свою антиобщественную среду в доминирующую. Понятно, что только усилиями правоохранительных органов невозможно предотвратить подобную угрозу.

Инфицированная коррупциогенным вирусом система не заинтересована показывать реальное состояние заболевания, поскольку это влечет негативные последствия для ее существования. В результате возникает парадоксальная ситуация, когда массовая коррупция, укрытие преступлений от учета, произвольное манипулирование статистикой составляют положительные факторы для органов государственной власти, выстраивают фундамент для иллюзорного движения вперед по пути укрепления безопасности и правопорядка.

Следует согласиться с О.Э. Лейстом, что авторитетность права зависит прежде всего от политико-правового режима, т.е. от отношения к праву лиц, облеченных властью, а также от его справедливости, эффективности и стабильности²³.

Узкий диапазон осознания исключительно репрессивного значения функций правоохранительных органов инициирует прогрессирующий рост их отчужденности от общества. Проблема заключается в непонимании большей части населения того, что органы правопорядка не определяют состояние правоотношений и уровня преступности.

Правовая ситуация определяется не только, и не столько уровнем профессионализма и добросовестностью сотрудников правоохранительных ведомств, но в первую очередь уровнем развития общества, материальным благополучием граждан, их нормативной и ценностной культурой.

Нарушение законов, несоблюдение элементарных прав и свобод человека, массовый произвол должностных лиц, коррупция, рост преступности свидетельствуют о низкой правовой культуре всего российского общества.

²³ См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало, 2002. – С. 65.

Следует понимать, что «баланс между объективными и субъективными основаниями криминализации сложен и во многом зависит от расстановки политических сил в стране»²⁴.

Эффективность данного процесса во многом подвержена влиянию факторов, находящихся в сфере правореализации, к числу которых относится фактическая обеспеченность правовых предписаний материальными и организационными ресурсами, в том числе и качественным выполнением своих обязанностей правоприменительными органами.

Характер взаимоотношений между государственными органами и населением представляет собой один из значимых индикаторов социально-политической ситуации в стране. Незаконные действия сотрудников органов государственной власти в отношении прав и свобод личности или даже пренебрежительное отношение воспринимаются гражданами очень остро и болезненно.

Проблемой выступает и то, что подчас государство не только неэффективно выполняет свои функции, но и само нарушает права граждан. Факты беззакония в деятельности властных структур опасны не только тем, что причиняют непосредственный вред конкретному лицу, но и порождают правовой нигилизм общества.

В этом невольно усматривается поворот России от гражданского общества к историческим теням самодержавного прошлого, когда еще А.И. Герцен, подчеркивая правовую необеспеченность русского народа и полное отсутствие равенства перед судом, писал: «Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство»²⁵.

Люди утратили уверенность в своей защищенности государством. Рассогласование взаимодействия граждан и государства, являющееся итогом ошибочной, ориентированной на параметры государственной самооценки внутренней политики, находит свое выражение в смирении с коррупцией, колеблющемся поведении законопослушных граждан, в их реакции на ставшее привычным мздоимство чиновников, в негативных оценках способности государства обеспечить общественную безопасность, навести порядок не только в стране, но и во власти.

Список литературы

1. Барциц И.Н. Критерии эффективности государственного управления и глобальное управленческое пространство // Государство и право. – 2009. – № 3.
2. Бастрыкин А.Н. Мы говорим на языке закона // Закон. – 2009. – № 1.
3. Буксман А.Э. Ни дать, ни взять // Рос. газета. – 2006. – 7 ноября.
4. Гаухман Л. Коррупция и коррупционное преступление. – Законность. – 2000. – №6.
5. Герцен А.И. Собр. соч. – М., 1998. – Т. 7.
6. Григорова Т.В. Коррупция в России: сущность, причины возникновения и социально-экономические последствия. – Новосибирск, 1999.
7. Доверие населения милиции и латентная преступность. – Харьков: Финарт, 2002.
8. Дьячковский С.А. Состояние криминальной ситуации в России. Проблемы противодействия преступности // Закон и право. – 2004 – №3.
9. Костенников М.В., Куракин А.В. Административно-правовые средства противодействия коррупции в системе государственной службы Российской Федерации // Государство и право. – 2009. – № 12.
10. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. – 2004. – № 12.
11. Куракин А.В. Административно-правовые средства борьбы с коррупцией в системе государственной службы // Журнал российского права. – 2003. – № 7.
12. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало, 2002.
13. Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. – 2009. – № 1.

²⁴ Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 47.

²⁵ Герцен А.И. Собр. соч. – М., 1998. – Т. 7. – С. 251.

14. Национальный план противодействия коррупции: утв. Президентом РФ 31 июля 2008 г. № Пр-1568 // Рос. газета. – 2008. – 5 августа.
15. О борьбе с коррупцией в системе государственной службы: Указ Президента Российской Федерации от 4 апреля 1992 года // Ведомости Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 17. – Ст. 923.
16. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Рос. газета. – 2008. – 30 декабря.
17. Петюкова О.Н. Правовое содержание религиозной свободы в России: опыт, проблемы, тенденции // Государство и право. – 2009. – № 4.
18. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 51/59 «Борьба с коррупцией» от 12 декабря 1996 г./ Международные избирательные стандарты. Сборник документов. – М., 2004.
19. Сатаров Г.А., Батракова Е.В., Головщинский К.И. Антикоррупционная политика. – М.: РА «СПАС», 2004.
20. Сергеев А. А. Условия распространения коррупции в правоохранительных органах и некоторые меры по их устранению // Правовые, научные и организационно-тактические проблемы оперативно-розыскной деятельности в современных условиях: Тезисы докладов и сообщений на научно-практической конференции. – М., 1997.
21. Соловьев К.С. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с коррупцией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.
22. Endicott T.A. Impossibility of the rule of law // Oxford j. of legal studies. – 1999. – Vol. 19, № 2.

CORRUPTION AS AN ATTRIBUTIVE FEATURE OF STATE POWER IN RUSSIA

E. E. TONKOV

Belgorod State University

e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

The author argues that there is no openness, accountability of state power and there is lack of its supervision in Russia. The corruption as a cumulative product of its monopolization leads to authoritarianism and oligarchy.

Key words: state, corruption, crisis, power, criminalization, reforms, legalization.

УДК 340.153

ТРАКТАТЫ И ДОКТРИНЫ КАК ИСТОЧНИКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

С. Ю. ХАТУНОВ*Ставропольский филиал
Московского гуманитарно-
экономического института**e-mail:
sekazog@mail.ru*

В статье автор исследовал один из источников уголовного права в средние века в Англии – трактаты и доктрины авторитетнейших юристов. Автор на основе анализа средневековых трактатов и доктрин раскрывает их особенности как источников правовых знаний. Основной акцент сделан на трактат Брактона, поскольку историю английского права невозможно представить без этого основополагающего правового источника. В статье обосновывается, что трактаты и доктрины в средневековой Англии имели также и учебные цели.

Ключевые слова: источники уголовного права; трактат, доктрина общего права; Брактон; Гленвиль; общее право; история права Англии.

К источникам уголовного права можно отнести те источники, которые отражают четыре различные правовые традиции всей английской правовой системы, известные под названием «lex et consuetudo»¹. Первым источником был обычай. Сохранение их в числе правовых источников свидетельствует не только о преемственности правовых традиций, но и то, что многие «актуальные вопросы феодальной системы не были однозначно определены законом»². Вторым является судебный прецедент, сформировавший в рамках общего права. Его основой являются предшествующие решения суда, которые создали большинство уголовно-правовых норм. В качестве третьего выступает законодательство в форме ассиз и ордонансов (королевское право), которое существовало в Англии с 60-70-х гг. XI в. до середины XIII в., и парламентское законодательство (статутное право), которое существует с 70-х гг. XIII в. и по сей день, создавшие новые уголовно-правовые нормы как похожие, так и отличные от тех, которые были сформированы общим правом. Наконец, четвертым источником формирования уголовной концепции общего права с конца 70-х – начала 80-х гг. XII в. становятся теоретические работы авторитетнейших королевских судей, пытавшихся с их помощью облегчить работу шерифов, коронеров, королевских судей и юристов, число которых неизменно росло с каждым столетием. Именно об этом четвертом источнике и пойдет речь в этой статье

В английском праве значение судебной практики и авторитет судей, формирующих ее, настолько важны, что сложность их использования в средневековье в качестве источника права порождает еще один источник права: наставления или инструкции правового характера, которые иногда называются профессиональной юридической литературой. «Каждодневное отправление правосудия, – пишет Р. Паунд, обосновывая значимость деятельности юриста для источников права, – вместе с правовыми наставлениями, традиционное мастерство профессии юриста – традиционный способ выбора, развития и применения общепризнанных правовых материалов, традиционная техника поиска оснований для решения в тех материалах и их развитие в судебных решениях – является немаловажным фактором»³. Этот источник права неразрывно связан с таким понятием как «правовая мысль». Различные наставления и инструкции правового характера не только описывали судебную практику и пытались сохранить архаичность правовых норм, но и, прежде всего, вносили свежую струю теоретических новаций в сугубо практическое английское право. В то же время они были необходимы для обучения юристов теории

¹ Allen C.K. Law in the Making. Oxford, 1951. P. 65.

² Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 194.

³ Pound R. Introduction // Winfield P.H. The Chief Source English Legal History. Cambridge, 1925. P. xiv.

принятия решений и для определения вектора правовой политики. В этой связи следует отметить, что подобные теоретические работы в средние века в Англии обладали особой ценностью, так как они «были главными письменными источниками прецедентного права», и поскольку «они носили сугубо частный характер», эта ценность зависела, в первую очередь, от авторитета самого автора⁴.

В англосаксонские времена на издаваемые различными королями законы существенно влияли духовные наставники, которые в своих наставлениях давали советы правового характера главному законодателю королевства – королю⁵. Начиная с X в., для разъяснения прав и обязанностей и того, как следует применять право, появляются различные небольшие по размеру и ограниченные по содержанию правовые трактаты в форме инструкций правоприменителю. «По форме, – пишет профессор Плакнетт, – они состояли из краткого изложения нескольких норм, обычно частных вопросов, которые, в противном случае, могли быть подвержены забвению»⁶. Эти источники являлись не прямыми или косвенными, поскольку не имели прямого действия, пожалуй, за исключением покаянных книг, которые применялись, в основном, в церковных судах. Такими же не прямыми или косвенными источниками права являлись различные грамоты, выдаваемые королем, и церковные источники. Применение подобных источников продолжалось и после нормандского завоевания, хотя в англо-нормандский период наблюдался определенный прогресс. Некоторые положения не прямых источников англосаксонского права вошли в англо-нормандские законы. Одними из таких источников были труды неизвестных авторов – «Законы Эдуарда Исповедника» и «Quadripartitus», которые можно считать правовыми трактатами, поскольку они описывали, в том числе и неизвестные многим старые обычаи. Подобные законы можно называть трактатами, так как они были написаны во времена правления Генриха I и в действительности являются работами неизвестных англо-нормандских авторов, которые, якобы, мысленно обращаясь к прошлому, временам правления Эдуарда Исповедника, записали старое англосаксонское право. Вполне естественно, что в этом документе не было истинных законов Эдуарда Исповедника, поэтому он содержал существовавшие в то время правовые нормы, которые обычно представляли собой смесь англосаксонских и англо-нормандских обычаев.

Административная реформа и другие изменения, которые можно увидеть уже во времена правления Генриха I, не могли не выдвинуть плеяду видных администраторов и чиновников. Поскольку, как правило, административная и судебная реформы проходили почти одновременно, то не удивительно, что большинство судей являлись в период правовой реформы Генриха II основными реформаторами и администраторами. Все события и реформы, происходившие во времена правления Генриха II – это борьба реформаторов, но не нового со старым, а, как писал Р. Гленвиль в своем трактате, за то, чтобы в королевском «суде даже бедный человек не испытывал давление со стороны оппонента, и отсутствовала пристрастность и благосклонность, отгоняющая любого от дверей храма правосудия»⁷. Инструкции короля судьям в виде ассиз и других законодательных актов не могли полностью удовлетворить растущее английское право. Требовалась серьезная правовая доктрина, которая предоставит квалифицированные ответы по наиболее конфликтным и спорным вопросам нового права. Зарождающемуся общему праву остро требовалась ясная правовая доктрина в сфере отправления правосудия, поскольку в XII в. изменения в английском праве были столь революционны, что всем агентам короны, особенно на местах, не всегда удавалось учитывать эти изменения из-за недостатка правовых знаний. Отсутствие правовых знаний породило 45 статью Великой хартии вольностей, которая свидетельствовала, что и в XIII в. сохранялась эта проблема, поскольку от короля требовали «назначать судей, констеблей, шерифов и бэйлифов лишь из тех, кото-

⁴ Власов И.С., Гуценко К.Ф., Решетников Ф.М., Штротмас А.Ю. Уголовное право зарубежных государств. Вып. 1: Источники уголовного права. М., 1971. С. 37.

⁵ Wormald P. The Making of English Law: King Alfred to Twelfth Century. Vol. 1: Legislation and its Limits. Oxford, 2001. P. 333-335.

⁶ Plucknett T.F.T. A Concise History of the Common Law. London, 1956. P. 255.

⁷ Трактат о законах и обычаях королевства Английского, который называется Гленвилевским / Перевод, ред., вступ. ст. С.Ю. Хатунов. Ставрополь: Кн. изд-во, 2002. С. 48.

рые знают закон королевства»⁸. Поэтому уже в XII в. с целью распространения профессиональных знаний, необходимых различным королевским чиновникам, появляются, по крайней мере, два известных нам трактата, помогающих всем королевским агентам приобщиться к тем изменениям, которые были привнесены реформами Генриха II, и получить соответствующие его административной деятельности знания. Один из этих трактатов «Диалоги о казначействе» Ричарда ФицНайджела был написан приблизительно в 1178 г. и описывал работу казначейства и финансовой системы, а также обязанности лиц, которые работали в финансовом ведомстве средневековой Англии. В этом трактате описаны порядок и способ конфискации имущества уголовных преступников и передачи конфискованного имущества королевской казне, а также указан чиновник, несущий ответственность за это имущество перед королем до передачи его в казну⁹. Несмотря на то, что существовал суд казначейства, а бароны казначейства являлись королевскими судьями, тем не менее, в трактате практически не обсуждаются правовые вопросы, обычаи и повседневная практика суда казначейства. Поэтому этот трактат не является прямым источником права, хотя является незаменимым источником для тех, кто занят административной работой. Однако пробелы трактата Ричарда ФицНайджела восполняет другой трактат – трактат «О законах и обычаях королевства Английского», написанный предположительно королевским юстициарием Р. Гленвилем, который прошел путь от шерифа графства до верховного судьи. Вот как сам Гленвиль описывает предназначение своего трактата: «В целом, законы и право королевства записать в наше время невозможно полностью, с одной стороны, из-за невежества писарей, с другой, из-за их необъяснимого многообразия. Но при этом в суде существуют общие и повседневные правила, которые мне следует изложить в письменной форме, что не кажется презумптивным, а скорее полезным для большинства людей, и не менее необходимым, чтобы помочь памяти. Записывая эти правила, по крайней мере, небольшую их часть, я намерено применял общепринятый стиль и слова, используемые в суде для обеспечения знаниями тех, кто неопытен в такого рода делах, которые распространяются на всех». В этих словах говорится не о важности трактата, а о том, что этот трактат предоставляет ясную, хотя и неполную, правовую доктрину в сфере отправления правосудия. Поэтому этот трактат как бы сам определяет себя источником права, поскольку, во-первых, написан он «под руководством прославленного Ранульфа Гленвиля, в те времена наиболее сведущего в королевском праве и древних обычаях»; во-вторых, «ибо законы и обычаи королевства», которые в нем описаны, «разумно вводились и в течение долгого времени строго соблюдались»; в-третьих, включенное в него право становится писанным, а «писанные законы, несомненно, придадут им больший авторитет, нежели справедливость принятого решения или разумность, обосновывающая их»; в-четвертых, нормы, записанные в нем «распространяются на всех»¹⁰. Наверно, именно по этим причинам сам трактат Гленвиля и все последующие трактаты, написанные авторитетными судьями, использовались в качестве прямых источников общего права и цитировались в судах.

В XII в. общее право находилось только в зачаточном состоянии и поэтому, несмотря на его небольшой объем и неполноту, значение трактата Гленвиля трудно переоценить. Прежде всего, потому что он является фактически первым классическим образцом юридического произведения по английскому праву¹¹. В то же время, поскольку значимость этого трактата лежит в правовой сфере, а вернее в сфере отправления правосудия, то установленные Гленвилем в трактате форма и способ описания правовых вопросов фактически оставалась в течение многих столетий примером для последующих работ правового характера. От предшествующего англо-нормандского права право, содержащееся в трактате Гленвиля, сильно отличается, поскольку описывает уже общее право, в то время как в Законах Генриха I английское право состоит из трех частей: Датское право,

⁸ Петрушевский Д.М. Памятники истории Англии XI-XIII вв. М., 1936. С. 108-109.

⁹ Fitz Nigel R. *Dialogus de Scaccario* / Ed. Ch. Johnson. Oxford, 1983. P. 97-103.

¹⁰ Трактат о законах и обычаях королевства Английского, который называется Гленвилевским / Перевод, ред., вступ. ст. С.Ю. Хатунов. С. 49.

¹¹ Pollock F., Maitland F.W. *The History of English Law before the Time of Edward I*. Cambridge, 1923. Vol. 1. P. 162-167; Holdsworth W. *A History of English Law*. London, 1923. Vol. 2. P. 188-192.

закон Уэссекса и закон Мерсии¹². То, что трактат Гленвиля является источником общего права, определяет, по мнению профессора Плакнетта, следующее: «основные черты общего права в книге Гленвиля: оно королевское, проистекающее из королевского суда; оно общее, так как местные разновидности встречали очень мало сочувствия; оно строго процессуальное, будучи основано на приказах и выражено в форме их комментария»¹³. Безусловно, этот трактат представил первую доктрину общего права, важную и самую краткую в английском праве, поскольку некоторые главы и параграфы содержали всего одну правовую норму¹⁴. И эта небольшая доктрина, которую в XII в. олицетворял трактат Гленвиля, была следствием почти столетних созидательных перемен в английском праве, а так как она появилась в конце века, то можно считать ее итогом не только правления действующего короля как законодателя, но и всего XII столетия как переломного для всего английского права. Способ подачи материала, широта понимания проблем в действующем на тот момент праве, точность в определении предела различных юрисдикций и доступность объяснения – всеми этими качествами обладает трактат Гленвиля в отличие от предыдущих компиляций. История главных изменений английского права еще впереди, однако то, что обсуждается в трактате, воспитывает новое поколение судей, формируя у них такой образ мышления, в котором заложены первопричина и достижения без преувеличения всей судебной политики английской короны, действовавшей на протяжении многих столетий. Это фактически обусловило появление новых источников права, а именно практика королевских судей и сам трактат, закреплявший не только такую практику, но и королевскую волю и милость, согласованную со своими магнатами.

И хотя по содержанию большая часть трактата являлась источником гражданского права, тем не менее, в сфере уголовного права все же можно заметить те существенные перемены, которые отражены в трактате, несмотря на то, что рассмотрению уголовных дел была отведена лишь одна тридцатая часть. Прежде всего, уголовные право отделено от гражданского, и хотя об этом было «заявлено авторитетным тоном», такое деление вероятно сделано Гленвилем под «иностранным влиянием», а поэтому трудности в уголовном праве были ожидаемы, «когда категории иностранной системы применяются к совокупности таких правовых норм как наши, – пишет профессор Плакнетт, – которые сформировались прежде, чем классификация такого рода стала достаточно обычной, чтобы оказывать влияние на ход их развития»¹⁵. Следует также отметить, что количество уголовных дел, описанных в трактате Гленвиля¹⁶, не столь значительно как в Законах Генриха I¹⁷, поскольку многие из уголовных дел в этих законах Гленвилем не классифицируются как уголовные, а рассматриваются в качестве гражданских дел, в которых возможно применение особых процессуальных норм. Такое различие не что иное, как отголосок древних германских кодексов, компиляцию которых и представляли собой Законы Генриха I, а в них «размеры той части, которая обнимает гражданское право, крайне ничтожны по сравнению с той частью, которая касается уголовного закона», и поэтому «следует принять за правило, что чем древнее кодекс, тем полнее и подробнее изложен в нем уголовный отдел»¹⁸. Это сравнение также показывает степень изменений, происшедших к моменту написания трактата, а исчезновение компенсационной системы искупления за совершенное уголовное преступление, существовавшей еще в англонормандский период, говорит о претворении в жизнь современного принципа неотвратимости наказания, который в Англии пытались применить еще со времен правления Кнута¹⁹. Однако вызывает недоумение и вводит в заблуждение подсудность кражи шер-

¹² *Leges Henrici Primi*. / Ed. L.J. Downer. Oxford, 1972. P. 96-97 (6, 6.1, 6.2), 106-107 (9.9, 9.10).

¹³ Plucknett T.F.T. *Op. cit.* P. 257.

¹⁴ Winfield P.H. *Op. cit.* P. 257.

¹⁵ Plucknett T.F.T. *Edward I and Criminal Law*. Cambridge, 1960. P. 24.

¹⁶ Трактат о законах и обычаях королевства Английского, который называется Гленвилевским / Перевод, ред., вступ. ст. С.Ю. Хатунов. С. 50.

¹⁷ *Leges Henrici Primi* / Ed. by L. J. Downer. P. 108-109 (10.1).

¹⁸ Мэн Г.С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. Спб., 1873. С. 287-288.

¹⁹ Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 87, 89; *The Laws of the Kings of England from Edmund to Henry I.* / Ed. A.J. Robertson. Cambridge, 1925. P. 188-189, 206-207 (Кнут, 24, 64).

фу. Можно предположить, что дело о краже рассматривалось в суде графства согласно обычаям графства и поэтому «для Гленвиля не все преступления ... были исками короны (pleas of crown)», если прямо не затрагивали королевские интересы. А, следовательно, в деле о краже обвиняемый ограничивался в выборе защиты, и ему требовалось очиститься только ордалией или поединком, потому что жюри присяжных как привилегия королевского суда неприменимо в суде графства, где председательствует только шериф в отсутствие королевских судей. Многие в рассмотрении уголовных дел – и классификация, и обобщение преступлений, а также внешняя простота их изложения – придает трактату привлекательность, однако то, что в нем столь мало внимания уделено уголовным делам говорит о нелогичности того факта, что у автора отсутствовал интерес к уголовному праву²⁰. Однако следует отметить, что понятие «иски короны» (pleas of crown) в трактате Гленвиля получили новый способ выражения – уголовное право²¹.

Короткая и неполная доктрина Гленвиля не могла удовлетворить потребности бурно развивающегося общего права. Поэтому спустя два поколения после трактата Гленвиля в середине XIII в. появляется новый, но с тем же названием, трактат – трактат Брактона, который представил новую доктрину существовавшего на тот момент английского права. Основываясь на замысле предложенного трактатом Гленвиля, «Брактон рассмотрел значительно больше, чем предполагал замысел Гленвиля и просто осовременил его материал, включив огромное количество новых правовых норм, выработанных после Гленвиля»²². Трактат Брактона по объему и по масштабам задуманного автором считался довольно значительным для средневековых трудов, особенно, если учесть собранные им материалы дел, большинство из которых не использовались в трактате, видимо потому, что работа над трактатом так и не была закончена. Доктрина Брактона, которую олицетворял его трактат, просуществовала с середины XIII до начала XVII вв., поскольку трактат Брактона, несмотря на попытки некоторых судей не признавать авторитет его автора²³, оставался для английского права самым важным и значительным источником правовых знаний, а также институциональной и базисной работой вплоть до появления «Институций» Э. Кока²⁴. Однако нельзя ограничить значимость этого трактата какими-либо временными рамками, поскольку он не только «сделал этот период в истории английского права периодом Брактона», но и «дал понять, что Англия имеет свое родное общее право»²⁵. По утверждению лорда Кэмпбелла Брактон не имел себе равных среди теоретиков права почти пять столетий до появления Блэкстоуна²⁶. В то же время трактат Брактона страдал классическим педантизмом и использовал термины заимствованные им из римского и канонического права вместо тех, которые использовались в те времена в английском королевском суде²⁷. Однако, несмотря на это, во времена Брактона королевские судьи в качестве источника английского права не использовали ни римское, ни каноническое право, поскольку все попытки в суде дополнить английское право римским или каноническим судьи оставляли без внимания²⁸. И хотя римское или каноническое право могло стать субсидиарно действующим правом в Англии лишь тогда, «когда законодательное право и обычное право не имело ясного ответа на вопрос», тем не менее, такой прецедент нельзя найти у Брактона, как в трактате, так и в «Записных книжках»²⁹. Это следствие того, что «заимствования из римского права в трактате Брактона в большинстве случаев носили внешний характер, касаясь в основном общих формулировок и терминологии. Там же, где они относились к существу дела, они выражали обычно определенные социально-политические тенденции, характерные для развития феодальной Англии XIII в.»³⁰. Именно поэтому Брактоном определены совсем другие источники общего права.

²⁰ The Treatise on the Laws and Customs of the Realm of England Commonly Called Glanvill. Oxford, 1998. P. xxi-xxii.

²¹ Winfield P.H. Op. cit. P. 257.

²² Plucknett T.F.T. Op. cit. P. 259.

²³ Winfield P.H. Op. cit. P. 260.

²⁴ Ibid. P. 259.

²⁵ Holdsworth W. Op. cit. Vol. 2. P. 234.

²⁶ См.: Bracton's Note Book. London, 1887. Vol. 1. P. 8; Holdsworth W. Op. cit. Vol. 2. P. 234.

²⁷ Pollock F., Maitland F.W. Op. cit. Vol. 1. P. 207.

²⁸ Bracton's Note Book. Vol. 1. P. 128.

²⁹ Pollock F., Maitland F.W. Op. cit. Vol. 1. P. 207-208.

³⁰ Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. С. 142.

Трактат Брактона подвел итог стремительному росту общего права, поскольку более четко обозначились источники общего права, с помощью которых последующие поколения юристов должны были не только соблюдать преемственность английского права, но и способствовать его развитию. Таким образом, доктрина Брактона согласно профессору У. Холдсуорту, не просто пояснение молодой и развивающейся правовой системы, так как она сама оказывала помощь в создании этой системы³¹. Определив источники общего права, она задала вектор развития всего английского права. Брактон в своей доктрине обозначил три источника общего права, а если его доктрину тоже считать источником, то четыре. Первым источником общего права является обычай, поскольку «только Англия использует неписаное право и обычай» и поэтому в Англии «право происходит не из написанного, [а] из того, что одобрено в результате практики»³². Отсюда следует, что обычай источник права, «поскольку авторитетом обычая и длительным применением нельзя пренебрегать»³³. Вторым источником общего права Брактон считает закон, ибо английские законы имеют силу закона, когда при помощи высшей власти короля он «справедливо принят и одобрен с согласия и по совету магнатов и с общего одобрения *res publica*»³⁴. Право и закон Брактоном отождествляются, поэтому закон олицетворяет собой общее право как в широком, так и в более специальном смысле³⁵. Третьим источником общего права после фразы «*a similibus procedere ad similia*» является прецедент. Прецедент, согласно доктрине Брактона, «служит лучшим основанием для рассмотрения» схожих дел, если они возникают³⁶. Тем самым доктрина Брактона закрепила в качестве источника общего права его основной источник и стержень развития – преемственность. Брактон сделал главным в своей работе именно этот источник, ставший в дальнейшем характерной чертой английского права; фактически установив, что общее право – это прецедентное право.

Особый интерес вызывает четвертый источник общего права – доктрина Брактона, которую он в своем трактате пытается позиционировать как профессиональный, так и учебный источник права, необходимый судьям. Доказывая необходимость такой доктрины, Брактон пишет: «Так как эти законы и обычаи часто неправильно применялись немудрыми и несведущими, которые вступили на судейское место прежде, чем они изучили законы, и пребывают в сомнениях и в хаосе мнений, и часто ниспровергаются вышестоящими [судьями], которые решали дела согласно их собственной воле, а не на основании законов, я, Генри де Брактон, наставляя нижестоящих судей, и никого более, обратил свои помыслы к древним решениям праведных людей, изучая старательно, не без того, чтобы работать долго в ночные часы, их решения, *consilia* и *responsa*, и собрал то, что я нашел в них достойным включить в *summa*, излагая ее в форме титулов и параграфов, не отказываясь от своего права на лучшую классификацию, которая при помощи письменной формы будет навсегда сохранена для последующих поколений»³⁷. Продолжая обосновывать и позиционировать свою доктрину, Брактон обозначил намерение автора, а также утилитарность и цель своей работы. При этом цель его работы сродни целям любого права заключалась в том, чтобы «усмирять споры и предотвращать совершение правонарушений, чтобы мир и правосудие могли быть сохранены в королевстве»³⁸. Однако доказательства самого Брактона не были столь убедительными, в отличие от тех доказательств, которые предоставили два поколения после смерти Брактона. Трактаты, написанные в течение этого времени, являлись не чем иным, как эпигономством или кратким изложением Брактона применительно к своему времени. Но лидерство в английском праве доктрины Брактона обусловлено тем фактом, что два ведущих и значительных по объему трактата, Britton и Fleta, написанные в период правления Эдуарда I, не смогли ее

³¹ Holdsworth W. Op. cit. Vol. 2. P. 234.

³² Bracton H. On the Laws and Customs of England. Cambridge, 1968. Vol. 2. P. 19.

³³ Ibid. P. 22.

³⁴ Ibid. P. 19.

³⁵ Ibid. P. 22.

³⁶ Ibid. P. 21.

³⁷ Ibid. P. 19.

³⁸ Ibid. P. 20.

дополнить, поскольку «они оба заканчиваются там, где обрывается незавершенный трактат Брактона»³⁹. Все это свидетельствует, что трактат Брактона «является венцом и цветом английской средневековой юриспруденции»⁴⁰.

Согласно Брактону, уголовное право в XIII в. развивалось достаточно стремительно, поэтому с помощью его доктрины были решены многие процессуальные вопросы и на основании практики королевских судов сформулированы юридические принципы, а также даны определения преступлениям и наказаниям. Доктрина Брактона создала множество норм уголовного права, на основании которых формировались в дальнейшем остальные, а определения Брактона являются коренными для уголовного права Англии⁴¹. Брактон придавал особое значение субъективной стороне преступления и соразмерности уголовной ответственности, что позволило окончательно разрушить старую систему уголовного права. Новая фразеология, использованная в трактате Брактона для определения субъективной стороны преступления, сыграла значительную роль в развитии уголовного права Англии и позволила наметить разграничительные линии в сфере уголовного права, например, между преступлением и деликтом или тяжким и менее тяжким преступлениями⁴². В то же время, связывая преступление и наказание, Брактон желал показать судьям их процессуальную неразрывность, как во время пледирования, так и при вынесении приговора, и поэтому «рассматривал преступления, не согласно их происхождению, а согласно происхождению процедуры, по которой они наказывались»⁴³. Однако в этой связи следует отметить, что в XIII в., помимо процессуального уголовного права, которое было описано и раньше, по существу появилось точное и ясное «описание материального уголовного права Англии в правление Генриха III и Эдуарда I», созданное под «влиянием римского права, ясно прослеживаемым во всех определениях, хотя оно во всех случаях принималось с изменениями, которыми пользуются только в Англии»⁴⁴. Трактат Брактона становится влиятельным источником общего права и уголовного права Англии в частности. Вероятно потому, что «трактат Брактона являлся единственной систематизированной сводкой основных положений «общего права», своего рода неофициальным кодексом, которым широко пользовался судебный аппарат короны»⁴⁵.

Вплоть до XVII в. только два трактата, Гленвила и Брактона, относят к источникам общего права и уголовного права в частности, поскольку остальные трактаты, написанные после Брактона, являются олицетворением этих двух трактатов, но в значительной степени трактата Брактона⁴⁶.

Таким образом, теоретические работы авторитетнейших юристов относят к источникам уголовного права, поскольку в них содержалась уголовно-правовая доктрина Англии. А если учесть, что они были самыми значительными письменными источниками права, как по объему, так и по глубине и полноте материала, который в них содержится, то ими не могли не пользоваться правоприменители в качестве руководства по разрешению сложных правовых вопросов. В этой связи следует заметить, что все источники общего права составлены в виде инструкций, наставлений или руководств, которые давались всему судейскому аппарату короны и разъездным судьям в частности, так как формирование общего права начиналось с инструкций, выдававшихся Генрихом I и Генрихом II своим министрам и судьям⁴⁷. Трактаты авторитетнейших юристов, в которых реализуется доктрина английского права, являются источниками права, поскольку в них показана тесная связь юридической теории и практики, а сформулированные в них юридические принципы, довольно часто применялись средневековыми юристами «в качестве аргументов в пользу того или иного судебного решения наряду со ссылками на статуты,

³⁹ Holdsworth W. Op. cit. Vol. 2. P. 238.

⁴⁰ Pollock F., Maitland F.W. Op. cit. Vol. 1. P. 206.

⁴¹ Stephen J.F. A History of the Criminal Law of England. London, 1996. Vol. 2. P. 202.

⁴² Holdsworth W. Op. cit. Vol. 2. P. 259.

⁴³ Stephen J.F. Op. cit. Vol. 2. P. 200.

⁴⁴ Ibid. P. 202.

⁴⁵ Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. С. 142.

⁴⁶ Holdsworth W. Op. cit. Vol. 2. P. 319-322, 237; Winfield P.H. Op. cit. P. 262-268.

⁴⁷ Poole A.L. From Domesday Book to Magna Carta, 1087-1216. Oxford, 1993. P. 386-387.

прецедент или обычай»⁴⁸. А если в Англии источник права возникает в результате применения, то трактаты авторитетнейших юристов есть непосредственные источники английского уголовного права.

Список литературы

1. Власов И.С., Гуценко К.Ф., Решетников Ф.М., Штротмас А.Ю. Уголовное право зарубежных государств. Вып. 1: Источники уголовного права. М., 1971.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
3. Мэн Г.С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. Спб., 1873.
4. Петрушевский Д.М. Памятники истории Англии XI-XIII вв. М., 1936.
5. Трактат о законах и обычаях королевства Английского, который называется Гленвилевским / Перевод, ред., вступ. ст. С.Ю. Хатунов. Ставрополь, 2002.
6. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961.
7. Allen C.K. Law in the Making. Oxford, 1951.
8. Bracton H. On the Laws and Customs of England. Cambridge, 1968. Vol. 2.
9. Bracton's Note Book. – London, 1887. Vol. 1.
10. Fitz Nigel R. Dialogus de Scaccario / Ed. Ch. Johnson. Oxford, 1983.
11. Holdsworth W. A History of English Law. London, 1923. Vol. 2.
12. The Laws of the Kings of England from Edmund to Henry I. / Ed. A.J. Robertson. Cambridge, 1925.
13. Leges Henrici Primi. / Ed. L.J. Downer. Oxford, 1972.
14. Plucknett T.F.T. A Concise History of the Common Law. London, 1956.
15. Plucknett T.F.T. Edward I and Criminal Law. Cambridge, 1960. P. 24.
16. Pollock F., Maitland F.W. The History of English Law before the Time of Edward I. Cambridge, 1923. Vol. 1.
17. Poole A.L. From Domesday Book to Magna Carta, 1087-1216. Oxford, 1993.
18. Stephen J.F. A History of the Criminal Law of England. London, 1996. Vol. 2.
19. The Treatise on the Laws and Customs of the Realm of England Commonly Called Glanvill. Oxford, 1998.
20. Winfield P.H. The Chief Source English Legal History. Cambridge, 1925.
21. Wormald P. The Making of English Law: King Alfred to Twelfth Century. Vol. 1: Legislation and its Limits. Oxford, 2001.

TREATISES AND DOCTRINES AS AUTHORITIES OF CRIMINAL LAW IN MEDIEVAL ENGLAND

S. YU. KHATUNOV

*Stavropol branch of Moscow
humanitarian economics
Institute*

e-mail: seka209@mail.ru

In the article author analyzes one of the medieval sources of English criminal law, i.e. treatises and doctrines. The author discovers their features as sources of legal knowledge. Special emphasis is put on Bracton's treatise because the legal history of England cannot be studied without this basic legal source. It is proved that treatises and doctrines in medieval England had the educational purposes as well.

Key words: authorities of criminal law; treatise; doctrine of common law; Bracton; Glanvill; common law; legal history of England.

⁴⁸ Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. С. 142.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 355/359:316

ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЕМ РУКОВОДЯЩЕГО ВОЕННО-КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

С. М. АНИКЕЕВ

ОРАГС

e-mail: philos@tsu.edu.ru

Статья посвящена анализу основных проблем и противоречий системы управления формированием руководящего военно-кадрового потенциала вооруженных Сил России. Раскрыты фундаментальные причины кризисных явлений по разработке и реализации военно-кадровой политики. Предлагаются пути совершенствования механизма управления формированием руководящего военно-кадрового потенциала в современных условиях.

Ключевые слова: военно-кадровый потенциал, система управления, профессиональная подготовка, укомплектованность офицерских должностей, подбор и расстановка офицерских кадров.

По ряду параметров управление формированием руководящего военно-кадрового потенциала Вооруженных Сил России еще отстает от современных требований.

Первое. Имеются перекосы в количественных параметрах руководящего военно-кадрового потенциала. При больших сокращениях и высвободившемся при этом значительном числе офицерских кадров, общий некомплект в Вооруженных Силах РФ продолжает оставаться высоким. Ряд органов военного управления и кадровых подразделений не всегда эффективно ведет работу по сохранению офицерских кадров в Вооруженных Силах. Требуется совершенствования работа с офицерами, у которых истекают сроки контрактов, но по профессиональным и морально-деловым качествам они могли бы служить в армии и на флоте до достижения предельного возраста.

Второе. Наблюдаются неблагоприятные явления в профессиональной подготовке и морально-психологическом обеспечении военных кадров.

Так, экспертный опрос преподавателей военных академий г. Москвы показал, что высокоэффективной подготовку назвали лишь 3,8%. Еще 15,1% считают ее в целом неэффективной и 29,6% – малоэффективной. Показательным является также и то, что более половины опрошенных (51,6%) вообще затруднились с оценкой эффективности учебных программ нового поколения¹.

¹ Исследование «Кадры», проведенное Центральным органом военного университета в 2009 году. Опрошено 128 человек из состава офицеров руководящего состава, сотрудников органов государственного и военного управления, ученые и практика.

В ходе исследования оценка различных сторон подготовленности обучаемых была произведена как преподавателями, так и самими обучаемыми. К сожалению, 27,3% выпускников считают, что в их подготовке недостаточно учитывается опыт действий федеральных войск на территории Чеченской Республики².

Эксперты негативно оценивают (63%) существующую систему передачи боевого опыта управления войсками в условиях вооруженных конфликтов и выполнения миротворческих операций³.

Третье. Ряд негативных аспектов характеризует современную организационно-технологическую основу деятельности руководящих военных кадров. В последние годы изменяется видовая и оперативно-стратегическая структура Вооруженных Сил. Появление новых родов войск, увеличение доли тактических группировок вызывает объективные изменения в структуре управления. Однако имеются факты нецелесообразного дублирования управленческих структур, согласования принимаемых решений, нерационального распределения сфер ответственности и ресурсов. Более половины экспертов (54%) считают, что руководящие кадры тыловых структур имеют зачастую приоритет перед боевыми частями и соединениями, как при планировании действий войск, так и в повседневной деятельности⁴.

Негативную оценку экспертов (88%) вызывает существующая в настоящее время система передачи военно-социальной информации. Сохранение практики наказания лица, доложившего о вскрытых в соединениях (частях) нарушениях, создает объективные условия для сокрытия или искажения управленческой информации «снизу-вверх». Это дезорганизует работу руководящих кадров, снижает эффективность принятия ими смелых решений и соответственно снижает уровень управленческой культуры руководящего военно-кадрового потенциала⁵.

В 2008 г. основные усилия в работе с военными кадрами были направлены на поддержание необходимого уровня укомплектованности Вооруженных Сил РФ военно-кадровым и руководящим военно-кадровым потенциалом в условиях проведения широкомасштабных организационных мероприятий.

В настоящее время в Вооруженных Силах РФ в армии и на флоте 355 тысяч должностей офицеров. Из них:

- высшие офицеры (генералы и адмиралы) – 1 107 человек;
- полковники – 15 365 человек;
- подполковники – 19 300 человек;
- майоры – 99 550 человек;
- капитаны – 90 000 человек;
- старшие лейтенанты – 30 000 человек;
- лейтенанты – 20 000 человек⁶.

Вакантными остаются 40 000 должностей:

- 1) к 2012 году офицерских должностей должно остаться 150 тысяч, что будет составлять 15% от общей численности личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации;
- 2) военнослужащих рядового и сержантского состава по контракту – 207 тысяч человек (по данным Генерального штаба, по состоянию на январь 2009 года);
- 3) военнослужащих по призыву – ежегодная потребность на уровне 450 тысяч человек (как заявил 31 марта 2009 года начальник главного организационно-мобилизационного управления Василий Смирнов: "Этой весной мы будем призывать 305 тыс. 506 человек...")⁷.

В то же время, согласно президентскому Посланию Федеральному Собранию РФ (2003 г.), а также в соответствии с разработанной Федеральной целевой программой по

² Исследование «Кадры», проведенное Центральным органом военного университета в 2009 году. Опрошено 128 человек из состава офицеров руководящего состава, сотрудников органов государственного и военного управления, ученые и практика.

³ Там же

⁴ Там же

⁵ Там же

⁶ Концепция военно-кадровой политики в вооруженных силах Российской Федерации на период до 2016 г.

⁷ Призыв: открытие сезона // <http://www.interfax.ru/society/txt.asp?id=71464>.

первоочередному переходу на контракт частей постоянной боевой готовности Вооруженных Сил РФ, в период с 2003 по 2007 г. на контрактный принцип комплектования планировалось перевести 155,3 тыс. военнослужащих частей постоянной боевой готовности в морской пехоте, ВДВ, Сухопутных войсках, экипажи ракетных подводных крейсеров стратегического назначения (всего 131,6 тыс. чел.), а также части пограничных и внутренних войск (остальные 23,7 тыс.)⁸.

Социологический анализ, проведенный автором, показывает, что в настоящее время офицеры составляют около 30% штатной численности личного состава ВС РФ. Количественно-качественная характеристика военно-кадрового и руководящего военно-кадрового потенциала ВС РФ показывает, что половина (49%) из них проходят службу в боевых и специальных войсках, силах. Соотношение офицеров по воинским званиям выглядит следующим образом: младших – 47,6%, старших – 52%, высших – 0,4%. Более 90% офицеров имеют высшее военное и военно-специальное образование. Их средний возраст составляет 33,6 года. Значительная часть офицерского корпуса (около 70%) имеет выслугу десять и более лет, что свидетельствует как о сохранении оптимального сочетания опытных и молодых кадров, так и об их преемственности. Следует особо подчеркнуть, что более 36 тыс. офицеров (т.е. 11% их списочной численности) обладают боевым опытом, полученным в Афганистане, Чеченской Республике и других горячих точках⁹.

Только за последние два года проведена значительная по объему работа с военными кадрами: подобрано и назначено на воинские должности около 100 тыс. офицеров, что составляет почти 25% всего офицерского корпуса. При этом Министром обороны РФ назначен каждый пятый офицер – 21% (руководящий военно-кадровый состав). Президентом Российской Федерации назначено 24% (высший руководящий военно-кадровый состав)¹⁰.

Следует отметить, что социологический анализ современного состояния управления формированием руководящего военно-кадрового потенциала подтвердил жесткую зависимость организации работы с офицерскими кадрами от степени укомплектованности ими армии и флота.

В настоящее время общая укомплектованность офицерских должностей составляет около 90%, что в целом позволяет выполнять задачи, стоящие перед Вооруженными Силами РФ. Установленный уровень укомплектованности офицерами – 92% и выше – поддерживается в ВВС, ВМФ, ВДВ, войсках Дальневосточного военного округа, Северо-Кавказского военного округа, на всех флотах. В значительной степени это результат требовательного подхода к работе с военными кадрами руководителей органов военного управления на местах. Значительно ниже укомплектованы офицерскими кадрами Космические войска – около 80%, РВСН – 89%, войска Ленинградского, Приволжско-Уральского и Сибирского военных округов – 87-89%. В 2008 г., как и ранее, в приоритетном порядке комплектовались соединения и воинские части постоянной готовности. Требование Министра обороны РФ поддерживать в Вооруженных Силах РФ уровень укомплектованности частей постоянной готовности не ниже 95% в целом уже выполняется. Эта задача в полной мере решена в ВВС, ВМФ, ВДВ, Московском, Северо-Кавказском, Приволжско-Уральском, Сибирском и Дальневосточном военных округах. В то же время в ряде соединений и частей постоянной готовности укомплектованность должностей офицерского состава находится на грани возможности выполнения поставленных задач. Социологические исследования количественно-качественных характеристик военно-кадрового потенциала Вооруженных Сил РФ выявили крайне низкое качество укомплектованности должностей командиров взводов. При общей укомплектованности этих должностей на 89% более 50% из них укомплектовано офицерами, призванными на военную службу на 24 месяца¹¹.

⁸ Концепция военно-кадровой политики в вооруженных силах Российской Федерации на период до 2016 г.

⁹ Там же

¹⁰ Там же

¹¹ Исследование «Кадры», проведенное Центральным органом военного университета в 2009 году. Опрошено 128 человек из состава офицеров руководящего состава, сотрудников органов государственного и военного управления, ученые и практика

Особенно это характерно для Сухопутных войск (например, в войсках Ленинградского и Приволжско-Уральского военных округов 40% командиров взводов – офицеры-двухгодичники). На протяжении последних лет сохранить достигнутый уровень укомплектованности офицерами (88-90%) не позволяет проведение значительных по объему организационных мероприятий. Только в 2007-2008 г. было сокращено более 28 тыс. штатных должностей, подлежащих комплектованию офицерами¹².

Согласно социологическим исследованиям, в 2008 г. и в начале 2009 г. наблюдалось снижение уровня укомплектованности офицерских должностей в РВСН – на 6%; в войсках Московского военного округа – на 4%, а в частях, подчиненных строительно-квартирным органам, – почти на 7%¹³.

И только с завершением организационно-штатных мероприятий и поступлением в войска выпускников вузов ситуацию удалось взять под контроль, а затем и выровнять. Надо учитывать, что уже в 20012 г. крупномасштабные сокращения завершатся, но и количество выпусков из вузов Министерства обороны РФ будут значительно меньшим по объему. Если в 2007 г. в войска поступило 25 тыс. офицеров с первичной подготовкой, в 2008 г. – 15,2 тыс. выпускников, то в 2009 г. выпуск составил только немногим более 14 тыс. человек и этот уровень сохранится и следующие несколько лет. В связи с этим поддержание количественно-качественной укомплектованности офицерских должностей на необходимом уровне может стать проблематичным¹⁴.

Из приведенного социологического анализа состояния укомплектованности офицерских должностей Вооруженных Сил РФ можно сделать вполне обоснованный и вместе с тем вызывающий озабоченность вывод – работа с кадрами, бережное к ним отношение пока не стали доминирующими в деятельности некоторых командиров, начальников различных степеней. Еще одним подтверждением данного вывода является то, что при достаточно больших сокращениях значительного количества офицерских кадров общий некомплект в Вооруженных Силах РФ продолжает сохраняться. В настоящее время он составляет 39,5 тыс. чел. Социологический анализ показал, что из веских причин недокомплектованности основной является живучесть устаревшей психологии и иждивенческого подхода к решению проблем комплектования.

Отдельные командиры и начальники, кадровые органы находятся в состоянии абсолютной уверенности в том, что для восполнения некомплекта они получат выпускников вузов столько, сколько укажут в заявках. Именно таким отношением к делу объясняется легкость принятия кадровых решений об увольнении офицеров, в том числе и досрочном, или об их откомандировании и переводе в другие силовые ведомства. Это делать легче, чем вести целенаправленную работу по сохранению офицерских кадров в Вооруженных Силах¹⁵.

Социологический анализ выявил еще одну причину некомплекта офицерских кадров. Она связана с недостаточной организацией работы с офицерами, у которых сроки контрактов истекают, но по морально-деловым качествам и иным критериям они могли бы служить в армии и на флоте до достижения предельного возраста, а возможно, и дольше.

За 2008 г. у 49 тыс. офицеров истекли сроки контрактов, но только 86,7% из них заключили новые контракты. Иными словами, Вооруженные Силы РФ понесли «потери» – около 6,5 тыс. человек. Причем более половины из них – офицеры боевых и специальных войск (сил)¹⁶.

¹² Концепция военно-кадровой политики в вооруженных силах Российской Федерации на период до 2016 г.

¹³ Исследование «Кадры», проведенное Центральным органом военного университета в 2009 году. Опрошено 128 человек из состава офицеров руководящего состава, сотрудников органов государственного и военного управления, ученые и практика

¹⁴ Концепция военно-кадровой политики в вооруженных силах Российской Федерации на период до 2016 г.

¹⁵ Кужилин В.Ф. О некоторых методологических походах к разработке концепции военно-кадровой политики. М. 2001.

¹⁶ Концепция военно-кадровой политики в вооруженных силах Российской Федерации на период до 2016 г.

Таким образом, увеличивается число дополнительных вакантных должностей, которые необходимо укомплектовывать. Социологический анализ показал, что появление значительного количества офицеров, не желающих заключать новые контракты, связано, прежде всего, с отсутствием плановости в этой работе. При такой работе с кадрами ни один источник комплектования офицерских должностей не восполнит некомплекта офицеров.

В связи с этим руководящий военно-кадровый состав армии и флота должен организовать работу таким образом, чтобы так называемая внеплановая убыль не влияла на состояние укомплектованности офицерских должностей. Социологический анализ современного состояния военно-кадрового потенциала выявил, что организация работы по подбору и расстановке военных кадров еще не стала главной задачей каждого командира (начальника). Они не очень стремятся назначить каждого офицера на такую должность, на которой он мог бы оптимально проявить свои возможности и максимально реализовать свои способности. Хотя в целом социологические исследования показали, что подавляющее большинство офицерского состава, прежде всего руководящего, соответствующее занимаемым должностям, правильно понимает свое предназначение и ответственно выполняет поставленные задачи.

Основные социологические характеристики офицеров, занимающих руководящие должности тактического звена, следующие:

- для командиров дивизий сменяемость данной категории составила в 2008 г. 31%, что в целом обеспечивает сочетание опытных и молодых руководителей. 7% командиров дивизий проходят службу в должностях более 5 лет. По возрасту старше 50 лет – 5%. Кандидатами к выдвижению на высшие должности являются 48% командиров дивизий;
- для командиров полков сменяемость в течение 2008 г. оставалась на приемлемом уровне (25%); следует обратить внимание на не снижающееся количество командиров полков, пребывающих в должности более 5 лет (63 чел. – 12%) и не имеющих академического образования (76 чел. – 15%)¹⁷.

В ходе социологического исследования были проанализированы количественно-качественные характеристики управления формированием руководящего военно-кадрового потенциала за последние три года. В частности, сделан в определенной мере неожиданный вывод, что отдельные командующие, командиры (начальники), образно говоря, «разбазаривают» кадры под различными предлогами.

В частности, как ни парадоксально, но за 2007 г. около 3,5% командиров полков были назначены с понижением. Причем большинство из них – перспективные офицеры, но они были вынуждены согласиться на понижение в должности не по служебным, а по каким-либо личным причинам (здоровье, семейное положение и т.п.).

Выявлено, по меньшей мере, странное отношение некоторых должностных лиц к офицерам, имеющим перспективу по службе, при принятии решения о переводе их на равные должности в военные комиссариаты, на преподавательскую работу и др. В 2007-2008 гг. около 6% командиров полков перемещены на указанные должности. Перспективные командиры, не имеющие академического образования, могли бы обучаться в академиях по заочной форме, которая функционирует с 2001 г., а также на курсах повышения квалификации, но их не направили на учебу¹⁸.

Наибольшее количество командиров полков, не имеющих академического образования, в РВСН – 49 офицеров. Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время уже более половины из них обучаются по заочной форме в Военной академии РВСН. Было бы целесообразным реализовать такую же возможность командования Военно-Морского Флота при решении проблемы обучения командиров кораблей 1 ранга.

Важным этапом в работе по подбору и расстановке офицерских кадров является хорошо подготовленный резерв, создаваемый на всех уровнях для назначения на высшие должности. Социологическое исследование показало, что в 2008 г. при комплектовании частей и подразделений группировки войск на Северном Кавказе, ряда должностей цен-

¹⁷ Исследование «Кадры», проведенное Центральным органом военного университета в 2009 году. Опрошено 128 человек из состава офицеров руководящего состава, сотрудников органов государственного и военного управления, ученые и практика.

¹⁸ Там же.

трального аппарата военного ведомства, руководства Северного флота военно-кадровые органы Министерства обороны РФ оказались в кадровом вакууме. Резерв кадров из года в год сокращается, а имеющийся не всегда соответствует реальным требованиям и зачастую просто формальный. Поэтому на высшие должности полкового, дивизионного и армейского звеньев назначаются офицеры, не входящие в утвержденный резерв.

Так, в 2008 г. уже после назначения всех выпускников Военной академии Генерального штаба оказалось, что неоткуда взять подготовленных командиров для назначения на должности командиров семи дивизий. Причина – в отсутствии кандидатов, в том числе и из числа выпускников Военной академии Генерального штаба прошлых лет. В итоге были назначены на эти должности офицеры, не обучавшиеся в Военной академии Генерального штаба.

Социологический анализ современного состояния руководящего военно-кадрового потенциала показал, что из всех вновь назначенных командиров полков (127) из резерва назначены: в СВ – 35%, в ВМФ – 24%, в ВВС и РВСН – по 18%. Из военных округов в лучшую сторону можно отметить Сибирский военный округ – более 67% и Московский военный округ – 60%¹⁹.

Из этого можно сделать неоднозначный социологический вывод: либо формируется некачественный резерв руководящих военных кадров, либо этот резерв не используется по назначению. Как тот, так и другой подход к работе с резервом приводят к ошибочным назначениям. Только в 2008 г. было освобождено от должностей номенклатуры Министра обороны РФ и Президента Российской Федерации 20 офицеров. Наибольшее количество освобожденных от должностей офицеров указанной номенклатуры – в Сухопутных войсках (47%) и ВМФ (42%).

При этом социологический анализ выявил, что определенное количество офицеров отстранены от должностей и сняты с должностей в связи с низкими деловыми, профессиональными и моральными качествами (17 чел. – номенклатуры Министра обороны РФ и Президента РФ), что обусловлено двумя главными причинами:

- по-прежнему отсутствует механизм персональной ответственности за ошибочные назначения. В военных округах, войсках, на флотах нет должного спроса ни с командиров и начальников, ни с аттестационных комиссий, ни с работников кадровых органов за ошибочные назначения;

- не отлажен механизм альтернативного подбора кандидатов на вышестоящую должность, что подтверждает низкую эффективность использования резерва кадров и низкое качество подготовки этого резерва.

Это позволяет сделать практический вывод, что резерв целесообразно разделить на подготовленный резерв (на очередной год) и перспективный – (на последующие 3-5 лет). Данный процесс должен начинаться с выявления наиболее подготовленных, перспективных, талантливых офицеров. В дальнейшем необходимо вести «сопровождение» таких офицеров, заботиться об их профессиональном росте. Более того, при зачислении кандидата в резерв необходимо определять его дальнейшее предназначение не на одну конкретную должность, а на несколько, но обязательно более высоких. Например, начальник штаба полка одновременно может быть определен в резерв на выдвижение, как на должность командира полка, так и на иную высшую должность – в штабе армии или в одном из управлений военного округа.

Ситуация с управлением формированием руководящим военно-кадровым потенциалом, сложившаяся в настоящее время в Вооруженных Силах России, квалифицируется как исключительно сложная и противоречивая. Социологический анализ показывает, что она характеризуется недостаточностью внимания и заботы со стороны государства и общества к проблемам военнослужащих, падением престижа военной службы и профессионального мастерства, материально-бытовой неустроенностью военных кадров. Офицерский состав решает поставленные перед ним задачи на пределе своих профессиональных, морально-психологических и физических возможностей.

¹⁹ Исследование «Кадры», проведенное Центральным органом военного университета в 2009 году. Опрошено 128 человек из состава офицеров руководящего состава, сотрудников органов государственного и военного управления, ученые и практика.

Вооруженные Силы Российской Федерации оказались в сложной, противоречивой ситуации, отражающей последствия определенных ошибок и просчетов в формировании и реализации управления формированием руководящего военно-кадрового потенциала, как в перестроечные, так и в последующие годы. Им присущи следующие социальные факторы:

- отсутствие системности и последовательности в управлении формированием руководящего военно-кадрового потенциала, разработке военно-кадровой политики, программы и механизма их реализации в современных условиях;
- дезорганизация многих кадровых процессов, появление новых негативных явлений и тенденций (пассивность, равнодушие, грубый протекционизм, скрытая продажа должностей, случаи отказа офицеров от продолжения военной службы в местах нового назначения после окончания вузов, при служебных перемещениях);
- развитие тенденции нерационального использования военно-кадрового потенциала;
- неполное соответствие направленности и содержания подготовки офицеров командного профиля требованиям войск и времени;
- низкий уровень материально-технического и финансового обеспечения вузов, нарушение принципа непрерывности в военном образовании; недостаточный уровень научно-педагогического потенциала большинства военных вузов и кафедр.

Думается, в контексте социологического обоснования методов управления формированием руководящего военно-кадрового потенциала можно выделить две основные социологические группы причин (на самом деле их, безусловно, больше), которые лежат в основе снижения уровня военно-профессиональных характеристик военных специалистов.

Первая связана с тем, что в последние годы рекомендации военных наук, несмотря на наличие некоторого числа интересных инновационных разработок, органами военного управления практически не замечаются и не внедряются. Военная наука существует как бы сама по себе, на общественных началах, без необходимой государственной поддержки и держится в большей мере на энтузиазме самих ученых.

Вторая группа причин кроется в ограниченных представлениях не только военной, но и всей отечественной науки о самой природе человека, о реальных факторах, повышающих результативность его деятельности, в том числе и в военной сфере. Субъективные и объективные причины привели к потере многих морально-идеологических мотивационных методов, работавших на пользу военного дела. Разработка новой российской идеологии, новых ценностей, основанных на реалиях современной жизни, пока не начиналась.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Управление формированием руководящего военно-кадрового потенциала происходит под влиянием разнообразных факторов, связанных с изменением характера и содержания воинского труда под воздействием новых военных опасностей и угроз. Развитие военно-стратегической обстановки требует подготовки военных кадров для ведения бесконтактных войн будущего, что предполагает заботу о функциональной компетентности будущих руководящих военных кадров. Важную роль играют социально-экономические и духовно-нравственные факторы и условия управления формированием руководящего военно-кадрового потенциала в современных условиях. Требуется учитывать действие социально-нравственных регуляторов, которые способствовали бы развитию творческих и профессиональных качеств военных кадров, а также разрабатывать методы повышения социально-профессионального престижа военного человека в нашем обществе, обосновывать рекомендации по формированию нового типа военного руководителя в современных условиях.

2. Социологический анализ выявил, что работа по управлению формированием руководящего военно-кадрового потенциала в настоящее время недостаточно эффективна, о чем свидетельствуют следующие показатели: общий некомплект в Вооруженных Силах РФ продолжает сохраняться и в настоящее время составляет почти 40 тыс. чел.; недостаточной является организация работы с офицерами, у которых истекают сроки контрактов, но по морально-деловым качествам и иным критериям могущими служить в армии и на флоте до достижения предельного возраста. Устойчива тенденция старения

военно-кадрового потенциала, что деформирует оптимальное сочетание молодых и зрелых кадров. Проявляющаяся в ряде случаев недостаточная компетентность руководящих военных кадров приводит к снижению авторитета управленческих структур, престижа военной службы, а значит, и к снижению кадрового потенциала Вооруженных Сил РФ.

3. Многие проблемы управления формированием руководящего военно-кадрового потенциала связаны с тем, что принятые в интересах решения проблем военнослужащих законы не всегда являются актами прямого действия, что создает обширное поле для подзаконного нормотворчества и необязательности их исполнения. Кадровые органы Вооруженных Сил РФ практически не участвуют в работе по решению социально-бытовых проблем военнослужащих; нарушаются принципы государственной кадровой политики и законодательством Российской Федерации в отношении назначения на ключевые военные посты профессионалов, имеющих профильное образование, навыки, опыт работы, соответствующее должностное прохождение. Нуждается в уточнении концепция государственной военной кадровой политики, нет строго определенных условий и средств кадрового обеспечения реформ на период не менее чем до 2020 г.; не сформулированы важнейшие идеи и не составлены целевые кадровые программы формирования и реализации военно-кадрового потенциала Вооруженных Сил России с ориентацией на будущее.

Список литературы

1. Кужилин В.Ф. Государство и его вооруженные силы. Военный артиллерийский университет. – Саратов, 2000. – 44 с.
2. Кужилин В.Ф. Кадровая политика военного руководства США по формированию офицерского корпуса Вооруженных Сил. – М.: Военная мысль., 2001.-16 с.
3. Кужилин В.Ф., Молчанов Н.П. Комплектование Вооруженных сил основных стран НАТО личным составом. М.: Воениздат, 2004.
4. Кужилин В.Ф. Руководящий военно-кадровый потенциал Вооруженных Сил Российской Федерации: сущность, состояние, методология социологического исследования: Монография. – М.: ВУ, 2004.
5. Кужилин В.Ф., Слипченко В.И. О некоторых проблемах военной реформы России // Альманах №8. М.: Кучково поле, 2003.

BASIC CONTRADICTIONS OF REGULATION OF DEVELOPMENT OF THE MILITARY SUPERVISORS IN MODERN CONDITIONS

S. M. ANIKEEV

ORAGS

e-mail: philos@tsu.edu.ru

The article contains the analysis of the basic problems and contradictions of a regulation system of supervisors for the military personnel and armed forces of Russia. The paper shows the fundamental impacts of the global crisis on the workflow of military personnel selection. The ways to improve the mechanism of management of the military personnel supervising are also offered here.

Key words: military personnel potential, regulation system, vocational training, level of Force alignment, selection and arrangement of officer personnel.

УДК 22.00.08

ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ КАДРОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ АТТЕСТАЦИЯ КАДРОВ В СИСТЕМЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ (БЕЛГОРОДСКИЙ ОПЫТ)

Ю. В. АСТАХОВ*Белгородский
государственный
университет*

В статье рассматриваются проблемы организации кадровой работы управления персоналом в системе муниципальной службы. Научную актуальность и практическую значимость проблемы обуславливает то, что кадровая технология аттестация муниципальных служащих являлась одной из эффективных технологий наряду с системой правовых и организационных институтов влияет на формирование высокопрофессионального кадрового состава органов муниципального управления. В статье анализируется опыт использования и применения данной технологии в администрации города Белгорода.

Ключевые слова: кадровые технологии, аттестация кадров, оценка персонала, муниципальная служба, орган местного самоуправления.

Эффективной апробированной на практике в системе муниципальной службы технологией оценки персонала является аттестация.

По мнению М.В. Паршина, М.В. Кирсанова, «аттестация – кадровое мероприятие, по результатам которого принимается решение о соответствии государственного служащего занимаемой должности с учетом результатов его профессиональной деятельности»¹. А.Я. Ульянова полагает что, «аттестация работников – определение квалификации работников, уровня их знаний и соответствия занимаемой должности»².

В статье 18 Аттестация муниципальных служащих Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» обозначено, что «... аттестация муниципального служащего проводится в целях определения его соответствия замещаемой должности муниципальной службы. Аттестация муниципального служащего проводится один раз в три года»³. На ее основе могут приниматься управленческие решения с включением в управленческую практику других кадровых технологий – должностное перемещение, профессиональное обучение, увольнение персонала и т.д. Объективная оценка вклада муниципального служащего в дела органа местного самоуправления, его профессиональных, личностных качеств и принятые на основании этого кадровые решения могут как подорвать, так и укрепить доверие человека к руководству вообще и к руководителю в частности, стимулировать или снизить его профессиональную и социальную активность.

В законе Белгородской области «Об особенностях организации муниципальной службы в Белгородской области» законодатель не дал четкого определения слову «аттестация», но в ст. 10 п. 1 подчеркнуто, что «квалификационные разряды присваиваются муниципальным служащим представителем нанимателя (работодателем) по результатам квалификационного экзамена или на основании рекомендации аттестационной комиссии, за исключением случаев, предусмотренных частями 2 и 3 статьи 11 настоящего закона»⁴.

¹ См.: Паршин М.В., Кирсанов М.В. Реформа государственного управления в России: взгляд изнутри // Современные кадровые технологии в системе государственной службы. – ГУ ВШЭ, 2004. – С. 6.

² См.: Ульянова А.Я. Кадровый потенциал государственного и муниципального управления // Система государственного и муниципального управления / Под общ. ред. Г.В. Атаманчука – М., 2005. – С. 380.

³ См.: Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ // Российская газета. – 2007. – 7 марта.

⁴ См.: Закон Белгородской области «Об особенностях организации муниципальной службы в Белгородской области» от 24 сентября 2007 года № 150.

Однако, на наш взгляд, регламентированная законодательством модель аттестации муниципальных служащих достаточно формализована, и не содержит в себе технологий, позволяющих вскрыть внутренние, резервные возможности, заключенные в персонале органа местного самоуправления. Оценка деятельности муниципального служащего основывается на его соответствии квалификационным требованиям по замещаемой должности, определении его участия в решении поставленных задач, сложности выполняемой им работы, ее результативности. При этом должны учитываться профессиональные знания служащего, опыт работы, повышение квалификации и переподготовка, а также организаторские способности в отношении соответствующей группы должностей.

Технология аттестации персонала – это система процедур и операций проверки определения соответствия деловой квалификации, уровня знаний и навыков работника, иных общественно значимых качеств занимаемой должности. Применительно к муниципальной службе аттестация – это определение квалификации муниципальных служащих, уровня их знаний в области муниципального управления и соответствия занимаемой муниципальной должности. Она направлена на улучшение качественного состава персонала и эффективное его использование, рост служебной и трудовой активности, повышение ответственности муниципальных служащих за порученное дело. Аттестация – одна из важнейших форм публичного контроля качества профессиональной деятельности работника⁵.

В практическом смысле *главная цель* технологии аттестации состоит в том, чтобы определить, соответствует ли конкретный человек занимаемой муниципальной должности.

Целями аттестации муниципальных служащих являются: формирование высококвалифицированного кадрового состава органа местного самоуправления; установление соответствия руководителей и специалистов занимаемым должностям; выявление перспективы раскрытия потенциальных возможностей руководителей и специалистов; определение необходимости профессиональной подготовки или переподготовки, повышения квалификации руководителей и специалистов; обеспечение профессионального и служебного роста, движения кадров по карьерной лестнице; эффективное профессиональное использование каждого сотрудника в соответствии с его специальностью и уровнем квалификации; стимулирование роста профессионализма и служебной активности сотрудников и др.⁶.

В проведенном нами социологическом исследовании в муниципальных образованиях Белгородской области выяснялось, как часто реализуются на практике отдельные кадровые технологии. В результате, по мнению респондентов, для оценки кадров, «постоянно» кадровые службы используют технологию аттестации кадров. Так считают соответственно 51% от числа опрошенных.

Также, что характерно, в лидеры рейтинга, составленного по количеству голосов отданных за оценку «улучшение» анализа качества использования отдельных кадровых технологий, вошла «аттестация муниципальных служащих», так посчитали – 51% респондентов. В результате, только по этому направлению количество голосов, отданных за «улучшение», было больше, чем за другие оценки. Это свидетельствует о том, что аттестация муниципальных служащих действенная кадровая технология, влияющая на дальнейшее формирование высококвалифицированного кадрового состава органов местного самоуправления и в значительной мере обеспечивает возможность объективно оценить пригодность специалистов к дальнейшей работе, осуществить ротацию и продвижение кадров.

В органе местного самоуправления городского округа города Белгород технология аттестационного процесса состоит из трех этапов: 1. подготовительный; 2. проведение аттестации; 3. заключительный (подведение итогов аттестации) (см. табл. 1)

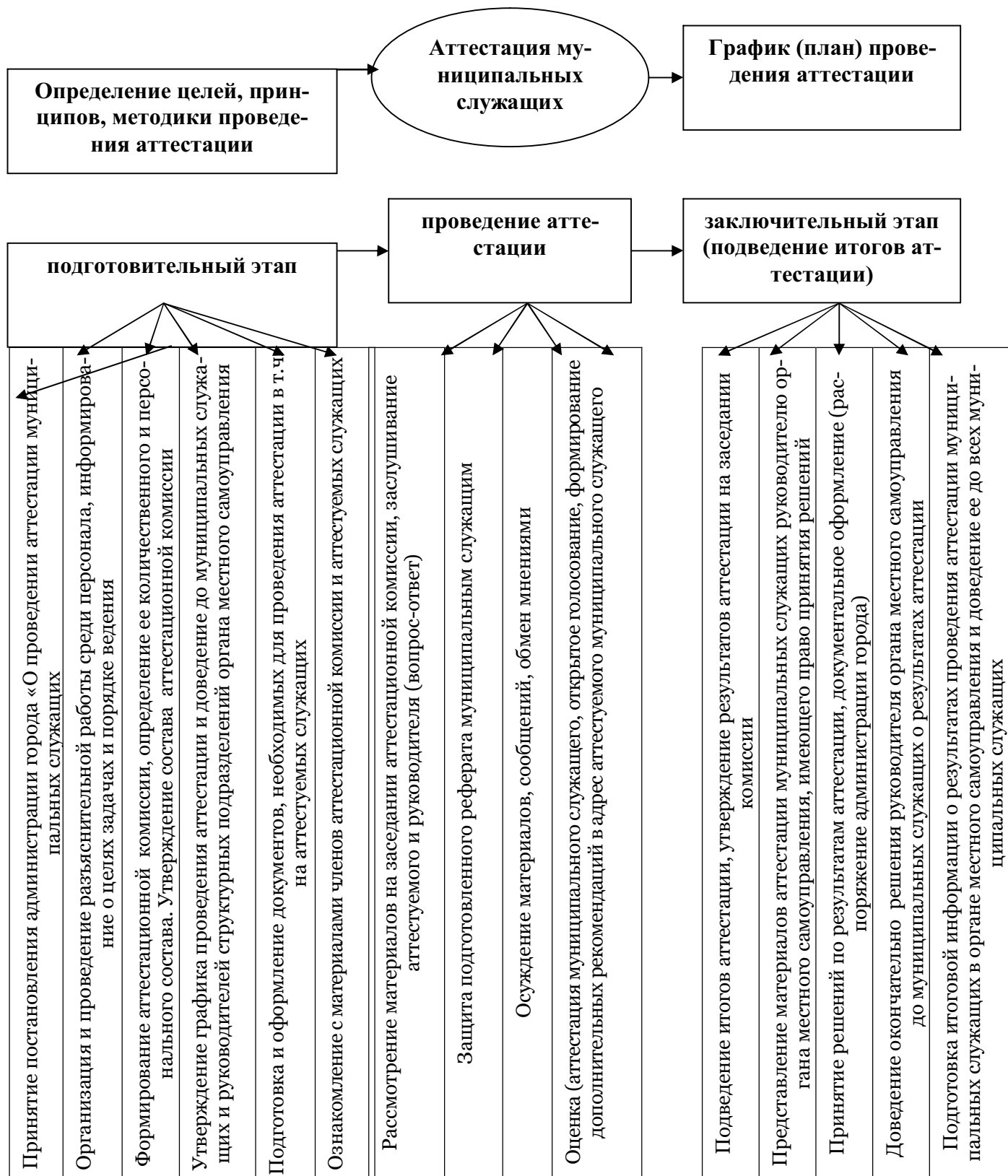
В администрации города Белгорода в последние годы накоплен некоторый позитивный опыт организации подготовки и проведения кадровой технологии – аттестация муниципальных служащих.

⁵ См.: Черепанов В.В. Основы государственной службы и кадровой политики: учеб. пособие для студентов вузов / В.В. Черепанов; В.П. Иванов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007. – С. 470.

⁶ См.: Кадровый потенциал государственной службы: оценка и аттестация / Под общ. ред. А.А. Деркача. М., 2002. – С. 8-24.

Таблица 1

Этапы проведения кадровой технологии аттестации муниципальных служащих в органе местного самоуправления города Белгорода

Руководствуясь Федеральным законом от 2 марта 2007 года №25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», Законом Белгородской области от 24 сентября 2007 года №150 «Об особенностях организации муниципальной службы в Белгородской области», решением Совета депутатов города Белгорода от 4 декабря 2007 года №591 «Об утверждении Положения о порядке проведения аттестации муниципальных служащих органов местного самоуправления города Белгорода» кадровая служба организует эту социальную кадровую технологию, в три этапа. Специфика этой технологии заключается в том, что алгоритм ее практического использования может многократно использоваться, тиражироваться для реализации поставленных стратегических задач. Данная кадровая технология прочно вошла в муниципальную практику управления в первом десятилетии XXI века и доказала обоснованность внедрения и эффективность ее реализации.

В городской администрации для проведения аттестации создано две комиссии:

1. По аттестации и проведению квалификационных экзаменов муниципальных служащих, замещающих высшие и главные должности муниципальной службы администрации города;

2. По аттестации и проведению квалификационных экзаменов муниципальных служащих, замещающих ведущие, старшие и младшие должности муниципальной службы администрации города.

Комиссиями только в 2009 году было проведено 15 заседаний, в ходе которых аттестовано 154 муниципальных служащих, что составляет 29,8 процентов от общего количества муниципальных служащих и 87,5 процентов от количества подлежащих аттестации работников на первом этапе (176 человек). Так выглядит анализ реализации данной кадровой технологии в системе муниципальной службы (см. табл. 2).

Таблица 2

Группа должностей	Количество муниципальных служащих, подлежащих аттестации согласно спискам	Фактически аттестовано в ходе первого этапа
1. Высшие и главные должности муниципальной службы	45	39 (86,6%)
2. Ведущие, старшие и младшие должности муниципальной службы	131	115 (87,7%)
Итого:	176	154 (87,5%)

Мониторинг реализации данной технологии выявил следующие показатели. Так, из общего числа аттестованных муниципальных служащих женщины составили 72,7%, мужчины – 27,3% (в количественном выражении, соответственно, 112 и 42 человека).

В процессе проведения аттестации установлено, что все аттестованные муниципальные служащие соответствуют квалификационным требованиям, как по стажу работы, так и по уровню образования.

Из общего количества аттестованных муниципальных служащих:

- 135 имеют высшее профессиональное образование (87,7%);
- 18 два высших профессиональных образования (11,7%);
- 2 имеют степень кандидата соответственно философских и технических наук.

По итогам аттестации 6 муниципальных служащих комиссией рекомендованы для включения в кадровый резерв администрации города;

– 4 муниципальных служащих рекомендовано направить для обучения по программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации в Институт государственного и муниципального управления Белгородского государственного университета;

– по результатам аттестации присвоен очередной классный чин 13 муниципальным служащим.

Вместе с тем, члены аттестационной комиссии отклонили ходатайство о присвоении очередного классного чина двум муниципальным служащим, перенесена аттестация на очередной срок в связи с неудовлетворительной подготовкой, выявленной при прохождении аттестации одному муниципальному служащему. Данный пример свидетельствует о том, что отдельные служащие все еще имеют недостаточный уровень знаний в области законодательства о муниципальной службе, проявляют незнание основ стратегического развития органа местного самоуправления, современных информационных технологий, Устава городского округа. В этой связи возрастает роль непосредственного руководителя муниципального служащего в вопросах его профессиональной подготовки. Так как именно непосредственный руководитель структурного подразделения играет решающую роль в оценке своего сотрудника (подчиненного) посредством письменного заключения предоставляемого в аттестационную комиссию. Заключение, по мнению ряда экспертов должно содержать следующие критерии оценки:

- *профессиональные знания и опыт аттестуемого* (знания и работа по специальности, полученной в высшем или среднем специальном учебном заведении или в период профессиональной переподготовки и повышения квалификации);
- *деловые качества аттестуемого* (знания правовых основ муниципальной службы, ответственность и исполнительность, инициативность, компетентность в вопросах муниципального управления, организаторские способности, самостоятельность в работе, умение анализировать и выделять главное в своей деятельности, оперативность в принятии решений и контроль за их реализацией);
- *стиль и методы работы аттестуемого* (работа с документами, умение публично выступать, подготовить необходимую статью, информацию, способность разрешать конфликтную ситуацию, пунктуальность, обязательность, умение планировать работу, умение найти общий язык с коллегами);
- *личностные качества аттестуемого* (работоспособность, состояние здоровья, коммуникабельность, умение работать в команде, умение восстановить взаимоотношения с руководителями сторонних организаций, творческий подход к делу, креативность, принципиальность, требовательность, последовательность в работе, самокритичность).

Следует признать, что с одной стороны, данные критерии, которые должен оценить руководитель, только нами обозначены и даны без подробной расшифровки, следовательно, они могут трактоваться на муниципальной практике по-разному. С другой стороны, их не всегда возможно оценить без специальных методов и тестов даже специалисту либо эксперту. Руководитель же структурного подразделения, на которого возлагается ответственность за оценку муниципального служащего, чаще всего не обладает дополнительными знаниями в области педагогики, социологии, психологии личности и труда, но, и максимально субъективен, что так же может послужить источником ошибочного конечного представления о сотруднике. Данные проблемы, как мы полагаем, необходимо решать комплексно, с учетом наработанного опыта и практики муниципального управления, как в регионе, так и в муниципальных образованиях субъектов РФ.

Таким образом, подготовка и проведение аттестации муниципальных служащих в органе местного самоуправления, с одной стороны, способствует дальнейшему росту профессионального мастерства работников, эффективности работы структурных подразделений администрации муниципального района (городского округа), а с другой стороны, аттестация как кадровая технология позволяет достаточно самокритично проанализировать деятельность муниципальных служащих по выполнению ими функциональных обязанностей, подготовленного реферата, использование и применение на практике нормативных правовых актов федерального, регионального и местного значения, более четко определить роль и место аттестуемого в реализации на муниципальном уровне стратегических планов действий органов местного самоуправления на перспективу.

Кроме того, механизм реализации, сама технология аттестации и её результаты позволяют членам аттестационной комиссии оценить степень развития у аттестуемых муниципальных служащих профессиональных качеств, креативности мышления, выявить потенциальные возможности личности, дать рекомендации по дальнейшей профессиональной подготовке, переподготовке, включить наиболее подготовленных муниципальных служащих в резерв кадров на вышестоящие муниципальные должности.

Итак, оценка и аттестация муниципальных служащих содействует выявлению общего состояния кадрового потенциала органа местного самоуправления, определению профессионального уровня каждого сотрудника, формированию резерва кадров.

Список литературы

1. Астахов Ю.В., Аттестация муниципальных служащих как кадровая технология в системе муниципальной службы. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании 2006. Том 8. Педагогика, психология, и социология. – Одесса: Черноморье, 2006. С. 30-35.
2. Закон Белгородской области «Об особенностях организации муниципальной службы в Белгородской области» от 24 сентября 2007 года № 150.
3. Кадровый потенциал государственной службы: оценка и аттестация / Под общ. ред. А.А. Деркача. М., 2002. – С. 8-24.
4. Коргова М.А., Кадровый менеджмент: Учебное пособие/ М.А. Коргова. – Ростов н/Д.: Феникс, 2007. – 465 с.
5. Лукичева Л.И., Управление персоналом : учеб. пособие / Л.И. Лукичева; под ред. Ю.П. Анискина – 5-е изд., стер. – М.: Издательство «Омега-Л», 2009. – 263 с.
6. Паршин М.В., Кирсанов М.В. Реформа государственного управления в России: взгляд изнутри // Современные кадровые технологии в системе государственной службы. – ГУ ВШЭ, 2004. – С. 6.
7. Патрушев В.И., Основы общей теории социальных технологий. – М.: Издательство ИКАР, 2008. – 320 с.
8. Система государственного и муниципального управления: Учебник / под общ. ред. Г.В. Атаманчука. – М.: Изд-во РАГС, 2005. – 488 с.
9. Ульянова А.Я. Кадровый потенциал государственного и муниципального управления // Система государственного и муниципального управления / Под общ. ред. Г.В. Атаманчука – М., 2005. – С. 380.
10. Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ // Российская газета. – 2007. – 7 марта.
11. Черепанов В.В. Основы государственной службы и кадровой политики: учеб. пособие для студентов вузов / В.В. Черепанов; В.П. Иванов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007. – С. 470.

PRACTICE OF PROFESSIONAL CERTIFICATION IN MUNICIPAL SERVICES (THE CASE OF BELGOROD)

Y. V. ASTAKHOV

Belgorod State University

The paper discusses the issues of personnel management in municipal services. The scientific and practical relevance of the issue is reflected in the impact of efficient personnel certification technologies, along with legal and organizational institutions, on the creation of highly competent and personnels in municipal services. The paper analyzes the case of appliance of these technologies in the Belgorod administration.

Key words: personnel management technologies, ceretification of personnel, municipal services, local government.

УДК 159.9: 6

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИНВЕРСИИ РЕВОЛЮЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ ЭТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

О. С. БОРИСОВА*Белгородский
государственный
университет**e-mail: borisova@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается проблема определения революции в философском дискурсе. Революция рассматривается как концепт, возникающий на пересечении политического, религиозного и этического измерения философии.

Ключевые слова: революция, концепт, философия, этика.

Предполагаемый нами анализ форм репрезентации Октябрьской революции 1917 с последующей экспликацией этического содержания этого события, как и всякое иное исследование, требует установления «границ текстуальности», что подразумевает несколько задач. Во-первых, это инструментализация основных понятий, значение которых совсем не однозначно. Во-вторых, мы смеем предположить, что существующая в социогуманитарных дисциплинах традиция в рассмотрении революции может если не препятствовать, то, по крайней мере, не способствовать выявлению этического измерения революции как таковой. Во всяком случае, свою задачу мы видим разделенной надвое, в анализе существующих подходов к определению революции и определении адекватной методологии, позволяющей рассмотреть революцию в ее сопряжении с этическим.

Стоит указать на то, что при решении первой задачи мы сосредотачиваем свое внимание на революции как объекте концептуализации различных дисциплин с учетом исторической динамики смыслов данного концепта. В своем первом приближении к революции мы обозначим его именно как концепт в его делезовском смысле¹, поскольку, революция для нас действительно есть некая множественность, возникающая на пересечении различных дискурсов, художественных, религиозных, научных. Как отмечает Л. Бляхер и А. Павлов революция не столько концепт или понятие, сколько «блуждающая», кочующая метафора: «возникнув как научно-религиозное понятие, оно перекочевывает в область политической публицистики. Оттуда понятие совершает метафорический перенос в сферу философии и науки, обретая статус концепта, инструмента исследования реальности. Однако и в качестве концепта «революция» не задерживается. XX столетие вновь вбрасывает «революцию» в сферу публицистики и даже повседневного общения»².

Ограничивая сферу наших изысканий дискурсом социогуманитарного знания, стоит упомянуть о происхождении самого слова, которое как термин возникает в эпоху Возрождения в дисциплинарном пространстве космологии и означает вращение³. Понятийный дрейф революции из сферы естественнонаучного дискурса в дискурс политический был вызван, прежде всего, Английской революцией XVII в. и Великой французской революцией, что отмечается целым рядом авторов⁴. Т. Гоббс в «Левиафане», Д. Локк в

¹ См. Делез, Ж. Что такое философия? М., 2009. – 261 с.

² Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе/ под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. – СПб., 2008. – С. 6.

³ См.: Hatto, A. "Revolution": an Enquiry into the Usefulness of an Historical Term// Mind new series. №58 (232). 1949. Цит. по Dunn, J. Revolution// Political Innovation and Conceptual Change/ Ed. Ball T., Farr J., Hanson R.I. Cambridge. 1989.

⁴ См. Завалько, Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. - М., 2005; Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе/ под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. – СПб., 2008.

работе «Два трактата о правлении», Д. Юм употребляют это слово для номинирования необратимых изменений в политической жизни государства, оценивая их с консервативных позиций.

Рефлексия событий 1789г. складывалась в контексте исторической эпохи в связи с противостоянием религии и секуляризма, духом Просвещения и рационализма, а также в сравнении с такими явлениями как «бунт» и «восстание» (прежде всего «английским восстанием», осмысленным позднее как революция). В этом понятийном ряду революция связывалась с качеством необратимости происходящих событий и кардинальных перемен⁵.

В отличие от бунта или восстания, которые укладывались в привычную систему координат форм политического оппозиционализма, признанных форм насилия и сопротивления, революция явно выпадала из этого ряда. Тому свидетельством попытки теоретического освоения произошедшего в рамках философского дискурса представленные именами Э. Берка и Ж. де Местра. В работе Э. Берка Размышления о революции во Франции мы можем найти трактовку этого события как революции и как бунта, что свидетельствует о «конфликте интерпретаций», существовавшей в обществе и собственной, консервативной, позиции автора⁶. Слово революция еще не обрело понятийного статуса и используется скорее как метафора: «Французская революция - удивительнейшее в мире событие. Самые высокие цели достигаются, и тому есть множество примеров, средствами совершенно абсурдными, смешными и презренными. В этом странном хаосе легкомыслия и ярости каждый предмет утрачивает свою природу, и все виды преступлений смешиваются со всеми видами безумств. При виде того, что происходит в этом чудовищном трагикомическом спектакле, где бушуют противоречивые страсти, зритель поочередно оказывается во власти презрения и возмущения, слез и смеха, негодования и ужаса»⁷. Очевидно, что рационализация общества «до» революции и «после» возможна для Э. Берка, но сама революция остается необъяснимой и соотносима с безумием не поддающимся анализу.

Подобный сбой в моделях объяснения явления революции мы находим в работе Ж. де Местра «Рассуждения о Франции». В отличие от Э. Берка, который находится в русле рационалистической новоевропейской политико-идеологической парадигмы и пытается освоить явление консервативной политической теории, де Местр вводит революцию в пределы дискурса политико-религиозного.

Революция остается непонятной и непознанной ни в своих причинах и акторах, но она поражает автора своей экспансивной природой, способной захватывать разум людей: «Самое поразительное во французской Революции - увлекающая за собой ее мощь, которая устраняет все препятствия. Этот вихрь уносит как легкие соломинки все, чем человек мог от него заслониться: никто еще безнаказанно не смог преградить ему дорогу»⁸. Сами люди оказываются не более чем марионетками в спектакле неведомой и необъяснимой силы революции: «С полным основанием было отмечено, что французская Революция управляет людьми более, чем люди управляют ею. Это наблюдение очень справедливо, и хотя его можно было бы отнести в большей или меньшей степени ко всем великим революциям, однако оно никогда еще не было более разительным, нежели теперь»⁹.

Революция для де Местра оказывается необъяснима исходя из объективных факторов, себя самой и своих акторов. Она детерминирована своей анти-христианской природой: «...время от времени происходят чрезвычайные события, которые ужасающе увеличивают его, будь то пунические войны, триумvirаты, победы Цезаря, вторжение варваров, крестовые походы, религиозные войны и война за испанское наследство, французская Революция и т.д... Прежде всего, когда человеческая душа утратила свою энергию

⁵ Валлерстайн, И. После либерализма. М., 2003. – С. 76.

⁶ Например: «Французский бунт против мягкой и законной монархии принял характер более издевательский, яростный и оскорбительный, чем если бы народ выступал против узурпатора или самого кровавого тирана». Берк, Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993.

⁷ Берк, Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993. – 144 с.

⁸ Местр, Ж. де. Рассуждения о Франции. М., 1997. - С. 15.

⁹ Местр, Ж. де. Рассуждения о Франции. М., 1997. - С. 18.

из-за изнеженности, неверия и гангренозных пороков, сопутствующих излишествами цивилизации, эта душа способна быть вновь закалена только кровью»¹⁰. Очевидно, что революция помещается в контекст христианских представлений о наказании за греховность человека и его несправедное поведение.

Стоит отметить, что работы указанных авторов являют собой пример не только аналитики происходящего с позиции политико-консервативной мысли, но также попытку этического осмысления. Во многом обращение к этому аспекту проблемы революции было неизбежным, поскольку было обусловлено вовлеченностью авторов в событие, а также дискурсивными особенностями научной концептуализации, предполагающей амбивалентность политики и религии, разума и веры, при неизменном посредничестве этики.

Вместе с тем, традиция Просвещения предлагала иные объяснительные модели, основывавшиеся на рациональном истолковании предпосылок явления и стремящиеся к уподоблению естественнонаучному дискурсу. Тот же принцип объяснения мы находим у Ж.-Ж. Руссо в его работе «Об общественном договоре...»: «Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах. Иной мнит себя повелителем других, что не мешает ему быть рабом в большей еще мере, чем они. Как совершилась эта перемена? Не знаю. Что может придать ей законность? Полагаю, что этот вопрос я смогу разрешить. Если бы я рассматривал лишь вопрос о силе и результатах ее действия, я бы сказал: пока народ принужден повиноваться и повинует, он поступает хорошо; но если народ, как только получает возможность сбросить с себя ярмо, сбрасывает его, – он поступает еще лучше; ибо, возвращая себе свободу по тому же праву, по какому ее у него похитили, он либо имеет все основания вернуть ее, либо же вовсе не было оснований ее у него отнимать. Но общественное состояние – это священное право, которое служит основанием для всех остальных прав. Это право, однако, не является естественным; следовательно, оно основывается на соглашениях»¹¹.

Знаменитая фраза Руссо осмысленная с позиции этики революции подкрепляет наше убеждение в том, что проблемы должного, дозволенного и не дозволенного как сторонников, так и противников самой революции осмысливались в общей парадигме философии эпохи Просвещения. Мы подразумеваем под этим тот факт, что революция трактуется как закономерность, часть естественного хода вещей детерминированных естественными законами развития природы и общества (преимущественно сторонники революции) или же законами божественного возмездия.

Другой особенностью восприятия революции была высокая степень ее «обобщения», поскольку действующим лицом признавался народ; личность же, единичный субъект элиминировался этой общностью – категорией: «Итак, если мы устраним из общественного соглашения то, что не составляет его сущности, то мы найдем, что оно сводится к следующим положениям: «каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого»¹².

Мы можем предположить, что вместе с растворением части-человека в целом народе происходит устранение этического измерения из дискурса о революции. Совокупность высказываний о революции (дискурс о революции) утрачивают способность морально-нравственной сигнификации поскольку она неприменима к народу. Он есть изначально легитимное, естественное и потому находящееся в некотором роде вне координат оценочности.

В этом смысле наше предположение созвучно тезису С. Хоружего о рассогласованности этики и европейской гуманитарной науки: «Сегодня европейский разум имеет в своем распоряжении феноменально обширную базу антропологических данных; однако при этом стало в огромной мере неведомо, как человеческая личность может и должна действовать и есть ли вообще какие-либо прочные вехи, устои в этических измерениях ее ми-

¹⁰ Местр, Ж. де. Рассуждения о Франции. М., 1997. - С.48-49.

¹¹ Руссо, Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права. По изд.: Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М., 1998. – С.5-7.

¹² Руссо, Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права. По изд.: Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М., 1998. – С.40.

ра»¹³. Только процесс расхождения знания о человеке (об истории, обществе и революции в данной связи) следует датировать иначе, начиная не с Нового времени, а с эпохи Просвещения, которая оперирует преимущественно собирательным субъектом – народом.

Дальнейшее осмысление революции в философии усиливает названный нами момент «отвлеченности», проявляющийся в тенденции рассматривать проблему в духе закономерности-естественности процессов. Так следующей значительной вехой на этом пути можно считать работу Г.В.Ф. Гегеля «Феноменология духа», в которой революции укладываются в общую схему динамики формообразований духа. Подчас не называя явление конкретно, Гегель очерчивает его контуры, маркирует пространство терминами «свободы», «Просвещения», «власти», «народа», «собственности»: «Обращенное против веры как против чуждого, лежащего по ту сторону царства сущности, оно есть просвещение. Просвещение завершает отчуждение и в этом царстве, куда спасается отчужденный дух как в сознание равного самому себе покоя; оно вносит хаос в хозяйство, которое дух здесь ведет, тем, что вносит в него утварь посягательства на мир, которую тот не может не признать своей собственностью, потому что его сознание в равной мере принадлежит этому миру. – В то же время чистое здравомыслие реализует в этом негативном занятии себя само и создает свой собственный предмет – непознаваемую абсолютную сущность и полезное»¹⁴.

Помещение революции в сугубо философскую систему координат и соотнесение ее с понятиями самосознания, духа и воли позволяет «примирить» хаос и порядок, революцию и контрреволюцию, придав интересующему нас явлению статус закономерности. Будучи воплощением отчужденного духа, своеобразной точкой «зависания» в его саморазвитии, революция еще должна прийти, по мысли Гегеля, к морали: «Так как таким образом действительность потеряла всякую субстанциальность и в ней ничто уже более не есть в себе, то как царство веры, так и царство реального мира низвергаются, и эта революция порождает абсолютную свободу, благодаря чему прежде отчужденный дух полностью уходит назад в себя, покидает эту страну образованности и переходит в другую страну – в страну морального сознания»¹⁵.

Складывается специфическая ситуация расщепления сферы знания (о человеке, обществе, мире в целом) и самой реальности как сферы практики, непосредственной жизни, поскольку революция как явление (жизни) несло чрезвычайно мощный этический заряд, что отразилось в ее девизе «Свобода, равенство и братство». Вместе с тем, сам Гегель дает объяснение сложившейся ситуации: «Мир этого духа распадается на два мира; первый есть мир действительности или мир самого отчуждения духа, а второй мир есть мир, который дух, поднимаясь над первым, сооружает себе в эфире чистого сознания»¹⁶.

Следовательно, разделенность «мира знания» и «мира практики» есть разные режимы функционирования отчуждения сознания. Отторжение реальности в пользу чистого сознания не приводит к возникновению этики как таковой, как системы взаимосотнесенных моральных норм, но скорее к отвлеченной императивности весьма слабо связанной с непосредственной практикой. Возможно, что только позднее ценности веры будут освоены самосознанием и приняты в качестве морального основания. «Феноменология духа» дает своеобразное обещание этики, но не ее саму.

К последующим наиболее значительным интерпретациям революции можно отнести работы Т. Карлейля («Французская революция. История»); А. де Токвиля («Старый порядок и революция»); О. Конта («Дух позитивной философии») и К. Маркса («Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»). Не останавливаясь на идеях этих авторов (за исключением К. Маркса)¹⁷, отметим их общую черту, заключающуюся в отсутствии этического измерения рассматриваемой проблемы революции.

¹³ Хоружий, С. С. Кризис классической европейской этики в антропологической перспективе / Этика науки. - М.: ИФРАН, 2007. - С. 85-97.

¹⁴ Гегель, Г.В.Ф. Сочинения Т. IV., М., 1959. – С. 263.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Гегель, Г.В.Ф. Сочинения Т. IV., М., 1959. – С. 263.

¹⁷ Подобный анализ можно найти в работе А. Павлова ««Понятие» революции в политической философии» / Концепт «революция» в современном политическом дискурсе. СПб., 2008. – С. 90.

В работах основателей марксизма мы находим научную концепцию революции как составной части материалистического понимания истории. В наиболее концентрированном виде суть революции отражена в известной фразе Маркса о противоречии между развивающимися производительными силами и отстающими отношениями собственности¹⁸.

Вместе с тем, сама задача построения научной теории пролетарской борьбы вполне укладывается в общую схему восприятия революции как естественного процесса, сродни процессам естественным. Вот что говорит Ф. Энгельс о концепции Маркса в предисловии к «18 брюмера Луи Бонапарта»: «Именно Маркс впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба - совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области - в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновение между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена...»¹⁹.

Революция уподобляется естественным явлениям, подобным «закону превращения энергии». Следовательно, нет места оценке, подобно тому, как нет места этическому в проявлении сил природы. У Маркса революция это явление социального и политического порядка, которые, в свою очередь, подчинены внутренней логике развития, объективной по сути и подчиненной идее прогресса. Именно посредством этой идеи этическое «входит» в революцию у Маркса или скорее подразумевается. Прогресс выступает своеобразной «индугенцией» или «местоблюстителем», поскольку подразумевает процедуру отмены этического в отношении революции и даже предрешенности самого подобного предприятия: «Переключаясь с «промышленной революцией», с урбанизацией и размахом колониализма, она придала им на какое-то время почти метафизическое значение, возведя в ранг закона однолинейность развития человечества, где *история, научная правда и этические побуждения едины*»²⁰. (курсив мой, О.Б.)

Как верно отметил Т. Шанин, идея прогресса всегда находится в связке с историей, наукой, истиной, объективностью, etc. Вместе с тем, своим основанием идея имеет сугубо религиозную мотивировку спасения, да и кристаллизация прогресса в структурах европейского сознания происходила в эпоху средневековья. Посему, не есть ли подобная «маскировка» у Маркса следствие его материализма, равно как и отрыв самой идеи от своего основания, своеобразный дискурсивный дрейф из дискурса религиозного в философский.

Возможно, что гегельянское «пророчество» о возникновении этического на месте преодоленного (снятого) отчуждения сознания в абсолютной свободе реализуется в марксизме посредством идеи прогресса?

Не есть ли фраза о «духе революции» отголоски мистицизма в трактовке революции или наследием гегелевской философии и ее категориального аппарата?

Сама же фраза есть еще одно подтверждение нашей гипотезы о разделении собственно этического и событийного, так сказать должного (в его предписываемом или желаемом варианте) и происходящего (собственно праксиса, прагматики революции). Хотя, безусловно, прежде всего, Маркс указывает на символизацию революции, своеобразном режиме «маскировки» истинных целей, состоящих в классовых противоречиях. Но сама характеристика, даваемая Марксом, позволяет увидеть еще и этическую «изнанку» данного процесса, трагикомическое исторических повторений подразумевает «дух» должного.

Следует отметить, что марксистская концепция революции складывалась в диалоге и противостоянии с целым рядом течений: анархизмом, в лице его лучших представителей П.А. Кропоткина и М.А. Бакунина; анархо-синдикализмом (А.О. Оливетти, А. Лабриола, Ж. Сорель); а позднее течениями в самом марксизме (ревизионизм Э. Бернштейна и К. Каутского). Не останавливаясь на нюансах указанных концепций в их сравнении с марксизмом, отметим общую черту, продолжающую тенденцию Просвещения и заклю-

¹⁸ Маркс, К. К критике политической экономии / Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. – С. 7.

¹⁹ Энгельс, Ф. Предисловие. / Маркс, К. 18 брюмера Луи Бонапарта / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, С. 374-376.

²⁰ Шанин, Т. Идея прогресса // The Post-Development Reader Ed.by Majid Rahnema with Victoria Bowtree. L., 1997.

чающуюся в отсутствии этического измерения революции. Сама же революция трактуется как явление объективное, социальное, прежде всего, в терминах качественного прогрессивного общественного изменения.

Таким образом, анализ различных концепций революции, довольно схематичный и не претендующий на полноту, позволил нам выявить тенденцию в соотношении социогуманитарного (и, в частности, философского дискурса о революции (знания) и этического (измерения проблемы в категориях должного). Она заключается в утрате этического или, иначе говоря, объекты оценивания в рамках системы морально-нравственных координат исключаются из данного дискурса.

Сам же дискурс о революции, руководствуясь телеологическим принципом, можно разделить на тот, который ставит своей целью изучение самой революции; и тот, который сосредоточен скорее на «до» и «после», революция играет роль инициатора «дискуссии».

Рецепция идеи революции, ее теории, метафизического основания, культурного контекста и этического «подразумеваемого», в России происходило несколькими этапами.

Первый связан с восприятием идей Просвещения и осмыслением Великой французской буржуазной революции. Он всецело прошел под знаком неприятия революции, соотнесен с собственным опытом народного бунтарства. Именно в этом контексте была написана работа Ф.И. Тютчева «Россия и революция», в которой революция понималась как антихристианское явление²¹. Вместе с тем, даже негативный образ революции побудил русскую мысль к осмыслению, прежде всего, проблемы общественного переустройства. Мы говорим, прежде всего, не только в смысле приоритетности, но также первичности, поскольку заимствованный дискурс о революции выстраивался вокруг революции социальной (преимущественно).

Однако столь актуальные для Европы проблемы форм правления, соотношения власти и общества, а в интерпретации отечественных мыслителей власти и народа, приобретают несколько иные коннотации. Религиозная в своих основаниях, русская мысль вносила в дискурс о революции совершенно новое, в том числе и интересующее нас этическое измерение. Просвещенческий социополитический объективизм был дополнен проблемами насилия в революции, дозволенного и недозволенного, счастья народного/личного и многим другим, что можно назвать субъективным уровнем проблематизации революции. Следует отметить, что этический ракурс русской религиозной философии, в том числе отмечаемая многими отрицательная черта морализаторства, свойственная интеллигенции, отчасти была присуща и самим авторам сборников «Вехи» и «Из глубины». Чуткие к происходящим изменениям, русские мыслители в статьях 1918г. гораздо меньше говорят о морализаторстве революционеров, что было связано с извлечением уроков 1905 г., появлением партий значительно отличавшихся от народофильского движения (партия Социалистов революционеров, РСДРП), а также совершенного нового явления, фигуры «профессионального революционера».

Дискурс о революции в изложении самих революционеров обретает черту, которую можно назвать не просто прагматизмом, а технологизмом. Зарождается то, что впоследствии будет названо революционными технологиями. В качестве примера позволим себе привести цитату из работы В.И. Ленина «Государство и революция», в которой он описывает «алгоритм» установления новых общественных отношений: «Учет и контроль – вот главное, что требуется для «налажения», для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие... Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну...»²².

Не вдаваясь в подробный анализ идеи В.И. Ленина о революции (что не является нашей целью), отметим возобладавшую тенденцию, суть которой состояла в «технологическом повороте» дискурса о революции. Революция как объект анализа лишается своего метафизического и этического измерения и трактуется как закономерное явление развития социума, имеющее свои предпосылки, законы развития, движущие силы и прочие атрибуты объективного явления, препарированного научной рациональностью. В этом ключе развивалась теория революции XX века.

²¹ Тютчев, Ф.И. Россия и революция // Тютчев, Ф.И. Полн. Собр. Соч.: В 6т. Т.3. М., 2003.

²² Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд.: Т. 33. – С. 101-102.

Приоритет в исследовании революций следует отдать американским исследователям, которые начиная с 20-х гг. XX века создают субдисциплину для изучения проблемы революции на стыке истории, социологии и политологии. Мощный толчок развитию подобных теорий в 50–60е годы дало послевоенное национально-освободительное движение в странах третьего мира. Теоретическое осмысление этих процессов осуществлялось преимущественно в рамках системной теории и агрегативно-психологического подхода. Представителями первого были Смелзер и Джонсон; второго Дэйвис и Гарр.

Нил Смелзер отталкивался от работ Парсонса и Мертона, рассматривая революцию в контексте общей теории поведения²³. Чалмерс Джонсон отводит революции роль отклонения в работе нормально функционирующей общественной системы²⁴. Оно может происходить под воздействием целого ряда факторов: «...во-первых, из-за кризиса социализации; во-вторых, из-за нецелесообразного распределения ролей внутри социальной системы; в-третьих, когда общество больше не соглашается с ранее установленными целями; в-четвертых, когда проявляющиеся в результате этого конфликты не решаются мирным путем»²⁵.

Представители другого направления, в частности Тэд Гарр в работе «Почему люди бунтуют», исходят из приоритета психологических факторов в определении революции. В самом общем виде на возникновение революции, которая рассматривается в работе не самостоятельно а в ряду иных форм социального протеста, влияют три фактора: 1) недовольство людей («относительная депривация»); 2) представления людей относительно возможного риска и ожидаемых благ; 3) соотношение между возможностями людей к действию и способами противодействия и «каналирования» протеста у государства²⁶. То есть в данной теории революция как явление конструируется на пересечении субъективных (ожидания и желания людей) и объективных (способы доступные для протеста) факторов.

Со второй половины 60-х в качестве теоретического основания теорий революции усиливается роль марксизма и французской школы «Аналлов». В качестве представителей этого периода можно назвать Чарльза Тилли и Теду Скочпол. Ч. Тилли определяет революцию следующим образом: «насильственная передача власти над государством, в ходе которой, по меньшей мере, две различных коалиции соперников предъявляют взаимоисключающие требования в отношении права контролировать государство, и некоторая значительная часть населения подчиняется фрисдикции государства и уступает требованиям каждой коалиции»²⁷. В теории Тилли решающую роль играют претенденты на власть, которые обладая определенным ресурсом, выступают в роли оппонентов существующей власти.

Т. Скочпол указывает на наличие таких ключевых факторов в революции как дисфункция государственных структур и активизация «маргинальной элиты» на фоне «международного давления». Революция, по ее мнению, есть не что иное как: «стремиТЕЛЬная, коренная трансформация государственных и классовых структур общества, сопровождаемая и частично поддерживаемая классовыми восстаниями снизу»²⁸.

Таким образом, дискурс о революции в институциональном поле гуманитарных наук выстраивается вокруг довольно ограниченного круга объектов. Среди них, как и в XIX веке, народ, классы, государство, власть; что есть так называемые объективные составляющие. Наряду с ними анализ революции может затрагивать сугубо субъективные факторы, подобно представлениям, желания, ожиданиям людей в теории Т. Скочпол.

²³ Smelser, N.J. *Theory of Collective Behavior*. N.Y., 1962.

²⁴ Jonson, C. *Revolution and the Social System*. Stanford, 1966.

²⁵ Никифоров, А. Революция как объект политического осмысления / Концепт «революция» в современном политическом дискурсе. Спб., 2008. – С.133.

²⁶ Garr, T.P. *Почему люди бунтуют*. Спб., 2005. С.30.

²⁷ Tilly, C. *European Revolutions. 1492-1992*. Oxford, 1993. P.8. / Пэйдж, М. Джеффри Обнаруживая революционность в революции / Концепт «революция» в современном политическом дискурсе. Спб., 2008. – С. 150.

²⁸ Skocpol, T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge, 1979. P.4. / Пэйдж, М. Джеффри Обнаруживая революционность в революции / Концепт «революция» в современном политическом дискурсе. Спб., 2008. – С. 150.

Таким образом, с позиций исходного для нас дискурса философии мы позволим себе обобщить представленную и далеко не исчерпывающую совокупность высказываний о революции, знания о революции. Наше исходное предположение об утрате этического измерения западной философией подтвердилось. Дискурс о революции выстраивается в пространстве пересечения объектов, не поддающихся измерению по шкале должного. Ими стали: народ, государство, власть, классы, классовые противоречия, коммуникация. Возникает вопрос о состоятельности философии в анализе собственно этических объектов вне связи с политикой, историей или социумом.

Список литературы

1. Берк, Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993.
2. Валлерстайн, И. После либерализма. М., 2003.
3. Гарр, Т.Р. Почему люди бунтуют. Спб., 2005.
4. Гегель, Г.В.Ф. Сочинения Т. IV., М., 1959.
5. Делез, Ж. Что такое философия? М., 2009.
6. Завалько, Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. - М., 2005;
7. Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе/ под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. – СПб., 2008.
8. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд.: Т. 33.
9. Маркс, К. К критике политической экономии / Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. 2-е изд. Т.13.
10. Местр, Ж. де. Рассуждения о Франции. М., 1997.
11. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М., 1998.
12. Тютчев, Ф.И. Россия и революция // Тютчев, Ф.И. Полн. Собр. Соч.: В 6т. Т.3. М., 2003.
13. Хоружий, С. С. Кризис классической европейской этики в антропологической перспективе / Этика науки. - М.: ИФРАН, 2007. - С. 85-97.
14. Шанин, Т. Идея прогресса // The Post-Development Reader Ed.by Majid Rahnema with Victoria Bowtree. L., 1997.
15. Энгельс, Ф. Предисловие. / Маркс, К. 18 брюмера Луи Бонапарта / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16.
16. Dunn, J. Revolution// Political Innovation and Conceptual Change/ Ed. Ball T., Farr J., Hanson R.I. Cambridge. 1989.
17. Hatto, A. "Revolution": an Enquiry into the Usefulness of an Historical Term// Mind new series. №58 (232). 1949.
18. Skocpol, T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge, 1979. P.4.
19. Smelser, N.J. Theory of Collective Behavior. N.Y., 1962.
20. Tilli, C. European Revolutions. 1492-1992. Oxford, 1993. P.8.
21. Jonson, C. Revolution and the Social System. Stanford, 1966.

CONCEPTUAL INVERSIONS OF REVOLUTION IN CONTEXT OF PROBLEMATIZATION OF ETHICAL DIMENSION

O. S. BORISOVA

Belgorod State University

e-mail: borisova@bsu.edu.ru

The article discusses the issues of definition of revolution in terms of philosophical discourse. The revolution is observed as a concept to emerge on the cross-point of political, religious and ethical philosophical dimensions.

Key words: revolution, concept, philosophy, ethics.

УДК 134/3.78

К ПРОБЛЕМЕ ФИЛОСОФСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТРУДА

М. Ю. ВОЛОШИН¹
И. В. СЕМЧЕНКО²
В. В. ГАШКОВ

*Белгородский
государственный
университет*

¹*e-mail: volochin@bsu.edu.ru*

²*e-mail: semchenko@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается проблема философского определения труда как концепта и перцепта в рамках теорий К. Маркса, М. Вебера и теории мотивации труда. Выявляются методологические возможности структурного психоанализа Ж. Лакана в осмыслении концепта труда.

Ключевые слова: труд, мотивация труда, субъект, К. Маркс, М. Вебер, Ж. Лакан.

Философские координаты проблемы труда довольно обширны, а сама тема имеет сложившуюся традицию рассмотрения. В связи с этим представляется актуальным обозначить новые направления в исследовании этой ставшей традиционной проблемы.

Не ставя себе целью дать исчерпывающий анализ философских трактовок труда, остановимся на основных концепциях, лежащих в основании современного его понимания. В качестве таких мы полагаем идеи К. Маркса и М. Вебера. Диалектико-материалистический анализ феномена труда позволил Марксу сделать вывод не только о исторической изменчивости форм труда, но также о его двойственной природе. Труд, в контексте теории марксизма, можно охарактеризовать как раздвоенный на позитивный, изначально связанный с собственно человеческим в человеке, и негативный, так называемый «отчужденный труд», противоположный первому.

В основании этого процесса лежит механизм объективации, когда труд превращается в свою противоположность или «опредмечивается», то же происходит и с человеком: «предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое *чуждое существо*, как *сила, не зависящая* от производителя. Продукт труда есть труд, закрепленный в некотором предмете, овеществленный в нем, это есть *опредмечивание труда*... осуществление труда, это его претворение в действительность выступает как *выключение рабочего из действительности*, опредмечивание выступает как *утрата* предмета и закабаление предметом, *освоение предмета* – как отчуждение»¹.

Несколько упрощая, можно сказать, что есть «первый» труд, естественный, создающий человека как «трудящееся животное» отличное от других животных, и есть «второй» труд, уже не слитный с человеком, не прилегающий к нему по его природе, отстраненный от него и изымающий у него его сущность, отталкивающий его в мир объектов. И «первый», и «второй» составляют диалектическое единство, разрешающееся в «освобожденном» труде уже за пределами капитализма.

М. Вебер, предлагая альтернативный анализ в работе «Протестантская этика и дух капитализма», исходит из иных оснований, помещая труд в пространство таких понятий как дух, культура, религия. Свою задачу он определяет следующим образом: «...речь идет об обусловленности «хозяйственного мышления», «этоса» данной формы хозяйства определенной религиозной направленностью. Иллюстрацией этой обусловленности должна служить связь современного хозяйственного «этоса» с рациональной этикой аскетического протестантизма...»² Труд есть данность для человека, поскольку он обладает потребностями, но их удовлетворение может происходить в различных формах, детерминированных морально-религиозными императивами.

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, стр. 41-174.

² Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 1997. – С.46.

Несмотря на разность исходных оснований, общим является «горизонт» анализа труда, то есть необходимость его обоснования. Очевидно, что такая установка предопределена изначально, до аналитической и по своей сути иудео-христианской мировоззренческой установкой, согласно которой труд является следствием искажения природы человека, последствием его грехопадения.

Своеобразная ревизия этого «бессознательного» философии труда, происходит вне рамок философского дискурса, в психологии, социологии и менеджменте. Наиболее очевидно это проявляется в различных теориях мотивации, от А. Маслоу, до Ф. Херцберга и Д. МакГрегора, выбирающих в качестве исходного потребности и купе с их биологической и социокультурной обусловленностью³. Рассмотрение в качестве оснований труда потребности носит сугубо инструментальный характер, поскольку позволяет избавиться от неверифицируемого метафизического основания и прийти к измеряемым, фиксируемым перцептам. Тем самым создается знание о труде, человеке и его мотивации, претендующее на статус научного знания.

Очевидно, что подобное «усечение» концепта труда до уровня перцепта (в терминологии Ж. Делеза) или иначе опора на измеряемое в человеке и его труде, не может удовлетворить философию⁴. Тем более, что антропологические метаморфозы постсовременности и изменения в самой структуре и форме труда в период позднего капитализма ставят под сомнение привычные формы фиксации труда, равно как и мотивации. Налицо необходимость подлинной философской рефлексии феномена труда именно с позиции концепта, с перспективой дальнейшей трансляции этого знания в другие сферы, то есть возможной адаптации со знанием перцептивным.

Руководствуясь этим критерием, следует обратить внимание на психоанализ как теорию, синтезирующую практическое и теоретическое, концептуально и перцептивное знание о человеке. Необходимость концептуального освоения феномена труда в поле психоанализа возможна посредством рассмотрения его как одной из потребностей и проявлений человека, что скрывает за собой возможность интерпретации его как формы, которую принимает желание.

Желание, определяемое как «первичный био-психологический импульс»⁵, задает целый комплекс смыслов. Труд в данном контексте предстает не только «природной потребностью» человека в освоении окружающей его действительности и социальной деятельностью (Маркс), культурно и религиозно детерминированной (Вебер), но также потребностью сопряженной с процессами реализации бессознательного. Труд здесь, как и в теориях мотивации, рассматривается на уровне конкретного индивида в его процессуальности, становлении его субъектом. И в данном случае речь идет не о *homo naturalis*, а о человеке, который в процессе труда творчески и активно преобразует не только окружающий мир, но самого себя. Становится субъектом, вовлекается в процессы инкультурации и социализации преимущественно в форме трудовой деятельности.

Вместе с тем, проведение параллелей между процессом субъективации и трудом должно быть дополнено указанием на языковой аспект этой связи. Его суть, на наш взгляд, может быть раскрыта посредством обращения к концепции субъекта Ж. Лакана, рассматривавшего субъекта в пересечении желания и дискурса в сферах «Реального», «Воображаемого» и «Символического».

Лакан утверждает, что человек с момента своего рождения является существом незавершенным, несформированность нервной системы новорожденного проявляется в виде зависимости от матери, отсутствии самости, самосознания. Самоотождествление проявляется у ребенка в возрасте 6-18 месяцев и связана узнаванием себя в зеркале, что у Лакана называется «стадией зеркала»⁶. С этого момента ребенок компенсирует свою неполноту, утрату всегда недоступного Реального, целостностью зримого образа или Воображаемым: «природа Воображаемого – компенсация изначально нехватки Реального, проявляющейся в отсутствии «естественных» автономии и адаптационных возможностей мла-

³ Мотивация персонала. Измерение и анализ. М., 2010. – С.19.

⁴ Делез, Ж. Что такое философия? СПб., 1998.

⁵ Постмодернизм С.265.

⁶ См. Lacan J. *Ecrits I*. Ed. Du Seuil. 1966. pp.89-97.

денца. Реальное в первом приближении может быть описано как регистр опыта, в котором отсутствует какое-либо различие или нехватка... Реальное есть абсолютно исходный и как таковой невозможный для субъекта опыт»⁷. Поскольку Реальное недоступно, само возникновение человека как целостной личности, субъекта связано с утратой Реального и появлением неполноты, недостатка, требующей восполнения визуально (на этом этапе).

По Лакану опыт субъектности исходно травматичен и требует восполнения «нехватки» желанием. Воображаемое компенсирует его посредством проекции полноты на образ, свое зеркальное отражение – «имаго». Имаго, образ, возникающий на «стадии зеркала», характеризуется идеальностью, иллюзорностью, формативностью и отчужденностью⁸.

Идеальность связана с преодолением «нехватки» в целостном и совершенном образе. Иллюзорность есть воображаемый характер образа. Формативность можно трактовать как влияние образа на человека. Отчужденность – суть образа, который является внешним по отношению к человеку.

Таким образом, имаго компенсирует «нехватку» и приводит к разделению человека на «Я», представляющего собой травматический, фрагментарный внутренний опыт, и «мое Я», идеальный зеркальный образ. Стремление человека устранить этот раскол приводит к принятию имаго, но поскольку он (имаго) отчужден, то в структуру личности вводится и это качество. В результате изменяется сама личность: «функцией «моего Я», функцией захвата «Я» со стороны имаго, задается особый статус объектов реальности и модус отношения к ним в порядке Воображаемого. Если в Реальном вообще не существует отдельных «объектов», а доминирующая модальность отношения к миру – биологическая потребность, то в Воображаемом господствует «запрос» на признание, направленное на других»⁹.

Человек ищет решение проблемы неполноты в Другом, признание целостности вне себя удостоверяет целостность для самого «Я». Самосознание и идентичность возможны при помощи Другого как зеркала и это есть «первичная идентификация» субъекта. Полнота же идентификации достигается с помощью языка в поле Символического. Механизм работы Символического таков: «вторичная идентификация есть сам процесс прикрепления к частным имаго и открепления от них, логика и порядок выбора воображаемых идентификаций, идентификационная динамика, определяемая совокупностью «всего сказанного» об индивиде в поле речевого отношения с другими. Символический субъект это не «монолитное» Эго-центричное ядро, но «луковица», состоящая из многих слоев прошлых воображаемых идентификаций с конститутивной пустотой между ними и в «центре»¹⁰. То есть субъект сводится к процессу непрерывного перебора воображаемых образов, запускаемых желанием с целью покрыть исходную Нехватку, восполнить Неполноту бытия в поле Символического. Дискурс, равно как и труд выступает в данном контексте как средство компенсации изначального травматического опыта себя.

В контексте теории структурного психоанализа Ж. Лакана труд обусловлен не столько физическими или духовными потребностями человека, сколько более фундаментальной потребностью обретения целостности символическими средствами, восполнением «нехватки» в поле Воображаемого и Символического.

Список литературы

1. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 1997.
2. Делез, Ж. Что такое философия? СПб., 1998.
3. Lacan J. Ecrits I. Ed. Du Seuil. 1966.
4. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., т.42.
5. Мазин В. Стадия зеркала Жака Лакана. СПб., 2005.
6. Мотивация персонала. Измерение и анализ. М., 2010.
7. Постмодернизм. Энциклопедия. Мн., 2001.

⁷ Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн., 2001. – С. 405.

⁸ Мазин В. Стадия зеркала Жака Лакана. – СПб., 2005.

⁹ Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн., 2001. – С. 406.

¹⁰ Там же. – С.407.

TO THE PHILOSOPHICAL DEFINITION OF LABOUR

M. Y. VOLOSHIN¹
I. V. SEMCHENKO²
V. V. GASHKOV

Belgorod State University

¹*e-mail: volochin@bsu.edu.ru*

²*e-mail: semchenko@bsu.edu.ru*

The paper observes the problem of the philosophical definition of labour as a concept and percept in theories of K.Marx, M.Weber and in the theory of labour motivation. Some methodological resources of the structural psychoanalytical theory of J.Lacan are discussed in the context of conceptualization of the labour.

Key words: labour, labour motivation, agent, K. Marx, M. Weber, J. Lacan.

УДК 101.1:316.343

ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНЫХ МАСС

С. Н. ГРИБОВ*Тульский
государственный
университет**e-mail: serg45@inbox.ru*

С привлечением трудов крупнейших философов и мыслителей XX века (К. Ясперс, Ортега-и-Гассет, Х. Арендт, Г. Маркузе) анализируется феномен социальной массы в современном обществе и культуре. Уточняются социально-культурные причины производства масс, механизмы взаимодействия политической власти и массы.

Ключевые слова: масса, нигилизм, легитимная позиция, аморализм, власть.

Наращение интереса к феномену масс наблюдается в эпоху Нового Времени (хотя отдельные и по-своему глубокие суждения о ней обнаруживаются и в Античности и в Средние века), а в современном хронологическом контексте проблема только получает повышенную актуальность. Внимание к ней проявляют как социальные психологи, привычные к постановке «диагнозов», так и известные философы, в трудах которых она ставится еще более масштабно и остро. В отличие от узких клиницистов, обращающихся к проблеме, когда она уже становится откровенной патологией, философ наблюдает, анализирует и предвидит события пусть и не столь явные, но симптоматичные. В данном отношении суждения о социальных и культурных особенностях массы в различных ее аспектах – дистанционности от власти, инертности, аморфности, невосприимчивости к высокой культуре обнаруживаются еще в той же греческой и римской античности. Однако для анализа целесообразно выбрать те философские теории, которые соответствуют времени концептуального оформления термина «массы», когда масса действительно становится насущной проблемой, т.е. XIX- XX века.

В наше время философия Ф. Ницше приобрела свою обновленную актуальность, или, можно сказать, только в наше время она подлинную актуальность и обрела (достаточно ознакомиться с материалами сайтов, посвященных Ницше) в связи с той же проблемой распространения и усиленного доминирования культуры масс. Ницше один из первых «симптоматиков» от философии, кто выступил с резкой критикой современного общества, вынес ему приговор: «омассовление». Тем более что Ницше свидетельствует о времени, когда «масса» еще не проявила себя столь отчетливо, насколько это мог наблюдать в двадцатом столетии Ортега-и-Гассет или Маркузе, в этом смысле он действительно «прозорливец», предложивший понятия и оценочные дефиниции, которые в модернизированных оттенках позже обнаруживаются у того же Ортеги или даже постмодернистов.

Насколько оправданным является использование ницшеанских метафор «рабов», «плебеев», «стада» применительно к массам, если в наше время последние открыто претендуют на занятие ниши «господ»? Конечно, если иметь ввиду исторический аспект происхождения массы, то подход немецкого философа, как и основоположника психологии толпы Лебона, реализуем в понятиях количества – слабых бесконечно больше, чем наделенных силой и властью, и качества – массы составляются из худших. Если говорить о положении дел и в XIX столетии, и в наши дни, Ницше, вероятно, согласился бы, что под личиной современного либерализма, феминизма и всеобщего равенства прав, ущербная «чернь» разрастается до размеров «массы», причем таких, что сама же вынуждает к собственному обузданию. Да, в эпоху Ницше душа *ressentiment* еще «укрывается и ищет лазеек», но сейчас она находит вполне легализованное положение за счет отождествления с формально или неформально признанным лидером. Во времена Ницше она содержит скрытое и держится на скрытом, но в дальнейшей перспективе, скрытость преобразовалась в замкнутость на собственное «Я», которое затем развоплощается в идентификациях с фигурами власти.

С первых десятилетий XX века «масса» становится устойчивым понятием в тезаурусе культуры, хотя всестороннее и глубокое понимание данный феномен получает по-

философски *post factum* к середине столетия, когда и были выделены его сущностные черты. Это: интеллектуальная и культурная ограниченность при неограниченном росте потребностей, откуда ее преимущественно зависимое положение от тех, кто потребности удовлетворяет, – идеологически, экономически и культурно самостоятельных социальных структур, сопровождающееся манифестацией самодовольства и возведением собственной ограниченности в культ. О последнем во многом позаботилась идеология либерализма и гуманизма, исходя, в частности, из задач компенсации ощущения неполноценности массы от исторически укоренившегося сознания «избыточности» к прочему социуму.

Философия экзистенциализма о массе: К. Ясперс

Ясперс соглашается признать – в наше время весьма возможна утрата всего наследия культуры, накопленного человечеством с начала «осевого времени». Главная опасность современности и маркирующий ее признак: *массы становятся решающим фактором в происходящих событиях* (фраза выделена самим Ясперсом)¹. Ницше, соглашается Ясперс, действительно оказался пророком в своем предвидении тотального нигилизма, который оформил идейное содержание нынешней культуры. Приход общества к нигилизму для религиозного мыслителя сопряжен с утратой веры и духовно подготовлен тремя значимыми событиями предшествующих веков – идеологией Просвещения, французской революцией конца XVIII в. и философским идеализмом. В совокупности они обусловили переход от единства веры к могуществу разума, породившего соблазн отказа от традиционных авторитетов и иерархии ценностей (культура утратила своего великого Другого, как констатируют позднейшие исследователи. Например, эстетик В.В. Бычков отмечает: ушедшая от нравственно-этических, религиозных регулятивов наука сразу же превратилась в раба капитала и была ориентирована в два главных русла – милитаризацию общества и производство предметов, форм, институтов соблазна²). Вера сменяется господством идеологий, призванных легализовать самообман для маскировки скрытых меркантильных интересов и устраняться от решений реальных проблемных ситуаций. Подобно социальным психологам (в их числе Лебон, Тард, Сигеле, Московичи), Ясперс повторяет ставшую сакраментальной идею о бессодержательности массового сознания, отсутствии личного начала и способности к нивелировке индивидуализирующих качеств и в то же время к воспроизводству иллюзии осмысленного целевого действия, обольщение которой ведет к безрассудству, буквально по тексту: «люди в массе легко могут потерять голову...»³.

С материальной точки зрения социальный и культурный кризис порожден последствиями прогресса науки и техники. Техническое развитие привело к появлению обесмысленного труда, пустых развлечений ради заполнения досуга, экзальтации, рутине без воспоминаний, где один день жизни похож на другой, а главное – к возникновению социальной атмосферы, в которой люди лишены естественных корней, исконного социально-культурного окружения, что и оказалось стимулирующим фактором фабрикации массовой личности.

Ясперс акцентирует многозначность истолкования массы как социокультурного феномена. Под «массой» можно понимать всю совокупность населения (в этом смысле она существовала всегда), и временное собрание людей, объединенных общностью реакции и поведения в ответ на некий факт (тогда она быстро исчезает, т.е. это «толпа» в интерпретации Лебона), и неполноценную «толпу», наличие «некоей усредненности, чье существование своим массивированным давлением определяет все...»⁴. Сам философ не поясняет, какую из трех дефиниций он предусмотрел для предпочтений в определениях массы. Тем не менее вполне отчетливо избирательность его суждений указывает на последнюю, что подтверждается его дифференциациями понятий массы и народа, массы и публики.

Народ – нечто структурированное, субстанциальное и качественное, человек из народа сохраняет себя, личные качества, благодаря той же народной силе, от которой он

¹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 141.

² Бычков В.В. Эстетика. М.: Гардарики, 2004. С. 305.

³ Ясперс К. Там же. С. 144.

⁴ Там же. С. 142.

получает энергию бытия. Публика, в отличие от народа, предполагает не единство, а множественность (квантитативность), она приходит на смену народу, как только последний перестает жить «полной жизнью», силы которой хватало бы для самодостаточного существования. Публика уже лишена характера, но пока еще способна на выработку собственного мнения, на что, в частности, делает ставку заигрывающий с ней кумир, генератор идей и вдохновений – писатель⁵ (данная мысль, возможно, родилась у Ясперса под воздействием теории публики Г. Тарда).

Представляется существенным – Ясперс один из первых, кто строит эволюционную картину социального производства масс. Исходное, «нормальное» состояние общества соответствует «народу». По мере совершенствования коммуникационных технологий его сменяет «публика», в свою очередь, вытесняемая «массой», и в этом проявляется закономерность истории. Оправдание подобных трансформаций философ находит в механике перехода от статики структур традиционного общества, обеспечивающейся доминантой религиозной веры, к изменчивости и многообразию рационально сконструированного капиталистического мира (данный аспект более четко проработан у Фромма). С утратой уверенности индивида в социальной защищенности, крепнет единство масс, во многом выстроенное на принципе «анти», т.е. альтернативного самопозиционирования: «если человек ничего собой не представляет, он, по крайней мере «анти», – замечает философ⁶. «Анти» в отношении чего? В отношении всего, что мыслится причиной собственных неудач и унижений, т.е. чего угодно – капитализма, либерализма, марксизма, еврейства и т.д. Фундирующим принципом массовости оказывается радикальная оппозиционность позитивному и конструктивному содержанию, что и выражается в ее нигилизме. Распад традиционных ценностей продуцирует «разоблачающее мышление», занятое лишь процедурами разрушения, оно же становится господствующим – не наступление ли эры постмодернистской деконструкции здесь предвидел немецкий философ?

Тем не менее, Ясперс убежден: «масса не есть нечто окончательное», она только стадия существования на промежуточном этапе распада человеческого бытия, и здесь путь истории неминуемо ведет через массы. Примечательно, но стратегия преодоления подобного фазиса выдвигается почти ницшеанская (по логике, вероятно, другого и не найти – от одной крайности диалектически следует откат в сторону другой): формирование «аристократии» духа, т.е. уникальной единичности, противостоящей как социальному нажиму «снизу», так и политическому террору «сверху». Рекомендации, предлагаемые при этом философом, не слишком конкретны – устранение все еще сохраняющейся несправедливости, рост свободы, из чего скорее можно сделать вывод относительно состояния настоящего (масса несвободна, она однородна и подавляет индивидуализирующие признаки), нежели перспектив будущего. Но для Ясперса очевидно одно: отказ от борьбы за свободу личности неизбежно приведет к новому «непредвиденному ужасу бесплодного существования масс»⁷.

Ортега-и-Гассет: «Восстание масс»

Ортега-и-Гассет совершенно определенно находится в числе мыслителей, усматривающих главный «недуг нашего времени» в небывалом росте влияния масс. Буквально: «Особенность нашего времени состоит в том, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду»⁸. Современная социальная реальность, по мнению испанского философа, впервые оказалась отданной на откуп заурядностям, всегда в истории подвластным, теперь же пришедшим властвовать. Отсюда, во-первых, следует, что ранее в истории масса, хотя и давала о себе знать (это мыслитель, пусть и неявно, но склонен признавать, анализируя закат римской античности), но никогда еще не имела столь легитимных социальных позиций. «Век толп» или, по Ортеге, «век самодовольных недорослей», «из-

⁵ Там же. С. 142-143.

⁶ Ясперс К. Там же. С. 148.

⁷ Там же. С. 144.

⁸ Ортега-и-Гассет. Восстание масс // Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 311. В тексте книги данная фраза выделена курсивом, принадлежащим самому автору.

балованных детей», «взбесившихся дикарей» – это действительно XX век. И второе: философ доказывает, что приход «новоявленных дикарей» – законный, т.е. неизбежный плод нашей цивилизации⁹.

Чем обусловлено последнее заключение? Философ указывает несколько причин. Одна из них довольно формальна – небывалый численный рост населения, начавшийся еще в девятнадцатом столетии и продолжающийся в двадцатом, так что подъем массы просто количественно сопровождает данный процесс. Другая – утверждение либеральной демократии, легализовавшей возможность почти любой социальной и этической позиции, вплоть до откровенного паразитизма. В качестве же главного философ полагает прогресс техники, позволивший столь «облагодетельствовать» некоторые общественные слои, что сами истоки этого благополучия стали ими восприниматься как разумеющаяся закономерность, из чего происходит и рост потребительских запросов, субъективно объясняющийся ссылкой теми же слоями и на ту же закономерность. Так что с экономической точки зрения, портрет массового человека составляют две основные черты – «беспрепятственный рост жизненных запросов» и «врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь»¹⁰.

С культурологической или, точнее, этической точки зрения «человек массы», в интерпретации Ортеги, заявляет о себе в экспонентальном преумножении нигилизма и аморализма. В эпоху традиционной цивилизации представитель аристократического сословия просто в силу закона наследования обретал социальные привилегии. В XX веке прерогативы аристократии узурпирует масса. Почему? Право аристократа, по крайней мере, закрепляется фиксированной традицией, соответственно иерархии «низшее – высшее», дающей смысл этики долга и подчинения. Масса же порождена экономическим изобилием (примечательно в данном плане суждение философа: «Мы ошибочно полагаем, что жизнь в изобилии полнее, выше и подлиннее, чем жизнь в упорной борьбе с нуждой», поскольку «Жизнь – борьба и вечное усилие стать собой»¹¹). Достигнутый экономический и политический комфорт позволяет современному индивиду не бороться и не становиться собой, достаточно пользоваться тем, что дают – гарантированными возможностями и правами, незачем определять себя в отношении лучших, если демократической экономикой обеспечено ощущение постоянной заботы и защищенности, а современный либерализм позволяет безболезненно нейтрализовать любые культурные содержания, превосходящие понимание толпы и чреватые опасностью к размышлению. Тем самым обуславливается ситуация самодостаточности и самодовольства, «герметизма сознания», «закупорки души», препятствующей воздействиям извне (в этом случае позиции и социальных психологов, и философов, причем развиваемые независимо друг от друга, поразительно сходятся, вспомним учение Фромма о замкнутости авторитарной личности на собственное Я).

Забвение причин собственного благополучия определяет абсурдное состояние духа массы: ее заботит только удовлетворение запросов при полном отсутствии интереса к источникам своих благ. Данная социальная позиция является поводом для интенсификации нравственного нигилизма и аморализма. С другой стороны атрофия творческих позитивных способностей ведет к пассивности и понуждает поиску лидера, а потому масса становится легкой добычей авантюрных политиков и тоталитарных диктаторов, в частности и со стороны фашизма, с которым у нее устанавливается взаимовыгодный контакт. Во власти и феноменах государства человек массы усматривает безликую силу, а поскольку сам безлик, то естественно считает его своим. Финал складывающейся ситуации, по Ортеге, плачевен: масса разрастается, вместе с ней крепнет власть, которая в конце концов, подавит всякую самостоятельность, общество окажется принужденным к жизни для государства, а индивид станет частью государственной машины¹².

Теперь яснее становится причина остроты постановки проблемы, выраженная у философа понятием «восстание масс». Массы, в той или иной форме (философ открыто

⁹ Ортега-и-Гассет. Там же. С. 336.

¹⁰ Там же. С. 319.

¹¹ Там же. С. 334, 335.

¹² Ортега-и-Гассет. Там же. С. 344, 345.

на данный счет не делает заявлений, но контекст позволяет это вычитать) почти всегда существовали как сопутствующий элемент культуры. Однако заурядности, а это сущностное качество массы, всегда указывали свое адекватное место второстепенного статиста истории с соответствующими же социальными границами. Особенность нашего времени даже не в том, что посредственность способна мнить себя незаурядной, но в том, что впервые получила санкцию на возведение собственной пошлости в право и тем самым утверждать свое право на пошлость. Нынешняя культура впервые вывела на историческую сцену новый человеческий тип – воплощенную посредственность, чье существование подкрепляется материальными и правовыми гарантиями, как следствие – убеждением в собственном превосходстве. Если человек массы получил равные права с созидательной личностью, должный уровень материальной обеспеченности, отсюда один шаг до того, чтобы ограниченность оказалась в состоянии квалифицировать свое положение как привилегированное, откуда совершенно логично проистекает и ощущение собственного превосходства (как горько шутят современные американцы: хочешь иметь абсолютную социальную защищенность – родись негром или инвалидом; кстати, Америку не забывает и Ортега, когда, в частности, пишет: «Америку создали европейские излишки»¹³).

Собственно, сам смысл «восстания» заключается в бунте массы против своего логического (трудно сказать – культурологического, поскольку культура иногда действует вопреки логике, по своим иррациональным мотивам, а испанский философ стихийно исходит из логики классического рационализма) предназначения – подчиниться и исполнять. Определенные возражения здесь вызывают предложения философа к интерпретации бунта как восстания масс против себя. Последнее опять же верно только с логической точки зрения, к чему масса глубоко равнодушна. С позиций рационализма это действительно «преступление понятия», но в постмодернистской философии данный феномен вполне оправдан, точнее, ассимилирован по смыслу, ввиду философской, т.е. общечеловеческой потребности построения нового и адекватного мировосприятия, куда укладывается и ризоматическая схема культуры Делеза, закрепленная идеей деконструкции Дерриды. Ее смысловое наполнение все же сопровождается протестом – оно происходит более извне, нежели изнутри, масса бессодержательна, поэтому снабжается «поверхностью» внешнего соотношения в общих понятиях системы и элемента, сама же масса лишена внутренних генераторов смысла. Феномен таковой внешне данной поверхности получает дальнейшую разработку в понятиях «поверхности» знака, в частности, симулякра.

Х. Арентт: «Истоки тоталитаризма»

Объемный труд (насчитывающий почти 700 стр.) немецкой исследовательницы, основоположницы теории тоталитаризма, ценен в плане анализа соотношений массы и тоталитарной власти. В противовес сторонникам признания тоталитаризма как явления, сопровождающего всю историю человеческого общества (например, К. Поппер усматривает его истоки в учении Платона о власти), немецкая исследовательница связывает тоталитаризм с рождением индустриального общества. Ее исходный тезис: тоталитарный режим, несмотря на откровенно антигуманистический характер, строится на поддержке масс и обязан ей своей функциональностью. Как специфический факт XX столетия Арентт подчеркивает трансформацию классов в «массу». Феноменом массы является «толпа», происхождение которой связывается с ростом экспансии экономического капитала: «Еще более старым, чем излишнее богатство, был другой побочный продукт капиталистического производства – человеческие отбросы, которые каждый кризис, неизменно следовавший за периодом подъема, навсегда выкидывал за пределы производящего общества. Ставшие навсегда праздными, люди были столь же лишними для общества, как и владельцы излишков капитала»¹⁴.

Толпа в данном случае интерпретируется в экономико-политическом модусе. Излишнее богатство империализма, равно как и избыточная рабочая сила оказались в ситуации взаимной дополнительности: капитал нуждается в расширении сферы вложения, толпа – в своем применении со стороны капитала в качестве потенциальной производственной силы данной сферы. Империализм вырастает одновременно и как результат из-

¹³ Там же. С. 314.

¹⁴ Арентт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. С. 219.

быточных денег, и как лишних людей. При этом исследовательница предостерегает от смешения понятий толпы и рабочего класса: «толпу нельзя было отождествлять с растущим индустриальным рабочим классом и уж тем более — с народом в целом», поскольку она состоит «фактически из отбросов всех классов»¹⁵. Существование толпы вызывается к жизни не равенством, но «уравниванием», возможностью чего является примерно одинаковая для всех социальных агентов потребность в материальной обеспеченности и их качестве. Субъект толпы – это социальный изгой, лишенный возможности к самовыражению и самореализации.

Элиминация из сферы социально полезной деятельности огромного количества населения служит основанием порождения тоталитаризма XX века. На смену толпе, порождаемой десоциализацией (согласно Арендт, толпа вбирает в себя осколки любого социального сословия, объединяемых усугубляющимся деморализмом, цинизмом и пристрастием к уголовщине), приходит общество масс, консолидируемого иными нормативами, определяемыми восприятием себя в качестве новой социальной правомочной целостности, со своими интересами и убеждениями, вписанными в структуру так называемых демократических свобод. Как подчеркивает исследовательница, «Массы соединяет отнюдь не сознание общих интересов, и у них нет той отчетливой классовой структурированности, которая выражается в определенных, ограниченных достижимых целях. Термин «массы» применим только там, где мы имеем дело с людьми, которых по причине либо их количества, либо равнодушия, либо сочетания обоих факторов нельзя объединить ни в какую организацию, основанную на общем интересе в политические партии, либо в органы местного самоуправления или различные профессиональные организации или тред-юнионы»¹⁶.

Тем самым, масса у Арендт приобретает окраску чистой негативности, социально аморфной материи. Если некоторые мыслители предлагают понимание массы в терминах реализуемой потенции (например, Тард квалифицирует «публику» по признаку готовности к восприятию исходящих от лидера идей, имеющих «гипнотическое» воздействие, для Фромма масса – социальный продукт, лишенный собственного содержания, в виду чего ею и усваиваются внешние идеологические влияния), то Арендт предлагает понимать массу как своеобразную «*tabula rasa*», снабженную лишь параметрами отрицания, среди которых равнодушие, безразличие, деморализация, деструктурированность, деполитизированность и т.д. Именно из таких «явно безразличных людей, от которых отказывались все другие партии как от слишком вялых или слишком глупых и потому недостойных их внимания», составляется масса¹⁷.

Важная констатация, делаемая в данном случае исследовательницей: в наше время не народ, движимый наличными интересами, привлекается к политическому управлению и активному в нем участию, но масса, покупающаяся на привлекательный идеологический продукт. В массе, в отличие от той же толпы, отсутствуют «нормы и жизненные установки господствующего класса», равно как и установки любых классов, т.е. субъект массы не только деклассирован, но и деполитизирован (один из признаков массы – отсутствие коррелятивов с политическим представительством; если народ выступает за правительства, то масса просто – за сильную личность) и деидеологизирован (можно бы добавить и десоциализирован, если бы не одно значительное «но» – массы в XX столетии все более делаются объектами политических игр и манипуляций, тем самым вовлекаясь в общественную жизнь, пусть всего лишь в роли орудия и средства). Подобные личности составляют потенциальный материал тоталитарных движений, дают уверенность в силе их организации, преодолевающую видимые нестроения реальности. Они легко управляемы, поскольку утрата связи с реальным миром делает их восприимчивыми к любому вымыслу. Становясь частью тоталитарного движения, элемент массы входит в состояние анонимности, «бытию в качестве номера» и винтика.

В определении Арендт масса не тождественна «классу», поскольку она мульти-социальна по составу. Будучи «побочным продуктом» прогрессирующей экономики (имен-

¹⁵ Там же. С. 225.

¹⁶ Там же. С. 414.

¹⁷ Арендт Х. Там же. С. 415.

но этот момент подчеркивает исследовательница), масса представляет собой благоприятную среду для возникновения тоталитарных режимов, комплементарно дополняющих друг друга. Солидарно с социальными психологами Арндт полагает истоком массовой психологии не природную предрасположенность, но социальную изоляцию и поражение в способах коммуникации и общественного признания, что имеет под собой опять же социально-экономические корни.

Неомарксизм о массе: Г. Маркузе

Представители франкфуртской школы неомарксизма также настаивают на логической неизбежности рождения массы в современном мире, хотя их теоретические выкладки строятся в совершенно ином ключе. Истоком массового сознания ими признается развитие и укрепление гуманистических умонастроений, начиная с идеалов Просвещения и заканчивая реализацией принципов европейской демократии. Борьба за эмансипацию индивида в результате и привело к триумфу «толпы». Собственно сам контекст анализа очерчен Адорно в работе «Диалектика Просвещения». Отталкиваясь от дискурсивных позиций классики (Канта, Гегеля) автор переосмысливает стратегии реализации принципов рациональности применительно к XX веку. Классический дискурс, в наложении на современную феноменальную данную реальность, оказывается недееспособен, «трансцендентальный» разум уже не актуален как средство дискурсивных конструкций, он функционирует лишь как оператор фиксации и различения предпосылаемых административной (тоталитарной) системой целей. Буквально: «сохраняется то, что понял идеализм: в качестве труда деятельность духа совершается и осуществляется индивидами; в своем осуществлении индивид низводится к функции»¹⁸. Репрезентантом современности служит факт разрыва дискурсивного и феноменального, смысл генерируется субъективностью, но уже для современности явное доминирование субъекта дисквалифицирует вопрос о смысле, из чего логически проистекает нынешний нигилизм или экзистенциалистский «соблазн искать смысл не в жизни вообще, а в ее осуществленных мгновениях»¹⁹.

Большого внимания в контексте направленности нашего исследования все же заслуживает нашумевший труд Г. Маркузе «Одномерный человек» (1964 г). В отличие от Адорно, строящего методологию анализа нынешнего общества в терминах ретроспекции (к немецкой классике – Канту и Гегелю), Маркузе предпочитает классический марксистский дискурс (к чему добавляется, но в меньшей степени, фрейдистская методология), что и позволяет стать ближе собственно к предмету современной социальной «материи» – массе. Сам термин «масса» фигурирует в тексте не часто, но совершенно очевидно, работа сориентирована именно на прояснение сущности этого концептуального для современности феномена. Так, в конце работы, автор делает неутешительный вывод: подлинное самоопределение индивида достижимо лишь в случае обратного распада массы на личности (подчеркнем, до Маркузе масса еще фиксировалась в ранге потенциальной угрозы для личности, в отношении которой она вторична, в условиях преодоления классовой стратификации масса оказывается уже первичной для самоопределения личности).

Маркузе уже имеет дело со свершившимся фактом «омассовления» и характеризует его как феномен современного общества «демократической несвободы». Маркс оказался прав в предсказаниях о исчезновении классов, но чем в действительности обернулось это предвидение? Появлением массы, причем без революций и экспроприаций средств производства. Коммунистическая идея предполагала устранение классовых антагонизмов за счет продвижения пролетариата «вверх», к рычагам власти, что должно было обеспечить и условия социального освобождения. На деле же нивелировка стратификационных различий произошла методом смещения «вниз» – в плоскость единообразного (демократия означает же равенство прав и свобод!) подавления и изоциренного тотального контроля, объектом которого и становится масса. Естественно, при этом «сам механизм, привязывающий индивида к обществу, изменился, и общественный контроль теперь коренится в новых потребностях, производимых обществом»²⁰.

¹⁸ Адорно Т.В. Негативная диалектика. М., 2003. С. 182.

¹⁹ Там же. С. 338.

²⁰ Г. Маркузе. Одномерный человек. Электронный ресурс: <http://enatramp.narod.ru/pervoistochnik.files/man.files/mano.html>

В новой ситуации, как полагает автор, традиционный марксистский подход к интерпретации социальной реальности по ряду показателей требует серьезных корректировок. В первую очередь, это касается понятия «отчуждения». Собственно, здесь дело даже не в том, что утонченные формы общественного контроля в состоянии подавлять индивидуальные формы протеста и недовольства в самом зародыше, а в том, что сам индивид добровольно отождествляет себя со способом жизни, искусно насаждаемым властью. Новые возможности власти, в свою очередь, обеспечены достижениями науки и технологии, позволяющими повысить производительность труда, сократить физические затраты, достигнуть высоких уровней удовлетворения человеческих потребностей, причем настолько, что уже технологии сами продуцируют новые потребности, но не подтягиваются к удовлетворению сложившихся, как было ранее. Следствием является стандартизация и унификация различных граней общественного бытия (снимающая поводы для «отчуждений») – от бытовых до политических, обслуживаемых и управляемых системой технологического рационализма, а формы господства, выражаемые средствами открытого насилия и подавления сменяются «администрированием».

Таким образом, складываются новые формы социальной дифференцированности, в которых антагонизм умело камуфлируется (ввиду чего роль идеологии только еще более возрастает). С одной стороны – аппарат административной власти, с другой – масса, подлежащая стратегическому управлению и контролю. Маркузе неоднократно подчеркивает, в нынешнем обществе «благополучия» и «умиротворения» мера несвободы – «в смысле подчинения человека аппарату производства – закрепляется и усиливается, используя технический прогресс как свой инструмент, в форме многочисленных свобод и удобств»²¹.

Иными словами, с позиций неомарксизма, социальное угнетение продолжает сохраняться, но в более рафинированном варианте – усвоении статуса инструмента или вещи, освобождение от которого не эффективно исторически устоявшимися методами силового противодействия, ибо им противостоит мощная конструкция новой идеологической суггестии. Изопренность современной идеологии в том, что она создает иллюзию свободы у несвободных, так что желание свободы исключается, поскольку по видимости просто нечего желать. В самом деле, логично ли протестовать против демократически конфигурируемой власти, призванной повседневно заботиться о своих подопечных, причем таким образом, что потребности ей самой предлагаются и тут же предоставляются средства их обеспечения (вспомним параллельную метафору массы у Ортеги-и-Гассета – «избалованный ребенок»)? В данном положении исследователь усматривает «репрессивную идеологию свободы», обозначая таким парадоксальным способом иррациональность современной ситуации, которая также парадоксально реализуется с позиций Разума – всепроникающего исчисления и манипулирования субъектом.

Заметим, Маркузе намеренно акцентирует парадокс *concordantia oppositorum* развитой индустриальной цивилизации, например, квалифицируя ее как воплощение рационального характера ее иррациональности²², или подчеркивая функцию либеральной демократии в служении репрессивным интересам, но особенно – фактор порабощения человека человеком, усиливающийся по мере роста покорения человеком природы, хотя привычная логика и отталкивается от противоположного. Следует учитывать, что Маркузе, как бы он ни был привязан к анализу современной неклассической действительности, все же рассуждает с позиций рационально центрированной статики понятий, присущей классическому дискурсу, т.е. с позиции трансцендентального «извне», которое, накладываясь на реальность, и высвечивается всевозможными алогизмами, т.е. парадоксами в плане их оценки средствами логики «единства и борьбы противоположностей». Представляется также существенным подчеркнуть, что взаимоуничтожение противоборствующих сил современного общества, осуществляемое «на более высоком уровне, – в общих интересах, направленных на защиту и укрепление достигнутой позиции, на борьбу с историческими альтернативами»²³, как отмечает философ, уже не является диалектиче-

²¹ Маркузе Г. Там же.

²² Маркузе Г. Там же.

²³ Там же.

ским «снятием», что в целом видно и из фиксаций алогизмов, однако специальный термин, эвристически пригодный для данной ситуации, Маркузе не предлагает, видимо, просто не ставя себе это задачей.

Несомненно, всяческие алогизмы и диссонансы в отношении к рациональной истине, оценочно формулируемые автором на протяжении текста работы, возможны в рамках классического дискурса рациональности (хотя, и в самом неомарксизме также намечается предпосылка «деконструкции» Разума, скажем, в той же «Диалектике Просвещения» Адорно), становящегося все менее востребованным в XX столетии. Тем не менее, данный подход пока позволил неомарксизму если не предложить строгие дефиниции, но четко обозначить одну из ключевых проблем современности – деформирование индивидуального сознания, нивелировку частного всеобщим, вторжение в сферу свободы личности под эгидой защиты демократических прав и свобод и прояснить основания производства нового социального явления «массы». Для Маркузе масса в феноменальном выражении оказывается итогом тотальной интеграции – преодоления природного разумным, индивидуального всеобщим (чему способствует специфический язык мифологических гипостазируемых терминологий – умереть за Свободу, Отечество, за чем скрывается частный прагматический интерес промышленников и партийных лидеров), что для современного человека оборачивается новой формой порабощения. Иначе говоря, массовость есть состояние пребывания в несвободе, причем состояние добровольное ввиду искусно завуалированного его преподнесения со стороны власти – в том числе под предлогом утверждения демократического «равенства» и повышения благосостояния жизни, удовлетворения растущих (точнее, умело культивируемых) социальных потребностей. Удовлетворение потребностей рождает появление новых, стимулированных возможностями науки и техники, тем более возрастает мера зависимости и степень несвободы.

Тезисно идея Маркузе сводится к утверждению: к массе относится социальный конгломерат, потенциально готовый к употреблению в качестве «инструмента» или «вещи» со стороны структур, наделенных силой и способностью к действию, подчеркнем – применимый как материал реализации любых идеологических стратегий, более того, поскольку лозунг «хлеба и зрелищ» ныне востребован массой с акцентом на второй компонент классического высказывания (хлеба уже хватает всем, биологически обусловленные потребности удовлетворены, остается чистая потенция желания), масса, по существу, это «желающее ничто», по смыслу сходное с понятием поглощающего бытие «Ничто» у Августина Аврелия.

Каков, вкратце, вклад философии в разработку комплекса представлений о сущности массы? Во-первых, это дополнение теории положениями о социально-экономических и культурных предпосылках ее (массы) становления в современной истории. К таковым, в целом, философы относят: в материальном отношении – в качестве потенциального фактора сказывается появление на рынке труда лишнего контингента рабочей силы в связи с развитием промышленных технологий, укрепление материально-экономической базы общества, прогресс науки и техники, предоставивший возможность удовлетворения экономических потребностей даже для «избыточного» (экономически не продуктивного) слоя народонаселения. Большее внимание в исследованиях отводится *духовным* основаниям феномена: усвоение обществом идеалов либеральной демократии (заложенных эпохой Просвещения), переход от постулатов веры к могуществу разума и постепенное утверждение принципов всеобщего равенства и гуманистической заботы о каждом социальном слое, независимо от степени его реального участия в общественно продуктивной деятельности.

Во-вторых, это разработка нравственного содержания менталитета массы. Начиная с Ницше, мораль массы объясняется как производное от ее оппозиционного положения в отношении к смыслообразующим идеологическим структурам, что отражается в принципе *ressentiment* у Ницше, постулировании нигилистической «анти» – позиции по теории Ясперса, качествах отрицания – равнодушии, безразличия, инертности, компенсируемых негативизмом к конструктивным элементам социальной системы («представительные члены общества – болваны», «все власти ...одинаково глупые и мошеннические») у Арендт. Как видно, после Ницше острота его суждений лишь смягчается, но сохраняется по сути. Если же иметь в виду компоненты характера массы, прорисованные в

социально-психологическом дискурсе, то и спроецированные в философский контекст они практически не находят опровержений или значительных корректив, но только приобретают по-философски более акцентированное выражение.

Главное: анализ рассмотренных текстов дает возможность представить картину соотношений достаточно различных понятий, так или иначе соотносимых с концептом «массы» и выстроить если не детально структурируемую схему, то хотя бы общий абрис их эволюционной комбинации.

Итак, XX век выдвинул значимое социальное образование – «массу» и придал ей легитимный статус. Со второй половины столетия «человек массы» не только укрепляет суверенитет, но и получает форму целенаправленного воспроизводства средствами власти, что стало предметом размышления уже в философии постмодернизма.

Список литературы

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
2. Бычков В.В. Эстетика. М.: Гардарики, 2004. 556 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с.
4. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
5. Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
6. Маркузе Г. Одномерный человек [Электронный ресурс] // URL: <http://enatramp.narod.ru/pervoistochnik.files/man.files/mano.html>

PHILOSOPHICAL TRADITION OF SOCIAL MASSES STUDIES

S. N. GRIBOV

Tula State University

e-mail: serg45@inbox.ru

The phenomenon of social masses in a modern society and culture is analyzed in the context of works of the largest philosophers and thinkers of the XX-th century (K. Jaspers, Ortega-i-Gasset, H. Arendt, G. Markuze). The welfare reasons of manufacture of social masses, mechanisms of interaction of the political power and masses are specified in the paper.

Key words: social masses, nihilism, legitimate position, amoralism, political power.

УДК: 008.001/76

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ДЕТСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

О. В. КОВАЛЬЧУК*Белгородский
государственный
университет**e-mail: kovalchuk@bsu.edu.ru*

Данная статья посвящена рассмотрению социокультурного феномена детства в культурно-историческом контексте. Образ ребенка и тип отношения к нему были неодинаковы в разных обществах, причем зависело это как от уровня социально-экономического развития, так и от социокультурных особенностей. На сегодняшний день детство является важнейшей из субкультур повседневности в глобальном мире. Но исследователям только предстоит изучить всю неоднозначность мира детства в повседневном мире современного человека.

Ключевые слова: феномен детства, субкультура детства, образ ребенка, социокультурный феномен.

В культурной антропологии человек рассматривается сквозь призму взаимодействия со средой, другими людьми и социальными группами, т.е. диалогически. Содержание совместной жизни и деятельности людей, в том числе и его межкультурные коммуникации, входит в понимание повседневности. Нельзя отрицать, что важной частью повседневности является отношение к детям. На сегодняшний день можно констатировать, что *детство* является одной из важнейших *субкультур* современности, причем в мировом масштабе. Мир детства сложен и содержит в себе другие миры. Это мир общения ребенка с взрослыми людьми, мир социальных взаимоотношений, предметный мир, мир познания. Как и любой человек, ребенок архетипически и исторически связан с нашими далекими предками, с их традициями, культурой, архаическим мышлением.

Детство – всем хорошо известное, но, как это ни странно звучит, малопонятное явление. Термин «детство» используется многопланово и многозначно. Специальной дефиниции детства нет ни в философских, ни в педагогических, ни в социологических словарях. В психологическом словаре¹ есть определение детства как термина, обозначающего 1) начальные периоды онтогенеза (от рождения до подросткового возраста); 2) социокультурный феномен, имеющий свою историю развития, конкретно-исторический характер. Детство в онтогенезе – это, как правило, устойчивая последовательность актов взросления растущего человека, его состояние «до взрослости». В филогенезе – это совокупность детей разных возрастов, составляющих «довзрослый» контингент общества на различных этапах его развития.

По сути, исследования истории и культурологии детства были начаты, вышедшей в 1960 году в Париже книгой Филиппа Ариеса (1914-1984) «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке». Новаторство концепции автора состояло в том, что понятие «детство» понималось не как данная застывшая на все времена реальность, а как социокультурный конструкт, который в разных культурах и эпохах наполняется различным содержанием, различной ценностью и материальным «сопровождением». Ф. Ариеса интересовало, как в ходе истории в сознании художников, писателей и ученых складывалось понятие Детства и чем оно отличалось в различные исторические эпохи. Он впервые конкретно показал, что Детство – не просто естественная универсальная фаза человеческого развития, а понятие, имеющее сложное, неодинаковое в разные эпохи социальное и культурное содержание. Книга Ф. Ариеса освещает три главных темы: эволюцию понятия и образа детства – периодизацию жизненного пути, историю осознания детства как особого социокультурного явления, эволюцию детской одежды, игр и развлечений, целей и методов нравственного воспитания; историю школьной жизни – возраста школьников,

¹ Психологический словарь / Авдеева Н.Н. и др. – М.: Педагогика-пресс, 1997. – 438 с.

смены типов учебных заведений, изменения целей и методов дисциплинирования школьников и т.д.; место и функции детей в «старой» и «современной» семье.

Период детства устанавливается от новорожденности до полной социальной зрелости; это период становления ребенка полноценным членом человеческого общества. Однако продолжительность детства в разные исторические отрезки различна: в первобытном обществе не равна продолжительности детства в эпоху Средневековья, сегодня – совсем иная, чем в Новое время. Этапы «возраста» детства человека, продолжительность детства находятся в прямой зависимости от материальной и духовной культуры той или иной культурно-исторической эпохи.

Интерес к феномену детства, даже само понятие детства практически отсутствовали в текстах до XVIII века. Однако, это не означает, что детей «не было» или детьми пренебрегали и не заботились о них. Человечество всегда придавало большое значение продолжению рода. Многие религии считают бесплодие самой страшной божественной карой. Деторождение почти всюду оформляется особыми священными ритуалами. Вот как, например, М. Мид (американская исследовательница, детский этнограф) описывает церемонию рождения ребенка на островах Самоа (Папуа – Новая Гвинея): «Дням рождения не придают значения на Самоа. Но появление на свет ребенка, как таковое, в семье высокого ранга предполагает большой праздник. В течение нескольких месяцев до родов родственники отца приносят в дар будущей матери пищу, в то же время родственницы с материнской стороны хлопочут над приданным для новорожденного. Сами роды отнюдь не интимное дело. Приличия требуют, чтобы роженица не корчилась от боли, не кричала, не возражала против присутствия 20–30 людей в доме, которые, если надо, будут сидеть около нее сутками, смеяться, шутить, развлекаться. Если младенец – девочка, то пуповина зарывается под шелковицу, чтобы девочка была хорошей хозяйкой. Если младенец – мальчик, то пуповина бросается в море, чтобы он стал искусным рыбаком или земледельцем. Затем гости расходятся по домам, мать поднимается с постели и приступает к своим обычным делам, а ребенок вообще перестает вызывать большой интерес у кого бы то ни было. День и месяц его рождения забывается»².

Для первобытного общества (да и для последующих – античного и средневекового) характерна была двойкость в отношении к детям. Младенец – одновременно персонафикация невинности и воплощение природного зла. А главное – он как бы недочеловек, существо, лишенное разума. Например, в Уганде женщины и маленькие дети не имеют статуса лиц, воспринимаясь как вещи или как нечто среднее между человеком и вещью. В Древней Японии новорожденных признавали полноценными людьми после совершения специальных обрядов. Убийство младенца не считалось тяжким преступлением, считалось «отправить назад», «возвратить» в мир духов. А вот на Филиппинах уже пятимесячный плод считался, в известном смысле, человеком и в случае выкидыша его хоронили с соблюдением всех обрядов. Вместе с тем иметь детей считалось почетным, и все члены общины обычно ласковы и внимательны к детям.

Этнографы, которые исследовали сообщества, находящиеся в стадии раннепервобытной общины (многие племена аборигенов Австралии, бушменов Африки и др., находящиеся на уровне развития, соответствующем в своих главных чертах эпохе мезолита), обращали внимание на особенности практики социализации детей. Детей кормили грудью до 3-4-х лет. В период кормления ребенок был на попечении матери, его учили ходить и говорить «попутно», не занимаясь этим специально. Цель социализации состояла в привлечении детей к доступным формам труда. Постепенно данный процесс усложнялся: оно становится разным по полу, возрасту, содержанию, формирующим навыки обращения с орудиями труда, луком и стрелами, копьем. Уже тогда взрослые воспитывали у детей такие нравственные качества, как послушание, смелость, следование традициям, взаимная выручка, гостеприимство. Особое значение в воспитании имели игры, имитирующие охоту, войну, труд, семейные отношения, обряды. Игры подчинялись половозрастному делению. Наставления и рекомендации передавались младшему поколению посредством фольклора: преданий, сказок, пословиц, песен, дидактических рассказов и мифов. Окончание детства совпадало с наступлением физической зрелости. К 12-14 годам

² Мид, М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – С.320.

мальчики и девочки были подготовлены к самостоятельной жизни. Переход в категорию взрослых сопровождался обрядами посвящения – инициациями. Иницируемые изолировались в специальных лагерях, где наставники знакомили их с нормами морали, правами и обязанностями в семье и общине, с сакральными ритуалами и мифами. Обучение сопровождалось испытаниями, которые завершались общим праздником. Обряды инициаций длились в разных обществах от нескольких дней до многих месяцев.

Инициации, в которых переход из одного возрастного статуса сопровождался очень часто *изменением имени*, что отражалось на трансформации сознания индивида, на возрастании его чувства идентичности, служащего онтологической основой пробуждения самосознания. Многие этнографы и культурантропологи отмечают в подобных случаях не только наличие специфической идентичности человека (коллективной и индивидуальной), но и ее полное изменение, связанное, в том числе, и с *символикой нового имени*. «В доантичную эпоху, – пишет М.К. Петров, – и особенно в доземледельческую, имя близко по структуре и составу к мифу: связывает множество самым случайным способом собранных «подвигов» – программ поведения во множестве конкретных ситуаций. Отношения между именем и его носителем, как они фиксируются для первобытных обществ, также обнаруживают примечательные закономерности. Имена различены либо по возрастному (детские, взрослые, стариковские), либо по технологическому (обычные, охотничьи, военные) признаку. Получить взрослое или охотничье имя, делающее человека равноправным членом племени, можно только в определенном возрасте и после сложного обряда посвящения. Имя здесь выступает устойчивым и практически вечным социальным институтом, а человек лишь временным и смертным исполнителем жизни»³. Инициации сопровождалась также обучением «*новому языку*» и *эзотерическим мифам*, известным только посвященным. М.К. Петрова писал о *ситуативно-именных кодах архаики* как способах накопления и передачи (пусть и медленной!) инноваций последующим поколениям, об особых архаических «селекционирующих вставках» нового опыта: «Имя выступает вневременной непрерывностью, концентратором и контейнером информации об обязанностях и поступках всех предшествующих носителей имени в различном комплексе ситуаций, т.е. чем-то очень близким к современному пониманию текста – к инструкции, например, или книге. В момент посвящения текст этот отчужден в память старейшин и уже на этом этапе неизбежно испытывает ряд трансформаций, обеспечивающих более или менее конъюнктурную переоценку имени от нужд момента и от наличных обстоятельств жизни племени. Такого же типа трансформирующий сдвиг неизбежен и в момент передачи информации новому носителю, который воспринимает информацию через призму личного опыта, возникшую в процессе его жизни... История бессмертного имени слагается, таким образом, из периодов исполнения имени смертными людьми, причем эти периоды стыкуются старейшинами, социальной памятью, в целостность с помощью операции выбора одного из множества претендентов... Схема накопления нового выглядит как расчлененная по субъектам и времени последовательность реализаций связанных в имени программ. Причем в каждой такой реализации носитель что-то добавляет в текст имени, что-то подчеркивает, а что-то оставляет в тени. В момент передачи имени новому носителю возникает переоценка и трансформация текста имени, т.е. сдвиг значений и акцентов, который всегда направлен к более полному учету конкретной обстановки. Последовательность таких сдвигов и образует процесс обновления ритуала»⁴. Половозрастное кодирование информации в именах инициаций прямо связано со способами идентификации (коллективной и индивидуальной) человека в дискурсе архаического мифа.

На основе изучения этнографических материалов известный советский педагог Д.Б. Эльконин показал, что на самых ранних ступенях развития человеческого общества, когда основным способом добывания пищи было собирательство с применением примитивных орудий для сбивания плодов и выкапывания съедобных корней, ребенок очень

³ Петров, М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д: Изд. РГУ, 1992. – С.11-12.

⁴ Петров, М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д: Изд. РГУ, 1992. – С.18.

рано приобщался к труду взрослых, практически усваивая способы добывания пищи и употребления примитивных орудий. При таких условиях не было ни необходимости, ни времени для стадии подготовки детей к будущей трудовой деятельности⁵.

Постепенно складываются и развиваются традиции патриархально-семейного включения детей в общество. С зарождением древних цивилизаций Востока (Месопотамия, Египет, Индия, Китай) в V тысячелетии до н.э. возникают новые способы социализации и аккультурации подрастающего поколения: складывается воспитание детей в многопоколенной семье как особой сфере социокультурной деятельности. Обычно до 5-7 лет дети усваивали культурные нормы и традиции в рамках своей семьи, а позже процессом социализации руководило государство. Ребенок при этом рассматривался как *незавершенный взрослый*, особенности детского возраста игнорировались, физические наказания считались естественными и необходимыми.

Далее феноменология детства трансформируется в контексте античной и христианской цивилизаций. По воспоминаниям античных и средневековых авторов детство было не из легких в те далекие времена: отец медицины Гиппократ и родоначальник гинекологии Сорон Эфесский деловито обсуждают вопрос о том, какие именно новорожденные заслуживают того, чтобы их выращивали. Аристотель считает вполне справедливым, что ни одного калеку-ребенка кормить не следует. Цицерон писал, что смерть ребенка нужно переносить «со спокойной душой», а Сенека считал разумным топить слабых и уродливых младенцев (вспомним Спарту). Маленькие дети не вызывают у античных авторов чувства умиления, их большей частью просто не замечают. Ребенок рассматривается как низшее существо, он в буквальном смысле слова принадлежит родителям как прочая собственность.

В Средние века, как только ребенок начинал обходиться без постоянной заботы своей матери, няньки или кормилицы, он входил в «корпорацию» взрослых. Слово «ребенок» не имело в европейских языках смысла, который придается ему сейчас в различных культурах. Так, например, в Средневековой Германии слово «ребенок» было синонимом понятия «дурак». Детство считалось периодом быстро проходящим и малоценным. Стоит отметить, что продолжительность жизни в Средние века была короткой. Еще одной характерной особенностью Средневековья было то, что дискриминировали детей и в похоронном обряде. Во Франции юных отпрысков знати хоронили на кладбище (как бедных), лишь в конце XVII века им найдут место в фамильных склепах рядом с родителями. Многие теологи считали ненужным служить заупокойные мессы по детям, умершим до семейного возраста. Всем известно, что до сегодняшнего дня, в православных церквях не отпевают младенцев, умерших без крещения или при родах. В Белоруссии некрещеного младенца называют «маньяком», которого следует опасаться (а как же быть с умершими при родах?).

Безразличие отношение к детству в прошлые эпохи, по мнению Ф.Ариеса, было прямым следствием демографической ситуации того времени, отличавшейся высокой рождаемостью и большой детской смертностью. Знатные люди пышно праздновали рождение детей, но довольно спокойно переживали их потерю. Это не значит, что детей не любили. Средневековые хроники, жития святых и документы XVI-XVII веков донесли до нас множество трогательных историй о самоотверженных и ласковых матерях и внимательных воспитателях.

Визуальным примером нового отношения к детству служит появление в XVI веке портретов умерших детей. Их смерть переживалась как действительно невозможная утрата, а не как вполне естественное событие по средневековому принципу: Бог дал, Бог взял. В XVII веке впервые на полотнах художников начинают появляться первые изображения-портреты реальных детей. Как правило, это были портреты детей влиятельных лиц и царственных особ в детском возрасте. Таким образом, по мнению Ф. Ариеса, открытие детства началось в XIII веке, его развитие можно проследить в истории живописи XIV-XVI веков, но очевидность этого открытия наиболее полно проявляется в конце XVI и в течение всего XVII столетия.

⁵ Эльконин, Д.Б. Избранные психологические труды – М.: Педагогика, 1989. – 554с.

Важным свидетельством изменения отношения к детству служит символика одежды и игрушек. В Средние века, как только ребенок вырос из пеленок, его сразу же одевали в костюм, ничем не отличающийся от одежды взрослого соответствующего социального положения. Только в XVI-XVII веках появляется специальная детская одежда, отличающая ребенка от взрослого. Интересно, что для мальчиков и девочек в возрасте 2-4 лет одежда была одинаковой и состояла из детского платья. Иначе говоря, для того, чтобы отличить мальчика от мужчины, его одевали в костюм женщины, и этот костюм просуществовал до начала нашего столетия, несмотря на изменение общества и удлинение периода детства. Отметим, что в крестьянских семьях до революции дети и взрослые одевались одинаково. Кстати, эта особенность сохраняется там, где нет больших различий между работой взрослых и игрой ребенка.

В области искусства представления о периодах человеческой жизни нашли отражение в росписи колонн Дворца Дожей в Венеции, во многих гравюрах XVI-XIX веков, в живописи и скульптуре. Так, например, в росписи Дворца Дожей выбор игрушек символизирует *возраст детей*, играющих с деревянным коньком, куклой, ветряной мельницей и птичкой; *школьный возраст* – мальчики учатся читать, держат книги в руках, а девочки учатся вязать; *возраст любви и спорта* – юноши и девушки вместе гуляют на празднике; *возраст войны и рыцарства* – человек, стреляющий из ружья; *зрелость, вхождение во взрослую жизнь* – изображается в виде судей и ученых. Дифференциация возрастов человеческой жизни и в том числе – детства, по мнению Ф. Ариеса, формируется под влиянием социальных институтов, то есть новых форм общественной жизни, порождаемых развитием общества.

Заметим, что у славян издревле существовала дифференциация детского возраста. С момента появления на свет и до 3-4-летнего возраста ребенок находился на попечении матери, которой помогали и другие члены семьи. Ребенка, вскармливаемого грудью, называли *дитя*. Поощрялись игры, развивавшие у детей силу, ловкость, смекалку. К *молodyм* относили детей 3-6 лет. В Древней Руси младенчество называли безгреховным и неразумным периодом, который длился до 6-7 лет. Именно с этого возраста начинали учить, приводить к исповеди, наказывать. С 7 до 12 лет ребенка называли *чадо*, а подростка 12-15 лет – *отрок*. Правда, ребенку в древнерусской литературе места не находилось. Проблема возрастных особенностей детей и методов их воспитания сводилась лишь к кратким высказываниям. Отсутствовали и специальные педагогические наставления по воспитанию детей. Принятие христианства приводит к тому, что важным средством воздействия на формирование личности служит церковная исповедь, к которой, по некоторым данным, приводили мальчиков с 10, а девочек с 8 лет. Значение исповеди было в том, что она приучала к анализу своих поступков и формировала вовсе недетское осознание своей изначальной греховности. Ведь уж начиная с семилетнего возраста, считает Православная церковь, у человека накопились грехи перед Богом. Отсюда и возраст причастия.

Взаимоотношения детей и родителей в русской семье XVI-XVII веков регламентировались «Домостроем», некоторые главы которого (15, 16, 17) непосредственно посвящены воспитанию детей. В «Домострое» содержатся призывы «страхом спасти» детей от неразумных поступков. В нем перечислены запреты, которые обязаны соблюдать дети: не красть, не лгать, не обижать чужого, не помнить зла и т.д. «Домострой» требует повиноваться наставникам и старшим, любить детей и заботиться о них, воспитывать мужество, трудолюбие, бережливость и др. Содержание этого документа пронизано особой ответственностью родителей за правильное религиозно-нравственное воспитание своих детей, причем с учетом их возраста и особенностей. В качестве методов педагогического воздействия рекомендуется наказание («воспитати во всяком наказании»), включая и физическое («ино плетью постегати по вине смотря»).

Развитие общества привело к дальнейшему изменению отношения к детям. Возникла *новая концепция детства*. Для педагогов XVII века любовь к детям выражалась уже не в баловании и увеселении их, а в психологическом интересе к воспитанию и обучению. Для того чтобы исправить поведение ребенка, прежде всего, необходимо понять его, и научные тексты конца XVI и XVII веков полны комментариев относительно особенностей детского развития. Укажем здесь сочинение известного западноевропейского гуманиста Эразма Роттердамского «Гражданство обычаев детских». Текст этой книги

разделен на вопросы и ответы: 4-68 посвящены значению мимики лица, жестике, осанке ребенка; 69-78 – относились ко всему, связанному с одеждой; 79-81 – рекомендуют детям, как вести себя в церкви; 82-125 – о поведении за столом и во время еды; 126-142 – учат, как здороваться и вести себя при встрече с родителями, учителем, сверстниками, незнакомым человеком и т.д.; 143-145 – о правилах поведения в «училище» и при возвращении домой; 146-158 – посвящены играм; 159-164 – о поведении и гигиене ребенка. Книга и по содержанию, и по форме изложения была рассчитана на детей. Следует отметить также, что в начале книги говорится о необходимости в первую очередь религиозно-нравственного воспитания. Таким образом, в ней впервые было определено содержание воспитания детей: овладение нормами христианской морали; обучение свободным мудростям и овладение нормами культурного поведения. Причем «Гражданство обычаев детских» – не только первый западноевропейский памятник педагогического характера, но и первый в русской культуре памятник, посвященный светскому воспитанию детей. Важно отметить его значение для процесса социализации детей того времени.

В конце XVII – начале XVIII веков нравы постепенно стали смягчаться. Под влиянием нескольких поколений гуманистической пропаганды (Гварино, Э. Роттердамский, Т. Элиот, Я. Коменский и др.) телесные наказания становятся реже, некоторые вовсе от них отказываются. Появляется понятие *о человеческом достоинстве ребенка*, а позже о его праве на более или менее самостоятельный выбор жизненного пути. Внимание родителей начинают привлекать все стороны детской жизни. Но функцию организованной подготовки детей к взрослой жизни принимает на себя не семья, а специальное общественное учреждение – школа, призванная воспитывать квалифицированных работников и примерных граждан. Именно школа, по мнению Ф. Ариеса, вывела детство за пределы первых 2-4 лет материнского, родительского воспитания в семье. Школа, благодаря своей регулярной, упорядоченной структуре способствовала дальнейшей дифференциации того периода жизни, который обозначается общим словом «детство». Универсальной мерой, задающей новую разметку детства, стал «класс». Ребенок вступает в новый возраст каждый год, как только меняет класс. В прошлом жизнь ребенка и детство не подразделялись на такие тонкие слои. Класс стал определяющим фактором в процессе дифференциации возрастов внутри самого детства и отрочества.

Таким образом, согласно концепции Ф. Ариеса, понятие детства и отрочества связано со школой и классной организацией школы как теми специальными структурами, которые были созданы обществом для того, чтобы дать детям необходимую подготовку для социальной жизни и профессиональной деятельности. Следующий возрастной уровень связывается с новой формой социальной жизни – *институтом военной службы* и обязательной воинской повинности. Это подростковый, или юношеский возраст. Понятие подростка привело к дальнейшей перестройке обучения. Педагоги начали придавать большое значение форме одежды и дисциплине, воспитанию стойкости и мужественности, которыми ранее пренебрегали. Позже, в XX веке, Первая мировая война породила феномен «молодежного сознания», представленного в литературе «потерянного поколения». «Так, на смену эпохе, не знавшей юности, – пишет Ф. Ариес, – пришла эпоха, в которой юность стала наиболее ценным возрастом... Все хотят вступить в него пораньше и задержаться в нем подольше»⁶. Каждый период истории соответствует определенному привилегированному возрасту и определенному подразделению человеческой жизни: «Молодость – это привилегированный возраст XVII века, детство – XIX, юность – XX»⁷. Итак, культурно-исторический образ ребенка и тип отношения к нему неодинаковы в разных обществах, причем это зависит как от уровня социально-экономического развития, так и от социокультурных особенностей.

Какой же возраст является привилегированным в XXI веке? С одной стороны, детям и детству сегодня уделяется огромное внимание, повсеместно подчеркивается необходимость индивидуального подхода в развитии детей, на детей работает целая индустрия. Одним детям дано слишком долгое детство – многие люди до зрелого возраста жи-

⁶ Ариес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке – Екатеринбург: Уральский университет, 1999. – С. 236.

⁷ Там же. – С. 29.

вут за счет своих родителей. Появилась даже характерная поговорка: «Плохи те родители, которые не могут кормить детей до пенсии» (имеется ввиду пенсия детей). С другой стороны, социальные проблемы и противоречия, имеющие глобальный характер, в первую очередь отражаются именно на детях и, к сожалению, не все дети могут похвастаться «детством», многим из них приходится вступать во взрослую жизнь, полную проблем и невзгод, гораздо раньше, нежели им хотелось. Невероятно возросло количество детских домов с их специфическими концепциями детства. Исследователям только предстоит изучить всю неоднозначность мира детства в повседневном мире современного человека.

Список литературы

1. Ариес, Ф. Возрасты жизни // Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. – Екатеринбург: Уральский университет, 1999. – с. 26-43.
2. Ариес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке – Екатеринбург: Уральский университет, 1999. – 415 с.
3. Домострой: Сб. / Сост. В. Колесов. – М.: Художественная литература, 1991. – 319 с.
4. Кошелева, О.Е. «Гражданство обычаев детских»: история изучения памятника и его роль в рус. культуре XVII в. // Актуальные вопросы историографии и источниковедения истории школы и педагогики. – М.: Советская педагогика, 1986 – с. 119-139.
5. Мид, М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – 428 с.
6. Обухова, Л.Ф. Детская психология: история, факты, проблемы. – М.: Тривола, 1995. – 352 с.
7. Петров, М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д: Изд. РГУ, 1992. – 272 с.
8. Психологический словарь / Авдеева Н.Н. и др. – М.: Педагогика-пресс, 1997. – 438 с.
9. Эльконин, Д.Б. Избранные психологические труды – М.: Педагогика, 1989. – 554с.

SOCIOCULTURAL PHENOMENON OF CHILDHOOD IN HISTORICAL RETROSPECTIVE

O. V. KOVALCHUK

Belgorod State University

e-mail: kovalchuk@bsu.edu.ru

This article is about studying the problem of the sociocultural childhood phenomenon within the cultural and historical aspect. The child image and type of respect to him is changeable in the history of cultures and had been different in other communities and depended on the level of socio-economic development and sociocultural peculiarities. The problem of childhood is actual for many subcultures of nowadays. The specific of childhood in the context of everyday live of a modern humanity is going to be studied by science.

Key words: sociocultural phenomenon, childhood subculture, childhood phenomenon, the child image, the problem of childhood.

С. КЬЕРКЕГОР КАК КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПЕРСОНАЖ В ФИЛОСОФИИ Л. ШЕСТОВА

В. В. ЛАШОВ¹
Н. Б. ТЕТЕНКОВ²

*¹ Московский
государственный
университет*

e-mail: l_vv@me.com

*² Поморский
государственный
университет
имени М.В. Ломоносова*

*e-mail:
tenibo@yandex.ru*

В статье даётся определение концептуального персонажа, рассматриваются его основные особенности. Авторы статьи утверждают, что С. Кьеркегор использовал в своих работах концептуальных персонажей, и эту особенность его философии воспринял Л. Шестов, который и из С. Кьеркегора создал концептуального персонажа.

Ключевые слова: Кьеркегор, Шестов, Делёз, концепт, концептуальный персонаж, вера, разум

Прежде чем обратиться к теме, заявленной в статье, мы рассмотрим понятие «концептуальный персонаж». Это понятие было введено в научный оборот Ж. Делёзом и Ф. Гваттари в книге «Что такое философия?», в которой они определяют философию не как созерцание, не как рефлексию, не как коммуникацию, а как дисциплину, заключающуюся в творчестве концептов. Философ конструирует концепты, которые, с одной стороны, несут на себе печать их создателя, а с другой стороны, получают автономное существование в концептуальных персонажах. Ж. Делёз и Ф. Гваттари не дают чёткого определения, что такое концептуальный персонаж, сосредоточив своё внимание на особенностях, присущих концептуальному персонажу.

По Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, к особенностям концептуального персонажа относится то, что концептуальный персонаж не представляет философа, не является его alter ego, наоборот, «философ предоставляет лишь телесную оболочку персонажей для своего главного концептуального персонажа и всех остальных, которые служат высшими ступенями, истинными субъектами его философии»¹. Концептуальные персонажи становятся «гетеронимами» философа, а имя самого философа – псевдонимом для его персонажей: «Философ – это идиосинкразия его концептуальных персонажей»².

Таким образом, концептуальный персонаж полностью независим, автономен по отношению к философу, говорит и действует от имени собственного «Я». Сам философ обезличивается до местоимения «он», становится летописцем, фиксирующим действия персонажей, никак их не комментируя, или действует в качестве одного из персонажей, но в этом случае он равноправен по отношению к другим концептуальным персонажам. Иными словами, философ отказывается от положения абсолютного, объективного наблюдателя, вещающего с точки зрения вечности, а сам становится участником событий, заведомо признавая субъективность собственных суждений.

Другой особенностью концептуальных персонажей является отсутствие деления на симпатических, выражающих авторскую точку зрения, и антипатичных персонажей, чьи взгляды подвергаются критике и считаются ошибочными. Данная особенность вытекает из равноправия персонажей: они могут демонстрировать как позитивное, так и негативное движение мысли, но и то, и другое движение являются необходимым условием развития мысли, и ни одному из них нельзя отдать приоритет. Негативное движение

¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт современной социологии, СПб., Алетея, 1988. – С.83.

² Там же.

мысли приводит к тому, что концептуальный персонаж может приобрести антипатичного двойника, который будет слит с симпатичным персонажем: это Заратустра с шутком-пересмешником, Дионис с Христом, Сократа же невозможно представить себе без софиста. Антипатичные персонажи «всецело принадлежат начертанному философам плану и сотворённым им концептам; они обозначают собой свойственные этому плану опасности, неверные восприятия, дурные чувства или даже отрицательные движения, и они сами одушевляют особые концепты, которые являются конструктивной принадлежностью данной философии как раз в силу своей репульсивности»³.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари указывают, что персонажи диалога, в отличие от концептуальных персонажей, не обладают статусом равноправия: симпатичный персонаж диалога, представляющий авторскую точку зрения, заведомо преобладает над антипатичными персонажами, которые выражают мнение оппонентов философа и служат лишь объектами критики. Антипатичным персонажам диалога отводится роль заднего плана, хора, обязанность которого подпевать солисту – симпатичному персонажу диалога, выступающему в качестве солиста.

Ещё одной особенностью концептуальных персонажей является диалогизм: персонаж может выразить себя только во взаимодействии с другими персонажами. Они взаимодополняют и взаимоограничивают друг друга, и диалог помогает выявить то интересующее пространство, в котором концептуальные персонажи едины. Он же указывает границы интересующей, в которых выявляется различие и уникальность концептуальных персонажей, если они демонстрируют различные нюансы одного концепта, который собой воплощают. Симпатичный персонаж диалога склонен к монологу, от совместного поиска истины переходить к нравоучению и назиданию. Не случайно при пересказе философского диспута, в котором участвуют персонажи диалога, речь антипатичных персонажей часто игнорируется, что невозможно для концептуальных персонажей, и это не приводит к искажению авторской точки зрения, которую выражает симпатичный персонаж диалога.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари отличают концептуальные персонажи от эстетических фигур (литературных героев). Это отличие «состоит прежде в следующем: первые – суть потенциальные концепты, а вторые – потенциальные аффекты и перцепты»⁴. Иными словами, если задача концептуального персонажа – выразить некий концепт в бытийственной форме, то задача эстетической фигуры – пробудить в читателе душевное волнение, страсть, в которой мысль может не присутствовать. Ж. Делёз и Ф. Гваттари не исключают возможности взаимоперехода концептуальных персонажей и эстетических фигур друг в друга, но не допускает возможности синтеза искусства и философии, они, по их мнению, идут путём бифуркации, постоянно разветвляющихся дорог. Художественный план композиции и философский план могут проникать друг в друга, так что части одного плана оказываются заняты единицами другого, но «в каждом таком случае план и занимающие единицы выступают как действительно разные, разнородные части»⁵.

На наш взгляд, Ж. Делёз и Ф. Гваттари не учли ещё одной возможности: концептуальный персонаж может вызывать у читателя эмоциональные переживания, эстетические чувства сам по себе, не являясь частью художественного плана, не будучи использованным в качестве эстетической фигуры. Они разграничивают сферы искусства и философии, но эстетика не ограничивается сферой искусства и распространяется на другие сферы. В этом смысле мы можем говорить об эстетике спорта, который не относится к искусству. То же можно сказать и о философии: работы Ф. Ницше и С. Кьеркегора можно прочесть и как философские трактаты, и как литературные произведения.

Концептуальные персонажи не являются и литературным приёмом: символом, аллегорией, олицетворением и т.д., так как они «живут, инсистировать»: персонажи действуют в исторической или возможной действительности, меняясь вместе с ней, иногда да-

³ Там же.

⁴ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт современной социологии, СПб., Алетея, 1988. – С. 85.

⁵ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт современной социологии, СПб., Алетея, 1988. – С. 86.

же меняя содержание концепта, который они реализуют. Данная особенность даёт бесконечные возможности для интерпретации концептуального персонажа, литературные приёмы лишены таких возможностей: они включены в текст конкретного произведения и трактуются, исходя из него.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари отличают концептуальные персонажи и от психосоциальных типов, здесь, как и в случае с эстетическими фигурами, не происходит их слияния. Концептуальный персонаж не сводится к какой-либо социальной роли, множество которых человек исполняет в обществе: «я» как покупатель, «я» как пассажир, «я» как отец и т.д. Соответственно, он не может быть объяснён социальными причинами, но между концептуальными персонажами и психосоциальными типами, по Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, «имеет место сопряжение, система постоянных ссылок и опосредований». Это вызвано тем, что концептуальный персонаж связан с исторической действительностью, в рамках которой он возникает и в рамках которой он действует, поэтому черты концептуального персонажа, связывающие его с данной исторической эпохой, можно объяснить через психосоциальный тип. И, наоборот, если психосоциальный тип вырвать из исторических рамок, психологических особенностей индивида, сделать доступным для мыслительного определения, то возможно превращение психосоциального типа в черты концептуального персонажа.

Психосоциальный тип, по Ж. Делёзу, и Ф. Гваттари, действует в социальном поле, где выполняет три действия: формирует собственную территорию, «переживает или сам осуществляет дерриторизацию, а затем ретерриторизируется практически в чём угодно: воспоминании, фетише, грёзе»⁶. Эти три действия носят у психосоциальных типов физический или психологический характер. Концептуальный персонаж также выполняет эти три действия, но они носят принципиально иной характер, так как его действия носят абсолютный характер: «Такова роль концептуальных персонажей – манифестировать территории, абсолютные детерриторизации и ретерриторизации мысли»⁷.

Концептуальные персонажи не сводятся и к психологическим мотивам, тем более невозможно трактовать их поступки как проявление бессознательного, так как персонажи предполагают рациональное действие или явление, и если они выражают собой некое психологическое состояние, то это осмысленное психологическое состояние.

Как и в случае отношений между философией и искусством, Ж. Делёз и Ф. Гваттари не допускают синтеза философии и психологии, философии и социологии. Именно мысль, а не социальные или психологические причины, является сутью концептуального персонажа: «если говорят, что концептуальный персонаж – это Друг, или Судья, или Законодатель, то речь идёт не о каком-то частном, публичном или юридическом его состоянии, но о принадлежащем по праву мысли и только мысли»⁸.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари выделяют следующие черты у концептуальных персонажей:

а) патические.

В качестве примера они приводят Идиота, желающего мыслить самостоятельно, причём способного мутировать и принимать другой смысл: «но здесь же и Безумец, особый тип безумца – мыслитель-каталептик или «мумия», обнаруживающий в мысли невозможность мыслить. Или же вдохновенный маньяк, одержимый бредом, допытывающийся до того, что предшествует мысли...»⁹.

б) реляционные.

Как мы указывали ранее, концептуальный персонаж может до конца раскрыть свой смысл лишь во взаимодействии с другими концептуальными персонажами, диалогизм является его неотъемлемой чертой. Таков, по Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, «Друг» – «но такой друг, который соотносится со своим другом лишь через любимую вещь, вызывающую между ними соперничество. Это «Невеста», которая даже ценой своей жизни ставит философа «стать» женщиной и т.д.

в) динамические.

⁶ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт современной социологии, СПб., Алетея, 1988. – С. 88-89.

⁷ Там же. – С. 90.

⁸ Там же. – С. 91.

⁹ Там же. – С. 92.

Концептуальный персонаж, подобно спортсмену – серфингисту, «скользит» по новым материям бытия, словно по волнам. Благодаря этому смысл, который выражает данный персонаж, всё время находится в движении, во взаимодействии с другими персонажами, способен к изменению и обретению нового смысла, который, в свою очередь, может быть выражен другим концептуальным персонажем. Динамизм мысли выражается через глаголы, обозначающие движение: «продвигаться», «спускаться», «плясать по-ницшевски», «нырять по-мелвилловски», «прыгать по-кьеркегоровски». Эти движения мысли не сводятся друг к другу.

г) юридические.

Уже с пресократиков, считают Ж. Делёз и Ф. Гваттари, мысль «постоянно требует причитающегося ей по праву и ополчается против Правосудия...»¹⁰. Долгое время философу возбранялось быть Судьёй: он выступал либо в роли учёного доктора, привлечённого к отправлению божьего правосудия или подсудимого. Лейбниц создал новый концептуальный персонаж, сделав из философа «Адвокатом божества, которое отовсюду подвергается опасности»¹¹. Кант, по Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, наконец, сделал философа Судьёй.

Иногда же мысль «опрокидывает весь порядок – судей, адвокатов, истцов, обвинителей и обвиняемых; так действует Алиса...это играющее дитя, против которого все бессильны»¹², так как в силу своей невинности оно не обязано оправдываться ни в чём.

Или концептуальный персонаж может быть судим изнутри, «чисто имманентным критерия их существования («по ту сторону Добра и Зла – это всё же не значит по ту сторону хорошего и плохого...»)¹³.

д) экзистенциальные.

Философия, по Ф. Ницше, изобретает способы существования или жизненные возможности. Отсюда достаточно житейского анекдота, чтобы составить представление о той или иной философии, так как анекдот показывает не психологический или социальный тип философа, а способ существования, выраженный данным философом, а точнее концептуальным персонажем, «обитающем в теле философа». Таким предстают, по Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, Эмпедокл со своим вулканом, Диоген с бочкой и т.д.

Экзистенциальная черта концептуального персонажа снова возвращает нас к диалогизму, присущему персонажу, так как в житейском анекдоте, где концептуальный персонаж вступает во взаимоотношения с людьми, животными или растениями, он приобретает трагический или комический характер, который невозможно выразить в одиночку. Анекдот показывает концептуальный персонаж в новом, неожиданном ракурсе, высвечивающем его суть глазами Другого.

Назвав черты концептуального персонажа Ж. Делёз и Ф. Гваттари, не дали самого определения, В.П. Визгин и С.Л. Фокин, опираясь на их работы, постарались восполнить этот пробел. В.П. Визгин в статье «Ницше глазами Делёза» даёт следующее определение концептуального персонажа: «Это специфические герои философского мышления, которые философ формирует и ставит между своим «Я» (в какой-то степени совмещающая поставленную с самим собой) и своими текстами»¹⁴.

В предисловии и комментариях к книге Ж. Делёза «Ницше» С.Л. Фокин определяет концептуальный персонаж как движущую силу мысли философа: «концептуальный персонаж не представляет ни философа, ни его философию, напротив, философ есть не что иное, как внешняя оболочка придуманных им концептуальных персонажей, которые, по существу, суть движущие силы его мысли»¹⁵. Главную роль концептуального персонажа С. Фокин видит в том, чтобы лишить философа «Я», разрушить привычку говорить «я», когда речь идёт о чём-то значительном: «Сильнее всего голос философии звучит как раз тогда, когда мыслитель начинает говорить от третьего лица, устами другого: Ницше под именем Заратустры...»¹⁶.

¹⁰ Там же. – С. 94.

¹¹ Там же.

¹² Там же. – С. 95.

¹³ Там же. – С. 95.

¹⁴ Визгин В.П. Ницше глазами Делёза // Вопросы философии – 1993 – № 4. – С. 47-48.

¹⁵ Делёз Ж. Ницше. СПб: Аксиома, Кольна, 1997. – с. 148.

¹⁶ Там же. – С. 148.

На наш взгляд, определения данные В.П. Визгиным и С.Л. Фокиным, имеют недостаток: выделяя один аспект концептуального персонажа, они оставляют в тени другие, не менее важные аспекты.

Так В.П. Визгин справедливо указывает, что персонаж несёт в себе личностные черты, но упускает из вида, что концептуальный персонаж диалогичен по своей природе, что для выражения концепта, представленного данным персонажем, необходимы другие персонажи. Определение С.Л. Фокина указывает на то, что концептуальный персонаж включает в себе мысль философа, выявляет динамическую черту, но упускает из виду реляционные, экзистенциальные и диалогические черты персонажа.

Чтобы исправить недостатки, присутствующие в определениях В.П. Визгина и С.Л. Фокина, мы предлагаем следующую формулировку: «Концептуальный персонаж – это персонаж, наделённый личностными чертами, который в диалоге или взаимодействии с другими персонажами, выявляет идею, заложенную в него философом, позволяя увидеть её глазами Другого».

В данном определении фраза «...наделённый личностными чертами» указывает на автономность персонажа, на экзистенциальную черту персонажа, погружающую персонаж в историческую действительность.

Фраза «...в диалоге или взаимодействии с другими персонажами» указывает на диалогичность, присущую концептуальным персонажам, на реляционные и динамические черты персонажа, так как взаимодействие предполагает множественность и динамизм процесса.

Фраза «...выявляет идею, мысль, заложенную в него философом», указывает на то, что концептуальный персонаж включает в себе концепт, проявляющийся в действии.

Фраза «...увидеть её (идею) глазами Другого» указывает на то, что философ обезличивается, становится «он» по отношению к персонажам, сторонним наблюдателем, превращая тем самым действия концептуального персонажа в объективный факт, в событие мысли. Таким образом, мы считаем, что предлагаемое нами определение даёт более полное представление о концептуальном персонаже, и далее, говоря о концептуальном персонаже, будем исходить из этого определения.

На наш взгляд, для С. Кьеркегора характерно философствование при помощи концептуальных персонажей, эту идею один из авторов статьи обосновывал в диссертационном исследовании «Диалогическая гносеология С. Кьеркегора»¹⁷, к которой мы и отсылаем читателя, интересующегося данной проблематикой. Мы считаем, что подобный способ философствования свойственен и для Л. Шестова, который во многом унаследовал стиль мышления С. Кьеркегора: к нему также применимы слова И. Томсона о С. Кьеркегоре: «Часто кажется, будто С. Кьеркегор вообще не писал различных книг, а лишь на разные лады переписывал одну и ту же»¹⁸, оба экзистенциально подтверждали свои философские взгляды, обращались к литературе как источнику философствования и при аргументации и т.д.

Мы более подробно рассмотрим из общих черт использование концептуальных персонажей в философии Л. Шестова, а точнее, использование С. Кьеркегора в качестве концептуального персонажа.

Евлампиев И.И. комментирует точку зрения Л. Шестова, высказанную им в работе «Кьеркегард и экзистенциальная философия»¹⁹ о С. Кьеркегоре, следующим образом: «По Шестову, жизненная трагедия Кьеркегора состояла в том, что поняв эти высшие истины и высказав их, он сам не смог осуществить "движение веры", не смог отвергнуть господство Ничто, хотя страстно желал этого, хотя понимал, что только в этом и состоит подлинная вера. Еще более решительно, чем Кьеркегор, Шестов призывает нас к тому, чтобы осуществить это "движение веры" и тем самым окончательно лишит Ничто его власти»²⁰, перед нами предстаёт человек, ищущий истину не у публичного профессора, а у частного

¹⁷ Тетенков Н.Б. Диалогическая гносеология С. Кьеркегора: дисс.... канд. филос. наук ПГУ Архангельск 2003 – с. 155.

¹⁸ Thompson I. The lonely labyrinth: Kierkegaard's Pseudonymous Works. Carbondale: Southern Illinois UP, 1967. – р. 231.

¹⁹ Шестов Л. Кьеркегард и экзистенциальная философия. М.: Прогресс – Гнозис, 1992. – с. 304.

²⁰ Евлампиев И.И. С. Кьеркегор и проблема Ничто в русском экзистенциализме // Кьеркегор и современность – 1996 – с. 126.

мыслителя, кто не может сделать решающего шага к вере. Здесь возникает вопрос: а соответствует ли этот образ С. Кьеркегору или перед нами концептуальный персонаж? Изучение последних лет жизни С. Кьеркегора даёт нам основание полагать, что он сделал этот шаг, соответственно, Л. Шестов обращался не реальному человеку, а персонажу. Ж. Делёз и Ф. Гваттари назвали его Идиотом, персонажем, которого Шестов нашёл у Ф. Достоевского: «Сделавшись славянином, идиот остался оригиналом – частным мыслителем»²¹, Идиотом, который жаждет абсурда, творчества, возвращения погибшего, повторения.

Список литературы

1. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт современной социологии, СПб., Алетея, 1988.
2. Визгин В.П. Ницше глазами Делёза // Вопросы философии – 1993 – № 4. – с. 47-48.
3. Делёз Ж. Ницше. СПб: Аксиома, Кольна, 1997.
4. Тетенков Н.Б. Диалогическая гносеология С. Кьеркегора: дисс.... канд. филос. наук ПГУ Архангельск 2003.
5. Thompson I. The lonely labyrinth: Kierkegaard's Pseudonymous Works. Carbondale: Southern Illinois UP, 1967.
6. Шестов Л. Кьеркегард и экзистенциальная философия. М.: Прогресс – Гнозис, 1992.
7. Евлампиев И.И. С. Кьеркегор и проблема Ничто в русском экзистенциализме // Кьеркегор и современность – 1996.

S. KIERKEGAARD AS A CONCEPTUAL FIGURE IN L. SHESTOV'S PHILOSOPHY

V. V. LASHOV¹
N. B. TETENKOV²

¹ *Moscow State University*
e-mail: l_vv@me.com

² *Pomor State University n.a. M.V. Lomonosov*
e-mail: tenibo@yandex.ru

The definition of “conceptual figure” is given and its basic features are discussed in the article. The authors state that S. Kierkegaard used in his works Conceptual Figures. This device of S. Kierkegaard's philosophy was borrowed by L. Shestov, who had made of S. Kierkegaard the Conceptual Figure as well.

Key words: Kierkegaard, Shestov, Deleuze, concept, conceptual figure, belief, reason.

²¹ Делёз Ж, Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт современной социологии, СПб., Алетея, 1988. – с. 82.

УДК 145.69/98

МНОГОМЕРНОЕ ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ю. М. МЕЛЬНИК*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
melnik@bsu.edu.ru*

В статье исследуется концепт времени в культуре западноевропейского средневековья. Отмечается, что специфику христианского понимания времени определял мифологический дискурс экзистенциального времени.

Ключевые слова: время, экзистенциальное время, христианство, миф.

Надо отметить, что проблема времени в христианском мировоззрении ставилась многими, в том числе и философскими классиками. Однако, мы попытаемся внести некоторые собственные акценты в эту проблематику, которые подводят нас к пониманию специфики христианского понимания времени. Наше исследование показывает, что даже в монотеистической культуре иудаизма продолжает оставаться актуальным мифологический дискурс экзистенциального времени, переинтерпретированный (перевернутый) до противоположных смыслов. Тем более это характерно для всей эпохи эллинизма, вплоть до развитой космополитической цивилизации Рима, послужившей непосредственной почвой для спасительной миссии христианства, вобравшего все культурные и духовно-религиозные потенции греко-римского Востока и Запада, включая и дохристианский иудаизм.

Можно отметить, что в христианских культурно-цивилизационных системах почти на протяжении всей их истории сосуществуют и сложно сопрягаются *несколько моделей (картин) мира*, совмещавших, соответственно специфичные категориальные хронотопы и концепты времени. На это внимание обратили, прежде всего, исследователи культурно-антропологической и исторической школы Анналов. Так, Ж. Ле Гофф, выделяя в центре средневековой картины мира как доминирующее «время клириков», писал о наличии в культуре той эпохи «многих конкретных времен, в сети которых жили люди средневекового христианства»¹. Этот же феномен зафиксировал и А.Я. Гуревич, поставив несколько интересных для нас вопросов: «Можно ли говорить о единых категориях пространства и времени применительно ко всему средневековью и ко всем странам Европы того периода? Нет, конечно. Не было ли различий в восприятии этих категорий разными слоями и классами общества даже в одной стране и в одно и то же время? Безусловно»². К сожалению, А.Я. Гуревич, описывая этот феномен *плюрализма средневекового хронотопа*, ушел в сторону выявления степени «общности в переживании пространства и времени у людей средневековой эпохи», а вопрос о субъектах творчества хронотопных «моделей мира» фактически свел к марксистской схеме детерминации сознания классовым и сословным положением индивидов. Однако, здесь все обстояло несколько сложнее.

Восточная римская империя (Византия) непосредственно наследовала эту мозаичную этносоциальную и субкультурную сложность греко-римской цивилизации, выстраивая свой собственный, христианский культурный космос, совершая своеобразный культурный переворот и перекодировав все смыслы предшествующих систем. Христианизирующийся европейский Запад воспринимал эллинистическую культуру более опосредованно, через позднеримские, арабо-мусульманские и византийские версии античности. В сложных процессах становления христианских культурно-цивилизационных систем и происходил своеобразный семиотический переворот в трактовке концепта времени, создавался новый темпоральный дискурс.

¹ Ж. Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. – С. 164.

² А.Я. Гуревич Категории средневековой культуры. – М., 1984. – С. 51.

Это было связано с семиотическим взаимодействием концептов экзистенциального времени, находимых в религиозно-теологических текстах иудеев и философских текстах греков, с новозаветными и апокрифическими текстами, с патристическими идеями, что и проявлялось в категориях культуры, практиках повседневности и в контексте религиозно-мифологических дискурсов формировало особую ментальность человека, его личностную идентичность и самосознание, мораль и нравственные регулятивы. При этом религиозно-теологические и религиозно-философские концепты времени, формировавшие особую этико-метафизическую экзистенциальность человека, оставались как бы в центре духовной жизни, хотя это не означало, что они были доминантной ментального мира широких масс населения. Наоборот, личностное самосознание оставалось уделом немногих, «избранного народа» философов-интеллектуалов у греков и римлян, просто книжников «избранного народа» евреев или монахов и богословов средневекового христианства. А на периферии духовной жизни широкие массы народа продолжали существовать в уютном «доме» мифологического дискурса, в ритуализованной повторяемости религиозных и государственно-политических церемоний, цикличности земледельческих работ и городской повседневности.

Так, даже в «просвещенной» античной пайдейей и христианством Византии, при всей ее культурной «продвинутой» по сравнению лишь слегка латинизированным и христианизированным Западом, в самых широких народных массах мифологическая циклическая картина мира очень долго остается доминирующей, особенно в массах земледельцев, сама жизнь которых была органично вписана в циклы аграрного труда. Тем более это было характерно для христианского Запада, где сама христианизация закончилась фактически в позднем средневековье (например, литовцы и мадьяры), а в экономическом плане очень долго мы наблюдаем преобладание деревни над городом, да и сами «деревни» не сравнимы по своим размерам с «деревней» Византии.

Некоторые исследователи предлагают описание культуры христианского средневековья, никак не совпадающее с классовым делением общества³. Это совпадает во многом и с той стратификацией, которая предлагается представителями школы Анналов⁴, что и отражается в их анализе концептов пространства и времени в культуре западного христианского средневековья. Мы, вслед за ними, считаем, что, действительно, и на христианском Востоке, и на христианском Западе в средние века можно реконструировать более сложную субкультурную стратификацию цивилизационных систем и, соответственно, плюрализм категориального хронотопа и концептов пространства и времени.

В.П. Римский пишет о системных аналогиях в становлении культурно-цивилизационных систем эллинизма и христианского средневековья, связанных с их большой подвижностью, мозаичностью и вторичностью, искусственностью социокультурных структур, возникших на обломках родо-племенных общностей⁵. Это же отмечает и А.Я. Гуревич: «Средневековый человек всегда член группы, с которой он теснейшим образом связан. Средневековое общество корпоративно сверху донизу. Союзы васалов, рыцарские объединения и ордена; городские коммуны, гильдии купцов и ремесленные цехи; защитные объединения, религиозные братства; сельские общины, кровно-родственные союзы, патриархальные и индивидуальные семейные группы – эти и подобные человеческие коллективы сплачивали индивидов в тесные микромирки, дававшие им защиту и помощь и строившиеся опять-таки на основе взаимности обмена услугами и поддержкой»⁶. Можно предположить, что эти субкультурные «страты» средневековья и задавали уникальную мозаичность категорий и концептов «христианского времени».

³ См.: В.П. Римский. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997. – С. 93-123; О.В. Ковальчук. Цивилизационные модели диалога светской и религиозной культуры: Дис... канд. филос. наук. – Белгород, 2004. – С. 54-55.

⁴ См.: Ж. Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992; Ж. Дюби. Европа в средние века. – Смоленск, 1994.

⁵ См.: В.П. Римский. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997. – С. 93-123.

⁶ А.Я. Гуревич Категории средневековой культуры. – М, 1984. – С. 200.

Что же специфичного внесло средневековье в категории и концепты мифологического и космического, природного и социального, сакрального и профанного времени?

Во-первых, у «варварских народов» Европы – германцев, славян и т.д. – очень долго сохранялся собственный архаический индоевропейский мифологизм, не затронутый литературно-теоретической и богословско-философской рефлексией, который постоянно воспроизводился в практиках аграрной и городской повседневности юных христиан Европы. А.Я. Гуревич отмечает мифологическую специфику концепта аграрного времени у европейских народов: «У германских народов слова *tīd*, *tīmī* не были связаны с представлениями о точности и обозначали, скорее, времена года, периоды неопределенной, более или менее значительной длительности, и лишь изредка – более краткие отрезки времени – часы. Вместе с тем слово *at* имело два основных смысла: «год»; «урожай», «изобилие». Год, вообще время – не пустая длительность (не абстракция – Ю.М.), но наполненность некоторым конкретным содержанием, всякий раз специфическим, определенным. Показательно, что эти понятия (точнее, концепты – Ю.М.) выражали не линейное направление времени (из прошлого через настоящее в будущее), а, скорее, круговращение его... Восприятие времени варварами было антропоморфным, а наполненность времени определяла характер его протекания... Век характеризуется своим содержанием, имеет моральный характер... понятие времени тесно смыкалось с понятием органической жизни»⁷. Это циклическое аграрное время, оформленное в глубинах архаики специфической обрядностью и праздничными циклами, очень легко перекочевало в христианский культурно-символический контекст и легло отдельным «циклическим отрезком» в христианский празднично-календарный год: уже на этом уровне «линейность христианства» (кстати, более сложный феномен, о чем выше) де факто была соединена с циклическостью в некую «темпоральную спираль».

Мы не будем останавливаться на этом аграрно-архаическом пласте мифологического времени европейских народов⁸. Это по преимуществу *время крестьянское*. Но Ж. Ле Гофф, например, выделяет и циклическое *сеньориальное время*. «Повсюду тема двенадцати месяцев представлялась в виде цикла сельских работ, – пишет он, – но в этот почти полностью крестьянский цикл включались и сцены сеньориальной, куртуазной жизни, приходящиеся на апрель – май. Это конная прогулка сеньора, обычно молодого, как и пробуждающаяся природа, или феодальная охота. Так классовая тема проникала в тему экономическую... Сеньориальное время было также и временем взноса крестьянских податей»⁹. Сюда можно было бы добавить и время отмены крестьянской крепости, так как крепостное право имело место не только в России, но и в Западной Европе (даже раньше, чем у нас). К сожалению, эта проблема субкультурного (но не классового!) времени феодалов (дворян) осталась мало разработанной в мировой науке до сих пор.

Столь же пунктирно Ж. Ле Гофф пишет и о цикличности *времени средневековых горожан*: «Эту зависимость (от природных циклов – Ю.М.) можно найти даже в мире ремесел и торговли, на первый взгляд как будто более свободном от природы. У ремесленников противоположность дня и ночи, зимы и лета давала о себе знать в цеховой регламентации. Ночной труд обычно запрещался. Многие ремесла имели сезонные ритмы активности, как, например, ремесло каменщиков, жалование которых в конце XIII в. было различным зимой и летом. В мире морской торговли, в которой видят один из двигателей средневековой экономики, зимой замирала навигация, и так было по крайней мере до конца XIII в., пока не получили распространение компас и ахтерштевеньный руль»¹⁰. Надо отметить, что *городское время* средних веков в меньшей степени, чем в античности, было связано с циклизмом аграрных работ и представляло также уникальную субкультурную категорию времени, требующую своего исследователя.

⁷ Там же. – С. 104, 105.

⁸ См. подробнее: Е.М. Мелетинский. Поэтика мифа. – М., 1976; Е.М. Мелетинский. Средневековый роман. Происхождение и классические формы. – М., 1983; Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х томах. Т.1-2. – М., 1980-1982; Б.А.Рыбаков. Язычество древних славян. – М., 1981; М.И. Стеблин-Каменский. Миф. – Л., 1976; и др.

⁹ Ж. Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. – С. 169.

¹⁰ Там же. – С. 172.

Вслед за А.Я. Гуревичем интересно выделить эпическое, *родовое время*, связанное с *поколенческой динамикой*, и *семейное время*, которое, вероятно, имело место в мировосприятии не только знати, но и простых крестьян, не только в замках, но и в деревнях. А.Я. Гуревич писал о «родовом или семейном времени»: «Существенным аспектом времени был счет поколений... Понятие поколения воспроизводило ощущение живой преемственности органических человеческих групп, в которые индивид включался как реальный носитель связей, соединяющих настоящее с прошлым и передававших их в будущее. И это ощущение имело гораздо больший смысл и ценность, нежели простое указание на некоторую точку абстрактной хронологической шкалы. Но счет на поколения отражает локальное восприятие и исчисление времени. Такой отчет практиковался в генеалогиях, родовых сказаниях, сагах»¹¹. Эти варварские хронологии очень органично привязывались к христианской сакральной хронологии и обладали линейностью восприятия времени, создавая специфический историзм мировосприятия средневекового европейца. Интересно отметить, что в сознании римлян мы находим *своеобразную историческую линейность времени римской цивилизации и государственности*¹², которая предшествовала христианской линейности, влияла на нее (через Августина) и соединялась с «родовой», эпической линейностью варварских саг и хронологий в неповторимом средневековом историческом дискурсе.

Это *эпическое время поколений*, на наш взгляд, отличалось большей линейностью от эпического времени греков, а своей экзистенциальностью и «подкожным мифологизмом» от эсхатологического историзма христианства. Это родовое время дополнялось тем «вторичным мифологизмом», уходящим в глубины индоевропейской общности всех народов, эллинов и римлян, германцев и кельтов, славян и армян, и т.д., который наиболее полно был представлен в мифоэпическом сознании греков и римлян, а во многочисленных переработках в литературе, истории, философии, риторике позже стал культурным достоянием всех «христианских народов». Этот мифологический пласт первоначально был достоянием в основном интеллектуальной элиты, но постепенно проник и в народную культуру и религиозность средних веков. На наш взгляд, это родовое эпическое время, которое в соединении с христианской линейностью и историзмом литературным вошло в органическую ткань европейской культуры, до наших дней определяет острую *мирскую историческую память* европейцев (сохранились не только семейные хроники и генеалогии дворянские, но и купеческие, и крестьянские), которая – увы! – у нас так, в России, и не сформировалась.

Эти субкультурные концепты времени, выделенные нами пока вне христианского контекста, носили, разумеется, *мирской характер*, были *временем повседневности*. Имеется искушение их вообще изъять из христианского религиозного контекста. Но это было бы ошибочной модернизацией, так как христианская вера тотально подчиняла себе не только сферу духовного производства и идеологии, но и сферу повседневности. Исследователи выделяют *церковное время*, время клириков, которое доминировало в культуре той эпохи. Ценности христианства и вера в Бога у средневекового человека стали «постулатом, настоятельной потребностью всего его видения мира и нравственного сознания»¹³. *Церковное время* вступало в сложные взаимоотношения с *экзистенциальным временем повседневности*, временем рождения и смерти, труда и отдыха. Так, общеизвестным местом в науке является тот факт, что во всех христианских странах церковные праздники были приурочены к языческому календарю, связанному с годовыми природными и земледельческими циклами.

Таким образом, даже течение времени контролировалось церковью. «Колокольный звон, – как отмечал Ж. Ле Гофф, – призывающий священников и монахов к службе, был единственным средством отсчета дневного времени». Важной чертой ментальности средневековья было то, что «литургический год воспринимался как последовательность событий из истории Христа, разворачивавшейся от Рождественского поста до Троицы, а кроме того, он был наполнен событиями и праздниками из другого исторического цикла –

¹¹ А.Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. – М, 1984. – С. 109.

¹² См.: Культура Древнего Рима. В 2-х т. Т. II. – М., 1985. – С. 135-166.

¹³ А.Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. – М, 1984. – С. 19.

жизни святых»¹⁴. В средневековом сознании, как и в мифосознании древних, категория сакрального времени («история откровения») *существует* с категорией земного, мирского времени, и обе эти категории объединяются в категорию *времени исторического* («история спасения»). «Историческое время подчинено сакральному, но не растворяется в нем: христианский миф дает своего рода критерий определения исторического времени и оценки его смысла»¹⁵. Например, год представлялся как *год литургический*. Здесь, в церковном времени происходило соединение вертикали сакрального времени христианства с горизонталью профанного, мирского времени, сакрального историзма с профанным родовым историзмом и всех их вместе с циклизмом мифопоэтического времени – в *сложную спираль единого времени средневековья*.

Почти все исследователи отмечают, что у средневекового человека наблюдается острое, *напряженное переживание* и прошлого, и настоящего, и будущего. В античном сознании, как отмечалось выше, присутствовало преимущественно настоящее, прошлое интересовало только в зависимости от его близости к настоящему, а будущее ощущалось как нечто нежелательное и смутное. Для средневекового христианского мироощущения, даже с учетом его мифопоэтической, фольклорно-языческой «закваски», характерно структурное представление линейной оси времени.

Собственно, само деление истории человечества «до рождества Христова» и «после» (после рождества Христова и его Нового Завета наступает «наша эра», «новое время») лежит в основе мироощущения человека христианского мира, западного и восточного, оно вошло не только в основные идеологемы европейского либерального и социалистического сознания (прогрессизм и т.п.), но и в категориальный аппарат европейской исторической науки. «Очевидно, – писал М.А. Барг, – что только на почве линейного времени приобретало смысл «обещание» верующему избавления от земных тягот в жизни вечной, когда время достигнет своей полноты и завершится «вторым пришествием Христа». ...То обстоятельство, что каждое «настоящее» не только отделено от конечного будущего, но пронизано им, что оно может наступить в каждый следующий миг, влечет за собой по сути открытие экзистенциального смысла»¹⁶. Это говорит о глубоко личном измерении, о человеческой глубине христианского концепта времени, о сдвиге в основах не только культуры, но и самого бытия человека. Однако, и церковное время не было неким единым сакральным временем, доминирующим в дискурсе христианского средневековья.

Были ли едиными церковные представления о времени, как и уровень богословского знания, белого и черного духовенства на Востоке? Можно ли с уверенностью утверждать, что многочисленные монашеские ордена, наводнившие Западную Европу в XI–XIV вв., были столь уж единодушны во всех богословских вопросах? Разумеется, нет. Да и уровень образованности клира в средние века оставлял желать лучшего по сравнению с эпохой патристики, имевшей непосредственную близость к культуре античности. Поэтому неудивительно, что люди средневековья, искренне и по юношески пылко верившие в Христа¹⁷, постоянно отвращались от церкви к различного рода еретическим учениям, часто оживлявшим античные неоплатонические и гностические идеи и языческую обрядность. Это порождало многообразные версии сектантского, *еретического времени*, восходившие в своих основах к неоплатонизму, гностицизму, языческой обрядности и манихейству.

Мы постоянно находим в источниках взаимные обвинения в ересь на самом высоком богословском уровне. Чего стоит только одна судьба П.Абеляра, одного из самых продвинутых богословов и философов средневековья, введшего в человеческую мысль не только обновленный христианством дискурс аристотелизма, но и идею концепта, определившую некоторые тематики философской рефлексии вплоть до наших дней, но так и оставшегося на Западе в чине еретика. Мы остановимся ниже на представлениях Иоахима Флорского, который жил под постоянно нависавшим над ним мечом обвинения в ереси. Да

¹⁴ Ж. Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. – С.170.

¹⁵ А.Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. – М., 1984. – С. 119.

¹⁶ М.А. Барг. Эпохи и идеи. Становление историзма. – М., 1987. – С. 99.

¹⁷ См.: Й. Хейзинга. Осень средневековья. – М., 2002.

его идеи и легли в основание темпоральных представлений многочисленных хилиастических сект средневековья и «нового времени». Можно с уверенностью сказать, что никакого единого богословского сознания и учения средневековья не существовало. Соответственно, и церковное время распалось на множество субкультурных темпоральных концептов, в том числе и еретических. *Сектантское время* требует, на наш взгляд, дополнительного исследования, без идеологических и методологических стереотипов.

Это и был тот неповторимый *эkleктический синтез*, переплавленный через ментальные категории и обряды христианства, который создал неповторимый колорит средневековой *народной религиозности*, которая определяла духовную жизнь не только низов, но и верхов. Последние примешивали в эту народную *христианскую мифологию* большую порцию богословия. Здесь формировалось *истинное время христианства – концепт богословского времени*, которое и составляло *подвижный центр* в сложной морфологии средневековых концептов времени. Но об этом подробнее в другой нашей статье.

Список литературы

1. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. – М., 1987. – С. 99.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984.
3. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992.
4. Ковальчук О.В. Цивилизационные модели диалога светской и религиозной культуры: Дис... канд. филос. наук. – Белгород, 2004.
5. Культура Древнего Рима. В 2-х т. Т. II. – М., 1985. – С. 135-166.
6. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М., 1976;
7. Мелетинский Е.М. Средневековый роман. Происхождение и классические формы. – М., 1983.
8. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х томах. Т. 1-2. – М., 1980-1982.
9. Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997.
10. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1981.
11. Стеблин-Каменский М.И. Миф. – Л., 1976 и др.
12. Хейзинга Й. Осень средневековья. – М., 2002.

MULTIFOLD TIME OF HUMAN EXISTENCE IN THE CHRISTIAN CULTURE OF THE MEDIEVAL EUROPE

Y. M. MELNIK

Belgorod State University

e-mail:
melnik@bsu.edu.ru

The paper studies the concept of time in the Christian culture of the medieval Western Europe. It is argued that the specificity of the Christian conception of time was determined by the mythological discourse of the existential time.

Key words: time, existential time, Christianity, myth.

НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ЭТИКИ

И. О. НАДТОЧИЙ

*Воронежский
государственный
университет*

*e-mail:
inad@yandex.ru*

В статье анализируется состояние современной философии и культуры, которые характеризуются хаосом и размытостью своих смысловых начал. Высказываете предположение, что в этой ситуации и этика, и философия, вернувшись к своему исконному предназначению, смогут способствовать улучшению ситуации. Но для этого необходимо построение философской этики, которая должна четко отграничить себя от научной этики и от религиозной. Приводятся воззрения современного философа-этика В.П. Фетисова по этому вопросу. Философская этика не дает конкретных рецептов, но побуждает человека к самостоятельному поиску истины.

Ключевые слова: этика, философия, культура, кризис культуры, философская этика, религиозная этика, научная этика, истина, поиск истины.

Современный философский процесс в России отмечен необычайной широтой тем, подходов, идей. Диапазон интеллектуальных интересов простирается как от классических философских тем до совершенно нетрадиционных, подчас вычурных (напр. «философия пива» и пр.). Постмодернистская неопределенность, весьма интенсивно проникнувшая в наше культурное пространство, наложенная на посткоммунистический идейный вакуум в обществе, породила беспрецедентный смысловой и духовный хаос. Таким образом, чрезвычайно безответственная свобода интеллектуального поиска часто оборачивается бессмысленностью. И сейчас мы наблюдаем серьезное столкновение свободы и смысла в нашем философском пространстве.

Эта ситуация достаточно точно охарактеризована современным философом-этиком В. Н. Назаровым, который описал ее в терминах смены этоса на эстетизм как новой детерминации в этике: «Одной из характерных особенностей эпохи постмодерна является эстетизм, связанный с переориентацией культуры на чувственно-эстетический, «зрелищный» способ восприятия мира. Эта переориентация в первую очередь отражается на нравственном состоянии. Все больше людей руководствуется в своих поступках не моральными убеждениями и духовными установками, а чувственными предпочтениями и пристрастиями. В такой ситуации обоснование морали на философских или религиозных началах становится весьма проблематичным. Место последних занимает массовое искусство, создающее «социально-эмпатический» тип отношений между людьми»¹.

Во многом это связано с тем, что в современной культуре философия утратила некоторые свои важнейшие исконные свойства и стала инструментом для обслуживания нефилософских интересов науки и религии. Не случайно М. Хайдеггер про философию сказал, что «падение мышления в науку и в веру – вот злая судьба бытия»². Утратив свой автономный статус, философия не смогла остановить поток откровенного нигилизма и бессмыслицы, втягивающего в свой поток уже и саму философию, которая утрачивает бытийный статус и приобретает иронично-игровой.

Такая ситуация в европейской философской культуре складывалась постепенно. В культуре рационалистического дискурса приоритет получает гносеологическая проблематика. Теория познания является взаимоконвертируемой сферой и для науки, и для

¹ Назаров В. Н. История русской этики. – М. : Гардарики, 2006. – С. 289. Хотя этот автор далеко не одинок в своих оценках сложившейся ситуации в философии. Можно назвать имена А. А. Королькова, В. П. Фетисова, В. В. Биыхина, А. А. Скворцова, А. Е. Зимбули, А. В. Кутырева, С. Г. Семеновой, А. Г. Гачевой и др., выражающих сходные воззрения.

² Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник. – М. : Высш. шк., 1991. – С. 52.

философии. Отсюда и сильное стремление видеть в философии исключительно науку, что является характерной чертой философской культуры XX века. Причем это справедливо и для западноевропейской философии, и для советской, в которой существовал строжайший научно-идеологический надзор над философией.

Научная философия получила широкое признание, прежде всего, в традициях академической философии. Однако в силу масштабности своего распространения и влияния наука стала похожа на религию, поскольку стала претендовать на мировоззренческие и ценностные проблемы человека. В этом смысле научная философия теряет философский смысл, поскольку философия становится инструментом по обслуживанию интересов науки, и поэтому перестает быть философией, становясь идеологией.

Вызов научной философии, ее претензия на монополию в культуре вызывает серьезную протестную реакцию, и на авансцену выходит религиозная философия, которая привлекает к себе значительное число сторонников, не могущих найти ни духовного, ни интеллектуального удовлетворения, ни в науке, ни в научной философии.

Действительно, религиозная философия обладает в некоторых вопросах большей духовной гибкостью и глубиной и способна ответить на многие вопрошания человеческого духа. Не случайно, и в России, и на Западе число приверженцев религиозной философии среди крупных деятелей культуры чрезвычайно велико. Однако, и в этом случае философия теряет свою специфику, также (как и в случае с научной философией), становясь идеологическим инструментом по обслуживанию религиозных интересов. Снова философия теряет свою самобытность и автономность.

Эта ситуация проецируется и в сферу этики, которая по преимуществу становится научной или религиозной. По сложившейся рационалистической традиции этика наряду с онтологией, гносеологией и другими отраслями философского знания рассматривается как часть философии, причем не самая важная и значимая. Потому она попадает в силовое поле науки и религии, становясь исключительно регулятивным механизмом для этих областей.

Безусловно, и научная и религиозная этика имеют исключительно важное значение, особенно для социальной жизни. Однако проблема в том, что при этом теряется сам философский статус этики. Этика, все более отдаляясь от философии, становится исключительно прикладной дисциплиной. Возможно, это важно для профессиональной регуляции различных областей деятельности, но это, безусловно, наносит ущерб философско-этической рефлексии, всегда имевшей фундаментальный характер, поскольку занималась фундаментальными вопросами человеческого бытия. Пропорциональное перераспределение внутри этики теоретической и практической части по существу не решает ничего. Этика отрывается от философии, философия теряет исконную нравственную функцию, социальная жизнь становится бессмысленной и исключительно прагматичной.

Это вызывает к серьезному осмыслению сложившейся ситуации и необходимости нахождения твердых смысловых опор для продуктивной философской работы. Может ли сегодня сама философия выступить в качестве такой твердой опоры? Или же философия, как наиболее непринуждаемое творчество, не может выступать ни в качестве каких опор, основ и гарантий?

Этика в процессе этой работы может занять ключевую роль, поскольку именно нравственные проблемы человеческого существования традиционно рассматривались философией, которая, в свою очередь, достигала своих интеллектуальных и духовных высот, решая нравственные вопросы.

А может ли этика сегодня соответствовать своему исконному бытийному смыслу выступить в качестве основы подлинного бытия человека? То есть тому смыслу, который ей еще был задан Аристотелем, и о котором говорят ее современные авторитетные исследователи: «Этика есть нормативная наука, к тому же самая общая нормативная наука. Ее называют еще практической философией. Ее изучают не только для того, чтобы узнать, что такое добродетель, а для того, прежде всего, чтобы быть добродетельным. Цель этики – не знания – а поступки»³.

³ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. – М. : Гардарики, 2002. – С. 5.

Можно еще сослаться на хорошо известную мысль А. Швейцера, считавшего этику основой культуры. Этическое, согласно мыслителю, является «конституирующим началом культуры», поскольку содержит в себе и подлинное рациональное начало, и идеалы. Только этика может создать прочный фундамент для создания нормальных взаимоотношений с действительностью⁴.

Таким классическим установкам сопротивляется прагматизм современной утилитарной культуры и образования, которые стремятся философию и этику сделать «профессиональными», то есть философию как изначальное удивление чуду бытия вообще устранить из горизонта рефлексии, а этику с ее «проклятыми вопросами» уложить в систему «прикладных» понятий и категорий. «Профессиональный» этос сегодня интенсивно проявляется и в социальной жизни, и в образовании. Это видно и по количеству монографий, диссертаций, учебных пособий, посвященных вопросам профессиональной и прикладной этики.

Сегодня вполне закономерен вопрос: что является профессиональным этосом философа-этика? Существующие учебники по этике наглядно отражают уровень философского самосознания, в котором, собственно философии как таковой остается весьма незначительное место. Традиционное деление учебного курса на историю и теорию этики, в которой, как правило, категории этики, прикладная этика и духовные проблемы современной цивилизации, является устоявшимися и воспроизводится с теми или иными нюансами в большинстве современных учебников. При этом вся история и теория этики оказывается написанной преимущественно с позиций «научной этики». Даже если и высказывается сомнение в том, что этика является наукой.

В этой связи представляется важным способствовать возрождению философской этики, которая в отличие от научной, религиозной и прикладной носит универсальный и фундаментальный характер, способствующей раскрытию в человеке нравственно-философской культуры, посредством которой достигается подлинная и достойная жизнь.

Для возрождения философской этики (в том числе и в образовательном процессе) необходимо, во-первых, показать истонное тождество этики и философии; во-вторых, раскрыть онтологическое отличие философии от науки и религии, опасность превращения философии в идеологический инструмент науки и религии.

Итак, наша цель дать онтологические и методологические обоснования современной философской этике для выявления ее специфики и отличия от научной и религиозной этик.

Безусловно, наука, религия и философия глубочайшим образом взаимосвязаны. Справедливо пишет П. П. Гайдено во введении к сборнику «Философско-религиозные истоки науки», что «...взаимозависимость религии, философии и научного познания много глубже, чем это пытается представить атеистическая пропаганда»⁵. Известный историк науки А. Койре высказывал мысли о том, что научная мысль никогда не была полностью отделена от философской, что «наличие некоей философской обстановки или среды является необходимым условием существования самой науки»⁶.

Однако, в наличном состоянии нашей философии, отличающейся беспрецедентной эклектикой, в котором настолько беспорядочно и бессистемно смешиваются наука, религия и философия, раскрытие автономного пространства философской этики в отличие от научной и религиозной составляет важнейшую задачу.

Предлагаемый новый методологический подход к определению статуса философской этики и заключается в различении между наукой, религией и философией, что ведет к выделению собственно философской этики в ее отличие от научной и религиозной. Эклектизм современной культуры часто не позволяет увидеть существенные отличия, имеющиеся в науке, религии и философии.

Парадокс в том, что данная проблематика в философской литературе имеет длительную историю и сформировавшиеся традиции. Через всю историю европейской фило-

⁴ Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М. : Прогресс, 1992. – С. 65.

⁵ Философско-религиозные истоки науки. – М. : Мартис, 1997. – С. 5.

⁶ Койре А. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий / А. Койре // Очерки истории философской мысли. – М. : Прогресс 1985. – С. 15.

софской культуры проходит принципиальная полемика между наукой, религией и философией, ставшая знаком определенной интеллектуальной и духовной традиции, специфичной именно для этого ареала. Еще с античных времен возникает вопрос о связи философии с мифами и с точными науками. Досократики в своих натурфилософских исканиях настолько сильно сопрягли «естественный» и «сверхъестественный» планы, что до сих пор не утихают споры по поводу того, кем же их считать.

У Сократа причудливым образом переплетается дань традициям национальной религии и стремление к строго рациональному знанию. Платон одновременно укореняет свой философский логос и в мифологической стихии и в геометрии. У Аристотеля «физика» и «метафизика» столь плавно и органично переходят друг в друга, что в дальнейшем Философ попадал в различные станы в зависимости от идеологических предпочтений.

Особой остроты проблематика достигает с появлением христианства. Первоначально в апологетических целях философия интенсивно используется раннехристианскими авторами, затем на философию начинают смотреть с подозрением, не видя в ней собственного никакого смысла по сравнению с уже данным в Откровении. Если философия не служит апологетическим целям, то в ней видят лишь источник ересей и стремятся как можно скорее от нее избавиться. Наиболее философски настроенные авторы (Августин, Абельяр) в некотором роде спасают философию, однако последняя в период рассвета христианской культуры полностью теряет свой автономный статус, играя второстепенную роль «служанки».

Дискуссия о границах науки, философии и религии возобновляется с особой силой в Новое время, в частности у Гегеля. Кант много размышляет о науке, религии и философии, определяя специфику теоретического и практического мышления. Однако немецкая классическая философия, находясь в рамках рационалистической традиции склонна к отождествлению науки и философии, стремится философию рассматривать как науку.

Шопенгауэр, Ницше и Кьеркегор задают новый тип философского дискурса, в котором очевиден отход от рационалистического типа философии, зато намечен переход в иные пласты культуры (у Ницше в литературу, у Кьеркегора в теологию).

В XX веке М. Хайдеггер поставил радикальный вопрос о чистой природе философии, отделив ее от науки, религии, искусства, проповеди, истории философии, мировоззрения. Редукция философии к нефилософии стала заметной тенденцией, определившей интеллектуальный облик современности. Этим и определяется сам философский пафос Хайдеггера, равно как и его особый стиль.

В русской философии настолько сильно произошло сближение религии и философии, что последняя стала традиционно именоваться религиозной. Хотя с точки зрения ортодоксального богословия это еретическая мысль, не могущая служить эталоном религиозного благочестия. Характеристика отечественной философии как этикоцентричной и нравственной ближе к существу вопроса, так как, не смешивая религию и философию, оставляет за последней знак самобытности.

Современная философия неустанно обращается к этому традиционному вопросу, за которым просматривается коренная особенность философии к самоопределению и самообоснованию.

Вопрос о статусе этики в рамках философии имеет столь же длительную историю. В разные времена, и у разных авторов этот вопрос решался по-разному; несомненно одно – книгу под названием «Этика» можно встретить почти что у всех прославленных и именитых философов за всю историю самой философии. Это говорит о безусловно высоком статусе этики в структуре философского знания.

Однако, «Этика» Аристотеля, Спинозы, Спенсера, С. Л. Франка (ряд можно естественно множить) – это совершенно различные этики, на своеобразие которых накладывает значительный отпечаток мировоззрение автора, определяемое его принадлежностью либо к научной, либо к религиозной традиции.

Ситуация в XX веке складывается отнюдь не в пользу этики и философии: философия становится все более аналитической в то время как этика – прикладной. По этому поводу имеет место широкая дискуссия, однако, в контексте современной постмодернистской культуре фундаментальный статус этики и философии весьма заметно пошатнулся.

Вопросы методологического характера о статусе этики, о ее обосновании, о ее месте в структуре философии давно привлекает внимание, как отечественных, так и западных мыслителей и исследователей. В разное время к этим проблемам обращались Дж. Мур, Р. Хеар, Дж. Ролз и др. Аналитическое направление сделало акцент на проблемах анализа морального языка, усмотрев в этом главную проблематику этической теории.

Современные российские исследователи-этики обращаются к социальным проблемам в широком диапазоне. Среди авторов можно назвать работы А. А. Гусейнова, Р. Г. Апресяна, В. Н. Назарова, Е. Д. Мелешко, В. П. Фетисова, Н. Д. Зотова-Матвеева, О. С. Пугачева, Н. В. Голик, В. А. Канке, В. И. Бакштановского, Ю. В. Согомонова и др.

Особенно нужно отметить работы по нравственной философии В. П. Фетисова, в которых главный смысловой акцент делается на отличии философии от науки и религии, и, соответственно, на специфике философской этики по сравнению с научной и религиозной. В этом плане особое место занимает его программная работа «О философичности русского человека и сердечности русской философии»⁷.

Рассмотрим некоторые взгляды В. П. Фетисова, позволяющих, с нашей точки зрения увидеть существенные различия между философией, наукой, и религий, на этом основании выделить предметную область философской этики, которая, к тому же, укоренена в традициях отечественной нравственной философии.

В. П. Фетисов пишет: «Наука и религия верят в свои безграничные возможности на пути решения важнейших проблем человеческого бытия. Из двух миров они, в конечном счете, предпочитают один. Философия же сохраняет напряженность противоречия между естественным, научно познаваемым миром и сверхъестественным, запредельным для науки. Русская философия сегодня та философия, которая не может ни предать этот мир, отречься от него, ни утратить устремленность к Другому миру – абсолютному, вечному, недоступному ни опыту, ни разуму»⁸.

И далее следует сентенция принципиальной важности: «Русская философия – это не наука и не богословие. Это с одной стороны, оппозиция научному и религиозному сознанию в их претензиях на исключительность, а с другой, стремление сохранить в себе преданность этому миру и устремленность к высшему, запредельному. Поэтому русская философия хоть и интеллектуальна, но не до такой степени, чтобы превратиться в позитивную науку. Она метафизична, но не до признания за абсолютными сущностями самостоятельного существования. Все сверхъестественное в русской философии служит возвышению естественного, а все естественное оправдано своей устремленностью к сверхъестественному»⁹.

В. П. Фетисов дает свои метафоры того, чем может быть философия для науки и для религии. Так, сквозь «философские очки» ученый лучше видит перспективы не только своей, но и всех остальных наук. Делая физика немного метафизиком, она дает ему возможность достичь высот и в физике. Для религии же философия является «зеркалом», в которое она должна периодически смотреться, чтобы не впасть в суеверие и фанатизм.

Тем самым, не становясь ни наукой, ни религией, сохраняя свой «статус кво», философия и держит подлинное напряжение истины в мире, которое часто теряется в слишком метафизических построениях религии или в слишком эмпирических построениях науки. Достичь подлинной высоты можно лишь, не впад ни в одну крайность и ограниченность, и именно на это и способна только философия. И по сути дела, когда мы говорим о новых основаниях для философской этики, мы возвращаем ей ее же исконное значение быть хранителем истины, не служить никому кроме истины.

Таким образом, можно считать, что главный разграничительный критерий, отличающий философскую этику от научной и религиозной, заключается в том, что если последние обладают знанием конкретного блага (для науки это благо «этого» мира, для религии – «того»), то для философии само «благо» является проблемой, чья неопределен-

⁷ См.: Русская философия сегодня (идеи и направления) : материалы этико-философского семинара им. Андрея Платонова. – Воронеж : ИППЦ ВГУ, 2009. – С. 4-9.

⁸ Фетисов В. П. О философичности русского человека и сердечности русской философии // Русская философия сегодня (идеи и направления). – Воронеж : ИППЦ, 2009. – С. 6.

⁹ Фетисов В. П. Там же. – С. 7.

мость свидетельствует о духовной и антропологической открытости человека и его антропологической тайне. Тем самым сохраняется то необходимое философское напряжение, которое этику делает философичной, а философию этичной.

Таким образом, ключевая проблема данного исследования заключается в осмыслении специфики философии в ее отличие от науки и религии. В этом смысле перспективным является анализ жанрового и смыслового своеобразия философского, научного и религиозного текста. Выявление специфики философского языка и философского мировидения во многом будет способствовать установлению ее автономного статуса.

Поскольку критическая функция философии является важнейшей, также перспективной является философская критика науки и философская критика религии. Это необходимая часть философской работы, позволяющая сохранить ее «статус кво» и избежать смешивания с нефилософией.

Итак, можно сказать, что в современной эклектичной ситуации, в которой имеет место беспрецедентное смешение науки, религии и философии, определение автономного статуса каждой области духовной культуры будет способствовать нормализации ситуации в недрах этих областей. Выявление характерных особенностей философской этики будет способствовать углублению понимания тождества этики и философии, имеющее принципиальное значение для обеих.

На основании проделанной работы можно сделать некоторые выводы:

- В основании научной этики лежат всеобщие принципы научного познания и методы научного исследования. В этом случае этика строится по типу науки, перенимая от нее критерии научного знания и методологию исследования. Поскольку наука ограничена исключительно эмпирической реальностью, в исследовании и преобразовании которой она усматривает свою высшую цель и предназначение, то, соответственно, этика, построенная по типу науки, также будет озабочена усовершенствованием эмпирической реальности («этого мира»). И если цель науки – знание, а цель этики – достижение блага, то соответственно цель научной этики будет сводиться к обоснованию способов достижения посюстороннего блага.

- В отличие от научной, религиозная этика занимается обоснованием потустороннего блага («того мира»). В недрах каждой религии содержится значительный этический пласт. Однако, нравственная проблематика в религии сводится к обоснованию регулятивных функций религиозной морали для достижения трансцендентного идеала. При всей сложности, многомерности, противоречивости феномена религии выделяются две его характеристики, которые позволяют наиболее отчетливо и ясно представить своеобразие религиозного мировоззрения в его отличие от научного и философского. Это, во-первых, трансцендентный характер религиозной онтологии и аксиологии, и, во-вторых, идея двоемирия, означающая для религиозного сознания абсолютную приоритетность иного (потустороннего, запредельного плана бытия) по сравнению с наличным, данным, который интерпретируется как неподлинный, подлежащий радикальному изменению через духовное преображение.

- Общим у научной и религиозной этик, при всем их отличии в плане посюстороннего и потустороннего блага, является наличие знания, с помощью которой каждая достигает своего «земного» или «небесного» блага. И наука, и религия знают и само благо, и способы его достижения. В обеих мораль теряет свой автономный статус, становясь инструментом для достижения конкретного известного блага.

- Отличие философской этики от научной и религиозной заключается, прежде всего, в том, что здесь искомое благо не явлено, а является предметом исканий и размышлений. Сам нравственно-философский поиск становится существенной духовной характеристикой человека, означающей специфику его человеческого существования. Философская этика говорит о бытии человека в мире, не апеллируя к религии и не призывая к строгой аскезе. Это такое размышление, которое в отличие от научной этики, раскрывает проблемность и открытость человеческого существования, показывает его неоднозначность, драматизм и трагизм. Философская этика стимулирует напряженную рефлексию над смыслом существования, в основе которого – остродраматическое восприятие зла и смерти, страдания и несправедливости.

• Философская этика обладает следующими характерными особенностями: парадоксальность, антиномичность, апофатичность, трагичность. Парадоксальность проявляется в том, что добро и зло, например, не являются ставшими, однозначными категориями, но представляют собой глубоко-противоречивые явления, имеющие характер изменчивый и неоднозначный. Это не означает традиционного релятивизма, но скорее свидетельствует о трагичности и антиномичности человеческого существования, всегда обремененного на моральный выбор в условиях категориальной неопределенности сущностного содержания добра и зла. Это говорит о том, что не столько разум и понятийное мышление относятся к этической сфере, сколько совесть и сердечное чувство. Апофатичность философской этики означает незнание конечного итогового блага и дела (в отличие от науки и религии). Отсюда критический настрой философии по отношению к любым конкретным известным идеалам науки и религии, которые со временем становятся утопией. Конечный идеал и известное благо при своем достижении ведут к разочарованию и остановке духовного роста личности. Апофатичность означают открытость и поиск, в ходе которого происходит нравственный рост и совершенствование человека, которому нет и не может быть положено никакого предела.

Таким образом, раскрытие парадоксальных свойств философской этики способствует нравственному росту личности, что делает ее весьма важной не только в процессе вузовского обучения теоретическим основам этического знания, но и в практике нравственного воспитания студентов.

Список литературы

1. Назаров В. Н. История русской этики. – М. : Гардарики, 2006.
2. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник. – М. : Высш. шк., 1991.
3. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. – М. : Гардарики, 2002.
4. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М. : Прогресс, 1992.
5. Философско-религиозные истоки науки. – М. : Мартис, 1997.
6. Койре А. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий / А. Койре // Очерки истории философской мысли. – М. : Прогресс 1985.
7. Фетисов В. П. О философичности русского человека и сердечности русской философии // Русская философия сегодня (идеи и направления). – Воронеж : ИППЦ, 2009.

NEW METHODOLOGICAL FOUNDINGS TO CREATE PHILOSOPHICAL ETHICS

I. O. NADTOCHY

Voronezh Forestry Academy

e-mail:inad@yandex.ru

The paper analyses the condition of modern philosophy and culture which main characteristic feature is meaninglessness. The author supposes that ethics and philosophy if they turn back to their sources could improve the situation. To achieve that there is a necessity to construct the philosophical ethics which separates from scientific ethics and religious ethics. The author gives views of modern philosopher Vladimir Fetisov on it, the most important is that philosophical ethics don't give practical decision to the situation but stimulates personal search for truth.

Key words: ethics, philosophy, culture, culture crisis, philosophical ethics, scientific ethics, religious ethics, truth, search for truth.

УДК 177:7(091)

ЛЮБОВЬ: К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ЯВЛЕНИЯ

Н. А. НЕКРАСОВА¹
К. Ю. ТАРНОВСКИЙ

Московский
государственный
университет путей
сообщения (МИИТ)

¹ e-mail: sinekrasov@mail.ru

Статья рассматривает любовь как философскую категорию. Любовь является основой нравственности и в первом своем проявлении базируется на чувстве общности, которое свойственно человеку в силу его биологических и социальных особенностях. Но лишь духовное совершенствование открывает качественно иную грань любви, превращая ее в сознательную силу, обуславливая такое ее свойство как выход за пределы «Я». Основной вывод статьи: любовь нельзя рассматривать в отрыве от сущности человека, в которой биопсихический аспект неотделим от социального и духовного аспектов.

Ключевые слова: благо, духовность, любовь, психофизическое, сознательная сила, сущность, человек, явление,

Рассмотрение любви является непростой задачей для философии. С одной стороны, ее априорность, ее постоянное наличие в мире делают само слово «любовь» распространенным в обыденной жизни, употребляемым подчас без должной определенности в вопросе о том, что же вкладывается в это понятие. С другой стороны, такой неопределенности способствует размытость понятия любви, ее мистичность, всеохватность, трансцендентальность. Вопрос любви для философии нередко был не менее сложным, чем вопрос Бога, с той разницей, что в силу отсутствия у любви религиозной силы сама она реже становилась предметом анализа. В.С. Соловьев выказывал даже некоторое удивление тем, что Платон взялся за рассмотрение данного вопроса¹. Тем не менее, актуальность проблематики не может считаться исчерпанной; напротив, в современном обществе с не меньшей силой, чем раньше, человек ставит перед собой следующие вопросы: что же такое любовь? Начинается ли она там, где кончается эгоизм? В чем сущность явления? Способно ли оно выжить в современном мире? В широком смысле любовь нередко понимается как некая доброжелательность людей по отношению друг к другу, тот самый нравственный закон, выраженный Кантом в его категорическом императиве. С одной стороны, человек в современном обществе получил мгновенный доступ к бытию Другого: тому способствует множество коммуникаций, социальных сетей и т.д. С другой стороны, интерактивность общения, простота, с которой оказывается возможным войти в бытие Другого, создают лишь видимость доброжелательности и ставят под сомнение вопрос о том, становятся ли люди ближе друг к другу. Тезис «вовлеченности в общение» (в частности, интерактивное) сменяется у многих апатией, желанием уединения, сокрытия от мира и от прогресса, пассивностью, отвержением общепринятых ценностей. В этой обстановке еще более важным становится вопрос о том, в чем состоит основа человеческой любви и для чего она сама может стать основой, как она связана с природой человека, как существа биопсихического, духовного, социального? Вопрос о сущности явления любви становится предметом настоящей статьи.

В исследовательской литературе не раз отмечалось, что рассмотрение вопроса любви таит в себе опасность редукции, сведения любви как цельного явления к тем или иным ее составляющим². Потому следует предложить следующую посылку, из которой мы считаем необходимым исходить. Ее суть такова: необходимо разделить любовь-эрос и ту *доброжелательность*, которая не содержит эротического аспекта или в которой он

¹ Соловьев В.С. Жизненная драма Платона//Русский эрос, или философия любви в России. М., 1991. С. 78

² Зубец О.П. Мораль в зеркале любви//Размышления о любви. (Любовь как нравственное явление). М., 1991. С. 5

является лишь одним из многих аспектов. На необходимости различения этих явлений настаивал еще И. Кант, утверждая, что любовь есть дело ощущения, а не воления, и человек любит не потому, что он хочет или должен любить, а следовательно, долг любить – бессмыслица. Любовь, иными словами, выступает как сила, находящаяся не только в сознательном мире человека, но и в подсознании, в психике. Благоволение же (*amor benevolentiae*) может быть подчинено закону долга. Однако, как замечает Кант, бескорыстное благоволение к человеку также нередко называют любовью. Следовательно, первая категория, то есть любовь-эрос, может быть выделена как первый смысл значения слова «любовь». Ко второй категории относится то, что мы включаем в понятия доброжелательности как «любви к ближнему», долга, инстинкта, доброжелательности как нравственного закона. Необходимо разделять эти значения и о каждом из них говорить отдельно; несмотря на это необходимо выдвинуть гипотезу, что между ними есть связь. Но в случае неразделения этих явлений мы будем путаемся в антиномиях.

Филия – доброжелательность – долг – высшая категория любви из возможных для утверждения (но не для познания). Она не объяснима, так же как Бог у Николая Кузанца – мы не можем познать то, что само по себе превышает возможности нашего разума. Гипотеза состоит в том, что любовь-эрос также имеет своей целью филию, но не всегда воплощается в нее (если нет гармонии в человеке, в объекте любви). Любовь-филия чиста, эрос же выступает как некое препятствие, «бич божий», который любовь-филия (ничего не требующая взамен) должна преодолеть. Слово преодолеть в данном случае условно, так как нельзя и невозможно «преодолеть» физиологическое. Однако при совпадении определенных условий любовь-эрос может достигнуть этой второй стадии, филии, или «милости» (*caritas*), как называл ее Августин, или «нравственного закона», как говорил о нём Кант. Если же этого не происходит, то любовь-эрос остаётся лишь влюбленностью. Дружеская любовь, любовь-инстинкт (материнская) и близка к ней любовь-долг – по сути своей нравственны (ибо эрос вполне может быть безнравственным, как и политика – недаром любовь-эрос часто развивается вопреки чему-либо, недаром она может идти к своему осуществлению через трупы и через разрушения; но в таком случае она никогда не станет филией). Филия изначально нравственна, т.к. в ней нет физиологического инстинкта обладания, эрос не ярко выражен в ней. Его отсутствие снимает проблему «достижения» объекта, по крайней мере, нивелирует ее. Психические отклонения в этом смысле, возможно, имеют место, но являются вопросом отдельного, и не философского исследования.

Итак, любовь-эрос может развиваться сама по себе и пройти, закончиться вследствие разных причин. Первая из них – несовершенство любящих (отсутствия гармонии с самими собою), их эгоизм. Вторая причина (связанная с первой) – преобладание сексуального желания во влюбленности, и отступление любви-эроса перед житейскими, духовными трудностями («любовная лодка разбилась о быт»). Но, с другой стороны, любовь-эрос может вылиться в филию, любовь саму по себе. Более того, эрос всегда является такой основой. В любви-самой-по-себе эротический аспект растворяется в духовном, но не исчезает.

Кант говорит о необходимости любви как морального закона. Гегель справедливо утверждает, что нельзя любить «всех», т.е. незнакомых людей. Речь здесь может идти лишь о доброжелательности. С одной стороны, такая доброжелательность является необходимым условием нормальной социализации человека, она проявляется в нем в связи с тем, что он должен решать проблему реализации себя в обществе. С другой стороны, на почве доброжелательности рождается любовь, в том числе любовь-эрос – об этом пишет А. Адлер, выделяя три жизненно важных вопроса, которые должен решить человек: вопрос социализации, профессиональный вопрос и любовный вопрос. Решение последнего невозможно без социализации как таковой, и человек, не сумевший социализироваться, «едва ли будет способен решить эротический вопрос»³. Кроме того, как пишет Р.Г. Апресян, рассматривая аристотелевскую «филию», человек должен находиться, прежде всего,

³ Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. С. 173

в гармонии с самим собой для того, чтобы привязанность состоялась⁴. Гармония эта не может родиться без доброжелательности. И в этом смысле любовь подразумевает эгоизм (если только это правильное слово в данном случае), как равнодушные к себе. Ибо человек, равнодушный к себе, не может быть равнодушным к другим.

Б.Н. Тарасов, исследуя понимание любви в произведениях Достоевского, предлагает противопоставление «закона Я» «закону любви», однако, как нам кажется, закон любви – это часть закона Я, которому другая часть, возможно, противостоит, но в любом случае, они вместе составляют Я человека. Любовь, являясь частью Я, никогда не может проявиться без посредства Другого; по сути, она открывает дверь в бытие другого, является связующим звеном между человеком и другими людьми. Создавая новую сетку ценностей для конкретного человека, любовь даже в своей абстрактности конкретна: нельзя говорить о любви «к чему-то», скорее, любовь выступает атрибутом человека; при этом для проявления этого атрибута необходимо появление Другого, нахождение человека в социуме. Именно поэтому А. Адлер заявляет о том, что индивид, который не смог социализироваться, вряд ли решил и свой любовный вопрос. Потому бессмысленными можно считать призывы к любви как таковой: нельзя привести в действие систему, если не работают те или иные ее компоненты (социальные, личностные); в данном случае, кроме того, следует принимать во внимание, что любовь является *natura naturans* для человека, она стоит выше простых моральных установок, которые в некотором смысле являются ее частями. Добро, справедливость, гуманность – все упомянутые вещи являются возможными к воспитанию. Однако любовь не есть простое соединение тех или иных частей, для ее проявления необходима некая духовность, которая даёт ей силу быть сознательной, не отрицая психическое в себе, выполнять моральные установки, не признавая их высшей ценностью.

Как сущность человека не схватывается ни одним из специфических человеческих свойств (разум, способность к коммуникации, воображению, труду и т.д.), так и любовь не сводится к какой-либо одной характеризующей ее черте, атрибуту. Стремление приблизиться к сущностному пониманию феномена любви является основой для углубления понимания сущности человеческого существа: человек – обитатель двух миров (духовного и земного, он – микрокосм и макрокосм одновременно (Н. Бердяев). Его существо пронизано духом противоречивости, экзистенциальной дихотомии несовпадения земного воплощения и духовного устремления к миру абсолютного. Феномен любви отчетливо обостренно фиксирует эту раздвоенность, демонстрируя ее в каждом индивидуальном бытии. Именно поэтому мы считаем, что всякая теория любви должна начинаться с теории человека. Специфика подлинного чувства любви – в его потенциальных и актуальных возможностях в проявлении сущности человеческого существования, устремленной к абсолютному, высшему началу.

Любовь, являясь подлинным феноменом человеческого бытия, дает возможность иного – человеческого способа существования, возможность полноценного пребывания в мире и его совершенствования. Прежде всего это проявляется в новом типе взаимоотношений – любовном, основанном на новом способе единения с миром другого бытия, отличного от «Я». Подлинность единения достигается именно в подлинности любовных отношений, возможности иного модуса существования – бытия с Другим через единение, достижение «срощенности» бытия в Мы-бытии, проникновение в мир Другого и тем самым – к собственной самости, возможность понимания, сочувствия, со-присутствия другому бытию.

Итак, доброжелательность, изначальная социальность выступает как тезис в вопросе любви. Что же является антитезисом? Как ни странно, им является любовь-эрос, т.к. она, в сущности, отвергает социум. Сама потребность влюбленных в единении для реализации полового акта может служить своеобразным подтверждением этого факта. Любовь-страсть, эротическая любовь, пока еще НЕ переросшая в синтез – т.е. в филию – не хочет делить «объект» с миром. Как мы уже предположили, эта стадия может перерасти в филию, а может так и остаться на уровне страсти единственно эротического характера. Филия выступает синтезом двух вещей: изначальной социализации человека и эроса.

⁴ Апресян Р.Г. Золотое правило в этике Аристотеля// Философия и этика. Сборник научных трудов к 70-летию академика А. А. Гусейнова. М., 2009. С. 166

Почти всякая попытка определить и объяснить любовь-эрос наталкивается на серьезную сложность: будучи трансцендентальной, любовь эротическая не является результатом тех или иных логических, мысленных, психических построений личности, но, наоборот, предписывает эти построения, создавая особую реальность, с которой личность вынуждена считаться. Эта реальность порождает то, что не раз определялось как «несвобода» в любви⁵. Любовь становится моральным законом, при том, что сама она отнюдь не всегда моральна – степень моральности зависит от тех или иных установок личности, от ситуации, от социальных условий. О.В. Зубец отмечает, что любовь, в сущности, может быть разрушительной силой, так как она «выше всех наиболее значимых, самых высоких ценностей, в том числе и моральных. Отношение любви выступает как первичное по отношению к ценностному сознанию человека...потому что лишает ценностные ориентиры статуса абсолютности, делает их относительными»⁶. С одной стороны, в данной фразе нет противоречия; с другой стороны, позволим себе не согласиться с высказыванием исследователя. Действительно, любовь даёт новые ценности, преобразует систему ценностей человека, она – сама-для-себя-ценность. Однако, если эта сила является разрушительной, то может ли она быть названа любовью? Не является ли она в таком случае лишь психической, бессознательной страстью? Эта страсть, как справедливо замечает исследователь, быстро «умирает, или умирает любящий». Но можно ли то же самое сказать о любви? Было сказано, что любовь изменяет внутренний мир человека, но в таком случае можно ли сказать, что она «умирает»? Выразимся иначе: она переносится на другой субъект, она, в конце концов, переносится на само бытие; об этом говорил В.С. Соловьев, замечая, что может изменяться сам объект любви, но любовь в любом случае будет касаться не столько объекта, сколько субъекта и бытия в целом. Любовь, значит, является неким свойством сознания; страсть, о которой говорит Зубец, может дать толчок любви, но не будучи сознательной, она не может превратиться в любовь. Повторим за В.С. Соловьевым, что любовь – глубоко сознательная сила, или должна стать таковой.

Противоречие, которое не отмечалось Соловьёвым, заложено в свойствах человека как противоречивого существа: психическая часть его сущности может находиться в сильном противоречии с сознательной его частью; в этом, по сути, и состоит перефразированный «основной вопрос философии» – что первично в человеке, психика или сознание? Несомненным представляется ответ, что психика первична, но именно в борьбе психического и сознательного и сконцентрирована сущность человеческой природы. Любовь не может избежать рамок психического и сознательного; она вновь оказывается меж двух огней, первый из которых, сознательное, содержит в себе «нравственный закон» и заставляет двигаться вперед, в направлении Другого и в направлении, противоположном чистому эгоизму, в то время как второй – психическое, направлен на самосохранение, на сохранение своего Я и преувеличение себя в мире.

Таким образом, противоречие духовного и телесного не есть признак лишь эротической стороны любви; оно – часть более глубинного противоречия человека, на котором и строится его сущность, противоречия между сознательным и психическим. Школа Фрейда склонна редуцировать сознательное и увеличивать место бессознательного; неотрейдизм добавляет к ним «коллективное бессознательное» и социальное. Русская философия обнаруживает стремление к идеализации сердца, т.е. некоего сверхразумного закона, на котором базируется человеческая любовь – в нашем понимании, «сердце» в данном случае является гибридом сознательного и бессознательного, это – то чутьё, которое отличает русского человека. Однако во многих случаях это чутьё может породить выбор между сознательным и бессознательным, выбор, в котором человек оказывается заложником собственной двуединой природы (на самом деле, приставка «дву» весьма условна, ибо могут быть выделены и другие компоненты). Метания «загадочной русской души» – это, по сути, и есть метания между законом и справедливостью, между разумом и чувством, между божественным и животным. С одной стороны, любовь, и здесь Соловьёв прав, помогает возвыситься до божественного. Но, с другой стороны, в ней все равно остаётся часть «животного», ибо животное присуще самой человеческой природе, любовь

⁵ Зубец О.П. Указ. соч. С. 5

⁶ Там же. С. 7.

же, изменяя духовный мир человека, не изменяет его психических предустановок, предустановок, о которых он сам может даже не догадываться. Следовательно, возвышение до божественного всегда будет происходить по схеме «шаг вперед – два шага назад», т.е. животная, психическая часть природы человека не сможет не противостоять духовной.

Возможна ли гармония? Она возможна только в случае признания самим человеком своей двойственной природы. В данном случае серьёзную роль должны играть установки общества, семьи, воспитания. Возвышение до божественного всегда подразумевает отвержение телесной природы, плотского естества человека; это, в свою очередь, чревато нарушениями в психике, вследствие которых человек перестает быть, собственно, человеком в полном смысле этого слова – он утрачивает свою двойственную природу, поставив себя на службу той или иной стороне своего естества. Совершенствование не раз признавалось смыслом жизни. Однако оно возможно лишь в «борьбе противоположностей», которыми в данном случае являются сознательная сторона человека и его психическая сторона.

Любовь рассматривается в некоторых исследовательских работах как цель человеческого существования⁷, однако как философская категория она предстаёт скорее как средство, с помощью которого уравниваются две части человеческой сущности – духовное (сознательное) и телесное (психическое). Именно потому, что она выступает в виде примиряющего средства, она является всегда благом и несёт в себе лишь благо; не выдерживают критики мнения о том, что любовь может быть разрушительной. Разрушительной является страсть, как одна из составляющих любви эротической, но сама любовь – благо.

Любовь – всеобъемлющая ценность, которая является основой других ценностей, таких как истина, добро, красота, она подразумевает «синтез духовных добродетелей»⁸. Такое мнение укрепилось в исследовательской литературе и кажется вполне оправданным. Но можно выделить несколько проявлений любви. Первое ее проявление – чувство общности, желание человека находиться с Другим, неотъемлемое от его животной природы и усиливаемое человеческой сущностью индивида. Именно это «чувство общности» (А. Адлер) толкает человека на соединение с Другим. Одной из составляющих этого чувства общности, несомненно, является эротическое вожделение, предписанное человеку как биопсихический закон. В соединении с другим реализуются красота, добро, самопожертвование, милосердие. В конечном счете на этой ценностной базе возникает любовь во втором своем проявлении – как выход за пределы самого себя, отказ и отход от эгоизма, эмпатия.

Возникает вопрос о том, возможен ли полный отход от эгоизма, и если да, то каким образом любовь осуществляет его? В мире существует зло, и эгоизм может быть назван частью зла. Однако зло необходимо, так как добро «закаляется» в борьбе со злом. В любви эгоизм постоянно борется с самопожертвованием, но никогда не исчезает окончательно, т.к. полное исчезновение эгоизма означало бы исключение самого себя из сферы любви. Полюбить же другого, при этом презирая самого себя, не представляется возможным. Поэтому сущность любви глубоко диалектична.

С одной стороны, любовь всегда духовна и жертвенна. Жертва духом – высшая человеческая жертва, которая являет собой и высшую любовь. Когда человек способен забывать себя и своё, отдать свою половину бескорыстно другому, тогда он в состоянии приблизиться к духовному. Только в любви жизнь человека наполняется глубоким смыслом, который толкает его на дальнейшее совершенствование, делает его жизненно необходимым, даёт силы жить. Принцип жертвенности зародился в момент становления самого человека, ибо он вытекает из двойственного положения человека в мире. Человек обретает свою ценность, только выйдя за свои пределы, за границы этого мира, в сферу духовной запредельности. Жертвоприношение – это символ такого выхода. Поэтому духовный архетип человечества проявляется именно в любви, ибо в ней одна половина (отсюда происходит слово «пол» мужской или женский) соединяется с другой своей половиной, обретая целостность. Поэтому человек, постигая смысл жизни, исходит из жертвенной любви к людям, природе, ко всему живому, космосу, всему сущему и сверхсущему. Жертвенная, бескорыстная любовь ведёт к добру, служению другим, но одновременно – и

⁷ См. например, Бреус Т.В. Любовь как вид бытия (диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук). Уфа, 2002

⁸ Некрасова Н.А. Феномен духовности: бытие и ценность. Белгород, 2003. С. 188.

к состраданию. С другой стороны, полное самоотречение являет собой не столько любовь, сколько крайность, патологию. Ю.Б. Рюриков, исследуя связь любви и самоотречения, замечает, что последнее «приводит к обесцениванию людей, к девальвации личности. Ибо если ты живешь только для других, то ты только средство, рычаг для других людей, кариатида, которая держит на себе их тяжесть»⁹. Таким образом, любовь, будучи обращенной на Другого, не отменяет двойственной природы человека: отсюда нередкое стремление эротической любви к уединению, желание влюбленных «уйти от мира», феномен отщипания за разлучение с предметом любви. Любовь, кроме того, не может не объективироваться на мир в целом, а значит и на самого субъекта, как часть этого мира. Человек в этом случае выступает как человек познающий, т.к. способность любить открывает ему доступ к новому знанию, высшей истине, с которыми делается возможным новый этап совершенствования.

Закон духовного совершенствования является одновременно и законом любви: чем больше отдаешь, тем больше приобретаешь, лишь отдавая, приобретаешь. Будда учил: «истинная добродетель не ищет воздаяния». Христос говорил: «дай тому, от кого не возьмешь обратно». Любовь как выражение идеала в отношениях между людьми является ответом человека на потребности самой жизни. Идеал, скрывающийся в любви, приходя в противоречие с реальной жизнью человека, порождает глубинное психическое напряжение, которое и является духовным двигателем: осознав сущность противоречий, человек начинает трудиться над их устранением, чем и достигает своего совершенства, стремясь всё время к идеалу.

Всеобъемлющая любовь, пережитая хоть однажды, может полностью изменить всё человеческое существование, осветить всю его жизнь и придать её вечный смысл. В осознанной любви жизнь обретает не только смысл, но и свободу, так как человек освобождается от себя неполноценного и свободно обретает свою целостность в Другом человеке.

Наконец, любовь есть творчество и она порождает творчество. Их связь несомненна и выражена во многих тысячах памятников искусства и культуры. Так, любовь выступает как «чистый» созидательный акт (подтверждение тому – анализ любви с точки зрения «искусства любви» у Э. Фромма) Плодотворная любовь основывается на творческой установке на жизнь, созидательную деятельность. Она, напротив, отвергает лень и пассивность относительно жизненно важных ценностей; ей свойственны живая заинтересованность проблемами смысла собственного бытия, отсутствие безразличия – прежде всего, к судьбе Я и любимого Ты, – черты, которые, в свою очередь, способствуют развитию способности отдавать, дарить. Они рождают заботу, уважение, знание и ответственность за саму любовь. Именно поэтому любовь – творческий процесс, «дело жизни», способность искусно создать интересную, насыщенную, осмысленно-оправданную жизнь. Владующий «искусством любви» способен дарить и порождать ответное чувство любви, открывающее бытие новой личности – любимого существа. Любовь определяется не содержанием чувственного опыта, не предметом или объектом любви – интенсивность, достоверность и истинность чувства определяется творческой способностью любить. Любящий человек «выскакивает» из обыденного в сферу абсолюта, «приобщается» к вечности. Посредством любви осуществляется сращение трансцендентного и имманентного начала (имманентное вскрывается через трансцендентное), составляющих желанное двуединство, снимающее проблему смысла индивидуального существования. Любовь есть «прорыв из временного в вечность, переход в то бытийственное состояние, где нет ни смерти, ни апатии, ни уныния, а есть чистая актуальность, постоянное напряжение духа, подлинное творчество»¹⁰.

Завершая сказанное, можно сделать следующие выводы относительно сущности любви.

- любовь есть скрепляющий раствор всех ценностей, в ней они находят полное воплощение; однако свойства любви не равны сумме свойств этих ценностей;
- любовь, при своей индивидуальности и конкретности для индивида, объективирует себя на бытие, на реальный мир; в бытии любящего человека общая правда совпадает

⁹ Рюриков Ю.Б. Любовь: ее настоящее и будущее // Философия любви. М., 1990. Ч.1 С. 298

¹⁰ Губин В. Д. Любовь, творчество и мысль сердца // Философия любви. В 2 тт. М., 1990. Т. 1. С. 233.

ет с правдой единичной по причине установления действенной любовной связи, посредством которой содержание конкретно-сущего бытия находит свое место в бытии общего и целого: всякое содержание оправдано и обосновано тогда, когда определена и установлена его необходимая связь с другим, истинным, несомненным, подлинным содержанием. Любовь являет собой это содержание, которое, объективируя себя на остальной мир, придаёт ему смысл.

- любовь рождается из «чувства общности» – ее базой является биологическое и социальное влечение людей друг к другу, в частности, эротическое влечение;

- на базе влечений формируется система ценностей индивида, в которой может открыться возможность для любви как сознательной силы, объективирующей себя на само бытие;

- сущность любви глубоко диалектична; являясь благом, она не отменяет двойственной природы человека; любовь подразумевает трансценденцию, выход за свои пределы, но не означает полного самоотречения.

- необходимо рассматривать этот феномен в свете представлений о человеке как сознательном, социопсихическом и биологическом существе, учитывая, что каждая из частей его сущности (психическая, духовная, животная или социальная) влияет на проявление рассматриваемого феномена.

- Любовь как творческий акт – это синтез отношения и деятельности, поэтому феномен любви задает принципиально иную архитектуру отношениям «Я-Ты», дает возможность любящим раскрыться во всей своей онтологической силе и уникальности.

Список литературы

1. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона// Русский эрос, или философия любви в России. М., «Прогресс», 1991. – 448 с.
3. Зубец О.П. Мораль в зеркале любви//Размышления о любви. (Любовь как нравственное явление). М., «Знание», 1991. – 64 с.
4. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М., «Когито-центр», 2004. – 220 с.
5. Апресян Р.Г. Золотое правило в этике Аристотеля// Философия и этика. Сборник научных трудов к 70-летию академика А. А. Гусейнова. М., «Альфа-М», 2009. – 797 с.
6. Бреус Т.В. Любовь как вид бытия (диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук). Уфа, 2002. – 198 с.
7. Тарасов Б.Н. «Закон Я» и «закон любви» (Нравственная философия Достоевского). М., «Знание», 1991. – 64 с.
8. Некрасова Н.А. Феномен духовности: бытие и ценность. Белгород, Издательство БелГУ, 2002. – 220 с.
9. Рюриков Ю.Б. Любовь: ее настоящее и будущее//Философия любви. В 2 тт. М., Издательство политической литературы, 1990. Т. 1. – 510 с.
10. Губин В. Д. Любовь, творчество и мысль сердца // Философия любви. В 2 тт. М., 1990. Т. 1. – 510 с.

LOVE: TO THE ESSENCE OF THE PHENOMENON

N. A. NEKRASOVA¹⁾

N. S. MOLCHANOVA²⁾

*Moscow state technical
university of civil aircraft*

¹⁾ e-mail:
sinekrasov@mail.ru

The article shows an effort to consider love as a philosophical category. Love comes as a climax of morality, and in its first manifestation signifies a “sense of community”, which characterizes human as a psychophysical and social essence. Spiritual improving discovers a new side of love, making it a conscious power. The main conclusion of the article is that we should not explore a phenomenon of love without understanding a multifaceted nature of human. Its psychophysical essence can not be divided from social and spiritual ones.

Key words: conscious power, good, essence, human, love, phenomenon, psycho-physical, spirituality.

УДК 314.7

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ: УРОКИ, ТЕНДЕНЦИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

А. И. ПАНЬШИН*Московский государственный
университет путей
сообщения (МИИТ)*

В статье рассматриваются современные вопросы национальной безопасности России, вызванные миграционными процессами. Приводятся исторические примеры, которые могут быть уроками для России, даются статистические данные по внешней миграции, определяется роль государственных органов в регистрации и управлении миграционными потоками.

Ключевые слова: внешняя миграция, миграционные процессы, национальная безопасность, государственное управление.

Трансформация российского общества в условиях реформирования последнего десятилетия XX века и при вступлении в век XXI повлекла за собой изменения в политической и экономической ситуации, социальной структуре, породила значительные и разноплановые изменения в таких процессах, как миграционный, обострила проблемы конфликтогенности, заставила по-новому взглянуть на процессы национальной безопасности. При этом, как отмечают исследователи, «утверждение социальной реальности происходит под эгидой повышения роли субъективности, внутреннего мира человека как главного источника развития»¹.

Миграция населения – явление глобальное и неоднозначное. В современных российских условиях, характеризующихся кризисом практически всех сфер общественной жизни, размытостью перспектив развития и ценностных ориентаций, настоятельна потребность в анализе места и роли миграционных процессов в стабильном существовании и возможностях развития российского общества, в выработке мер по преодолению возникающих трудностей. Миграционные процессы охватывают разные, и порой, значительные слои общества, ее последствия сказываются на изменении социальной структуры общества, региона, могут приводить к конфликтам, явным и латентным, межнациональной и социальной напряженности. Нельзя не отметить актуальность проблем приживаемости мигрантов, особенно в тех ситуациях, когда для функционирования регионов миграция является необходимым условием развития общественного производства в самом широком смысле. Именно здесь исследование механизмов управления взаимодействием экономической и социальной структуры с позиций национальной безопасности приобретает особую актуальность, особенно в связи с настоятельной необходимостью принятия мер по снижению конфликтогенности ситуаций, сопровождающих миграционные процессы, а также определению альтернатив и приоритетов развития. Как представляется, изучению этих связей все еще не уделяется должного внимания. Речь идет о согласовании целей общественных трансформаций и поведения по удовлетворению групповых интересов различных групп населения. Деятельность государственных органов управления формирует экономические и юридические условия поведения общественно-экономических групп, однако не менее важным является и взаимодействие групп друг с другом.

Изменения социально-экономической и политической системы на пространстве, которое ныне принято называть постсоветским, более всего сказались на рынке труда, жизненных условиях, индивидуально-личностном статусе и семейных связях, а стало быть, и на социальной стабильности общества. В свою очередь трансформация этих процессов наиболее ярко проявилась в миграции населения: значительно снизились общая

¹ Андреев Э.М. Новейшие российские реальности: интегративный социологический анализ // Гуманитарный ежегодник. Ростов н/Д., 2002, С. 182.

миграционная активность населения, замедлились урбанизационные процессы, сформировались новые трудовые миграционные потоки (в том числе «челночество», «утечка умов» и пр.). Но более всего изменилась миграция, которая раньше именовалась как межреспубликанская.

Специфичность ситуации в данном случае заключалась в том, что межреспубликанский обмен населением на территории СССР в новых политических и экономических условиях стремительно трансформировался в новую для России широкомасштабную межгосударственную миграцию, ставящую иные задачи и требующую иных подходов, в том числе и в путях поиска социальной стабильности и обеспечения национальной безопасности.

Так, еще в советский период утверждалось², что главным направлением межреспубликанской миграции в СССР следует считать перемещение населения из южных, особенно среднеазиатских, республик в сельскую местность Центра, Сибирь и на Дальний Восток. Предполагалось, что оно сможет способствовать постепенному увеличению трудовых ресурсов в районах вселения, одновременно более быстрыми темпами будет решаться задача подготовки квалифицированных кадров из числа лиц коренных национальностей для народного хозяйства южных республик. Однако в той мере и в том качестве, в котором прогнозировались эти миграции, они не произошли.

Безусловно, миграционные процессы могут представлять угрозу для национальной безопасности и стабильности общества. Если обратиться к мировой истории, то можно привести ряд примеров, когда не контролируемая принимающей стороной миграция приводила к вооруженным конфликтам, территориальным потерям, эпидемиям. Мы можем конкретно перечислить данные примеры, это, безусловно, колонизация американскими поселенцами территории Техаса находившегося сначала под испанской, а позднее под мексиканской юрисдикцией. Сам Техас по демографическим показателям был слабозаселенным регионом, так на территории площадью почти 218 тысяч кв. километров, проживала всего 21 тысяча человек³. Правительство Мексики не могло эффективно контролировать достаточно удаленный от центра регион. Слабый контроль Мексики над миграцией американских поселенцев привел к вооруженному конфликту, и провозглашению независимости отделившейся территории, впоследствии закончившейся американо-мексиканской войной, в результате которой Мексика потеряла почти половину своей территории, а Техас стал 28 штатом Соединенных Штатов Америки. Любопытно, что у поселенцев существовало три способа завоевания или захвата Техаса:

- миграция в регион сограждан,
- покупка земель,
- применение вооруженной силы⁴.

Также в пример можно привести ситуацию с сербским краем Косово и Метохия. Миграции в данном регионе были еще в течение столетий действенным политическим фактором. Так еще Османская империя проводила политику заселения края исламизированными представителями албанского этноса, бывшими лояльными турецким властям. Сербь, столкнувшись с террором, вынуждены были мигрировать как во время турецкой оккупации, так и во время второй мировой войны, когда албанские националисты при поддержке итальянских и германских оккупантов развернули кампанию террора. Именно из албанских поселенцев в Косово немцами была сформирована 21-я горная ваффен-дивизия СС «Скандербег». Впоследствии, правительство социалистической Югославии, 6 марта 1945 года принимает постановление "О временном запрещении возвращения колонистов в места их прежнего проживания", в результате чего 100 тысяч сербов так и не смогли вернуться в Косово. Таким образом, глава Югославии Иосип Броз Тито старался противодействовать сербскому большинству в стране и распространить впоследствии влияние на соседнюю Албанию. К 1960-м годам соотношение долей албанцев и сербов в крае составляло уже 9:1⁵. Из Косово за период с 1961 по 1980 г. уехало более 92

² Топилин А.В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. М., 1975.

³ Люлечник В. "И тут появился Остин" // Газета "Наш Техас" Выпуск №134

⁴ Там же.

⁵ www.hrono.ru/libris/kosovo34.html

тыс. сербов и 20 тыс. черногорцев⁶. Можно было говорить о латентном конфликте, этническом столкновении двух национальных общин края – албанцев и сербов. После распада Югославии, этнические процессы в крае обострились и привели к открытому вооруженному конфликту, в котором участвовали югославские вооруженные силы и созданная албанцами террористическая организация «Армия освобождения Косово». Результатом конфликта стало полное отделение края Косово и Метохия⁷ при открытом вооруженном вмешательстве НАТО на стороне албанской диаспоры. Данная ситуация привела к чудовищной гуманитарной катастрофе, волне сербской (и не только⁸) миграции, например число находящихся на территории Сербии и Черногории граждан, ранее проживавших в Косово и Метохии и имеющих статус беженцев, либо временно перемещенных лиц, в настоящий момент превышает 370 тысяч⁹. В дальнейшем противостояние двух разных в культурном и конфессиональном отношении народов привело к открытому вооруженному конфликту, в результате которого Югославия потеряла регион площадью 10 849 км¹⁰.

По нашему мнению, данные примеры являются уроками для Российской Федерации. В современных условиях Россия, вошедшая в свободное общемировое мировое пространство, постоянно сталкивается с проблемой внешней миграции, как в легальном, так и в нелегальном виде. Как справедливо отмечает Л.Л. Рыбаковский, внешняя миграция населения представляет собой одну из серьезных внешнеполитических проблем для любого государства, а ее регулирование – мощный рычаг не только внешней, но и внутренней политики, индикатор адекватности законодательства складывающимся геополитическим и социально-экономическим реалиям как внутри страны, так и за ее пределами. Особенно возрастает роль внешнего миграционного обмена и порядка его регулирования в стране, находящейся в состоянии активной трансформации политической и экономической систем, пересмотра законодательства, регулирующего все без исключения сферы общественной жизни. Именно в таком положении сегодня находится Россия¹¹.

Как отмечают специалисты Института народно-хозяйственного прогнозирования, основные тенденции российской миграции последних лет выглядят так:

- снижение миграционной привлекательности России, как фиксируемое данными официальной статистики (при всей их неадекватности), так и реальное, по крайней мере в миграционном поле постсоветского пространства;
- стабилизация масштабов миграции на низком уровне;
- развитие центростремительного направления внутренней миграции, превращение столичного региона в безраздельно доминирующий центр миграционного притяжения¹².

Будучи включенной в миграционный процесс, Россия уже вовремя своего становления начала вырабатывать основы своей миграционной политики. Здесь отметим, первое в 1992 году Россия присоединяется к Международной конвенции о статусе беженцев, принятой 28 июля 1951г. В феврале 1993 года выходит Федеральный Закон «О беженцах»¹³ где определяются основания и порядок признания беженцем на территории Российской Федерации, установление экономических, социальных и правовых гарантий защиты прав и законных интересов беженцев в соответствии с Конституцией Российской Федерации, а также общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. Второе, 14 июня 1992 года Указом

⁶ Поморцев А. Косово — кровавая «пятилетка» // журнал «Русский образ» 4-ый номер. Август 2004. С. 7.

⁷ Официальное название края в Югославии.

⁸ Вместе с сербами край вынуждены были покинуть этнические меньшинства: цыгане, турки, косовские адыги и др.

⁹ www.rian.ru/society/20051017/41804019.html.

¹⁰ www.srbija.gov.rs/pages/article.php?id=20619.

¹¹ www.viperson.ru/wind.php?ID=250081&soch=1.

¹² Исследование по теме «Методологические рекомендации по систематизации и анализу итогов Всероссийской переписи населения 2002 года во взаимосвязи с текущей статистикой населения в межпереписной период, проведением предпрогнозного анализа и разработкой сценариев демографического развития», выполняемое ИНП РАН в 2004 году по заказу Росстата.

¹³ ФЗ от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 22.08.2004).

Президента Российской Федерации № 626 создана Федеральная миграционная служба России, образованная на базе Комитета по делам миграции населения при Министерстве труда и занятости населения Российской Федерации. На данный момент ФМС России представляет собой самостоятельный орган, подведомственный МВД России. Здесь можно провести интересную параллель, так в США в 1940-е годы Служба иммиграции и натурализации, входившая в состав Министерства труда, была передана в ведение Министерства юстиции, где в настоящее время¹⁴. Объяснить данную параллель можно, по нашему мнению, соображениями общественной и государственной безопасности, на которые может повлиять неконтролируемый иммиграционный процесс.

Действительно, одной из основных проблем для национальной безопасности является неучтенная, нелегальная миграция. По мнению П.А. Сельцовского, угрозу национальной безопасности представляет то, что мигранты, находящиеся на нелегальном положении, оказываются вне зоны правового поля, в том числе и по месту работы¹⁵. В силу своей специфики, нелегальная миграция трудно поддается количественному подсчету. Каких-либо четких достоверных данных о масштабах нелегальной миграции нет, например, в СМИ часто называются фантастические цифры, не имеющие ничего общего с реальностью и даже официальные источники, такие как государственные органы, разнятся в подаче информации. По данным заместителя министра внутренних дел А. Чекалина в России незаконно проживают 10-12 млн. иностранцев¹⁶. Заместитель главы администрации президента В.Иванов заявил, что количество иностранцев в РФ превышает цифру 10 млн., где около половины из них нелегалы¹⁷. Ближе к оценке В.Иванова и руководитель Федеральной миграционной службы МВД России, А. Черненко, он говорит о 6 млн. нелегальных мигрантов¹⁸. Однако, Б.Грызлов в бытность свою министром внутренних дел говорил о том, что в России постоянно проживают до 1,5 млн. нелегальных мигрантов, «а периодически в Москву приезжают до 5 млн. сезонных рабочих»¹⁹. Новый директор Федеральной миграционной службы Константин Ромодановский добавил, что ежегодно в Россию прибывает более 20 миллионов мигрантов и около 10 миллионов из них – незаконные²⁰. Конечно же, расхождения в цифрах присутствуют, но можно уверенно говорить о том, что нелегальная миграция является достаточно серьезной проблемой в России. Говоря о современном отношении властных структур к нелегальной миграции, можно привести мнение председателя комитета Госдумы по безопасности Владимира Васильева, о том что «миграционная политика России меняется таким образом, чтобы мигранты, но легальные, чувствовали себя в России также, как и граждане России, а нелегальные мигранты должны чувствовать себя как правонарушители. Я думаю, что с этого пути мы не свернем»²¹.

Известный ученый Л.Л. Рыбаковский²² в части своих исследований касающихся проблем нелегальной миграции на Дальнем Востоке, отмечает, что проникновение граждан Китая на российскую территорию противоречит государственным интересам России в данном регионе и нуждается в жестком правовом регулировании, как на федеральном, так и на местном уровне. В частности касательно этнических особенностей миграции, отмечается, например, что иммиграция корейцев вплоть до недавнего времени была намного интенсивнее и носила в первую очередь характер переселения на постоянное жительство, тогда как иммиграция китайцев, вне зависимости от интенсивности процесса, всегда была ориентирована на временное пребывание с целью получения максимально возможного экономического эффекта.

¹⁴ Журнал «Отечественные записки», №4, 2004

¹⁵ Сельцовский П.А. Кадровая политика в системе государственного управления как фактор укрепления национальной безопасности России. – Изд. 2-е, переработ. И доп. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2008. С. 322.

¹⁶ РИА «Новости». 2002. 24 июля.

¹⁷ Аргументы и факты. 2002. 10 апреля.

¹⁸ Коммерсант-Daily. 2002. 4 апреля.

¹⁹ Коммерсантъ. 2002. 25 апреля.

²⁰ Новые Известия. 2006. 16 марта.

²¹ edinros.er.ru/er/text.shtml?12/9053,100026.

²² Рыбаковский Л.Л. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. – М.: 2001.

В свете данных реалий можно отметить, что интеграция внутренних мигрантов менее сложна относительно интеграции внешних мигрантов, так как последние являются носителями иной культурной составляющей. Не следует, и забывать о современном вызове обществу в виде международного терроризма. Все это также способствует нарастанию социальной напряженности, сопротивления коренного населения, в том числе самоорганизации неформальных групп молодежи враждебно настроенных против иностранцев в целом.

В практике решения данных проблем, необходимо уделить большое внимание изучению зарубежного опыта по противодействию нелегальной иммиграции и занятости. В иммиграционной политике западных стран многое делается по пресечению нелегального пребывания, незаконной занятости и выдворению нелегалов.

Достаточно сложно обстоит проблема социально-культурных противоречий, имеющих все же по нашему мнению и скрытые экономические механизмы. Зачастую бытовые конфликты, уголовные преступления совершенные отдельными представителями мигрантов приводят к стихийным выступлениям коренного населения с требованиями к властям принять меры по отношениям ко всем мигрантам. Заметим, что конфликты с участием мигрантов стали происходить в России в 2000-е годы достаточно часто. Здесь мы можем параллельно вспомнить ситуацию в Европе, в частности беспорядки во Франции 2005 года устроенные мигрантами из Африки. В России скорбный список конфликтов постоянно пополняется, это и конфликтная ситуация с турками-месхетинцами в Краснодарском крае, конфликт в подмосковном городе Красноармейске в 2002 году, события в Карелии в городе Кондопога, название которого стало теперь нарицательным, в 2006 году, конфликты в Ростовской области и т.д. Причем заметим если конфликт турок-месхетинцев с местным населением это конфликт беженцев из Узбекистана с коренными жителями, то события в Кондопоге это уже конфликт местных жителей с внутренними мигрантами, представителями чеченской общины, здесь обе стороны граждане одного государства, что серьезно усложняет проблему социальной стабильности и толерантности в обществе.

Многие политические движения также не стоят в стороне от данных событий. Так партия «Родина» шла на выборы в Московскую городскую Думу в 2005 году с лозунгом «Очистим Москву от мусора», в видеоролике показанном по ТВ лидеры партии призывали группу намусоривших приезжих убрать за собой, задавая вопрос «Ты русский язык понимаешь?». Ролик был признан Мосгоризберкомом разжигающим межнациональную рознь, и партия была по решению Мосгорсуда снята выборов.

Также стоит отметить «Движение против нелегальной иммиграции». Судя по материалу, изложенному на сайте, оно основано 10 июля 2002 года, через несколько дней после ряда событий в российских городах²³ (имеются в виду конфликты в Красноармейске, Новосибирске и уголовное преступление совершенное группой гастарбайтеров в Москве). Основными целями движения являются:

- Депортировать всех нелегальных иммигрантов с территории России.
- Максимально ужесточить местное и федеральное миграционное законодательство, принять специальный федеральный закон по борьбе с нелегальной иммиграцией.
- Установить перечень профессий, необходимых для нужд каждого региона, создать квалификационные комиссии²⁴.

Как мы видим, что если в 90-е годы в России не было организаций позиционировавших себя как противодействующие мигрантам, то в 2000 годы ситуация резко меняется, что свидетельствует о нарастании межэтнической напряженности в России.

В итоге, мы можем заметить, что миграционные процессы в России ставят ряд проблем влияющих на национальную безопасность государства. Во-первых, отметим, что неконтролируемые потоки мигрантов могут приводить к серьезным негативным изменениям в социально-политической сфере государства, что показывает ряд исторических примеров (штат Техас в XIX веке, край Косово в XX веке). Во-вторых, нелегальная миграция, становится одной из серьезнейших проблем, которой уже активно занимаются госу-

²³ www.dpni.org/about/o_dvizheni.

²⁴ www.dpni.org/about/celi_i_zad.

дарственные органы, судя по последней информации, имеющие решительную позицию по пресечению нелегального пребывания мигрантов. В-третьих, бытовые конфликты между принимающей стороной и мигрантами имеют широкий общественный резонанс, и используются в политических процессах в стране.

Список литературы

1. Андреев Э.М. Новейшие российские реальности: интегративный социологический анализ // Гуманитарный ежегодник. Ростов н/Д., 2002.
2. Топилин А.В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. М., 1975.
3. Люлечник В. "И тут появился Остин" // Газета "Наш Техас" Выпуск №134.
4. www.hrono.ru.
5. Поморцев А. Косово — кровавая «пятилетка» // журнал «Русский образ» 4-ый номер. Август 2004.
6. www.rian.ru.
7. www.srbija.gov.rs.
8. www.viperson.ru.
9. Исследование по теме «Методологические рекомендации по систематизации и анализу итогов Всероссийской переписи населения 2002 года во взаимосвязи с текущей статистикой населения в межпереписной период, проведением предпрогнозного анализа и разработкой сценариев демографического развития», выполняемое ИНП РАН в 2004 году по заказу Росстата.
10. ФЗ от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 22.08.2004).
11. Журнал «Отечественные записки», №4, 2004.
12. Сельцовский П.А. Кадровая политика в системе государственного управления как фактор укрепления национальной безопасности России. – Изд. 2-е, переработ. И доп. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2008.
13. РИА «Новости». 2002. 24 июля.
14. Аргументы и факты. 2002. 10 апреля.
15. Коммерсант-Daily. 2002. 4 апреля.
16. Коммерсантъ. 2002. 25 апреля.
17. Новые Известия. 2006. 16 марта
18. edinros.er.ru/.
19. Рыбаковский Л.Л. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. – М.: 2001.
20. www.dpni.org.

MIGRATION IN RUSSIA: LESSONS, TENDENCIES, NATIONAL SAFETY

A. I. PANSHIN

*Moscow State University
of Railway Engineering (MIIT)*

The article addresses the contemporary questions of Russian national safety caused by migration processes. There are given historical examples which can serve as lessons for Russia, statistical data on the external migration and the role of the state authorities in the registration and migration flows control is defined in the paper.

Key words: external migration, migration processes, national security, public administration.

УДК 371.014

СПЕЦИФИКА ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Г. Н. ТРАВНИКОВ*Прикамский социальный институт**e-mail: travnikovgn@mail.ru*

В статье анализируются специфический характер инноваций в современном образовании. Современное общественное развитие невозможно без инноваций, которые являются формой обновления общества на всех его уровнях. Инновации в образовании рассматриваются как один из основных инструментов решения проблем, возникающих в образовании и обществе. Анализ инновационной деятельности должен быть реализован в проблемном поле такого познавательного феномена, как «открытие», и такой важнейшей сферы жизнедеятельности человека, как «творчество».

Ключевые слова: образование, сообщества, инновации, деятельность, открытия, новшества, изменения, образовательные практики, диалектика, инновационная деятельность, социальное развитие, новизна, творчество.

Проблема нового образа человека – это проблема особой трансформации его духовного мира, преобразование на основе новой культуры жизни и философии жизненного поведения. Важнейшую роль в этом процессе принадлежит образованию и культуре. Вступление общества в стадию постиндустриального, формирование постклассической науки, выход на передовые рубежи информационных технологий стимулирует поиски других, наиболее адекватных этой ситуации моделей образования и, соответственно, иного образа человека. Понимание образования как процесса эволюции форм знания, как становление новой парадигмы, на основе которой осуществляется самоорганизация социального контекста жизнедеятельности человека, приводит к переосмыслению сущности образования и педагогической деятельности. В современной ситуации глобального кризиса человеческих ценностей, омассовления и стандартизации многих форм человеческого бытия проблема целостности и взаимодополняемости, инновационного развития – как принципов становления образования – все более становится предпочтительной. Синергетический подход позволяет посмотреть на человека и его деятельность, процесс его образования не с традиционных, а инновационных позиций. Этому способствует новая модель человека, развиваемая в философской антропологии. Вопрос об инновациях в российском образовании возникает периодически, особенно актуален он, когда страна находится в поиске новых концепций образования.

Современное общественное развитие невозможно без инноваций, которые являются формой обновления общества на всех его уровнях, а если учесть тот факт, что образование – это один из существенных факторов развития общества, то инновации в образовании можно рассматривать в качестве одного из основных инструментов решения возникающих в образовании и обществе проблем. «По сути дела инновационный путь развития, – отмечает А.Г. Фонов, – представляет собой расширение поля использования научного метода, включения в область его применения всех более или менее значимых направлений человеческой деятельности»¹.

«В современном российском образовании не существует определенной и общепринятой Концепции инновационной деятельности в образовании, отсутствует устоявшийся тезаурус инновационной деятельности, ее отдельные термины многозначны и размыты, что создает устойчивую иллюзию общепонятности, что есть «инновационность». Очевидно, что в условиях такой «предельной неопределенности» в понимании инноваций, не имея конвенционально согласованных представлений о сути инновацион-

¹ Фонов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. – М., 1993.

ной деятельности в образовании, невозможно грамотно выделять объекты, критерии и процедуры экспертизы всех мыслимых и немыслимых педагогических инноваций, и соответственно, конструктивно обсуждать пути и средства их научного обеспечения².

Вопросы сущности и структуры инновационных процессов рассматривались в зарубежной литературе. Западная экономическая наука стала разрабатывать эти проблемы еще с 30-х годов XX века. Среди наиболее значимых работ последних лет можно назвать труды И. Ансоффа, М. Хучек, К. Оппенлендера, Б. Санто, Б. Твисса, Р. Уотермана. Отличительной особенностью рассмотрения проблемы инноваций в западной литературе (Д. Гелбрейт, П. Друкер, Г. Менш, Р. Форестер, Й. Шумпетер, К. Ясперс, М. Хайдеггер и др.) является постановка во главу угла вопросов, связанных с технико-технологическим видом инноваций. Для западных авторов также характерен интерес к прикладным проблемам (оценка и экспертиза инновационных проектов, прогноз развития техники и технологии, вопросы инженерного образования и т.п.) и четко выраженное аксиологическое отношение.

В зарубежной педагогике инновации рассматриваются в неразрывной связи с образовательными и социальными изменениями. Ряд авторов (Fullan, M. Stiegelbauer), анализируя причины возникновения изменений в области образования, отмечает, что в плюралистическом обществе всегда будет существовать определенное давление, побуждающее к инновациям в образовании. При этом важно рассматривать два аспекта инноваций: кому выгодны инновации (ценностный аспект) и насколько осуществим замысел инновационного проекта и реалистичен предлагаемый подход (аспект способности инноваций к внедрению)³. Исследователями предпринята попытка типологии инновационных изменений в образовании.

По мнению Фуллана, при введении инноваций в образование характерны две основные проблемы: правомерность вводимых в образовательный процесс инновационных изменений и предубеждение, а зачастую, игнорирование необходимости изменений, которые, к тому же, на практике оказываются не столь значительными, как то было первоначально заявлено.

Рассматривая проблему изменений в образовании, зарубежные ученые отмечают, что инновация не должна проводиться ради инновации. Необходимо учитывать, какие ценности формируются в результате данных нововведений, кто выиграет в их результате, каковы приоритеты, насколько они достижимы, какие области потенциальных изменений недооцениваются – все это напрямую связано с необходимостью тщательного анализа причин и следствий инновационных процессов в образовании.

Любая инновация должна критически анализироваться с точки зрения значения происходящих в результате ее введения образовательных изменений, констатируют Фуллан и Штигельбауэр, так как не всякое изменение ведет к развитию. Исторические события и процессы не подтверждают линейность либо неизбежность прогресса. Инновации сами по себе не являются панацеей от образовательных проблем и противоречий. Поэтому сущность образовательных инноваций должна быть исследована в связи с целями, ценностями, последствиями, которые возникают в конкретной ситуации, связанной с нововведениями. Необходимо различать позитивные инновации и неуспешные, и на этой основе прогнозировать дальнейшее развитие образования.

Несмотря на высокую оценку роли инноваций в общественном развитии, в науке проблема инновационной деятельности, ее механизмов, особенностей и закономерностей исследована недостаточно.

Глубокий анализ научной литературы и специальных исследований, отражающих методологические подходы к инновациям в отдельных науках, проведен С.Е. Крючковой, ее работа посвящена общим проблемам возникновения нового в обществе. Она раскрывает вопросы природы инновационной деятельности в целом, ее субъектов, социальных источников, движущих сил создания и внедрения инноваций на микро- и макро- уровнях и другие тесно связанные с ними вопросы, предполагающие осуществление философско-методологического анализа инноваций⁴.

² Слободчиков В.И. Инновации в образовании: основания и смысл// Исследовательская деятельность школьников. – 2004. – № 2.

³ Fullan, M. Stiegelbauer. The new meaning of educational change. N.Y.: Teachers Collece Press, 1991, p. 17-18.

⁴ Крючкова С.Е. Инновации: философско-методологический анализ. – М., 2001.

Анализ самой инновационной деятельности должен вестись в проблемном поле такого познавательного феномена, как «открытие», и такой важнейшей сферы жизнедеятельности человека, как «творчество».

Философско-антропологический подход к исследованию инновационной педагогической деятельности предполагает способность к созданию нового как существенный элемент содержания образа человека, который формирует система современного образования.

«Классическим» понятием в этом случае является понятие «новое». Процесс открытия новых истин вообще нельзя свести к формально-логическим процедурам. В погоне за «логикой открытия» философы и методологи науки наработали огромный теоретический потенциал, позволивший значительно углубить теоретические представления о процессах появления нового в науке. Оформилась и утвердилась концепция, согласно которой в процессе генерирования новых идей «решающую роль играет не дискурсивное мышление, опирающееся на логику, а интуитивное и творческое постижение истины, использующее богатые ассоциативные связи, воображение, озарение, аналогии и целый ряд других факторов, которые часто относят к психологии творчества»⁵.

Понятия «творчество» и «инновация» достаточно близкие, можно сказать, пересекающиеся, оба включают признак новизны. Элементы творчества присутствуют практически на всех этапах инновационного процесса: при постановке проблемы, при поиске путей ее разрешения, при глубинном осмыслении и моделировании, на этапе собственно открытия, появления новой идеи, и даже на последнем этапе – этапе «верификации», понимаемой достаточно широко: от оформления полученных научных данных в логическую систему до воплощения результата в форму, доступную для восприятия. Творчество в максимальной степени присутствует в радикальных инновациях, а в минимальной – в улучшающих, так как в последних чаще всего происходит перекомпоновка уже существующего.

В процессе творчества инноватика исследует праксеологический аспект творчества, конкретизируя такой его признак, как «социальная значимость», делая его предметом специального изучения, пытаясь выявить влияние общественных потребностей на появление новаций. Отсюда не случаен весьма распространенный концептуальный подход, трактующий инновацию как продукт творчества, обладающий новизной и социальной значимостью. Последнее весьма важно, так как известно, что не всегда открытия или изобретения превращались в инновации. Признак социальной значимости, в отличие от его использования в контексте понятия «творчество», в связи с инновацией не просто выходит на первый план, а приобретает весьма конкретное смысловое значение – значение «пользы», «потребительской стоимости» и т.п.⁶

Понятие «новое» тесно переплетено с сущностью творчества, с креативностью. Оно выражает объективное содержание творчества, фиксируя «скачок содержания», называемый некоторыми исследователями «чудом», «загадкой» и т.п. «Новое» действительно предстает перед нами как ранее не существовавшее. В этом случае оно возникает как бы внезапно и в целостном виде, что создает иллюзию его недетерминированности. Предсказание появления такого «нового» невозможно, обычно оно находит объяснение постфактум⁷. Творчество – это образ жизни, оно начинается с удивленного видения, такое видение в философии называется созерцанием т.е. смотреть не только умом, но и всей человеческой сущностью, пребывая в органическом единении с бытием самим по себе. «Творить» означает создавать, делать по-новому, оригинально, получая при этом уникальные результаты. Творчество как гуманистическая ценность имеет цель – создание благ, расширяющих возможности человека. Оно предполагает мастерство, энергию, волю.

Одной из ключевых для анализа инновации и инновационного процесса является категория «изменение», т.к. именно наличие изменений, возрастание их числа и величины отклонений в структуре и поведении системы делают ее неустойчивой, переводя в критический режим, что создает онтологические предпосылки для появления нового и перехода системы на качественно иной уровень. Инновация действительно несет в себе изменения. В контексте инноваций мы имеем дело с изменением особого рода, оно одно-

⁵ Рузавин Г.И. Научный поиск, эвристика, диалектика // Философия. – 1987.

⁶ Крючкова Е.Н. Инновации: философско-методологический анализ. – М., 2001.

⁷ Князева Е.Н. От открытия к инновации: синергетический взгляд на судьбы научных открытий. // Эволюция, культура, познание. – М., 1996

значно должно носить положительный характер, особенно в образовании, то есть улучшать, повышать, увеличивать и т.п. Чтобы быть положительным, инновационное изменение должно быть управляемым, а, следовательно, иницилируемым, проектируемым и контролируемым. Также в содержании понятия «инновация» обязательно так или иначе должны быть отражены характеристики, связанные с новизной, с творчеством, с социальной значимостью этой деятельности, ибо, как справедливо отмечает В.Ж. Келле, «предназначением инновационного процесса является создание нового продукта, новых технологий, которые находят своего потребителя в производстве или в других областях жизни человека и общества»⁸. Поэтому справедливы попытки тех, кто, определяя «инновацию» через «изменение», стремится подчеркнуть особый характер последнего, отмечая, что речь идет о «принципиальном», «сущностном», «структурном» изменении. Также останавливаются они на таких чертах инновационной деятельности, как «всеобщность», «нелинейность», «непредсказуемость», справедливо отмечая принадлежность этих характеристик к инновационной деятельности.

Многоаспектность понятия «новое» отражает сложность самого феномена инновации и исследований в сфере инновационной деятельности, в частности. В.И. Слободчиков, отмечает, что «для операционального определения инновации – последняя противопоставлялась традиционным формам действия, мышления и поведения. То, что выходило за рамки традиции и обычая, то и являлось инновацией, – такова позиция культурной антропологии в первой половине XX века»⁹.

Применительно к образованию, инновации рассматриваются как актуально значимые и системно самоорганизующиеся новообразования, возникающие на основе разнообразия инициатив и новшеств, которые становятся перспективными для эволюции образования и позитивно влияют на его развитие, а также на развитие более широкого пространства образования¹⁰.

Инновации выражаются в тенденциях накопления и видоизменения разнообразных инициатив и нововведений в образовательном пространстве, которые в совокупности приводят к более или менее глобальным изменениям в сфере образования и трансформации его содержания и качества.

Отсутствие единства взглядов в понятийном аппарате свидетельствует о том, что до настоящего времени не утвердилось общепринятого определения понятия «инновация», хотя сам термин используется широко и повсеместно. В этих условиях вполне допустима и естественна возможность одновременного существования целого ряда узких определений этого термина в зависимости от сферы использования.

На основе анализа методологических подходов к инновациям можно дать следующее определение: «инновация – это сложный процесс, представляющий собой «цепь» взаимосвязанных и сознательно иницилируемых изменений, возникших в результате творческого акта, имеющий социальную значимость и воплощающийся в реальную образовательную практику для удовлетворения уже существующих или возникающих новых потребностей».

Анализируя сущность практической инновации необходимо определить то общее и различное, что есть в терминах «инновация», «нововведение» и «новшество». Нельзя согласиться с тем, что «инновация» и «нововведение» – синонимы. Большинство авторов практически подразумевает под «новшеством» не что иное, как конечный результат инновационного процесса в виде, например, изобретения, которое доведено до стадии распространения или коммерческого эффекта. Новшество, как правило, носит материальный или социальный характер. Так, А.И. Пригожий, для которого понятия «инновация» и «нововведение» часто (но не всегда) выступают как синонимы подчеркивает: «Нововведение есть такое целенаправленное изменение, которое вносит в среду внедрения (организацию, поселение, общество и т.п.) новые относительно стабильные элементы. По-

⁸ Келле В.Ж. Цивилизационные императивы инновационной политики: Россия и мировой опыт // Философия. Наука. Цивилизация. – М., 1999.

⁹ Слободчиков В.И. Инновации в образовании: основании и смысл // Исследовательская деятельность школьников. – 2004. – № 2.

¹⁰ Новые ценности образования. Вып.4. Культурная и мультикультурная среда школ / Ред. Н.Б. Крылова. – М.: Инноватор, 1996.

следние могут быть часто материальными или социальными, но каждый из них сам по себе представляет лишь новшество, то есть предмет нововведения, будь, то станок или обряд, форма отчетности или сырье»¹¹.

Таким образом, под «новшеством» следует понимать некоторый результат инновационной деятельности, продукцию, имеющую качественные отличия от простой репродукции уже существующих образцов, стереотипов и т.д. На наш взгляд, это говорит о нецелесообразности использования данного термина как синонима понятия «инновация».

Особенностью термина «инновация» является рассмотрение ее как процесса и результата. Ряд авторов (Б. Санто, Р. Джонстон, И. Аллен, А. Харман и др.) представляют инновацию как *процесс* введения новых принципов, новых изделий; но существует и другая группа авторов (П. Ламерль, М. Ионов, А. Кутейников), которые понимают ее скорее как результат (итог) творческого процесса в виде новой продукции, технологии, метода. Инновации выступают проявлением глобального аспекта человеческой деятельности вообще, по своему глубинному смыслу они относятся не только к процессу создания и распространения новшеств, но и к изменениям в образе жизни, стиле мышления, которые, так или иначе затрагивают эти новшества. В данном контексте целесообразно говорить об инновационных механизмах развития образования: культивирование интереса к новшествам, инициирование поисковых образовательных систем, интеграцию перспективных нововведений в режим действующих образовательных систем и перевод накопленных инноваций в режим действующих поисковых и экспериментальных образовательных систем. Таким образом, инновации в педагогической деятельности должны быть ориентированы на получение новых возможностей формирования человека как исходной базовой ценности по отношению к любым ценностным системам.

Список литературы

1. Крючкова, Е.Н. Инновации: философско-методологический анализ. М., 2001.
2. Князева, Е.Н. От открытия к инновации: синергетический взгляд на судьбы научных открытий. // Эволюция, культура, познание. М., 1996.
3. Келле, В.Ж. Цивилизационные императивы инновационной политики: Россия и мировой опыт // Философия. Наука. Цивилизация. М., 1999.
4. Новые ценности образования. Вып.4. Культурная и мультикультурная среда школ / Ред. Н.Б. Крылова. М., 1996.
5. Пригожин, А.И. Современная социология организаций. М., 1995.
6. Платонов, В.В. Стратегия ресурсного обеспечения инновационной деятельности. СПб, 1999.
7. Рузавин, Г.И. Научный поиск, эвристика, диалектика. // Философия. 1987.
8. Слободчиков, В.И. Инновации в образовании: основания и смысл // Исследовательская деятельность школьников. – 2004. – № 2.
9. Фонов, А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.
10. Fullan, M. Stiegelbauer. The new meaning of educational change. N.Y.: Teachers College Press, 1991, p.17-18.

SPECIFICITY OF INNOVATIONS IN MODERN EDUCATION: METHODOLOGICAL ANALYSIS

G. N. TRAVNIKOV

Prikamsky Social Institute

e-mail: travnikovgn@mail.ru

Specificity of innovations in modern education are analyzed in the article. Modern social development is impossible without innovations which are a way of renewing of society on all its levels. Innovations in education are regarded as instruments of setting problems which arise in education and society. Analysis of innovational activity should be realized in problem field of such cognitive phenomenon, as discovery, and such sphere of people's life as "creation".

Key words: education, society community, innovation, innovative activity, dialectics, activity, discovery, creation, change, new, educational practice, novelty, social development.

¹¹ Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995. – С. 186.

УДК 301.153

СОВРЕМЕННАЯ ОЦЕНКА «ЗОЛОТОГО ПРАВИЛА НРАВСТВЕННОСТИ» И КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ КАНТА

Ф. А. ТРИГУБЕНКО*Московский государственный
университет путей
сообщения (МИИТ)*

В статье противопоставляются как альтернативные две нравственные концепции, которые, в силу различных причин, донныне часто рассматриваются в качестве взаимодополнительных. Предполагается, что концепция, условно называемая «Категорический императив Канта», является не более чем продолжением, уточнением или новой формулировкой концепции, именуемой «Золотым правилом нравственности» и претендующей на значение. Целью статьи является обоснование тезиса о том, что «Категорическим императивом» Кант опровергает и отвергает «Золотое правило» как относительно верное и неприемлемое для изменившегося мира.

Ключевые слова: нравственность, И. Кант, категорический императив.

Так называемое «Золотое правило нравственности» известно ещё со времён античности и в самой распространённой формулировке трактуется следующим образом: «относись к людям так, как хотел бы, чтоб относились к тебе». Претендующее на универсальность, оно имеет множество инвариантов, зафиксированных в поговорках и пословицах: «не плюй в колодец...», «что посеешь, то и пожнёшь», «не имей сто рублей ...», «ласковый телёнок двух маток сосёт», «не рой другому яму», «возлюби ближнего как себя самого» и т.д. Правило это (с древнейших времён и поныне) считается и является пока единственно продуктивным методом выстраивания человеческих взаимоотношений, началом и условием социальной гармонии, предпосылкой и истоком социальности вообще. Безоговорочно предполагается, в просветительской манере, что, коль скоро все люди усвоят этот принцип и будут им руководствоваться, в мире исчезнут пороки и сопутствующие им явления, такие как войны, преступления, конфликты, социальные катаклизмы, злодеяния.

Изначально человека окружают две совершенно объективные реальности: мир вещей и мир людей, мир предметный и мир социальный. Впервые Аристотель разделил в соответствии с двумя этими сферами две различные функции человеческого разума: умение разумно выстраивать свои взаимоотношения в обществе он назвал «практическим разумом», отличив от разума «теоретического», позволяющего человеку ориентироваться в предметном мире. Разум теоретический нацелен на понимание и освоение предметной реальности, в которой господствуют природные, естественные причинно-следственные отношения, изменить которые человек не властен. Практический же разум, предполагающий активное использование человеческой воли (свободы, произвола), устремлён на отыскание и выстраивание оптимальных, наиболее совершенных, целесообразных способов существования и сосуществования в мире социальном. Человек, не научившийся вести себя должным образом в обществе и не усвоивший элементарных навыков общения, отторгается этим обществом. Умение же вести себя подобающим образом, исключаящим неприязнь, разлад, вражду и ссоры, способность быть интегрированным в коллектив, мастерство выстраивания взаимоотношений дружелюбных и миролюбивых считалось прежде и считается поныне мастерством особым и незаурядным, свидетельством разумности особого рода и свойства. Это проявление разумности как способности интегрирования в общество себе подобных (общественное бытие) расценивалось всегда как особого рода мастерство, предполагающее правильное, должное поведение. Возникла и особая наука, изучающая законы правильного поведения, соответствующего общественным нормам и нравам, как наука о нравственном поведении и нравственности вообще — этика. В этике же знание об этих способах поведения и сами эти должные правила обще-

жития стали обозначаться категорией «должное». Золотое правило нравственности является, таким образом, самой элементарной, первобытной, простейшей формулировкой и расшифровкой этической категории «должное» как нравственного закона и эталона нравственности. Усвоение этого правила является необходимым и достаточным условием как отношений межличностных, так и межгосударственных.

Существуют, также, социально-философские концепции, согласно которым социальные конфликты, как на межличностном, так и на корпоративном, сословном или классовом уровне возникают лишь потому и постольку, поскольку люди либо изначально эгоистичны и порочны (Гоббс, Ницше, Фрейд) и, в силу таковой своей природы, сориентированы на разрушение социальной гармонии. А коль скоро человек является существом биосоциальным, то есть биологическое (животное, дионисийское, естественное) начало в нём первично и субстанционально, то он просто не может не пренебречь Золотым правилом, когда оно вступает в противоречие его естественными эгоистическими (экономическими) потребностям. Предполагается, что по мере осознания необходимости следования этому правилу именно в целях собственного благополучия и корыстолюбия (не бескорыстно!) всеми без исключения, человечество постепенно достигнет всеобщей гармонии, любви, благоденствия и процветания.

Однако невозможно встретить человека, не знакомого с этим правилом в той или иной его интерпретации. Остаётся лишь удивляться, что правило не работает, что всеобщий нравственный закон не выполняется даже из корыстных побуждений. Но если правило не работает, то оно неправильно, если закон не выполняется, то это не закон. Законом тяготения пренебречь нельзя, правило буравчика выполняется всегда. Означает ли это, что Золотое правило было и остаётся коллективным заблуждением наивных и доверчивых людей? Но отнюдь не глупые и не наивные люди руководствовались этим правилом во все времена и продолжают это делать сейчас; это правило как прежде, так и сегодня считается эталоном нравственности и руководством к действию абсолютного большинства людей, основным правилом их жизнедеятельности.

Золотое правило имеет универсальный и всеобщий характер, поэтому оно и распространяется почти на все сферы жизнедеятельности: религию, юриспруденцию, политику, экономику. Но ни в одной из этих сфер нет гармонии и единодушия. Остаётся лишь предположить, что оно само в себе скрывает противоречие, что само оно чревато противоречиями и дисгармонией, что оно само по себе порочно и безнравственно, и в силу этого само с необходимостью порождает зло, и что следование ему небезопасно и безнравственно. Вслед за Поппером возникает искушение назвать его лженаукой, подобно фрейдизму и марксизму, поскольку также претендует на роль и значение «панацеи», на общезначимость и универсальность.

Смысл Золотого правила сводится к равному и равноценному воздаянию за содеянное или преподнесённое: добро порождает добро, на зло отвечают злом. Принцип равноценного и равнозначного воздаяния пронизывает все сферы человеческого общества и предполагает эквивалентный обмен ценностями. «За добро плачу добром, хошь куницей, хошь бобром, а не хошь — могу монетой, златом, али серебром» – так в сказке Филатова генерал расплачивается за вполне злодейскую услугу. Совершенно очевидно, что принцип этот появился ещё на этапе натурального обмена, до появления товарно-денежных отношений. Люди обменивались тем, что считали для себя благом, добром. Эквивалентный обмен ценностями, благом, добром был изначален, а с появлением денег стал всеобщим и универсальным. Упрощённой формулой этого принципа является классическая схема «ты мне — я тебе». Обмен добром, таким образом, основан на эгоизме, предполагает и утверждает эгоизм в качестве единственно верного способа взаимоотношений, и значит в высшей степени нравственного. Альтруизм и бескорыстие как оппозиция эгоизму могут и должны поэтому рассматриваться как поведение гетерогенное, чужезаконное, безнравственное в силу несоответствия господствующим нравам. Поэтому к бескорыстным альтруистам, будь то Донкихот или мать Тереза, всё-таки относятся как к чудачкам не от мира сего.

Золотое правило изначально предполагает и утверждает эгоизм как постулат и принцип действия, порождая при этом все присущие эгоизму издержки: корыстолюбие, обман, коррупцию, кумовство, мздоимство, взяточничество. Поскольку благом является

моё личное, персональное, частное благо, постольку всякое соответствующее ему деяние оправдано и законно. Относясь к окружающим так, как хотел бы чтоб к нему относились, взяточник даёт взятку потому, что сам берёт; ко взаимному удовольствию преподаватель ставит за деньги положительную отметку; врач добросовестно лечит лишь того, кто сможет заплатить; всякий закрывает глаза на пороки себе подобных, желая при этом, чтоб и на его пороки окружающие закрывали глаза — и не судит окружающих. «Не суди, да не судим будешь». Эгоизм, таким образом, возводится в ранг и степень высшей добродетели, эгоистическое поведение оказывается нравственным. Нравственность, таким образом, оказывается не более чем фиговым листком, прикрывающим голый расчёт и корыстный интерес, является всего лишь одной из форм общественного сознания, формальной нормой поведения, выполняющей исключительно декоративные функции. И только деяние, не соответствующее этой форме и норме в виде нанесения прямого ущерба, то есть обман, воровство, грабёж, злоупотребление из корыстных же побуждений считается безнравственным и наказывается за нарушение принципа эквивалентного обмена, именуемого справедливостью.

Золотое правило в его зеркальном отражении является также законом талиона, предусматривающим равное, эквивалентное воздаяние за причинённое зло, как возмездие, равное по силе преступлению и выражаемое формулой «око за око, зуб за зуб», что тоже справедливо. Сложившийся ещё в родовом обществе этот принцип наказания с некоторыми видоизменениями, обусловленными временем, и сегодня является основой правосудия.

В своём эгоистичном стремлении к благу человек остаётся неизменен, как бы это стремление ни называлось — эвдемонизм или гедонизм. Соответственно, всякое деяние, преследующее личное благо, даже когда благом считается возмездие за причинённое зло или нанесённый ущерб, суть поведение нравственное, соответствующее нравам, справедливое и праведное. Исходя из вышесказанного, становится вполне понятной нравственная позиция Кьеркигора, умершего на улице от истощения, но непреклонного в убеждении, что поступать в соответствии с таким нравственным законом безнравственно. Золотое правило лишь оформляет и оправдывает самые первобытные и дикие инстинкты и нормы взаимоотношений.

Вот этому древнейшему, основанному на эгоизме и себялюбии правилу Иммануил Кант противопоставил иное требование, именуемое категорическим императивом и в популярной формулировке гласящее: поступай всегда так, как если бы твой поступок мог стать всеобщей законодательной нормой. Лишь по недоразумению и в силу неведения многие считают категорический императив всего лишь своеобразной формулировкой всё того же Золотого правила.

Шекспировский Гамлет, приказывая Полонию по достоинству встретить и обустроить артистов, велит отнестись к ним не в соответствии с их (артистов) достоинством, а соответственно достоинству дворянина, то есть оказать им в высшей мере дворянские почести. Полоний видит в этом нарушение нравственных канонов, полагает подобные почести неуместными, неправильными, а каприз Гамлета безнравственным. Требование Гамлета измерить абсолютной и высшей мерой нечто частное, мелкое, единичное и частичное и впрямь кажется неумным: всему своя мера! Но если человек измеряет себя всеобщей мерой, как бы её ни назвать (Богом, долгом, абсолютном или бесконечностью), то и других людей, единичных, частных и конечных, он будет оценивать и измерять иным эталоном, и относиться к ним в соответствии с этим эталоном.

Категорическим императивом Кант утверждает всевластие и волю не частного (а значит ограниченного и частичного) интереса, а интереса абсолютного, всеобщего, Божественного и общечеловеческого. Совокупность частных интересов и благ не может составить всеобщего общечеловеческого единого блага, как посредством сложения единиц невозможно составить бесконечность. Не существует меры, единицы измерения, которой возможно было бы измерить бесконечность, любая величина несоизмерима с бесконечностью. Для бесконечности метр и километр равновелики, равны, и бесконечность, составленная из метров, не меньше бесконечности, составленной из километров. Бесконечность невозможно измерить конечными величинами, общечеловеческие ценности невозможно вывести из совокупности разнонаправленных частных эгоистических интере-

сов. Лишь потенциальная бесконечность составляется из частей и своей мерой имеет часть, имеет начало и конец. Бесконечность же актуальная нигде не начинается и нигде не заканчивается, как и ничем не измеряется. Мерой и нравственным эталоном должен стать, взамен Золотого правила с его принципом равного воздаяния, категорический императив с его принципом преследования всеобщего блага, и лишь с этой точки зрения поступок может оцениваться по достоинству, как нравственное или безнравственное деяние. Следуя этому принципу сам Кант, удивляя окружающих и близких ему людей, относился к своим ближайшим родственникам не лучше, чем к едва знакомым ему людям: невозможно быть более или менее нравственным, как невозможно быть «чуть-чуть беременной».

Поэтому без преувеличения можно сказать, что не только в гносеологии, не только «Критикой чистого разума», но и в этике «Критикой практического разума» (в этой оппозиции Золотому правилу) Кант совершил «копернианский переворот», доньше не всеми понятый и не оценённый по достоинству. «Должное» как величина абсолютная становится у Канта мерой всего относительного, сущего, частного, частичного и единичного. И не сущее в виде разнонаправленных частных устремлений является истоком и мерой должного, а ровно наоборот: из «должного» вырастает «сущее», формируется им, трансформируется, изменяется и измеряется.

CONTEMPORARY EVALUATION OF "GOLDEN MORAL RULE" AND KANT'S CATEGORICAL IMPERATIVE

F. A. TRIGUBENKO

*Moscow State University
of Railway Engineering (MIIT)*

This article contrasts two moral concepts as alternatives, despite the fact that until now they are usually considered complementary. The article supposes that concept usually called "Kant's categorical imperative" is actually nothing more than continuation, clarification or fresh wording of concept known as "Golden rule of morality" which aspires to role and meaning of moral paradigm. The article aims to substantiate the thesis that by means of "Categorical imperative" Kant refuted and refused "Golden rule" of being comparatively correct and unacceptable in changed world.

Key words: morality, I.Kant, categorical imperative.

УДК 130.2

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

С. С. ЧИСТЯКОВА*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
Chistyakova@bsu.edu.ru*

Глобализационные процессы в культуре существовали и наблюдались на протяжении всей истории развития человечества, но проявлялись в разные исторические периоды в разных сферах. Однако на сегодняшний день эта проблема остается практически без специального рассмотрения со стороны культурологов и других специалистов, занимающихся проблемой глобализации культуры. Автор предпринял попытку показать, что глобализация культуры имеет глубокие исторические корни.

Ключевые слова: глобализация культуры, историческая перспектива, культурно-исторические проекты глобализации.

Мировой исторический процесс не может развиваться вне культурного контекста, т.к. культура и ее достижения обеспечивают его поступательное развитие.

Глобализационные процессы в культуре существовали и наблюдались на протяжении всей истории развития человечества, но проявлялись в разные исторические периоды в разных сферах. Однако на сегодняшний день эта проблема остается практически без специального рассмотрения со стороны культурологов и других специалистов, занимающихся проблемой глобализации культуры. *Невозможно правильно оценить глобализацию культуры, не рассматривая ее в историческом контексте.*

Глобализация культуры имеет глубокие исторические корни. Наиболее значимые и бесспорные *культурно-исторические проекты глобализации*: это империи, распространение основных *мировых религий* и формирующиеся на их базе культурно-цивилизационные системы, единые *стили художественной культуры*, *транснациональные светские идеологии эпохи модерна*. Все это разные культурно-исторические типы и культурно-идеологические проекты глобализации.

Наиболее ярко глобализационные процессы протекали *в сфере религии*. Начиная с VI-V вв. до н.э., в различных регионах мира политеизм все больше уступает место монотеизму. С этого времени религиозные учения обретают зрелые черты. «Классификация той или иной религии как мировой происходит в некотором смысле *post factum*, ибо верования, которые обычно называются «мировыми», описывались как таковые только после того, как пространственное распространение верующих значительно выходило за рамки места их происхождения и формирования»¹.

Эти религии привлекли к себе огромное число приверженцев, благодаря идее о спасении, уникальном моральном кодексе, также мировые религии оказались способны к преодолению культурных различий и противоречий, т. е. они были универсальны, и можно сказать, что они стали мощным глобализационным проектом в истории человечества.

Мировые религии отличались от других верований своей экстенсивностью, охватывая множество обществ и культур, хотя при этом часто не выходили за пределы своего региона. Хотя ислам является исключением, его можно назвать первой, действительно глобализированной, религией, которая уже до XVI века распространилась с юга Азии до севера и востока Африки. Буддизм же в этот период оставался в границах Южной и Восточной Азии, а христианство в пределах Европы и Ближнего Востока. После открытия Нового Света западное христианство и западная культура в целом стали проникать и в этот регион. Способность этих религий «преодолевать культурные различия и объеди-

¹ Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д. Хелд и др.; пер. с англ. В.В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004. – С. 392.

нять разные культуры, их инфраструктура теократий и широкое распространение священных текстов составили один из самых значительных эпизодов межрегиональных и межцивилизационных столкновений»².

Очевидно, что ислам и христианство достигли такого распространения не без военной мощи и умения оказывать сильное культурное влияние. Буддизм создал учение достаточно гибкое, чтобы без крови привлечь к себе сторонников (это же отчасти можно сказать и о христианстве до крестовых походов). Мы можем видеть, что в регионах «христианской культуры» и «буддийской культуры» сохранялась своя национальная культура. Из этого можно сделать вывод, что глобализация никогда не бывает полной, она затрагивает определенные слои, а другие уровни могут развиваться по своим законам. Взять, например, Христианский мир: страны, принадлежащие к «православной культуре» (Россия, Греция, Румыния, Сербия, Болгария, Грузия и т. д.), также католические страны Европы и Латинской Америки не утратили своего национального и культурного своеобразия. Что касается ислама, то его влияние на национальную культуру оказалось очень сильным в арабских странах (от Аравийского полуострова до Иберии), где наблюдается единство культуры, основанное на Коране, а, например, дальше на Восток – в Персии, Индии, Индонезии – сохранилась культурная самобытность.

Следствием распространения мировых религий является то, что люди при всех культурных и языковых различиях, в разных частях света имеют ряд общих мировоззренческих установок и основных ценностей, но это и дало мощный толчок для зарождения национальных культур.

Таким образом, мировые религии оказали огромное влияние на все сферы жизни человека. «Они дали религиозным и политическим элитам огромную власть и возможности, заключающиеся в их способности мобилизовать армию и народ, в том, что они смогли развить у людей чувство принадлежности и преданности своей религии независимо от той культуры, в которой они воспитывались, в том, что создали надежную теологическую и законодательную инфраструктуру общества. В этом отношении мировые религии, бесспорно, составляют одну из наиболее мощных и значительных форм глобализации культуры...»³.

Глобализация культуры в исторической перспективе происходила также империями как часть их «мультикультурной стратегии». Д. Хелд указывает, что формирование империй и расширение военной власти и продолжительных политических отношений прослеживается со времен Шумерского царства (III тыс. до н. э.). По своей географической протяженности, долговечности, изначальной прочности и налаженной работы государственного механизма имперские системы заметно отличались друг от друга. Эти империи представляли собой крайне ограниченные формы глобализации. Большинство империй в основном представляли собой крайне ограниченные формы глобализации, оставаясь локальными. Наиболее успешными из них были: индийская цивилизация, Китайская империя при династии Хань, Западная Римская империя⁴, Византия и др. Так, империя Александра Македонского также сыграла определенную роль в распространении греческого языка, научных достижений, греческой философии и литературы на Ближнем Востоке. Римская империя транслировала свою культуру на завоеванные территории, основным средством достижения этого было распространение грамотности, латинский язык в западной части империи и греческий и латинский в восточной ее части были официальными языками. Благодаря Риму, эллинистическая культура, а затем и христианство распространили свое влияние в Северной Африке и в Европе.

Эллинистическая культура несла в себе черты универсализма, которые затем легли в основу всей западноевропейской цивилизации. Завоевание Александром Македонским Передней Азии, а потом и Средней Азии, привели к созданию огромного региона эллинистического мира. Как отмечает Н.В.Круглова, греческая культура, в основе своей

² С Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д. Хелд и др. ; пер. с англ. В. В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004. – С. 490.

³ Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д. Хелд и др. ; пер. с англ. В. В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004. – С. 392.

⁴ Там же. – С. 489.

секулярная, рационализированная, склонная к универсализму, должна была стать общей культурой для всего «обитаемого мира». Она вполне могла взаимодействовать с восточными культурами (египетской, месопотамской, иудейской), создавая синтетическую ее форму – эллинистическую. Но в отличие от эллинской культуры (греческой), которая была национальной, местной, эллинистическая являлась космополитической, универсальной, сверхнациональной, носителями ее были все народы и племена, вошедшие в эллинистическую монархию⁵. Культура эллинистического мира была сложна и многообразна. Для нее характерно греческое оформление и глубокие местные традиции.

Создание Римской империи во многом повторило культурные процессы, происходившие в эллинистическом мире. Римская империя впитала в себя эллинистическую культуру. Со своей же стороны Рим привнес в западную культуру свои «цивилизационные» черты: твердые принципы морали, права, политического сознания, создав унифицированную государственно-правовую организацию. В распаде Римской империи можно увидеть переворот, благодаря которому зародился весь средневековый Запад. Эллинистическая культура не исчезла, хотя и закончилось её развитие как органического целого. Эллинизм – уникальное явление, давшее общекультурные ценности буквально во всех областях духовной и материальной человеческой деятельности. Таким образом, можно говорить, что уже тогда совершилась вестернизация всего цивилизованного мира.

Глобализация культуры происходила и в средние века. Распространение латинской культуры в Западной Европе, включая страны Восточной Европы, такие как Польша и Чехия, и византийской культуры в восточнославянском регионе. Иллюстрирует эти процессы Н. И. Кареев: «Запад на равной ноге с Востоком распространял выработанную античным миром культуру и христианство в тех странах, которые раньше лежали за пределами всемирной истории. Культурные влияния, шедшие из Рима и романизованных областей Запада, захватили все страны за рейнско-дунайской линией с населением германским, а отчасти и славянским, не считая племен второстепенного значения – мадьяр, литовцев, финнов. Наоборот, на Балканском полуострове и далее на севере, за нижним течением Дуная, а также в странах между Черным и Балтийским морями, где образовалось Русское государство, возобладала Византийская культура. И новые народы, следовательно, вступившие в первом периоде средних веков на поприще всемирно-исторического процесса, с самого начала распределились между двумя обособленными культурами, образовавшимися в Европе»⁶.

В конце IV в. Римская империя распалась на Восточную Римскую империю и Западную Римскую империю, которые были между собою несходны во многих отношениях. На Западе преобладал романский элемент, на Востоке – греческий. Кратко рассмотрим эти два проекта культурной глобализации: «латинский мир» и «византийский мир».

Когда в 476 г. Западная римская империя распалась, на ее территории образовался ряд государств, где сформировался конгломерат различных национальностей, объединенных понятием «римский гражданин». «Романизация» распространилась на все области культуры: господствующим языком был латинский, господствующим правом – римское право, господствующей религией – христианство. Формирования новых западноевропейских языков сохраняется и после падения Западной Римской империи.

Латинский язык продолжал оставаться языком государства, науки и школы: например, во Франкском королевстве (образовалось в конце V в.), поглотившем значительную часть территории Западной Римской империи, латинский язык оставался государственным языком. А после того как Франкская империя распалась в 843 г. на самостоятельные государства Западной Европы (Италию, Францию и Германию), отсутствие в них в течение нескольких столетий национальных литературных языков заставляло прибегать в отношениях между ними к помощи латинского языка. На протяжении всех средних веков и позже латинский язык являлся языком католической церкви, международным языком

⁵ См.: Круглова, Н. В. Проблема смены исторических типов культур (античность и Средневековье) // Философская антропология / СПбГУ. – СПб, 2004 – . – Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/kruglova/cultintro_o8.html.

⁶ Кареев, Н. И. Общий ход всемирной истории : очерки главнейших исторических эпох / Н. И. Кареев. – Заокский: Источник жизни, 1993. – С. 9.

науки, латинский определял интернациональный характер университетов (программа которых была также унифицирована). Во время крестовых походов Западная Европа открыла для себя культуру Востока и Византии; возникли новые культурные центры в Испании и Сицилии. На латинский язык переводились труды греческих и арабских ученых.

«Византийский мир» как глобализационный проект в истории культуры имел свои особенности по сравнению с «латинским миром». Смещение греко-римских и восточных традиций наложило отпечаток на общественную жизнь, государственность, на религию, философские идеи, культуру и искусство византийского общества. Однако Византия пошла своим историческим путем, во многом отличным от судеб стран, как Востока, так и Запада. Она была связующим звеном между западной и восточной культурами. Византийская традиция (православная) оказала глубокое и устойчивое воздействие на развитие культур многих стран средневековой Европы. Ареал распространения влияния византийской культуры был весьма широк: Южная Италия, Сицилия, Далмация, государство Балканского полуострова, Древняя Русь, народы Закавказья, Северного Кавказа и Крыма – все они в той или иной степени соприкасались с византийской традицией. Византийская культура – основа древнерусской культуры. Вплоть до наших дней ее элементы, так или иначе, продолжают определять наше мирознание и мироощущение.

Необходимо учитывать и тот момент, что в средневековой культуре существовало четкое различие между «элитарной» культурой высших слоев общества, которая действительно была глобализационной, и народной культурой, которая носила национальный, локальный характер. В этом мы видим своеобразный парадокс средневековой культуры – парадокс, порожденный пересечением народной культуры с культурой образованных людей, книжной культурой, взаимодействием фольклорных, языческих традиций с официальной церковной доктриной.

Несколько в ином, светском варианте культурная глобализация происходила после Ренессанса в Западной Европе, это было связано с распространением единых стилей по всем европейским странам, например, таких как барокко и классицизм.

Один из главенствующих стилей в европейской архитектуре и искусстве конца XVI – середины XVII вв. – барокко, который сложился в период складывания национальных государств. Барокко имел в своей основе новые представления о единстве, безграничности и многообразии мира, о его сложности и постоянной изменчивости. Барокко пришло на смену гуманистической художественной культуре Возрождения, он затронул даже Московскую Русь.

Другой стиль, который объединил всю Европу, был классицизм. Как художественное направление он оформился во Франции и с тех пор стал диктовать моду в искусстве: его роль не ослабевала на протяжении последующих XVIII, XIX и XX вв. Впервые в истории стиль стал пониматься важнейшей категорией искусства, эстетики, стал нормой жизни, быта и нравов всех европейских народов. Классицизм отразил гармонию искусства античных Греции и Рима, воспринятых через призму XVIII века. Во второй половине XVIII столетия появился знаменитый русский классицизм. Все характерные черты европейского классицизма: симметрия, единообразие, гармония, четкая планировка и масштабность – нашли свое отражение в русском искусстве.

Но национальные культуры Европы и культура России, будучи объединены глобальными стилями, не только сохранились, но и самобытно развивались, привнося в эти общие стилевые течения свои национальные неповторимые черты.

Начиная с XVIII века, стали складываться национальные государства, особенно в XIX веке, когда прообразы наций были преобразованы экономическими, социальными и политическими процессами. Формы территориально ограниченного государства способствовали развитию и укреплению национальных культур. До этого времени культурное взаимодействие и культурный диалог протекали в основном между элитами обществ, но для складывания нации нужно взаимодействовать между классами и социальными группами, а не внутри высших слоев общества.

Д. Хелд, характеризуя процесс формирования национальных культур, утверждает, что в формировании национальных идентичностей и национальных культур участвовали многие социальные силы и институты, как государственные, так и негосударственные. Почти каждое национальное правительство и государство стремились систематизировать

национальный или официальный язык и старались контролировать, ограничивать или запрещать использование других языков. В большинстве стран власти создали или пытались создать национальную систему школьного образования, устанавливали или пытались установить контроль над национальной прессой, сформировали национальную почтовую службу, национальные телеграфные и телефонные системы и т.п. И все государства использовали армию как символ и средство социализации, который способствовал приобщению граждан к национальному единству. Эти организации и такого рода культурная политика сознательно использовались для конструирования национальной истории, определения национальных идентичностей и поддержания лояльности⁷.

Таким образом, можно сказать, что, начиная с XVIII века, центральное положение глобальных проектов, таких как мировые религии и имперские элитарные культуры, было утрачено из-за развития и укрепления национальных культур, а также из-за распространения в Западных странах светских идеологий и строгой науки. Новые светские идеологии, появившиеся в конце XVIII века, претендовали на универсальную значимость, и их также можно назвать глобальным проектом в истории человечества. Их просветительский рационализм сделал их привлекательными независимо от национальности и дал возможность быть применимыми где бы то ни было.

Самый масштабный и наиболее разработанный проект формирования глобальной культуры предложило коммунистическое движение. Эта интернациональная культура должна была стать важной составляющей будущего мирового сообщества. После победы коммунизма в мировом масштабе должно происходить постепенное сближение народов, стирание национальных границ и формирование воображаемого единого человечества. В этом процессе народы должны воспринимать «лучшие», «прогрессивные» достижения друг друга, отбрасывая «худшие» и «реакционные» элементы исторического наследия. Но даже теоретически это выглядело несколько опасно: проблематичность критериев отбора «лучшего» и «прогрессивного» и отбраковка «худшего» и «реакционного»; очевидная догматичность и провиденциальность проекта создания глобальной культуры. На практике же реальный коммунистический (или псевдокоммунистический) режим, например, в СССР, после непродолжительного периода поддержки национальных культур, кардинально сменил ориентацию и только использовал интернационалистские лозунги для прикрытия политики гегемонизма, унификации и русификации.

Менее масштабным проектом, было распространение научных и либеральных идей Запада во всем остальном мире. В отличие от коммунистической идеологии, западные либеральные идеи распространялись вместе с целым комплексом институциональных организаций и практик, а западная наука проникла во многие части света как часть технологий и способов производства, достижений медицины и инноваций в сельском хозяйстве. Распространение западного научного мировоззрения (хотя и было глобальным по размаху) медленно просачивалось за пределы элитного слоя ученых, инженеров и преподавателей, тесно связанных с этими дисциплинами.

С конца XVIII века национальные культуры стали играть доминирующую роль (национальный язык, образование, транспорт и коммуникации, литургическая практика и идентичность) по той хотя бы причине, что они систематически поддерживались, финансировались национальными правительствами и неправительственными организациями. Следовательно, в течение двух последних столетий глобализация культуры уступила место локализации культур⁸. Но так ли обстоят дела на современном этапе развития? Это будет подробно рассмотрено во второй главе. Можно согласиться с весьма логичным предположением В.И. Пантина о том, что глобализация, как и многие другие исторические процессы, имеет не только поступательную, но и волновую (циклическую) составляющую, которая включает как подъемы, так и спады глобальной интеграции⁹.

⁷ Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д. Хелд и др. ; пер. с англ. В. В. Сапова и др. – М. : Праксис, 2004. – С. 398-399.

⁸ Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д. Хелд и др. ; пер. с англ. В. В. Сапова и др. – М. : Праксис, 2004. – С. 387.

⁹ См.: Пантин, В. И. Циклы и волны глобальной истории: глобализация в историческом измерении / В. И. Пантин. – М. : Новый век, 2003. – 274 с. – (Новые парадигмы знания).

Таким образом, становится очевидным, что глобализация – это процесс, который имеет длительную историю, и, пытаясь анализировать новые аспекты современной глобализации, нужно выходить за пределы новейшей эпохи и рассматривать их в ретроспективе.

Список литературы

1. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д. Хелд и др.; пер. с англ. В. В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004. – 575 с.
2. Круглова, Н. В. Проблема смены исторических типов культур (античность и Средневековье) // Философская антропология / СПбГУ. – СПб, 2004 – . – Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/kruglova/cultintro_08.html.
3. Кареев, Н. И. Общий ход всемирной истории: очерки главнейших исторических эпох / Н. И. Кареев. – Заокский: Источник жизни, 1993. – 383 с.
4. Пантин, В. И. Циклы и волны глобальной истории: глобализация в историческом изменении / В. И. Пантин. – М.: Новый век, 2003. – 274 с.

CULTURE GLOBALIZATION IN HISTORICAL PERSPECTIVE

S. S. CHISTYAKOVA

Belgorod State University

e-mail:

Chistyakova@bsu.edu.ru

Culture globalization processes have been observed throughout the history of mankind development, differently in various historical periods and in various spheres. However, today this problem remains practically without special consideration from culturologists and other experts who are studying the issue of globalization of culture. The author shows an attempt to argue that culture globalization has deep historical roots.

Key words: culture globalization, historical prospect, cultural-historical projects of globalization.

КОНЦЕПТ «ЦЕЛОСТНОСТИ» В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

С. А. ШЕМРАЕВ

*Белгородский
государственный
технологический
университет
им. В.Г. Шухова*

*e-mail:
Schemraev@bgtu.edu.ru*

В статье прослеживается смысловая динамика концепта целостности человека в истории западной философии. Предпринимается попытка выделения парадигм имманенции и трансценденции в осмыслении целостности человека.

Ключевые слова: целостность, концепт, западная философия, парадигма.

Человек для философии проблема сквозная, центральная и традиционная. Именно философия, в отличие от иных наук, изучающих человека, устремлена на познание человека в его целостности, в совокупности его разносторонних проявлений как многомерного существа. Пожалуй, нет ни одного философского течения, где бы отсутствовал вопрос, касаемый сущности человека и его природы, явно или неявно содержащий проблематизацию его целостности и частичности.

Так в античности человек мыслился как «малая вселенная», как органическая часть Космоса, где человек зависим от страшного, необъятного, часто враждебного окружающего пространства. С появлением Сократа и далее в работах Платона и Аристотеля мысль философов повернулась непосредственно к человеку. «Выявился» и смысл жизни человека, который теперь состоит в познании самого себя посредством ряда практик, которые позволяют детектировать интересующие нас аспекты целостности и частичности человека. Речь идет действительно о практиках как общезначимых, социально легитимизированных способах деятельности, направленных на обретение единства. В данном случае единство следует трактовать как возможность номинировать себя как человека в противовес, прежде всего, миру животному. Можно говорить о линии противостояния частичное – целостное и природное – человеческое, впервые осмысленное в античности.

М. Фуко в своей работе «Герменевтика субъекта» проводит детальный анализ практик обретения целостности, или принципа *epimeleia heautou*, «заботы о себе». Эти практики сосредоточены в сферах эротики, педагогики и политики. Поскольку деятельность именно в этих сферах, по его мнению, составляют основу *epimeleia heautou* в эпоху античности, позднее видоизменяясь¹. Опираясь в своем анализе прежде всего на Платона, М. Фуко указывает на более раннее происхождение этих практик: «Мысль о необходимости определенной технологии обращения со своим «Я» для постижения истины была известна грекам еще до Платона. 1) практика духовной концентрации; 2) практика отшельничества – анахорезис: видимое отсутствие; 3) практика терпеливости: надо уметь переносить страдания»². Сократ и позднее Платон сделали их более явными, актуализировали с учетом насущных потребностей, а также центрировали их на достижение истины, как основной цели каждого человека.

Особо стоит указать, что под человеком понималась, прежде всего, душа, а сами практики носили духовный характер³. Именно душа являлась своеобразным «гарантом» единства и источником «целостности» человека, пусть пока еще потенциальной. Поэтому лозунг Сократа «познай самого себя», по мысли Фуко, стоит трактовать, как призыв рассмотреть частицу божественного в себе. Вычленение самости человека посредством ряда

¹ Фуко, М. Герменевтика субъекта. – СПб.: Наука, 2007. – С. 93.

² Там же.

³ Там же.

действий будет сводиться к обретению целостности, прежде всего с помощью узнавания себя, получения знания о самом себе: «Понимание заботы о себе в платоновской и неоплатонической традиции характеризуется, во-первых, тем, что «забота о себе» обретает свою форму и свое завершение в самопознании, которое является если и не единственной, то, по крайней мере, абсолютно суверенной формой по отношению к ней; во-вторых, тем, что самопознание как высшее и независимое выражение своего «Я» обеспечивает доступ к истине, и именно к ней; наконец, постижение истины позволяет в то же время признать существование божественного начала в самом себе. Познать самого себя, познать божественное начало, узнать его в самом себе – это, я полагаю, является основополагающим в платоновской и неоплатонической форме «заботы о себе». Одним из условий доступа к истине в учении Платона является отношение к себе и к божественному; отношение к себе выступает как проявление божественного начала и отношение к божественному для своего «Я»⁴. То есть у Платона целостность, ее достижение носит не только инструментальный, обусловленный исполнением практик характер, но прежде всего духовный, предполагающий обращение к сакральному, трансцендентному, самому субъекту.

Вместе с тем, именно недостаточность педагогики делает явной как саму проблему изначальной частичности человека, как и необходимость *epimeleia heautou* (заботы о себе). Они есть своеобразное устранение «разрыва» между наличным и должным, реальной частичностью и желаемой целостностью.

Несмотря на то, что М. Фуко проводит различие между практиками самообразования и образования, пайдейя⁵ также может рассматриваться как инструмент обретения целостности и в нашем контексте этот аспект не представляется существенным. Различие в стратегиях целостности педагогики и «заботы о себе» позволяет выявить механизм противостояния частичного природно-животного и целостного человеческого.

Еще один смысл, вектор направления деятельности человека по достижению целостности, политический. Он имеет непосредственную связь с педагогикой, поскольку управление другими подразумевает знание о самом себе. Быть человеком в античности, то есть целостным существом, подразумевало занятие политикой. Собственно цель Алкивиада политическая и можно сказать, что сама педагогика есть промежуточное звено на этом пути⁶. Фукианская стратегическая связка власть – знание позволяет понять тот факт, что целостность человека обусловлена, в том числе, политически. Практики реализации власти подразумевают не атомарного и расцепленного шизофренического (в терминологии Ж. Делеза) субъекта, а territorизированного и определенного, иначе целостного.

Процесс становления целостности в ее политическом аспекте может быть определен как дискурсивный. Так Аристотель главной характеристикой человека признает речь, поскольку именно она отличает его от животного. Речь или общение как средство сугубо человеческой коммуникации есть не что иное как стремление к благу. Именно такое общение Аристотель и называет политикой, а человек в силу этого, становится политическим животным⁷. Таким образом, генерация целостности человека и в сфере педагогики и политики достигается дискурсивно.

Вместе с тем, указание на необходимость речи позволяет выявить еще один аспект противостояния целостности – частичности человека. Речь есть указывает на частичность человека, но в то же самое время является средством ее компенсации: «...тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством»⁸.

⁴ Фуко, М. Герменевтика субъекта. – СПб.: Наука, 2007.

⁵ «Пайдейя – слово, обозначающее одновременно «воспитание», «обучение», «образование», «культура», «просвещение»...» Кессиди, Ф.Х. От мифа к логосу: (Становление греческой философии). – М., 1972. – С. 25.

⁶ Там же.

⁷ Аристотель. Сочинения. В 4т. Т.4 – С. 376.

⁸ Там же. – С. 379.

Самодостаточность божества и животного есть указание на недостаточность человека, выполняемую общением. Таким образом, общение есть инструмент созидания целостности. В педагогике оно реализуется посредством Учителя, некоего медиума в мир Других или Другого. В политике механизм несколько иной: «...всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные общения: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа...»⁹.

Важным является понимание сути того, что Аристотель называет «первичным общением». Вскрытая нами дискурсивная природа частичности человека, позволяющая выявить новую оппозицию частичности – целостности, проходящую по линии частичный человек («атомарная личность» вне социума) – целостный социум/государство как совокупность людей. Или еще более точно, с учетом сакрально-религиозного компонента механизма обретения целостности, можно утверждать, что в античности частичность связана с индивидуально-природным в человеке, частичное Я подлежало исключению и как бы подразумевалось в человеке, присутствовало потенциально как угроза; реальным было Я-Мы. Общество-социум «прорастало из-нутри» субъекта через причастность к сакральному, то есть носило имманентный характер.

В пользу именно такого осуществления целостности свидетельствует С. Жижек цитирующий Гегеля, который в работе «Вера и знаки» указал на пассивный характер античной религиозности: «... в Древней Греции религия была, по сути, связана с отдельным народом, его существованием и традициями. Она не требовала отдельного рефлексивного акта веры: она просто принималась»¹⁰. Факт «простого принятия» можно истолковывать здесь как воспроизводство, отсылающее к некоей механизации и процедурности. И разве ранее анализируемый Алкивиад не указывает на то же самое, технологичность целостности и ее сознательное конструирование и постоянное достраивание не только в пайдейе, но и за ее пределами в практиках «заботы о себе». В то же время, делая акцент на «технологичном» характере античной целостности, не стоит понимать саму технологичность в современном ключе¹¹, а скорее в контексте сложного синкретизма рационального и вне-рационального, светского и религиозно-мистического¹².

Таким образом, сам характер технологий целостности человека в античности, можно обозначить посредством *парадигмы имманенции*. Поскольку своеобразной основой целостности являлось противопоставление природного и социального в человеке. При этом сами технологии, подчас рационализированные, носили сакральный характер, сакральное пронизывало профанное, сакрализуя профессиональную, политическую и иную деятельность древнего грека: «...Большинство архаических культов и их модернизированные религиозно-мистические и обрядовые формы постепенно перемещаются в сферу частную (семейные культы предков) и корпоративную. Получают распространение религиозные братства со своими мистериями, которые оказываются связанными профессиональными корпорациями, владеющими тайнами «техне» – практического знания, описываемого в понятиях «эпистеме» – теоретического знания»¹³. Описанный процесс культовой динамики в данной связи выглядит более чем закономерно, поскольку связка «техне» – «эпистеме» изначально функционирует как инструмент обретения целостности. Поэтому процесс вторжения сакрального в частно-профессиональную сферу это распространение не только экспансионистской логики сакрального¹⁴, но также объективного процесса созидания целостности.

В контексте нашей проблематики эти процессы следует истолковывать как сакрализованную технологию, внутренней сущностью которой является также стремление к десакрализации. Очевиден амбивалентный характер как самого концепта целостности в античности, так и технологий по ее достижению, поскольку противостояние природно-социального накладывается на противостояние сакрально – профанного, и вместе с тем противоречие обоих разрешается в единстве их имманентного характера.

⁹ Аристотель Сочинения. В 4т. Т.4 – С.379-378

¹⁰ Жижек, С. Кукла и карлик: Христианство между ересью и бунтом. – М., 2009. – С.8.

¹¹ См. Бухтина, Т.П., Римский, В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдейи к Просвещению. – Волгоград., 2004. – С.16.

¹² Боннар, А. Греческая цивилизация: От Илиады до Парфенона. Т.1. – М., 1992. – С.16.

¹³ Бухтина, Т.П., Римский, В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдейи к Просвещению. – Волгоград., 2004. – С.32.

¹⁴ См. Элиаде, М. Священное и мирское. М., – 1994. – 144 с.

Наш дальнейший анализ концепта целостности требует обращения к средневековой философии. Остановимся на ключевых моментах, позволяющих выявить общую тенденцию, закономерности в развитии целостности человека как идеи. В первом приближении к проблеме можно остановиться на наиболее общих чертах и отметить, что в средневековой философии главенствовал теоцентризм. Человек, как известно, здесь был представлен одной из тварей, созданных Богом – центром мироздания. Человек поставлен над всеми остальными живущими – ему дано право «нарекать им имена». Но он стоит на ступени мировой иерархии несоизмеримо меньшей, чем свой Творец, Создатель и Спаситель. Человек, по образному выражению Б. Клервосского, – «лампада на ветру». Зло, происходящее в мире, есть акт свободного волеизъявления человека, как врожденного права на свободу выбора и, как результат неразумного его применения, следуя плотским страстям.

Философы того времени представляли человека *промежуточным звеном между животным миром и ангелами*. Он имеет двуединую природу (Душу и тело) и, соответственно, *вмещает как высокое, так и низкое*. По словам Ф. Аквинского тленное, конечное тело человека является «лошадью» для бессмертной души – «наездника». Смысл жизни – в борьбе со злом (земным), в постижении божественного и в стремлении к нему. В этом спасение. Средневековая философия в большей степени, в отличие от древней обратила взор на человека «внутреннего» и, таким образом, стали складываться условия для выхода человека из природного (внешнего) мира и противопоставления ему.

Вместе с тем, указанные моменты средневековой христианской антропологии необходимо дополнить указанием на то, что основополагающим является библейское учение о сотворении Богом мира и человека: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему (и) подобию нашему...» (Быт. 1:26, 27; 2:7).

Следующим значительным фактом, несомненно, является грехопадение человека, которое привело к искажению образа Божия в человеке и утверждению его частичности, обусловленной тяготами телесного существования, смертности и труда. Грехопадение было не только отпадением от «образа» Бога, но отказ от созерцания самого Бога, непосредственного общения с ним.

Ветхозаветная антропология была дополнена новозаветной с ее учением о Бого-человеке Иисусе, искуплении первородного греха, Воскресении Спасителя и последующем спасении человечества. Ключевым для нас является концепция «обожения», как способа восстановления утраченной целостности: ««Обожение», сотериологический и эсхатологический смысл которого был выражен еще в тезисе Афанасия Великого «Слово вочеловечилось, чтобы мы обожились», признавалось высшей целью человека и человечества. При этом реализация аскетико-мистического проекта богоуподобления рассматривалась как драматический и многотрудный процесс освобождения от наслоений «неподобия»; в описаниях данного раз и навсегда «образа Божьего» зачастую преобладали статические характеристики»¹⁵.

Таким образом, новозаветная традиция удержалась от соблазна дуализмом, который предлагал язычество, равно как и гностико-манихейские течения. Была сохранена сущностная целостность человека и обозначен способ обретения целостности конкретным человеком. Античные версии дуализма тела и души, ума и души были отвергнуты как западным, так и восточным христианством.

Само «обожение» можно понимать в терминах процесса или проекта, вот как описывает его Т.П. Бухтина и В.П. Римский: «Связывая тождество человеческой личности не только с функциональным единством ее сознания или самосознания, но и с дорефлективным ипостасным единством, составляющим онтологическую первооснову личности... разнородность сосуществующих души и тела окончательно устраняется в «обожении» человека, которое призвано соединить внутреннее с внешним, божественное с земным и тем самым осуществить идеал всеобщей гармонии»¹⁶.

¹⁵ Бухтина, Т.П., Римский, В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдеи к Просвещению. – Волгоград, 2004. – С.59. См. также: Гарнцев, М.А. Византийская философия// Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. – М., 1991. – С. 138-141.

¹⁶ Бухтина, Т.П., Римский, В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдеи к Просвещению. – Волгоград, 2004. – С.60.

Эпоха Возрождения, ее философия, в противовес средневековой сделала из человека культ. Настало время антропоцентризма, в котором на смену религиозному подходу к человеку пришло светское его понимание. Вновь стала востребованной идея гуманизма, положившая свое начало в античности. В Италии она обрела особую мощь, наполненную оптимизмом и верой в безграничные человеческие возможности, в том, что он хозяин своей судьбы, кузнец своего счастья и жизни, повелитель природы.

Одновременно возрожденческая философская мысль отмечала человека как порождение окружающей природы, а не как продукт собственной деятельности. Эти противоречия антропоцентризма Н. Бердяев назвал «ложным гуманизмом», где самодостаточный индивид противопоставит всему остальному миру и где на самом деле это являет собой попытку человека выйти из рабской зависимости от природы и своей угнетенности ею. И в то же время человек превозносится над природным миром, благодаря способностям, данным ему Богом, о чем говорит Н. Кузанский: «человек есть второй бог. Как бог – творец реальных существ и природных форм, так человек – творец мысленных существ и форм искусства, которые суть подобия его интеллекта, как творения бога – подобия божественного интеллекта. Иначе говоря, человек обладает интеллектом, который в своем творчестве есть подобие божественного интеллекта и тем самым творит подобия подобий божественного интеллекта; так, внешние образы искусства – подобия внутренней природной формы»¹⁷. Тем самым можно сказать, что возникает оппозиция божественное – человеческое, преломляющаяся через целостность познания бога и частичность познания человеческого. Несмотря на то, что человек это «второй Бог», как о том говорит Кузанский, познание человека сталкивается с непреодолимым препятствием, заключающимся в разделении возможности и действительности, которые в познании человека не могут достичь тождественности¹⁸.

Вместе с тем, проблематизация частичности, актуализированной познанием, происходит несколько позднее, в эпоху Нового времени. Вторичность человека как «наследника» Бога создавала иллюзию целостности, основывающуюся на постулате божественности человека. Например, интеллект у Н. Кузанского оказывается неким аттрактором, который выступает в роли организующего принципа. Сам, будучи единым, интеллект общает единство, организует и упорядочивает все остальное естество человека. Не менее важным является «источник» организующей силы интеллекта, поскольку подобно неоплатоновскому принципу эманации изучаемое нами свойство проистекает из него. Н. Кузанский дает следующий ответ: «Понимай это не так, что интеллект творит душу или душа – чувство, но так, что луч, принятый первым, интеллектом, от вечной премудрости, есть прообраз и как бы семя души, и, поскольку принимаемый луч всегда ослаблен в силе, душа принимает этот луч не сообразно интеллектуальному бытию, а вегетативная [душа уже совсем] не принимает от чувствующей души луч познания»¹⁹.

Очевидно, что в эпоху Возрождения, несмотря на провозглашаемый антропоцентризм, сохраняется парадигма трансценденции, сформировавшаяся в Средние века. Несмотря на то, что духовные практики «обожения» заменяются интеллектуальными, связанными с работой разума, призванного упорядочить все существо человека благодаря своей универсальности, сами они укореняются в сакральном, трансцендентном.

В Новое время природа человека, в философии, сравнивалась с механизмом, который являлся результатом долгой эволюции, где главное его качество – разумность призвано преображать мир (достаточно вспомнить лозунг Ф. Бекона «Знание–сила»). Считалось, что для реализации всех потенциальных качеств и возможностей человека, необходимо обустроить общество в служение ему, сподвигая, таким образом, к революционным изменениям окружающей действительности.

¹⁷ Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т.2. М., 1980. – С. 99.

¹⁸ «...нам теперь известно, что бог – прежде действительности, которая отличается от возможности, и прежде возможности, которая отличается от действительного бытия, – есть простой (simplex) принцип мира. А все то, что существует после него, существует с различием возможного и действительного бытия. Таким образом, только один бог есть то, чем он может быть, но никоим образом – то или иное творение, поскольку возможное и действительное тождественны только в начале». Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т.2. М., 1980. – С. 140.

¹⁹ Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т.2. М., 1980. – С. 110.

Обратим наше внимание на работу Р. Декарта «Первоначала философии», в которой речь идет о человеческом познании. Аспект познания становится для нас актуальным, поскольку мы можем предположить, что в Новое время внимание к интеллекту как способу «собрания» человека сохранится. Так по Декарту, познание необходимо, прежде всего, для того, чтобы обрести истину. В свою очередь, достижение истины возможно только посредством сомнения, которое культивирует человек: «...раз в жизни постараемся усомниться во всех тех вещах, в отношении достоверности которых мы питаем хотя бы малейшее подозрение»²⁰.

Важным, в данной связи, является статус декартова сомнения, которое позиционируется как неустрашимое для сознания человека. Подозрительность к собственной способности познания мы склонны рассматривать как указание на частичность человека. Можно утверждать, что возрожденческий принцип «эманации единства» нарушается и все большие структуры и части человека лишаются статуса единства. Сам же интеллект, познавательная способность человека, по-прежнему провозглашаются инструментом достижения целостности²¹.

Рассматриваемое в этом контексте учение Ф. Бэкона о путях познания ясно свидетельствует о переносе проблематики целостности – частичности из сферы онтологической в гносеологическую: «Два пути существуют и могут существовать для отыскания и открытия истины. Один воспаряет от ощущений и частных к наиболее общим аксиомам и, идя от этих оснований и их непоколебимой истинности, обсуждает и открывает средние аксиомы. Этим путем и пользуются ныне. Другой же путь выводит аксиомы из ощущений и частных, поднимаясь непрерывно и постепенно, пока наконец не приходит к наиболее общим аксиомам. Это путь истинный, но не испытанный»²².

В общем виде процесс диалога и противостояния рационализма и эмпиризма показателен в том смысле, что позволяет диагностировать момент осознания расколотости и неполноты человека на уровне его познавательных способностей, которые ранее оставались оплотом его целостности. Дилемма Декарт – Бекон (разум – чувства) симптом начинающейся секуляризации сознания и идеи целостности человека, обеспечивающейся сакральным, начало процесса исчерпания парадигмы трансценденции в философии.

Локусом «дебатов о целостности», подчас неявных, становится сознание человека, о чем с уверенностью можно говорить применительно к Немецкой классической философии. Естественно, сам ход дальнейших изысканий о человеке в значительной мере был задан Декартом, трактовка сознания которого вызывала массу критики. В.А. Лекторский в статье «Я»²³ называет проблемы, связанные с картезианским Я. Среди них едва ли не основным будет вопрос о самосознании, само-созерцании и наблюдении Я, создающем некую двойственность. Именно различие мышления и самого Я, которое не делает Декарт, приводит И. Канта к необходимости выделения трансцендентального Я и Я эмпирического²⁴. Трансцендентальное, непознаваемое по своей сути, носящее вне опытный характер становится фундаментом эмпирического Я и сообщает ему целостность: «Трансцендентальное Я является вещью в себе, оно таинственно и не может быть познано... Я трансцендентальное – это сама наша способность познания, глубинная основа познания и сознания... Я эмпирическое – это то, что приобретается в ходе нашего личного опыта...»²⁵. В результате возникает некое удвоение Я, разделенность, но разделенность строго субординированная.

Важна в осмыслении проблемы целостности и сама постановка проблемы разорванности человека между миром идеального и материального, что в философии было осмыслено сквозь призму свободы человека и его отчужденности. И в данном вопросе, не-

²⁰ Декарт, Р. Соч. в 2-х тт., т.1 М. 1989. – С.314.

²¹ Подобный взгляд на проблему единства назван В.А. Лекторским «классическим этапом» в рассмотрении Я, а Е.О. Труфановой «эпистемологическим Я». См. Лекторский, В.А. Я // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. Т.4. М., 2001. – С.497-502. Труфанова, Е.О. Единство и множественность Я. М., 2010. – С.15-52.

²² Бэкон, Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1978. – С.14-15.

²³ Лекторский, В.А. Я // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. Т.4. М., 2001. – С.497-502.

²⁴ Кант, И. Критика чистого разума. М., 1994.

²⁵ Труфанова, Е.О. Единство и множественность Я. М., 2010. – С.18.

смотря на обозначившуюся тенденцию «секулярного» рассмотрения человека, следует указать на христианский контекст проблематизации отчуждения, поскольку именно эти проблемы со всей их глубиной и сложностью впервые попыталось разрешить христианство.

В XX веке не только не был потерян интерес к изучению человека, но эти исследования стали более интенсивными. Существенно «поработали» фрейдизм и неопрейдизм, рационально объяснив многие «белые пятна», касаемые жизни индивидуума и общества, выявив их глубинные мотивы, приоткрыв «завесу» бессознательного.

Не останавливаясь подробно на работах основателя психоанализа З. Фрейда, которые служат своеобразным «ментальным фоном» в исследовании данных аспектов, отметим, что целый ряд представителей психоанализа рассматривали проблему целостности в той или иной мере. Так Эрих Фромм предложил оригинальную концепцию свободы личности, которая вскрывает социально-психологические механизмы бегства от свободы и затрагивает проблему целостности человека²⁶.

Философия психоанализа в целом, осмысленная в контексте нашей работы, представляет собой ярчайший пример обозначенной парадигмы имманенции, поскольку «источник» неполноты человека кроется в нем самом. З. Фрейд и Э. Фромм и другие предприняли попытку диагностировать указанную неполноту и найти пути ее восполнения или компенсации. Причем сама целостность мыслилась в большей степени как достижимая, но чрезвычайно не устойчивая. Далее, у таких последователей З. Фрейда как Ж. Лакан, Ж. Делез и Ф. Гваттари мы находим идею иллюзорности самой целостности как таковой. Иначе говоря, целостность окончательно де-онтологизируется, становится причастным не столько онтологическому сколько онтическому²⁷.

В проекте психоанализа Делеза и Гваттари субъект остается только как «потребитель» идеи целостности. Он по-прежнему испытывает такую потребность, но не может избавиться от сомнения в реальности желаемой операции.

Субъект, схватываемый на уровне онтологии, есть совокупность сингулярностей, но также совокупность органов, тканей, мыслей и иного, непременно фрагментарного. Очевидно, что сознание как «обитель» целостности испытывает подозрение. Источником этого подозрения является желание, которое пронизывает как индивидуальное, так и социальное²⁸.

Сам человек или субъект не рассматривается как некое единство, поскольку является частью бинарных структур и циркулирующего по ним желания. Оказывается, что вместе с утратой целостности была утрачена автономность субъекта, который будучи «желающей машиной» (термин Ж. Делеза и Ф. Гваттари), подчинен логике избытка – недостатка.

Таким образом, современная философия явила собой продолжение парадигмы имманенции. Так философская антропология как исследовательский проект скорее предполагала целостность человека, которая еще нуждалась в обосновании и достижении. Целостность понималась в ней как задача, стоящая перед человеком и как проблема, которая коренится в нем самом. Философия психоанализа и структурализм легитимизировали проблему фрагментарности человека, поставив под сомнение саму идею целостности, провозгласив ее иллюзорность, как и иллюзорность самого субъекта.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4.
2. Бухтина, Т.П., Римский, В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдеи к Просвещению. – Волгоград, 2004.
3. Боннар, А. Греческая цивилизация: От Илиады до Парфенона. Т.1. – М., 1992.
4. Бэкон, Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1978.

²⁶ Фромм, Э. Душа человека / Э.Фромм. – М., 1992. – 315 с.

²⁷ Онтическое здесь рассматривается в хайдеггерианском смысле. О взаимоотношении онтологического и онтического См. Сафронов, П., Фролов, А. Сознание мира и онтологический опыт <http://www.censura.ru/articles/worldexp.htm> (проверено: 20.05.2010).

²⁸ Делез, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – С. 17.

5. Гарнцев, М.А. Византийская философия// Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. – М., 1991.
6. Декарт, Р. Соч. в 2-х тт., т. 1 М. 1989.
7. Делез, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
8. Жижек, С. Кукла и карлик: Христианство между ересью и бунтом. – М., 2009.
9. Кант, И. Критика чистого разума. М., 1994.
10. Кессиди, Ф.Х. От мифа к логосу: (Становление греческой философии). – М., 1972.
11. Лекторский, В.А. Я // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. Т.4. М., 2001.
12. Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т.2. М., 1980.
13. Сафронов, П., Фролов, А. Сознание мира и онтологический опыт <http://www.censura.ru/articles/worldexp.htm> (проверено: 20.05.2010)
14. Труфанова, Е.О. Единство и множественность Я. М., 2010.
15. Фуко, М. Герменевтика субъекта. – СПб.: Наука, 2007.
16. Фромм, Э. Душа человека / Э.Фромм. – М., 1992.
17. Элиаде, М. Священное и мирское. М., – 1994.

CONCEPT “ENTIRETY” IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY: TO THE PROBLEM DEFINITION

S. A. SHEMRAEV

*Shukhov Belgorod State
Technological University*

*e-mail:
Schemraev@bgtu.edu.ru*

The paper discusses the dynamics of meanings of concept “entirety” in the history of European philosophy. The author distinguishes paradigms of immanention and transcendention in the conceptions of human entirety.

Key words: entirety, concept, European philosophy, paradigms.

УДК 130.2

К ПРОБЛЕМЕ ИЗМЕРЕНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ СОДЕРЖАНИЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)¹

С. Е. ЮРКОВ*Тулский
государственный
университет**e-mail:
serg45@inbox.ru*

С привлечением трудов крупнейших философов и мыслителей XX века (К. Ясперс, Ортега-и-Гассет, Х. Арендт, Г. Маркузе) анализируется феномен социальной массы в современном обществе и культуре. Уточняются социально-культурные причины производства масс, механизмы взаимодействия политической власти и массы.

Ключевые слова: масса, нигилизм, легитимная позиция, аморализм, власть.

Со времени возникновения синергетики стала постепенно изменяться эпистемологическая и аксиологическая характеристика представлений о хаотическом, делается общепризнанной мысль о необходимости его присутствия на любом уровне организации материального и социального мира. В трактовках Ю.М. Лотмана хаос фигурирует в модуле «сферы непредсказуемости», являющейся «сложным динамическим резервуаром в любых процессах развития»². По мере углубления семиотических изысканий, их распространения на область истории и культуры, хаотическое признается неотъемлемым компонентом культурной реальности. Если культура традиционно понимается как сфера целостной организации, упорядоченности, то хаотическое выступает в роли ее «иного», оппонента конкуренции с которым осуществляются процессы ее трансформаций и эволюции. Вместе с тем, хаос не есть нечто трансцендентное культуре, он «растворен» внутри ее тела в своих микро- и макропроявлениях, обеспечивая возможность вариативности изменений. Кроме того, можно выдвинуть утверждение: чем более жесткими являются нормативные и кодификационные стратегии культуры, тем выше запрос на «антинормативность», ассимиляцию феноменов хаоса в различных его модификациях.

Разумеется, в экзистенциальном и психологическом измерении хаос получает преломление в иных образных, психологических и ментальных преломлениях, в том числе и тех, которые устойчиво сопровождают собственно ментальные культурные конструкции. Таковыми могут выступать психологические образы страха, растерянности, агрессии, а также и смеховые конструкции, реализуемые в конкретике «другого», «чужого», «безобразного», «чудовищного», «уродливого», или просто необычного и странного, маргинального. Они составляют устойчивые экзистенциалы в составе ментальностей, часто имеющие эксплицитно не выраженную (бессознательную) природу, тем не менее, задают параметры мировосприятия по ключевым векторам построения оснований культуры, и наследуются из поколения в поколения в рамках одной и той же культурной формации.

Обобщая, комбинации соотношения объемов хаотического и упорядоченного в культуре можно свести к трем архитипическим вариантам: 1) хаос, продуцируемый самой системой организации; 2) хаос, выходящий из под контроля порядка и претендующий на его уничтожение; 3) хаос, как доминанта мирового устройства.

Каждой из них соответствует специфическая культурная ситуация. В первом случае речь идет о такой пропорции упорядоченности и дезупорядоченности, при которой наблюдается абсолютная устойчивость и незабываемость организации (субъективно переживаемая в форме надежности бытия, подконтрольности хода истории и событий – науке, Божественному промыслу, провидению и т.д.), или даже ее переизбыток (типично спокойные периоды истории, по поводу чего китайская ментальность отвечает парадигмальным высказыванием: «нет ничего хуже, чем жить в эпоху перемен», а нынешняя

¹ Статья написана при поддержке РГНФ, грант № 10-03-71305а/Ц.

² Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 75.

обывательская культура: « в новостях смотреть нечего»). Хаотическое не только не представляется серьезной угрозой для порядка, но сама избыточность упорядоченности требует искусственного дополнения хаосом, например, как вариант (наиболее распространенный в данном случае) – запрос на комизм. Какое отношение, казалось бы, имеет комика к хаосу? Самое непосредственное. Хаотическое, как правило, воспринимается в качестве явной или скрытой опасности для порядка, полагаемого фундаментом культурной жизни. В ситуации уверенности в сохранности порядка хаотическое воспроизводится искусственно, как игровой прием борьбы с необходимостью (в лице того же порядка), при этом оно остается подконтрольным механизмам культуры, способной определить границы его допущения. Его всецелая зависимость от культурного субъекта и порождает эффект игры и комическое сопровождение (для иллюстрации можно указать на самый последний период чрезмерности порядка в отечественной истории – время брежневской стагнации, для которого характерно непрерывная циркуляция анекдотов, невероятная популярность комического жанра). Собственно хаотизация в данном случае привносится за счет искажения нормативных смыслов, долженствующих структурировать культуру и определяемых официальной идеологией, за счет чего производится создание множественности смысловых дубликаций, что не предусмотрено источниками порядка (властью). Игра с хаотическим, ощущение защищенности от него и порождает смеховую реакцию.

Второй случай предусматривает присутствие реальной угрозы порядку со стороны хаоса, который перестает быть управляемым, выходит из-под контроля, принимая видимость трансцендентности, самостоятельности. При этом хаос имеет «частный» характер, угрожая пока лишь отдельным фрагментам культуры, но не разрастается до статуса антагониста порядку культуры в целом. Тем самым постулируется принцип равенства порядка и хаоса, а следовательно, возможность и необходимость борьбы с ним. Отсюда трансформация психологической эмоции и форм его феноменологии: образ комического сменяется на странность, как маркер пребывания за границами «своего», освоенного, понятного, т.е. упорядоченного (в результате преимущественной формой выражения становится страх, доминанта трагики). Впрочем, частный характер хаотического вторжения способен создавать неоднозначность восприятия – то, что может выступать в трагическом свете для одних выразителей содержаний порядка, оказывается имеющим противоположное значение для других.

Третий вариант означает отчетливую доминанту хаотического начала над упорядочивающим. Масштаб хаотического принимает глобальные масштабы, в итоге воспринимаемая не просто в ранге возможной угрозы, но как неизбежный принцип мироустройства, культуры или самого субъекта (что специфично для культуры позднего постмодерна). Хаос постепенно утрачивает качество «иного», чужеродного, случайного в силу ментального усвоения его неустранимости из сферы порядка (культуры), в парадигме субстанциональной основы бытия. Поэтому ключевой ментальной стратегией становится адаптация к хаосу, конкретика чего сводится к доставке в сферу культуры аномального и а-нормального в ипостаси нормативного. Субъективно данное соотношение переживается в рамках экзистенциала «абсурд» – осознания того, что мир неуправляем, системы, иерархии лишены смысла, поскольку структурность не находит места применения (психологическая феноменология ситуации – растерянность, порождающая гамму противоположных чувств, без четко выраженного преобладания, в качестве реакции могут доминировать два защитных мотива: скука и агрессия).

Для иллюстрации операциональных возможностей синергетического подхода применим его для эксплицирования особенностей русской исторической ментальности и культуры.

Как подчеркивают исследователи, до XVII в. для русской культуры характерно отсутствие нейтральной семантической зоны, в итоге любой культурный артефакт неизбежно оказывался распределенным по полюсам либо «сакральное» либо «кощунственное». Ю.М. Лотман подобную структуру называет «бинарной» (в отличие от «тернарной», оформляющейся в России ко времени Пушкина)³. Это означает, что культура дан-

³ Лотман Ю.М. О русской культуре классического периода // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. Сост. А.Д. Кошелев. М., 1994. С.382.

ной эпохи была «сверхупорядоченной» поскольку каждый ее объект подлежал строгой дифференциации и занимал свое положение в мировоззренческой иерархии. Действительно, постулирование хаоса в его абсолютном выражении, «чистом» виде, в качестве устойчивой альтернативы порядку, не было свойственно русскому Средневековью, это ментальный продукт культуры современной (особенно акцентированный экзистенциализмом XX в.). Тем не менее, для отечественной культуры данного периода (как и любой другой) естественно признание существования «иного» в различных его выражениях – территорий, религиозных феноменов, образов, народностей, неведомых и таинственных сил, порождающих амбивалентные эмоции страха или смеха. Комплексно подобные представления получили реализацию в понятии «антимира», мира перевернутых семантических отношений и знаковых систем, но – не трансцендентно вынесенным за рамки наличного бытия, а функционирующим в статусе оппонента порядку – в рамках одной и той же культуры. Согласно исследованиям Д.С. Лихачева, в русской средневековой ментальности универсум структурировался по двум ипостасям: мир подлинный, «настоящий», организованный и противостоящий ему мир «антикультуры», устроенный по закону «обратности». Иными словами, хаотическое воспринимается не в качестве противоположности порядку, а как его «перевернутость», т.е. своего рода порядок, но «наоборот». Именно такая диспозиция порядка и антипорядка, по замечанию Лихачева делает этот мир «дурацким», «абсурдным»⁴. Если мир порядка характеризуется нормой, дольством, приличием, обладанием должного, то его обратная копия выстраивается как антипод – мир нищеты, богохульства, бесстыдства, его обитатели – голы, босы и бесцеремонны, воплощенная противоположность, причем это мир зла, т.е. образование, позволяющее вынести оценочное утверждение. По логике хаос, если он оценивается изнутри собственного содержания, безоценочен, в сфере неупорядоченности перемещения верха и низа становятся несущественны и любое положение вне структуры является равноценным, самодовлеющим. Тем не менее, специфика восприятия хаоса в эпоху Средневековья, позволяет поместить его проявления в сферу аксиологических дифференциаций, что подтверждает мысль о допущении хаотического лишь в качестве антинормы, сама же норма (поведения, суждений) остается незыблемой, отталкиваясь от нее и производятся оценочные измерения, а область «антимира» оказывается онтологически зависимой от мира нормативного, и отказ от признания тотальности абсурдизации позволяет вынести ему оценочный вердикт.

Импликация на присутствие оценочной нормы выражается в специфике акторов антимира, в частности, выведенных в роли антагонистов ранних пародийных произведений, примером тому «Моление Даниила Заточника», литературный памятник XIII в. Написан как обращение к переяславско-суздальскому князю Ярославу Всеволодовичу) Пародийный герой не просто не имеет, а «лишён» того, чем располагал ранее в качестве субъекта нормального мира. Именно лишённость в данном случае деструктурирует нормальный мир, превращая его в свою противоположность. Нехватка свидетельствует о неполноте, начинающейся дестабилизации (угроза стабильности), делает его структуру подвижной и открытой. Ситуация простого «неимения» означала бы завершённость, констатацию факта, но не изменчивость, нестабильность. «Лишённость» же есть противление героя сложившимся обстоятельствам, квалификация их как «не нормы». «Лишённость» превращает ситуацию в аномалию, в «ненормальную» в виду знания норм. С одной стороны, она отсылает к миру исходному, миру нормы, напоминая о разрушении последней. С другой стороны, она ставит производный аномальный мир в связь к своему прототипу, создавая динамику напряжений. «Лишённость» есть акцентация ущербности системы, тень ускользающего смысла, и вместе с тем аллюзия вероятности нормы, благодаря чему и выявляются отклонения от неё.

В подобной ситуации, для того, чтобы выглядеть недействительным, потенциально пародийным, антимир должен стать безопасным, дистанцированным от мира действительного. Для эпохи русского средневековья (до XVII в.) дистанцированность обеспечивается перевёрнутостью нормальных отношений, семантических связей, раскрывающих хаос как нереальный, несуществующий. Формой маркированности антимира в дан-

⁴ Лихачёв Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 13, 47.

ном случае следует признать тотальность его перевёртывания, т.е. пародийный оттенок изображаемый мир приобретает, если выворачиванию «наизнанку» подвергаются все без исключения описываемые значения и структурные элементы. Только в этом случае перед нами раскрывается мир глобального хаоса, полностью находящийся в оппозиции миру «космоса», т.е. мир недействительный, откровенного вымысла, а, следовательно, безопасный. Хаос, спутанность привычных смысловых отношений становится причиной смеха, а полнота перевёртывания подчёркивает ирреальность общей картины. Построение антимира предполагает отталкивание от максимально устойчивого, фиксированного в связях культуры объекта, - структуры со сложившимися признаками и организацией. Максимум организованности обеспечивает максимум эффекта разрушения. Пародируемый текст разрушается, воспроизводится с искажением, становясь бессмысленным, хаотичным. Это – пародия саморазрушения, потому-то она безопасна и способна вызвать смех.

Образы антимира – подчеркнуто материальны, телесны, потому как направлены, в первую очередь, ту сторону официальной жизни, которая, в своей претензии на вечность и неизменность, стремится к абстрагированию, отрыву от земных материальных истоков. Материальность же позволяет наделить образ плотью, а значит способностью к потенциальному, пусть и символическому, уничтожению смехом (уничтожаться может лишь то, что имеет материальное воплощение). Всякое «отелеснивание», в отличие не-тленности духовного, является ничем иным, как помещением в границы рождения и смерти, скрытым напоминанием о том, что «проходит образ мира сего», его надёжность и стабильность. Оппозиция мира «нормального», нормативного, упорядоченного и антимира заключает в себе еще и противостояние вечного (духовного) и преходящего (материального), за счет чего комичу антимира прорываются и трагические мотивы, наблюдаемые, в частности, в том же «Молении» Даниила.

«Избыточность» упорядоченности культуры русского Средневековья актуализирует запрос на искусственное внесение хаотического начала. Следует заметить, чрезмерность порядка вовсе не обязательно должна отчетливо осознаваться обществом и отображаться в фиксированных экзистенциалах, она вполне может заявлять о себе на подсознательном уровне ментальности. Иначе чем объяснить присутствие в русской средневековой культуре, далекой от состояния политической и религиозной стабильности, специальных «проводников» хаотического в мир социума, каковыми традиционно выступали скоморохи, шуты, юродивые?

В рамках древнерусской церковной культуры, начиная с XI в. о скоморохах складывается понятие как об «искусниках на все руки, представителях бесовских потех, сатанинских игр, играющих на бесовских музыкальных орудиях», как о «слугах или исчадиях дьявола, обречённых в будущей жизни на вечный плач и вечные страдания в аду», т.е. понятие, приближающее скоморошеское ремесло к колдовству, чародейству и знахарству⁵. Сюда же добавляется особое, свойственное Древней Руси, отношение ко всякого рода маскараду, переряживанию, как соотносящегося с антиповедением, чему присваивался «чёрный», т.е. колдовской, смысл. Также и восприятию простонародья скоморошество со временем стало восприниматься в качестве обособленного социального сообщества с соответствующим статусом «отстранения» (по мере укрепления православной веры, скоморошество стало носителем антиповедения не только в глазах церкви, но и общества в целом). Тем не менее, именно подобный статус и предоставлял необходимую платформу свободы, дающую скомороху творить «глумовство», совершать действия, осуждаемые нормативной культурой. Скоморох ничему не учит, за его действиями не скрывается ничего, кроме организации процесса смехового разрушения (порядка), на который и собираются зрители. Вероятно поэтому, наряду с осуждением смеха как греховности и усмотрением в скоморохе конкурента, уводящего прихожан на «позорище» вместо службы, православная церковь видела в нём отъявленного нарушителя порядка и благопристойности, т.е. прямого своего оппонента по линии сохранения предустановленной Богом гармонии, что, в свою очередь, явилось дополнительной причиной причисления его к «бесовскому» миру. Скоморошеский мир - тот же антимир перевёрнутых норм и связей, что подчёркивается самим носителем анти-поведения в соответствующей атрибутике

⁵ Фаминцын А.С. Скоморохи на Руси. СПб., 1995. С. 121.

- речи, одежде, действиях и даёт повод к социальному ostranению, выраженному, в своей крайности, в приписывании образу скомороха колдовских способностей. сущность скоморошеских действий, соответствующая анти-поведению, направлена на деструкцию порядка и стабильности, выступающих в обличье довлеющей над обществом необходимости. Он берёт на себя смелость содеять запрещённое, показывает, что свобода возможна даже в условиях жесткого запрета. В этом - катарсис скоморошеского зрелища и квинтэссенция его аттрактивности. При этом скоморошеский спектакль, безусловно, не претендует на настоящую войну с действующим порядком (что делает юрод), он ведёт лишь «игру в разрушение» - вызывая смех, всем своим видом и поступками подчёркивая несерьёзность собственных действий, он предельно ясен и открыт для окружающей публики.

На примере антимира и скоморошеских увеселений становится ясно, что в ситуации культурологической бинарности хаос может являться в форме переворачивания сакрального, нормативного, общепринятого и предписанного - феномена, факта поведения, действия и проч., т.е. для его производства оказывается достаточным переход из одного слоя культуры в другой, с неизбежностью выступающий как его «зеркальное» перевёрнутое отображение. Такое переворачивание - один из основных приёмов скоморошеского действия. Зрелище, устраиваемое скоморохом, развёртывает хаос в присутствии смысла, как его антипод, поскольку наряду с хаосом продолжает сохраняться высшая смысловая сфера (сакрального и незыблемого), в отношении которой и разыгрывается хаос, она же является и гарантом возможности осуществления хаоса как его судья и квалификатор в качестве такового. Это – хаос, находящийся под «защитой» организованности. Скоморох придерживается принципов порядка существующего (занимаясь лишь его «переворачиванием»), он в нём нуждается, как в точке опоры для пародирования, и от него зависим. Скоморох действует в одном и том же топосе - сопоставлении объекта с его собственным образом, но представленным как бы в кривом зеркале, искажённым; тот же самый план видения, но - под другим углом зрения. Поэтому в его поведении нет признаков непредсказуемости, максимально хаотизирующей действительность.

Непредсказуемость обеспечивается обладанием смыслов иных, трансцендентных в отношении существующих и их преимущественным выразителем в русском средневековье является фигура классического юродивого. Юродство, как и скоморошество, отчетливо принадлежит миру анти-поведения, однако, его антимир специфический, порождаемый не «анти», а сверх- нормативностью, сверхрелигиозностью. Православный юрод подчёркнуто дистанцирует себя как от антимира, так и от мира нормы, оба они сливаются для него в одно целое, одинаково вынесенные за пределы высшей нормы – Божественной истины, единственно олицетворяющей подлинный порядок. Выход юродивого за рамки мира и анти-мира, мира «вообще», подразумевает утверждение им нового, сакрального миропространства, в которое он себя и помещает, и которое он строит по праву наличия своей индивидуальной связи с высшим миром. Религиозная экзальтированность изымает его из обстановки обыденного социального окружения и ставит в оппозицию повседневному миру условностей. В этом «посюстороннем» мире места для юрода нет. Всем своим поведением подвижник демонстрирует принадлежность иной сфере бытия, он – «не от мира сего». Он маргинален миру, что подтверждается и выбором места обычного пребывания – это церковная паперть, «нулевая» полоса, граница между мирским и церковным⁶. В отношении существующего мира культуры юродское поведение выглядит «перевёрнутым» и кощунственным, но, по сути, оно таковым не является, - напротив, с точки зрения юрода, сам мир представляется отошедшим от изначальных православных установок и ценностей, и в этом смысле – «опрокинутым», а-нормальным. Разоблачение мира, мнящего себя воплощением нормы и порядка и есть основная цель подвижника. Не просто несогласие с миром, а подчёркнуто «перевёрнутое» в отношении к нему поведение, с тем, чтобы дать понять – не юрод нарушает норму, а сам мир ненормален до крайности, до противоположности с позиции следования божественной истине. Именно область крайностей, экстремализм является точкой приложения активности подвижника; компромиссы, примирение ему незнакомы. Его поведение держится на крайностях и парадоксе, разоблачении всего, традиционно считающегося неприкосно-

⁶ Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 131.

венным и даже священным, это не только разрушение знаковой системы, но обращение её в собственный антипод. Если для скоморошеского анти-мира характерно сознание своей неподлинности, условности в отношении к миру нормативному, что и представляло возможность для самоосмеивания, то юродивый действует «всерьёз», вменяя вину самому «нормальному» миру, выступающему для него хаосом перевёрнутых связей и соотношений как реальность, а не искусственное игровое воспроизведение, – отсюда потребность в его деструкции. Юродивый постоянно напоминает о мире другом, истинном, в пику существующему – неистинному; он сам – активный участник разрушения последнего, причиняющий всяческое зло, и предвозвестник, прообраз скорого Страшного Суда над ним. Поэтому юрод смеётся над разумом, усматривая в нём средство нахождения компромиссов, уловок, обретения душевного комфорта и установления порядка жизни, перед которым сама разумная логика и склоняется. Рассудочные установления, с его точки зрения, есть форма, законодательно закрепляющая несовершенство религиозного и нравственного мироустройства и претендующая на замещение норм жизни, продиктованных высшим, божественным законом.

Следствие этого – помещение себя в пучину греховности, «недолжного», санкцию на что юрод получает с принятием личины безумца, позволяющей вести войну с внешней мудростью разума. Маска безумства необходима подвижнику и как средство неординарного включения в социальную среду (за счет чего решается задача и социальной адаптации и подрыва культурных норм), но главное – безумство обеспечивает право на безнаказанное разрушение, делать то, на что не осмеливаются другие. Юрод не просто играет, но играет с запретным, со страхом, этим он и востребован толпой. Если эмоции страха у толпы подавлены, то юрод, переступая границы дозволенного, занимается их дешифровкой, экспликацией. Его поведение загадочно и таинственно, что вносит и элемент игры, и элемент страха (загадочность в данном случае можно интерпретировать как игровой способ внесения смысла в хаос под видом хаоса для праведников или хаоса в смысл – для грешников). Таким образом, юродивый не просто смешивает различные семантические планы – мира и антимира, что ведёт к хаосу и обесмысливанию привычных значений, но иерархически сталкивает «горнее» и «дольнее», результатом чего становится не смех, а открытие нового смысла, перед лицом которой традиционно сложившаяся «обывательская» правда должна быть посрамлена и отброшена. Юрод осуществляет крайности провокации, идёт на прямое кощунство и при этом остаётся безнаказанным. Разумеется, дело здесь не только в религиозном страхе. В первую очередь, своим поведением юродивый выполняет «общественный заказ» на реализацию свободы: как подъём его активности приходится на времена застоя в церковной и духовной жизни с целью предотвращения её застоя, в той же степени его деяния служат реакцией на чрезмерную регламентацию религиозной культуры. Внося необходимый «заорганизованной» культуре хаос, он напоминает, что свобода возможна.

Социокультурная роль юродивого выстраивается на противопоставлении различных типов смысла – божественного, сакрального, сторонником которого выступает подвижник и земного, обыденного. Главное назначение юродского действия – изъятие смысла, которым связало себя общество в качестве нормы, но который не соответствует требованиям истинного православия. Композиционно оно связано с обратным, в отношении структуры пародийного антимира, расположением: в комике конструируется антимир, условность которого очевидна, он и подлежит осмеянию, в то время как реальный мир остаётся в безопасности. Трагика юродства порождается смещением условности на мир существующий, признаваемый юродом нереальным, хаос в данном случае не условность, а сама действительность. Этим и объясняется поведение юрода в миру как в антимире, его парадоксы – орудие расстраивания обыденного сознания, дестабилизация привычных смыслов, удерживающих каркас организации культуры.

Несмотря на многочисленные запреты на скоморошество со стороны церковной светской власти, настороженное отношение к юродству, как явления культуры и первое, и второе идут на спад лишь в XVII столетии почти окончательно исчезают к петровскую эпоху (с этого времени наблюдаются лишь единичные случаи канонизации юродивых). Феноменально данные процессы отражают глубинные изменения в составе социальной культуры, в том числе затрагивающие комбинационные соотношения хаоса и порядка.

Усиливаются тенденции секуляризации и демократизации, влияние западноевропейских культурных форм и теорий, ведущих к построению некоего симбиоза черт Востока и Запада (например, это отразилось в двоякой интерпретации языкового знака - конвенционалистского, присущего западному барокко, и неконвенционалистского, свойственного традициям русского Средневековья, в итоге один и тот же текст мог прочитываться с различных оценочных позиций).

Показательным фактором данного периода, восшедшим в историю под названием «бунташного» века, можно считать возникновение, в качестве самостоятельного и устойчивого жанра пародий («Моление» Даниила выглядит скорее исключением в истории русской культуры, поскольку пародирование с позиций культуры нормативной ранее выглядело как кощунство), обращение к языку сатиры, тем самым был открыт новый дискурс, посредством которого сдерживаемые ранее элементы хаотического («антимира»), хлынули в мир порядка. Антимир, фигурирующий народной культуре средневековья, должен был обладать чертами нереальности, с этой целью он маркируется через нелепость, небывальщину, неупорядоченность, представляя спутанной знаковой системой. Он допустим, как не представляющий угрозы реальному миру, его семиотическому порядку, поскольку является откровенным вымыслом, резко контрастирующим с действительным положением вещей. В XVII веке, что подтверждается содержанием тех же светских пародий, мир нищеты, нагих и голодных людей, полагавшийся ранее атрибутикой мира недолжного, хаотического, как антипод действительности, превращается в печальную реальность, и наоборот, благополучие и упорядоченность уходят в область «иноного», становятся прерогативой вымысла. Вторжение «кромешности» в действительную жизнь демонстрировало беспорядочность знаковой системы уже внутри самой реальности, чему немало способствовал и никонианский раскол, и русско-польская война, а также череда бунтов и переворотов. В народном мышлении традиционно прочно удерживалась мысль о том, что прошлое лучше настоящего, чем не отрицалась идея развития, но обосновывалось осуждение различного рода изменений, которые, по убеждению, только способны только ухудшить имеющееся состояние дел. Естественно, перемены в быту и жизни находили свое место, но с точки зрения крестьянства все они находились во власти тайных невидимых сил, управляющих судьбой (отсюда и отсутствие самостоятельности, пассивность, склонность к подчинению ходу событий, отмечаемые многими исследователями в качестве специфических черт народной ментальности русских). Радикальные новации, введенные патриархом Никоном, идущие вразрез с привычным религиозным воззрением и укладом (народное сознание во многих случаях усматривала в фигуре Никона воплощение антихриста, связывая реформы с наступлением Страшного суда) только укрепляли эту идею. Бунты и политические распри, в свою очередь, вписывались в народную парадигму соотношения свободы и порядка. Вплоть до начала XX в. свобода и порядок рассматривались по принципу жесткой оппозиции – либо одно, либо другое. Соответственно, бунт открывает путь к свободе, но помещает бунтовщика вне структуры порядка, конфликт данных категорий феноменально оборачивался конфликтом индивида и общества. Быть свободным – означало противопоставление себя социуму, структуре, порядку в целом, свобода расценивалась как почти абсолютная автономизация и поэтому тяжкое бремя. И в первой половине XVIII в. в России был свободен только монарх, все остальные сословия – от дворян до крестьянства - так или иначе, пребывали в закрепощении.

Таким образом, в период XVII в. полюса оппозиции «мир-антимир», хаос и порядок меняются местами, приобретая другие онтологические функции. Хаос теперь поражает саму нормативную жизнь, что означает и изменение картины реальности: характерный для эпохи средневековья порядок, предполагающий чёткое структурно-иерархическое распределение мирского и сакрального, таинственного и знакомого, своего и чужого, перестаёт обеспечивать безопасность, «закрытость» системы бытия. Хаос внутри культуры Средневековья (преимущественно народной) мог быть только искусственно организован, «разыгран», что означало его подконтрольность и безопасность, отсюда и возможность его эксплуатации для проведения акций смехового плана. В подобной ситуации настоящий страх хаоса мог существовать только как страх «внешнего», таинственного и неясного, выступающего как угроза внутрикультурной стабильности и экзистенциальной уверенности в «прочности» и надёжности наличного бытия (следствие

этого – традиционализм как охранительность). В новых же условиях хаос проникает в «дом бытия», нарушает привычные представления о порядке, разрывает устоявшуюся связь вещей, становится имманентен миру, в результате чего знакомое, понятное оборачивается странным и пугающим. Если хаос оказывается сильнее порядка, это значит, что мир непостижим и неуправляем, во всяком случае, таковым он становится с точки зрения человека, в отношении которого осуществление порядка совершается от лица неведомых и таинственных, даже демонических сил.

Существенно отметить, и с упразднением скоморошества и юродства в петровское время хаотическое не элиминируется из состава культуры, меняются лишь каналы его доставки и источники производства. Петровское правление снимает дихотомию светской и церковной власти, выдвигает претензию на тотальность, а в сфере тотального порядка недопустимо «чужое» или «иное» (чем, в частности, являлись неподконтрольные власти «блуждающие» элементы культуры – скоморохи или юродивые), оно либо абсорбируется в качестве «своего», либо изгоняется вовсе, подчиняясь пронизывающему взгляду единовластия. Единовластие означает, что функция внесения хаотического, исходя из нужд организации, отмеряется самой властью. В противовес религиозной идеологии средневековья, согласно которой «пребывать в веселии» означало пребывать в «состоянии зла», петровское правительство всячески поощряет смеховые акции, и роль первого проводника данной новации в жизнь берет на себя сам Петр. С другой стороны, право на смех, вводимое «сверху», превращало его в некий дар, на котором постоянно сохранялась печать принадлежности официальной власти. Смеяться разрешалось, но лишь над тем, что осмеивалось ее высшими кругами. Известная экспрессивность в поведении Петра сочеталась с исполнением роли шута и юрода. Император, несомненно, «играл», выстраивая в русле утверждения новых порядков пародию на былую Русь. Пародирование, смеховое «переворачивание» (будь то свадьба «князь-папы», балы карликов, утверждение «Всешутейшего и всепьянейшего собора»), одновременно связанное с эпатажем и поучением – суть те внешние признаки, которые, как было показано ранее, свойственны юродам и скоморохам. Подавляя институты юродства и скоморошества, монарх присваивает себе их функции, реализуя идею центрирования внимания на источнике высшей власти, – прерогатива смешить, равно как обвинять и наказывать, отныне принадлежит только ей.

Приведенные частные культурно-исторические иллюстрации свидетельствуют о том, что в любом социуме, при различных диспозициях влияний власти, официальной идеологии и простонародной культуры в обществе продолжает сохраняться некая константа хаотического (та же строго нормализованная, стремящаяся к тоталитарности идеология требует своей констатации в данном качестве за счет присутствия пласта культуры с выраженной дезупорядоченностью. По сути, о том же пишет Ю.М. Лотман применительно к литературе: «Литература, стремящаяся к строгой нормализации, нуждается в отверженной, неофициальной словесности и сама её создаёт»⁷). Разумеется, объем хаоса в данном случае может быть диспропорционально распределенным: его минимум (но лишь в общей тенденции, имеют место и варианты, как это было при Петре Первом) обнаруживается в условиях тоталитарного правления, максимум – в демократических режимах, тем не менее, он требуется социальной системе в качестве гаранта адаптации к существующей и изменяющейся исторической среде и собственной ее эволюции. Сопряженность способности к эволюции и прогрессу с объемом хаотического демонстрируется простыми историческими фактами: потенциалом демократических обществ к трансформации, усвоению нового и, напротив, стагнация при господстве тоталитарных «сверхнормативных» идеологий.

Важно подчеркнуть: дестабилизация порядка способна осуществляться как за счет непосредственного внедрения элементов хаотического, что характерно для собственно юродства, хаотизирующего состояние чрезмерной «организованности», так и напротив, установлением излишней меры упорядоченности, ставящей под контроль то, что еще традиционно являлось неподконтрольным. Уход как в одну, так и в другую крайности одинаково сопряжены с ломкой нормы, а потому с одинаковой вероятностью в состоянии актуализировать хаос: «железный» порядок, сверхнормативность также является разновидностью хаотического, но – с отрицательным знаком.

⁷ Цит. по: Живов В. Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература / Сост. Н. Богомолов. М., 1996. С. 216.

Итак, на приведенном историческом материале русской культуры возможно выстроить, как минимум, две модальности комбинаций хаоса и его отражения в ментальности и культуре (каждая из которых востребует собственных специфических носителей, оптимизирующих баланс упорядоченного и дезупорядоченного). Первая предполагает логическую связку: хаос, мыслимый в качестве внеположенности порядку, на чем зиждется ментальная уверенность в благоупорядоченности бытия, экзистенциальное переживание безопасности и относительного комфорта мироустройства, феноменально (хотя и не всегда) представляемое через радость и смеховое начало. Вторая проистекает из факта деструкции оснований системы бытия элементами хаотического, что на ментальном уровне реализуется в виде переживания страха от ощущения, что мир находится под властью разрушительных, демонических сил либо неуправляем вовсе (что в пределе выражается в форме зла, недолжного, трагических умонастроениях). Естественно, каждое из данных соотношений сопровождается действительным (в противном случае – энтропия системы с позиций синергетики или закат культуры с точки зрения культурологи), а не только встроенным в ментальность и имеющим экзистенциальное переживание присутствием хаотического, что способно лишь приблизительно измерить его подлинный масштаб. Однако есть ли иные, помимо субъективно выраженных, меры оценки, если речь идет не о физике, а о жизни социальных систем?

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 703 с.
2. Лотман Ю.М. О русской культуре классического периода // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / Сост. А.Д. Кошелев. М.: Гнозис, 1994. 547 с.
3. Лихачёв Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
4. Фаминцын А.С. Скоморохи на Руси. СПб.: Алетейя, 1995. 535 с.
5. Живов В. Кощунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература / Сост. Н. Богомолов. М.: Ладомир, 1996. 407 с.

ON THE ISSUE OF MENTAL CONTENT OF THE RUSSIAN CULTURE (SYNERGETIC ASPECT)

S. E. YURKOV

Tula State University

e-mail:
serg45@inbox.ru

With attraction of works of the largest philosophers and thinkers of the XX-th century (K.Jaspers, Ortega-i-Gasset, H.Arendt, G. Markuze) the phenomenon of social masses in a modern society and culture is analyzed. Are specified social and cultural causes of producing of social masses, mechanisms of interaction of the political power and social masses.

Key words: social masses, nihilism, a legitimate position, amoralism, the power.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

«ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ: АРХАИЧЕСКОЕ, ТРАДИЦИОННОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ НАЧАЛА»

Материалы IV Всероссийской научной конференции

27 мая 2009 года в Москве и 28-29 мая 2009 года в Белгороде состоялась IV Всероссийская научная конференция «Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала». Конференция была организована Институтом философии РАН, правительством Белгородской области, Белгородским государственным университетом и Белгородским университетом потребительской кооперации. В этой рубрике мы публикуем статьи участников конференции в более полных вариантах, чем в соответствующем сборнике «Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала. 4-я Всероссийская конференция «Проблемы российского самосознания», 27-29 мая 2009 г.» – М.: ИФ РАН, 2010.

УДК: 008.001 – 1

МЕНТАЛИТЕТ РУССКОГО ЭТНОСА В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В. П. БАБИНЦЕВ

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

В статье рассматривается проблема специфики менталитета русского этноса, как ядра национальной культуры. Предпринимается попытка его структурного анализа с позиции системно-синергетического подхода и выделения конституционного и динамического элементов.

Ключевые слова: культура, этнос, менталитет, конституционный элемент менталитета, динамический элемент менталитета.

Для ситуации последних лет характерен повышенный интерес общественности к истории русской культуры и цивилизации. Разумеется, интерес к прошлому может считаться своего рода модным увлечением, которое периодически переживает общество. Но даже и в этом случае можно надеяться, что переориентация (даже временная) общественного сознания от увлечения чужеродным и чужестранным хотя бы только лишь к внимательному восприятию отечественного не пройдет бесследно. Что-то, безусловно, сохранится и повлияет на мироощущение будущих поколений.

Общественный интерес подкрепляется и активизацией научных исследований в историко-культурной сфере. Однако российская наука сегодня поражена типичной для Запада болезнью постмодернизма. Для этого философского (а более всего – идеологического) течения типичен отказ от поиска истин, признание условности любых утверждений, ориентация не на реальность, но на так называемые симулякры – имитации действительности, сконструированные средствами массовой информации и массовой культурой. Постмодернистская мысль не принимает всеобщие или «обобщающие» категории¹. Ее более всего заботят частные случаи, прежде всего, экзотические, выбивающиеся из общей логики развития. Характеризуя этот, все более утверждающийся взгляд на мир, известный отечественный аналитик С. Кургинян подчеркивает: «Как-то получается, что сегодня никто ни в чем не хочет обнаруживать никаких смыслов. Явление – да. Смысла – нет. Ничто ничего не означает, не выражает и не знаменует»². И показательно, что именно такие исследования чаще всего поддерживаются различного рода фондами и грантами.

Тем не менее, суета вокруг частностей не может «снять» некоторых «вечных (смысложизненных) вопросов», к числу которых относятся проблемы национальной культуры, национального склада мышления (менталитета). Для нас они особенно важны, вероятно, в силу отечественной склонности к поискам не просто знаний, но смыслов. Ибо желание поэта во всем дойти «до самой сути» и составляет органическую черту русской национальной культуры. Впрочем, этот поиск сути крайне значим, в первую очередь, именно для понимания самого феномена русской национальной культуры.

Рассматривая его, мы сталкиваемся с первой проблемой – проблемой строгого определения самого этого понятия. Но, оказывается, что сказать нечто определенное о русской национальной культуре можно лишь тогда, когда станет ясным основание социокультурных процессов и явлений, характеризующих развитие нации. Это достаточно сложно сделать, поскольку изначально основание национальной культуры двойственно и противоречиво по своей природе. Она, с одной стороны, является следствием влияния природных условий; с другой стороны, своеобразным экстрактом менталитета народа.

И если в отношении понимания сущности природной составляющей (но не характера ее влияния на этнос) существует более или менее ясность, то феномен менталитета трактуется в литературе далеко не всегда однозначно. Б.П. Шулындин, например, менталитетом называет сформированную под влиянием географических, геополитических и социальных факторов систему стереотипов поведения, чувственно-эмоциональных реакций и мышления, являющуюся выражением иерархически соподчиненных приоритетов и ценностей³. Менталитет есть некий глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания народа, систему установок и представлений, выражающих особое видение мира, а, следовательно, определяющих «здание культуры», которое более или менее последовательно и создает в процессе своей истории этнос (народ). Национальности отличаются друг от друга своей ментальностью, которая предопределяет способность их представителей по-своему понимать мир, в том числе и оценивать себя.

При таком понимании менталитет, если использовать выводы современной синергетики, которая представляет собой одну из концепций, претендующих на комплексное объяснение процессов развития общества, выступает как ядро или центр системы национальной культуры. Если национальную культуру рассматривать в виде более или менее однородных артефактов, то менталитет является той силой, которая эти артефакты скрепляет между собой, стабилизируя всю систему.

В самом этом ядре можно выделить «конституционный» и «динамический» элементы. Первый определяет содержание менталитета и стабилизирует его; второй – обеспечивает приспособление к меняющимся условиям.

¹ Вейз, Дж.Э. Времена постмодерна (Христианский взгляд на современную мысль и культуру) / Дж.Э. Вейз // Режим доступа к изд.: <http://skatarina.ru/library/putzhizn/pmodern/pmodern.htm> – Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

² Кургинян, С. Гость из прошлого / С. Кургинян // Завтра. – 2008. – №. 8. – С. 1-3.

³ Шулындин, Б.П. Российский менталитет в сценариях перемен / Б.П.Шулындин // Социологические исследования. – 1999. – № 12. – С. 50.

Вполне естественным является вопрос, что следует отнести к конституционному и динамическому элементам в ментальном ядре национальной культуры. Ответ на него неоднозначен. Но, если рассматривать менталитет как систему стереотипов, типичных для сознания и поведения большинства представителей народа, то конституирующим элементом, скорее всего, следует считать преобладающую в сознании этноса установку на восприятие мира. Согласно Н. Гумилеву, «имеет свою собственную структуру и свой неповторимый стереотип поведения»⁴. Динамическим элементом – готовность к конкретным действиям по реализации доминирующей установки. Иначе говоря, готовность и способность поступать определенным образом в конкретных ситуациях.

В отношении конституционного элемента менталитета большинство народов, принадлежащих к одной культурно-цивилизационной общности, мало отличаются друг от друга. Так изначально для этносов западной (изначально европейской, а сегодня еще и североамериканской) цивилизации типична установка на преобразование мира «под себя». Европейская ментальность базируется на идее человека-творца, «Прометея духа», наиболее ярко сформулированной в эпоху Возрождения, но уходящей корнями в ветхозаветную легенду о Вавилонской башне. Она является основополагающей для сложившейся ментальности и сформировавшейся на ее базе иудеохристианской культуры. То есть культуры, содержание которой длительное время определялось христианством, вышедшим, в свою очередь, из лона иудаизма и до конца во многих аспектах окончательно и бесповоротно не разорвавшем своих «родовых связей». Эти связи довольно часто становились преобладающими, и христиане в более или менее массовом порядке предавались «искушению иудейства».

Правда, в рамках общей культурной системы иудеохристианства выделяются подсистемы, в которых эта установка выражена в различной степени. В частности, в иудаизме (еврействе) как специфической культурной подсистеме восприятие мира замыкалось на комплекс богоизбранности Израиля. Абсолютной иудейской ценностью являлось представление о едином Боге. При этом иудейский Бог – был, прежде всего, «Богом Израиля», избравшим последний в качестве своего народа (Втор., 7:6). Основополагающая мессианская идея талмудического иудаизма заключалась в том, чтобы создать новые общественные реалии, соответствующие представлениям избранного народа. Эта идея, как показала история, оказалась крайне привлекательна для большинства наций, которые, впрочем, избранными считали себя, а свои представления – нормой для окружающих. Мессианство, скорее всего, следует рассматривать едва ли как неизбежный искус динамично развивающихся, пассионарных (Л. Гумилев) этносов.

Почти без существенной модификации данная установка была воспринята отцами-основателями США и может рассматриваться сегодня в качестве конституционного элемента американского менталитета, если только о нем можно говорить как о реальности. Для европейских этносов менее характерен столь ярко выраженный этноцентризм, но само по себе требование преобразования, как биосферы, так и общества является доминирующим.

Рациональное мировоззрение утвердилось на Западе (а сегодня – в значительной степени и в России) в виде системы ценностей техногенной культуры. К числу основных ценностей этой культуры В.С. Степин относит: представление о человеке как о деятельном существе, идею активной суверенной личности; приоритет инноваций и прогресса; культ власти и силы⁵.

В силу такой установки для западной ментальности типично восприятие мира как унифицированной реальности. Он рассматривается как единая строительная площадка, на которой царствует (священнодействует) человек-прораб или менеджер, которому безразлично, где строить, ибо все окружающее пространство, в сущности, представляется лишь полигоном для экспериментов, направленных на удовлетворение эгоистических желаний. Этому утверждению не противоречит типичная для англосаксонского мира по-

⁴ Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н.Гумилев. – М.: Рольф, 2001. – С. 89.

⁵ Степин, В.С. Россия в контексте глобальных цивилизационных перемен // Вторая Всероссийская научная конференция «Россия – XXI век». – М.: Издание Совета Федерации, 2000. – С. 31 – 33.

литика уважения прав различных меньшинств. Фактически, она также означает попытку унифицировать отклонения, формально придав им статус нормы. В отличие от них, ментальность народов Востока в большей степени ориентирована на адаптацию к миру.

В значительно большей степени, чем конституционные элементы менталитета, различаются его динамические составляющие. На основании этих различий мы обычно и идентифицируем народы и культурные подсистемы. Скажем, в иудаизме роль динамического элемента менталитета выполняет идея миссии Израиля, которая всегда понималась в смысле приведения мира к признанию единого Бога, а иудейских ценностей – в качестве универсальных. Еврейский автор Х. Донин разъясняет: «Еврейский Б-г требует нравственного образа жизни и справедливости для всего человечества. Это всеобщий Б-г, власть которого распространяется на весь мир ... Слова «Б-г Израиля» подразумевают только особые отношения, связывающие Израиль со всеобщим Б-гом посредством союза с Аврагамом и подтвержденные впоследствии. Сказать «Б-г Израиля» означает лишь напомнить о союзе со всеобщим Б-гом, которому обязано служить все человечество»⁶.

Английская ментальность в свое время выразила данную установку в форме миссии белого человека. В современном американском прочтении речь идет о распространении американского образа жизни или его отдельных элементов (например, демократии) на все человечество.

Разумеется, все богатство менталитета и культуры не сводится только к выделенным установкам, но они являются факторами, поддерживающими стабильность системы. Прекращение их действия обуславливает культурное вырождение или ассимиляцию этноса. Что бы не возражали критики, но евреи (иудеи) без комплекса богоизбранности перестают быть евреями. Современные американцы становятся жалким подобием самих себя, отказываясь от растиражированного массовой культурой утверждения о превосходстве своего образа жизни, от представления о США как о «сияющем городе на холме», ассоциирующемся с ветхозаветным Иерусалимом.

Являясь ядром системы национальной культуры, менталитет не представляет собой системообразующего фактора. К сожалению, в литературе нет единства по поводу того, что считать таким фактором. Мы полагаем, что системообразующий фактор – это такой элемент, который делает возможным возникновение системы, выступает базисным при ее формировании, но не выполняет при этом функцию стабилизации и посредничества. Системообразующий элемент и системообразующий фактор наиболее тесно среди других элементов связаны между собой. Фиксация такой стабильной в актуальном и – особенно – историческом отношении связи, вероятно, и должна указать на то, что выполняет функцию системообразующего элемента.

Однако и здесь все довольно неопределенно. Существуют, как минимум, две наиболее популярные трактовки содержания системообразующего фактора национальной культуры: геополитический и социальный. История философии так и не позволила выяснить, какая из них является истинной. Влияние обеих составляющих на формирование и эволюцию ментальности значительно, и вполне возможно, что каждый из них играет роль системообразующего фактора на различных исторических отрезках. При этом геополитический фактор наиболее значимо проявляет себя в начальный период становления этноса. Но даже и тогда менталитет является в большей степени производным от действия социальных по своему значению условий. Решающими среди этих условий являются первоначальная форма самоорганизации этноса (форма общежития) и характер трудовой деятельности.

Данное предположение мы попытаемся далее обосновать на примере русского менталитета и русской культуры. Заметим при этом, что рассматриваемая проблема является одной из наиболее запутанных в философской литературе. Нам представляется, что обусловлено это двумя обстоятельствами. Во-первых, идеологизированностью национально-культурной проблематики, отражающей идеологизированность русской нации, возможно, сильно преувеличенную, но, тем не менее, существующую и связанную с вечным и обычно гипертрофированным интересом к смысложизненным проблемам. Мы

⁶ Донин, Х. Быть евреем. Второе изд-е / Х.Донин. – Иерусалим: Шамир, 1989. – С. 31.

всегда, правда, чаще всего безуспешно, ставим вопрос: во имя чего? В то время как для западной цивилизации более типичен вопрос: как? Во-вторых, нельзя не учитывать, что проблема феномена русского менталитета и национального самосознания привлекала внимание таких отечественных мыслителей как Н. Бердяев, С. Булгаков, Л. Гумилёв, Н. Данилевский, И. Ильин, Л. Карсавин, Н. Лосский, Вл. Соловьёв, П. Сорокин. И, как правило, позиции этих и других авторов во многом не совпадали. Среди них большинство составляют выдающиеся философские авторитеты, мнения которых, особенно в свете актуализированной в последнее время тенденции бережного отношения к философскому наследию, нередко превращается в зоны, находящиеся вне критики.

Тем не менее, проблема оснований русской ментальности требует внимательного анализа, осуществленного *sine ira et studio* (без гнева и предубеждения). Не претендуя на окончательность выводов, попытаемся обозначить некоторые как очевидные, так и спорные позиции. Задача исследования в данном случае заключается в том, чтобы рассмотреть некоторые традиционные темы, опираясь не на умозрительные спекуляции или чисто эмоциональные переживания (без последних, кстати, обойтись крайне трудно в ходе анализа столь животрепещущей темы) и применить апробированные в науке категории, выступающие, как всегда, ступеньками познания. При этом необходимо учесть одно существенное обстоятельство: все явления, которые составляют предмет философского анализа русского менталитета, настолько тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, что порой трудно понять, какое из них выступает по отношению к другим первичным, определяя и детерминируя близкие по содержанию явления, какое производным.

Рассматривая русский менталитет, как ядро национальной культурной системы, которое также имеет внутреннюю самоорганизацию, мы должны попытаться, прежде всего, определить конституционный фактор, обеспечивающий устойчивость ядра и системы в целом, предопределяющий взаимосвязь взаимозависимость ее элементов. Это то самое звено, ухватившись за которое, можно оценить всю цепь явлений одного смыслового ряда. Но парадокс заключается в том, что именно в русской ментальности такое ядро или центр системы вычленишь крайне трудно. Возможно, данное обстоятельство и отличает русскую нацию от других, не превращая ее (оговоримся заранее) в некое исключение в ряду народов, живущих по особым законам.

Очевидно, речь просто идет о специфической установке в отношении к миру, не совпадающей с западной (иудеохристианской) и восточной. Но какова эта установка изначально определить крайне сложно, ибо бросающейся в глаза особенностью русской ментальности и культуры является противоречивость, следовательно, хроническая нестабильность. Нестабильность центра воспроизводится как нестабильность всей системы культуры. Одновременно она стимулирует попытки обрести стабильность и устойчивость путем формулировки неких конституирующих идей. Поэтому, вероятно, столь популярны в отечественной истории поиски русской идеи, не актуальные для большинства других этносов.

В этой связи мы предлагаем пристальнее взглянуть на проблему многократно отмеченных в литературе противоречий русской жизни, нередко ставящих в тупик иностранного наблюдателя и получающих своё отражение именно в ментальности нации.

Противоречивость, наиболее ярко выражающаяся в склонности к крайностям, как подчеркивал в свое время еще А. Гулыга, доминантная черта национального русского характера. Действительно, даже в учебной литературе подчеркивается как «общее место», что в русском человеке соединяются одновременно противоположные качества: величие, гордость и отсутствие достоинства; доброта, бескорыстие и индивидуализм, склонность к насилию; сила воли, стремление к свободе и смирение; удаль, безудержная лихость и покорность; великое трудолюбие, склонность к творчеству и лень; обострённое сознание личности, амбициозность и безличный коллективизм; следование традиции и нигилизм⁷.

Противоречивость русской культуры и ментальности не просто их структурная характеристика, но сущностное, качественное определение, а потому именно с внутренней

⁷ Вьюнов, В.А. Русский культурный архетип: страноведение России: / В.А. Вьюнов. – М.: Флинта: Наука, 2005. – С. 87.

противоречивостью следует связывать сущность конституирующего их элемента. В данной связи огромное значение приобретает тот факт, что русской культуре удавалось не просто сохранить целостность, но оформиться в качестве неповторимого явления. Очевидно, противоречивость ментальности оказала в данном случае не только дезинтегрирующее, но и интегрирующее влияние. И истоки такого влияния, по нашему мнению, коренятся в характере установки на отношение к миру. Ее наиболее ярко выраженной формулой является попытка создать «единство в многообразии». Для русского этноса длительное время не была типичной ориентация на преобразование мира под себя или оптимальная адаптация к нему. Окружающая биосоциальная среда воспринималась большинством представителей народа как единство различий и противоположностей, которые, тем не менее, совместимы.

На первый взгляд, эту установку можно было бы определить как способность к интеграции (объединению) различных ценностей, идей, мировоззрений. Однако такое определение, на наш взгляд, требует некоторых уточнений. Общая установка на объединение многообразных, в том числе и противоречивых явлений, модифицировалась в зависимости от ее носителей. Для большинства населения она сводилась не к интеграции, но к компилятивности – механическому соединению элементов мировоззрения, повседневного бытия, отношения к окружающим. При этом соединении, казалось бы, несоединимого не вызывало затруднений, но вело лишь к изменению поведенческого образца, которое считалось вполне естественным. М. Горький довольно точно подметил: «Оригинальнейшая черта русского человека, – в каждый конкретный данный момент он искренен»⁸.

Искренность отражает удивительную гибкость ценностного мира русского человека, логически следующую из идеи возможности и необходимости соединения «несоединимого». Прослеживается ее влияние в сознании наших соотечественников еще и сегодня, пожалуй, наиболее ярко выражаясь в крайне популярных лозунгах о стремлении к добру и справедливости, с одной стороны, и всеобщим распространением неуважения к конкретной личности и, особенно, к праву и собственности, с другой.

В среде интеллектуальной элиты данная ментальная установка, действительно, проявлялась как стремление к интеграции, которым отмечено вся история философской мысли в России, возможно, нашедшее наиболее полное воплощение в философии всеединства Вл.С.Соловьева, который, впрочем, существенно «откорректировал» его заимствованием иудейской идеи избранничества.

Определив в качестве конституционного центра установку на объединение разнородных природных и социальных феноменов, попытаемся выявить динамический элемент ментального ядра. На наш взгляд, в качестве его выступает готовность к компенсации социального (а иногда и природного) дискомфорта, выражающаяся в систематических попытках изменить неблагоприятную жизненную ситуацию, не перестраивая себя или обстоятельства, но формируя новые. Эти новые обстоятельства воплощались в строительстве фантомных миров, в выборе иррациональной модели поведения, либо же просто в смене среды обитания. Первый вариант жизненной стратегии послужил основой мифологизации жизни.

Утверждение о значительной мифологизации русской жизни, вероятно, более выраженной у нас, чем у западноевропейских народов стало своего рода аксиомой. И нам представляется правомерным утверждать, что русская культура во все периоды своего существования была по преимуществу культурой виртуальной. Многие ее носители существовали, а во многом и продолжают существовать в ее поле, крайне мало соприкасаясь с реальностью, но, впрочем, не жалея об этом.

В литературе постоянно и правомерно подчеркивается, что мифы, легенды, предания ещё со времён Киевской Руси постоянно питали не только русскую культуру, но и формировали склад мышления, традиции и обычаи народа на протяжении всей его истории⁹. И, несмотря на то, что сравнение степени мифологизации национального сознания

⁸ Горький, М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917 – 1918 гг.). – М., 1990. – С. 142.

⁹ Вьюнов, В.А. Русский культурный архетип: страноведение России: / В.А. Вьюнов. – М.: Флинта: Наука, 2005. – С. 85.

различных этносов представляется весьма проблематичным занятием, в целом подобное утверждение вряд ли является ошибочным. Русский народ породил особый тип мечтателя из народа, самобытного конструктора социальной реальности. В.Шукшин в свое время представил его в качестве одно из типов своих чудиков. Мифом-мечтой более высокого уровня является концепция Москвы как «Третьего Рима». Речь в данном случае идет не столько о самой идее монаха Филофея, сколько об интерпретации ее и близких ей идей, фактически, призванной легитимировать в сфере духовной те цели, которые вряд ли могли быть достигнуты в реальной истории. Н.И. Ефимов подчеркивал, что еще до Ферраро-флорентийского собора «в сознании книжников» в Москве отчетливо выявилась мысль, что «русский народ, как содержащий правую веру, особенно угоден Богу, дорог Ему. Употребляя сами и приправляя речи своих героев обращениями к Иегове ветхозаветных евреев, они несомненно, думали, что Русь занимает в путях Промысла место древнего «народа Божия»¹⁰.

Второй вариант стратегии компенсации выражался в следовании установке на иррациональное отношение к действительности, связанной с декларируемым отказом от тщательной калькуляции ущербов и выгод от действий и поступков. Правда, по поводу типичности иррационализма для отечественной ментальности существуют прямо противоположные суждения. Скажем, по мнению В.Н. Брюшинкина, иррациональный подход к выработке и реализации жизненной стратегии большинством населения, который не просто был легитимирован русской культурой, но стал одним из формирующих ее факторов, превратившись в своеобразный гипотетический императив¹¹.

Абсолютно противоположную точку зрения активно защищает известный в дискуссии на страницах «Российской газеты» политолог А. Ципко, предлагая: «Может надо уйти от одномерных представлений о русском человеке и видеть в нем одновременно и качества собственника, и качества святого? Когда речь идет о хозяйстве, он рационален, жесток, считает каждую копейку»¹².

Возможно, позиции обоих авторов не столь уж и противоречат друг другу, как кажется, на первый взгляд. Безусловно, практическая жизнь заставляла человека быть рационалистом, прагматиком. И русские, как и другие народы, пытались организовать жизнь на этих основаниях. Однако, поскольку обстоятельства, о которых речь пойдет ниже, часто не способствовали успеху таких попыток, иррационализм явился своеобразной формой оправдания неудач, их духовной компенсации.

В этом смысле нам представляется обоснованной позиция В.Н. Брюшинкина, ибо трудно отрицать сильно выраженного иррационального начала в отечественной духовной, социально-философской традиции, восходящей еще к «Слову о законе и благодати» киевского митрополита Илариона. Именно он сделал существенный шаг в направлении апологии иррационализма, поскольку противопоставил формально-рациональный закон идее Божественной благодати, источником которой является интуитивное озарение и откровение. «Ведь закон предтечей был и служителем благодати и истины, истина же и благодать – служители будущего века, жизни нетленной»¹³.

На уровне массового сознания иррациональная компенсация проявилась в том самом знаменитом русском «авось», имеющем огромное и до конца пока не осмысленное социокультурное значение. Именно этим понятием, как правило, оправдывалось безрасчетство, неподдающиеся объяснению с позиций самосохранительной логики поступки¹⁴. Упование «на авось» всегда служило своего рода индульгенцией за неуспех. И в этом случае неудача не только сравнительно легко переживалась, но и сочувственно воспринималась окружающими.

¹⁰ Ефимов, Н.И. Русь – новый Израиль / Н.И.Ефимов. – Казань: Без изд-ва, 1912. – С. 36.

¹¹ Брюшинкин, В.Н. Феноменология русской души / В.Н.Брюшинкин // Вопросы философии. – 2005. – № 1. – С. 31.

¹² Ципко, А. Нереальные русские. Миф о русском человеке как тормоз для обновления страны / А. Ципко // Российская газета. – 2007. – 5 мая. – С. 5.

¹³ Златоструй. Древняя Русь X – XIII веков. / Сост., авторский текст, коммент. А.Г.Кузьмина, А.Ю. Карпова. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 107.

¹⁴ Трофимов, В.К. Менталитет русской нации / В.К. Трофимов. – 2-е изд., испр. и доп. – Ижевск: ИжГСХА, 2004. – С. 92.

Оборотной стороной иррационализма, связанного с установкой «на авось» явился отмеченный еще Р.Пайпсом фатализм русских. Он писал: «Подлинной религией русского крестьянства был фатализм. Крестьянин редко относил какое-то событие, особенно несчастье, за счет своих собственных поступков. Он видел везде «Божью волю» – даже в тех случаях, когда вина явно лежала на нем самом»¹⁵.

Наконец, третьим вариантом компенсаторной жизненной стратегии была банальная смена обстановки. Так, отказываясь от преобразования государства в своих интересах и, одновременно, не желая подчиняться его диктату, русские люди просто уходили на свободные пока территории. В результате были колонизированы огромные пространства, и сложилось особое сословие – казачество. Кстати, также уникальное историческое явление.

Таким образом, русскую ментальность, на наш взгляд, определили два духовных элемента: установка на достижение единства мира при сохранении его многообразия и постоянная готовность к своего рода сверхкомпенсации социального дискомфорта. Однако остается крайне сложным вопрос об условиях, способствовавших их формированию и сохранению в истории русской нации.

Как уже отмечалось, довольно широко распространены естественно-биологическое и геополитическое объяснения ментальной специфики русского народа. Напомним, в частности, что В.О. Ключевский объяснял происхождение «авось», ссылаясь на природные обстоятельства¹⁶.

Однако, если в объяснении причин русского иррационализма еще можно в апеллировать к природе, то истоки противоречивости ментальности и культуры вряд ли, следует искать в специфике климата и контрастах природной среды. Несмотря на то, что контрасты экосреды в России являются, безусловно, установленным фактом, остается открытым вопрос: почему аналогичные контрасты не привели к формированию столь же выраженной противоречивости, например, у казахов или других нерусских народов на исторической территории России. На наш взгляд, истоки элементов русского менталитета имеют более социально-историческую, и – соответственно – социокультурную, чем географическую природу.

Безусловно, анализ этих истоков требует фундаментальных исследований исторического, философского и культурологического характера. Но в любом случае интерес в данной связи представляют два обстоятельства. Прежде всего, двойственный характер изначальной социальной самоорганизации формирующегося славяно-русского этноса, соединявшей, как показал в свое время А.Г. Кузьмин, традиции территориальной славянской и кровнородственной собственно русской общины. Территориальная и кровнородственная общины формировали совершенно противоположные эталонные социальные роли. Первая стимулировала открытость, диалог с внешним окружением, самоуправление. Вторая – обособленность, внутреннюю субординацию и патернализм. Роли не просто не совпадали, но противоречили друг другу¹⁷.

Русские, как потомки славянороссов, постоянно жили в социокультурном пространстве, оформившемся между двумя крайностями, наполненном конфликтным содержанием. Вполне естественно, что имиджевые задачи стимулировали появление в отечественной мысли, в первую очередь, заявлений о всемирной отзывчивости русского народа (Ф. Достоевский), его эмпатическом даре сопереживать и принимать близко к сердцу беды и страдания других народов. Все это имело место. Однако нередко не менее выраженными в истории были и противоположные свойства нации, связанные с презрительно-насмешливым отношением к малым народам, да и к иностранцам.

Изначальная неопределенность и противоречивость социальных ролей могла либо привести к игнорированию одной из культурных традиций, либо, как это и случилось, к попыткам совмещения элементов различных культур. Вполне возможно, что выбор был

¹⁵ Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р.Пайпс. – М.: Изд-во «Независимая газета», 1993. – С. 212.

¹⁶ Ключевский, В.О. Русская история / В.О.Ключевский. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – С. 315.

¹⁷ Кузьмин, А.Г. Истоки русского национального характера / А.Г. Кузьмин // Вестник МГУ. Серия «История». – 1993. – № 5. – С. 18.

существенно облегчен полиэтническим составом населения, из которого сформировался русский народ. Но в любом случае он был закреплён в общественном (массовом и элитарном) сознании.

Вторая значимая социокультурная предпосылка русской ментальности связана с нестабильностью социокультурной среды. Русская нация формировалась и развивалась в условиях постоянного системного риска, определяющегося как внешними, так и внутренними условиями. Относительно внешних, обусловленных геополитическим положением России между Европой и Азией, между «лесом и степью», написано немало. Но проблема заключалась в том, что внешние риски всегда дополнялись и многократно усиливались внутренними, истоки которых восходили к отмеченной выше двойственности изначальной социальной самоорганизации и вызванному ею социокультурному дискомфорту. Однако с течением времени первоначальные причины нестабильности, противоречивости социально ролевого поведения отошли на задний план. Риск, как следствие вечной неопределённости социокультурных оснований, стал самовоспроизводиться, существенно подпитываясь извне. Согласно Ю.А. Зубок «общество риска – это специфический способ организации социальных связей, взаимодействия и отношений людей в условиях неопределённости, когда воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь производством самого риска»¹⁸. Именно таким обществом и являлась в течение многих столетий Русь, а затем и Россия. В том числе и в ее ипостаси Советского Союза.

В условиях постоянного системного риска компенсаторные механизмы обеспечивали адаптацию к неблагоприятным условиям. Это довольно наглядно проявилось в отношении к государственной власти, в котором преобладали два вида компенсации. Первый предопределил отчетливо выраженную патерналистскую ориентацию, безусловное упование на власть на уровне обыденного сознания и массовой культуры. Не случайно власть в России до настоящего времени легитимирована не столько традицией или харизмой вождя, сколько самим фактом своего существования. Да и харизма лидера определяется наличием у него властных ресурсов. На уровне элитарной культуры компенсация обеспечивалась построением концепций об особой роли сильного государства в жизни русской нации, разрабатываемых представителями самых различных течений – от славянофилов до евразийцев.

Второй вариант компенсации был противоположным по своему вектору, а его выражением явилась идея свободы как воли. Она в значительной степени стала попыткой компенсировать риски, возникающие вследствие тотального подчинения государству в лице его главы, вне зависимости от его титула или статуса. Государственная власть, избавляя человека от некоторых внешних рисков, связанных, главным образом с угрозами завоевания или природных катаклизмов, предопределяла, практически, полную зависимость подданного от воли сюзерена. И эта зависимость выступала в качестве одного из социальных механизмов воспроизводства рисков и неопределённостей, ибо превращала человека в заложника непредсказуемого властителя. Одновременно она стимулировала поиск компенсирующей альтернативы. И не случайно анархизм получил питательную почву в, казалось бы, абсолютно этатистской России.

Крайне сложным является и вопрос о влиянии на русскую ментальность христианства и христианской церкви. Безусловно, принятие христианства означало важный шаг к утверждению в русском менталитете и культуре иудеохристианской установки отношения к миру. Но, во-первых, христианство на Руси «нигде не смогло преодолеть психологию языческой поры и должно было считаться с этим»¹⁹. А в основе языческой психологии лежала именно установка на единство в многообразии. Кроме того, само христианство характеризовала внутренняя противоречивость, определяющаяся различиями, а иногда и противоположностями ветхозаветной и новозаветной традиции. Несовместимость

¹⁸ Зубок, Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи / Ю.А.Зубок. – М.: Институт социально-политических исследований, 2003. – С. 146.

¹⁹ Кузьмин, А.Г. Истоки русского национального характера / А.Г.Кузьмин // Вестник МГУ. Серия «История». – 1993. – № 5. – С. 19.

многих из содержащихся в них положений довольно быстро поняли русские книжники. Не случайно история православия на Руси представляет собой множество примеров искушения иудеохристианством, поводом для которого обычно служила смена приоритетов в интерпретации Святого Писания и Святого Предания. На место евангельской истины утверждалась особым образом интерпретируемая правда Ветхого Завета. В ряду этих ересей и описанное в летописи искушение монаха Никиты, и стригольничество, и жидовство, и, наконец, богословские поиски некоторых религиозных философов конца XIX – начала XX веков. Р

Следовательно, превратившись в один из элементов ментальности русского народа и его культуры, христианские ценности, взгляды и представления не унифицировали их «ядерный потенциал» по западному образцу. Приспособленное к ним христианство стало лишь ведущей культурной подсистемой, на базе которой более или менее успешно объединялись другие элементы. Значение христианства определялось во многом тем, что православие давало широкий простор для построения компенсаторных культурных моделей как на уровне быденного, так и элитарного сознания.

Список литературы

1. Брюшинкин, В.Н. Феноменология русской души / В.Н.Брюшинкин // Вопросы философии. – 2005. – № 1. – С. 29 – 39.
2. Вейз, Дж.Э. Времена постмодерна (Христианский взгляд на современную мысль и культуру) / Дж.Э. Вейз // Режим доступа к изд.: <http://skatarina.ru/library/putzhizn/rmodern/rmodern.htm> – Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.
3. Вьюнов, В.А. Русский культурный архетип: страноведение России: / В.А. Вьюнов. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 479 с.
4. Горький, М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917 – 1918 гг.). – М., 1990.
5. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н.Гумилев. – М.: Рольф, 2001. – 560 с.
6. Донин, Х. Быть евреем. Второе изд-е / Х.Донин. – Иерусалим: Шамир, 1989. – 288 с.
7. Ефимов, Н.И. Русь – новый Израиль / Н.И.Ефимов. – Казань: Без изд-ва, 1912. – 50 с.
8. Златоструй. Древняя Русь X – XIII веков. / Сост., авторский текст, коммент. А.Г.Кузьмина, А.Ю.Карпова. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 302 с.
9. Зубок, Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи / Ю.А.Зубок. – М.: Институт социально-политических исследований, 2003. – 290 с.
10. Ильин, А.Ю. И.А.Ильин о принципах воспитания России / А.Ю.Ильин // Человек и общество: тенденции социальных изменений. – СПб.: Минск: Ростов-на-Дону, 1997. – Ч. 2. – Вып. 2. – С. 137 – 139.
11. Ключевский, В.О. Русская история / В.О.Ключевский. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 912 с.
12. Кузьмин, А.Г. Истоки русского национального характера / А.Г.Кузьмин // Вестник МГУ. Серия «История». – 1993. – № 5. – С. 13 – 22.
13. Кургинян, С. Гость из прошлого / С. Кургинян // Завтра. – 2008. – №. 8. – С. 1-3.
14. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р.Пайпс. – М.: Изд-во «Независимая газета», 1993. – 421 с.
15. Плотинский, Ю.М. Модели социальных процессов / Ю.М.Плотинский. – М.: Логос, 2001. – 296 с.
16. Поддубный, Н.В. Онтологический статус и гносеологическое значение понятия / Н.В.Поддубный // Системный подход в современной науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 366 – 406.
17. Степин, В.С. Россия в контексте глобальных цивилизационных перемен // Вторая Всероссийская научная конференция «Россия – XXI век». – М.: Издание Совета Федерации, 2000. – С. 30 – 44.
18. Трофимов, В.К. Менталитет русской нации / В.К. Трофимов. – 2-е изд., испр. и доп. – Ижевск: ИжГСХА, 2004. – 272 с.
19. Ципко, А. Нереальные русские. Миф о русском человеке как тормоз для обновления страны / А.Ципко // Российская газета. – 2007. – 5 мая.
20. Шулындин, Б.П. Российский менталитет в сценариях перемен / Б.П.Шулындин // Социологические исследования. – 1999. – № 12. – С. 51 – 53

RUSSIAN ETHNIC MENTALITY IN NATIONAL CULTURE SYSTEM

V. P. BABINTSEV

Belgorod State University

e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

The problem of specific Russian ethnic mentality as a core of national culture is examined in the article. The attempt of the structural analysis is undertaken from position of system and synergetic approach and selection of constitutional and dynamic elements.

Key words: culture, ethnos, mentality, constitutional element of mentality, dynamic element of mentality.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аникеев С.М.** соискатель тульского филиала ГОУ ВПО ОРАГС
- Астахов Ю.В.** заместитель руководителя аппарата администрации города Белгорода, соискатель кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета
- Бабинцев В.П.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Белоусова М.М.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Борисова О.С.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Васекина Э.М.** соискатель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного университета
- Винокуров Э.А.** соискатель Белгородского юридического института МВД России
- Волошин М.Ю.** кандидат экономических наук, доцент кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Гашков В.В.** аспирант кафедры теории и методики физической культуры факультета физической культуры и спорта Белгородского государственного университета
- Грибов С.Н.** аспирант кафедры философии Тульского государственного университета
- Гурченков Е.В.** аспирант Московского государственного университета пищевых производств
- Долженко Н.И.** кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики юридического факультета Белгородского государственного университета
- Елькина Е.Е.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета им. В.И.Ульянова-Ленина
- Жилина Н.Ю.** кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Ковальчук О.В.** кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Белгородского государственного университета
- Комаров И.М.** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики юридического факультета Белгородского государственного университета

-
- Коцюмбас С.М.** аспирант Белгородского юридического института МВД РФ, судья Белгородского областного суда
- Лаиов В.В.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Международной академии предпринимательства, докторант-стажер философского факультета Московского государственного университета
- Лифинцева Т.П.** кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии факультета философии Государственного Университета – Высшей Школы Экономики
- Логвинец Е.А.** кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Белгородского государственного университета
- Манохин Д.К.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Мельник Ю.М.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Мизаев В.Н.** кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Московского государственного горного университета
- Надточий И.О.** кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Воронежского государственного университета
- Некрасова Н.А.** доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
- Паньшин А.И.** доцент кафедры философии, социологии и истории Московского государственного университета путей сообщения
- Римский В.П.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Белгородского государственного университета
- Резник С.В.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Роцупкина М.В.** аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета
- Сапрыка В.А.** кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета
- Седов И.С.** кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саратовского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета
- Семенов А.П.** кандидат медицинских наук, главный врач МУЗ «Городская детская поликлиника № 4»
- Семченко И.В.** кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры технологий продуктов питания и сферы услуг Белгородского государственного университета

- Степанюк О.С.** кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Стребкова О.С.** кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Тарабаева В.Б.** декан факультета управления и предпринимательства Белгородского государственного университета, доктор социологических наук
- Тарновский К.Ю.** аспирант кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
- Тонков Е.Е.** декан юридического факультета Белгородского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
- Тригубенко Ф.А.** старший преподаватель кафедры философии и культурологии Московского государственного университета путей сообщения
- Тхориков Б.А.** кандидат социологических наук, доцент кафедры фармацевтической технологии, управления и экономики здравоохранения Белгородского государственного университета
- Хатунов С.Ю.** кандидат экономических наук, заместитель директора филиала по учебной и научной работе Ставропольского филиала Московского гуманитарно-экономического института
- Человенко Т.Г.** кандидат педагогических наук, доцент заведующий кафедрой религиоведения и теологии Орловского государственного университета
- Чистякова С.С.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Шемраев С.А.** соискатель кафедры философии Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова
- Шумилин С.Ф.** кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Юрков С.Е.** доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Тульского государственного университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в 2-х экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Babintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи.
 2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков).
 3. Ключевые слова.
 4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы).
 5. Библиографический список.
 6. Ссылки.
 7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов).
 8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны).
 9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц)
 10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц).
 11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).
- на русском и английском языках
- на русском языке

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
2. Шрифт:
 - гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);
 - межстрочный интервал 1,0 пункт.
3. Ссылки:
 - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная по статье;
 - текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 10 кегль.
4. Библиографический список:
 - список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;
 - при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;
 - при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;
 - при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;
 - при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.
5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах

УДК 130.2

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ**

**А. В. ИВАНОВ¹⁾
Л. Н. ПЕТРОВ²⁾**

*¹⁾ Департамент
экономического развития
Белгородской области*

e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

*²⁾ Белгородский
государственный
университет*

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

**A. V. IVANOV¹⁾
L. N. PETROV²⁾**

*¹⁾ Department of economic
development of the Belgorod area*

e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod state university

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

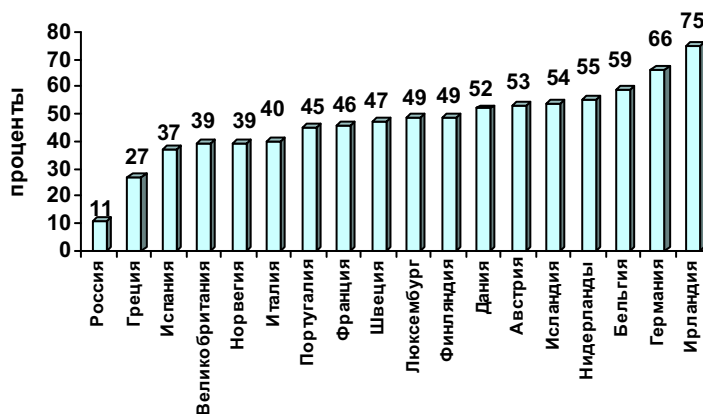

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

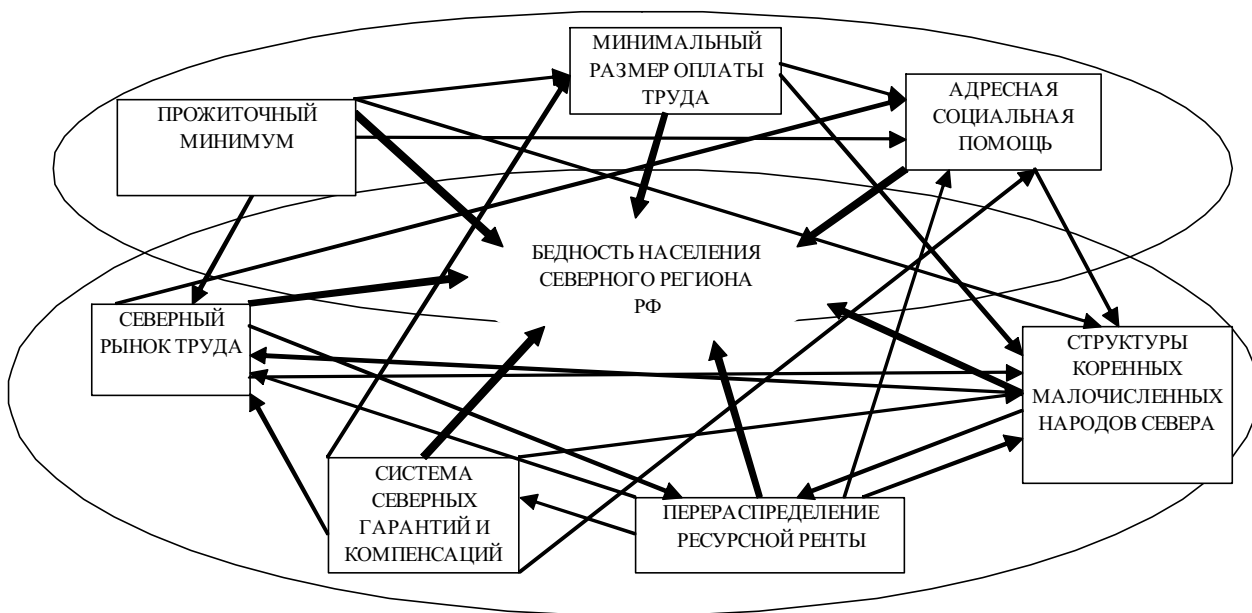

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.